

Юрий
ИВАНОВ

5

ПЯТАЯ

ВЕРСИЯ

Юрий
ИВАНОВ

ПЯТАЯ ВЕРСИЯ

**Исчезнувшие
сокровища.
Поиск.
Факты
и предположения**

Москва
Издательство
политической
литературы
1991

ББК 85.12

И20

Иванов Ю. Н.

И20 Пятая версия: Исчезнувшие сокровища. Поиск. Факты и предположения.— М.: Политиздат, 1991.— 384 с.

ISBN 5—250—00825—9

Знаменитая Янтарная комната, другие бесценные сокровища, похищенные фашистами в годы войны,— их поисками, в числе многих энтузиастов, давно занимается и калининградский писатель, председатель местного отделения Советского фонда культуры Юрий Иванов. В ходе этой почти детективной работы автору довелось многое узнать, увидеть, познакомиться с незаурядными людьми, "переворошить" множество документов и судеб...

Книга адресована широкому кругу читателей.

И 0503020600—034 136—90
079(02)—91

ББК 85.12

ISBN 5—250—00825—9

© Юрий Иванов, 1991

Янтарная волна. Убийство в Мюнхене. Пропавший архив

"НОВЫЙ СЛЕД ЯНТАРНОЙ КОМНАТЫ? В Янтарный музей города Рыбнитц Дамгартен, что на севере ГДР, поступило несколько писем без подписи и обратного адреса. Их автор, гражданин ГДР, сообщал, что ему якобы известно местонахождение знаменитой Янтарной комнаты, след которой потерялся в 1945 году, когда нацисты в панике вывозили награбленное в СССР имущество".

С. Зюбанов, соб. корр. "Правды" (Берлин).

"...ОБРАЩАЮСЬ К ВАМ ВТОРИЧНО! В 1957—1959 годах мы в составе четырех человек по разрешению предгорисполкома тов. Хорькова производили раскопки по поиску секретного бункера с Янтарной комнатой, упрятанной фашистами в 1945 году. В 1959 году нами был раскопан забетонированный вход в бункер. Предстояла работа по вскрытию его. Но случилась беда. Утром на месте раскопки произошел обвал, огромные глыбы стен от разрушенного здания сползли в бункер. Вручную мы ничего не смогли сделать. Обратились за помощью к тов. Хорькову, который прибыл на место, посмотрел, после чего потребовал свидетельство на разрешение работ и поисков, на наших глазах порвал его, сказав: "Больше чтобы я вас здесь не видел. Вас всех могло завалить, а меня бы посадили". Но как же так? Мы так были близки к успеху! Вот же янтарный бункер!"

*Из письма Н. К-ва в газету
"Калининградская правда".*

"ЯНТАРНАЯ КОМНАТА — одна из замечательнейших загадок XX века... Следы ее то и дело появляются то в одной, то в другой стране Европы, то у нас в СССР. Раскрытием этой тайны занимались экспедиция под руководством профессора А. Я. Брюсова, затем комиссия В. М. Стриганова — В. Д. Кролевского, и третья — Е. Е. Стороженко, некоторые организации в СССР и за рубежом и множество энтузиастов, среди которых оказался наиболее упорным работающий над раскрытием этой и других загадок, касающихся расхищения фашистами российских, украинских, белорусских, литовских и латышских ценностей, житель Западной Германии Георг Штайн. Как вы, наверное, обратили внимание, в последние годы после некоторого затишья вновь поднялась "янтарная волна" — людей, вовлеченных в поиск, становится все больше. В Калининграде тоже создана группа "Поиск", которая ищет культурные и исторические сокровища, исчезнувшие в минувшую войну: ведь именно через Восточную Пруссию, Кенигсберг переправлялась в Германию большая часть ценностей, вывозимых нацистами из СССР. Мы бы хотели попытаться установить контакт с известным в Европе поисковиком Георгом Штайном. Не можете ли Вы, уважаемый посол, помочь получить нам его адрес?.."

Из письма в советское посольство в ФРГ.

"...Я, Георг Штайн, родился в 1924 году в доме моих родителей в Кенигсберге, на Кенигсвег, 11. Мой отец, Роберт Штайн, был крупным ученым и общественным деятелем Восточной Пруссии, вице-президентом торгово-промышленной палаты, в последнее время — научным сотрудником в Управлении музеев. В армии я с 1942 года. Служил в пехоте, был на Восточном фронте, воевал на Курской дуге и в Восточной Пруссии, в передовом отряде "Герцог" 52-го армейского корпуса, в плен к русским попал в марте 1945 года в Хайлигенбальском котле. О янтаре и Янтарной комнате впервые услышал от своей сестры Доротеи-Луизы, которая работала ассистенткой у проф. Циземара и д-ра Роде, а сам, своими глазами увидел янтарные ценности морозным утром 28 января 1945 года, когда нами на дороге от Тиренберга в Гермау была обнаружена колонна грузовиков, водители которых разбежались. Нашим батальоном командовал обер-лейтенант граф Унгерн-Штернберг. Он приказал эти грузовики отправить в ближайший населенный пункт. Как мне

удалось узнать, этот груз следовал в рыбный порт Нойкурэн, чтобы оттуда быть отправленным в г. Засниц (о. Рюген). На запрос командованию морской части в Кенигсберге, который я сделал лично по указанию командира батальона, — что делать с грузом — мне сказали, что НИКТО НИЧЕГО о нем не знает. После этого ящики нами были вскрыты, и мы установили, что в них были самые ценные предметы из янтаря и янтарные панели из-под Ленинграда. Что со всем этим делать? Надо бы закопать в землю, но мороз — до 20 градусов! И было принято решение: эти 80 ящиков из шести грузовиков спрятать в подвале под старой кирхой. Так в мою жизнь вошло это понятие — "Янтарная комната"...

Из архива Г. Штайна.

"ТАИНСТВЕННАЯ СМЕРТЬ! Погиб известный искатель исторических ценностей, похищенных нацистами в СССР и вывезенных в Германию, садовник из Штелле Георг Штайн. Более двадцати лет этот человек, большой друг нашей страны, пытался разгадать тайну Янтарной комнаты. Его труп с многочисленными ножевыми ранами был обнаружен в сорока километрах от Мюнхена, в развалинах старого замка. Говорят, что незадолго до своей смерти он позвонил в еженедельник "Ди Цайт" и сообщил Марион Дёнхофф, совладелице и редактору этого издания, которая помогала Штайну в его поисках: "Я разгадал ТАИНУ ВЕКА! На днях я приеду к вам, и мы все обсудим" Так это или нет, но "Ди Цайт" пока не комментировал случившееся. Известно лишь одно: тайна Янтарной комнаты, которую, возможно, Георг Штайн разгадал, ушла вместе с ним. Обширный архив Георга Штайна исчез".

Из газетной заметки.

...Часы над входом в огромный гулкий зал старого кенигсбергского вокзала показывали, что до прибытия поезда № 29 "Янтарь" еще целых полчаса. День был пасмурным, серым, сырым — таким, каких много в нашем приморском, продутом солеными балтийскими ветрами городе.

Подняв воротник, я бродил вдоль красного фасада бывшего Зюдбанхофа — Южного вокзала, или, как еще его называли, "главного", в отличие от Нордбанхофа — Северного, или "пляжного", вокзала. Отсюда поезда уходили в Берлин, Варшаву, Эльбинг, Вильнюс и Москву, а с Северного — на Земландский полуостров, в курортные местечки Раушен и Гранц, Нойкурэн, Пальмникен.

...В одном из писем в наш поисковый отряд некто Федоров В. С. сообщал, что, будучи военнопленным, он был направлен на "общие работы" в Марауененский военный госпиталь, огромные красные корпуса которого выходят фасадами на бывшую Гросскомтурштрассе. Там он занимался тем, что сжигал отрезанные во время операций руки и ноги в крематории на бывшей Гранцер аллее, а также помогал грузить раненых, которых отправляли из госпиталя на Южный вокзал. Однажды, кажется, в середине января сорок пятого года, когда они перетаскивали раненых солдат из грузовиков в вагоны, он своими собственными глазами видел, как в два последних, с красными крестами на крышах, грузили большие длинные ящики. Стояла охрана. Офицер в черном прорезиненном плаще покрикивал на проходящих мимо людей: "Битте, вег, вег!" — мол, обходите стороной, но мало кто обращал внимания на эти ящики. Весь вокзал был забит женщинами, стариками, безрукими, безногими, уже подлечившимися и теперь демобилизованными солдатами. Они осаждали поезд, со всех сторон слышались крики: "Возьмите! Не оставляйте нас тут! Возьмите хоть детей!.." "Вег, вег!" — уже без всяких "битте" рывкали мордатые, в касках, надвинутых на самые брови, солдаты. Несколько грузовиков с ящиками стояли на площади перед вокзалом рядом с грузовиками, в которых лежали раненые. И таскали ящики в вокзал такие же, как Федоров, пленные красноармейцы. "Браток, не найдется ли курнуть?" — окликнул его высокий, худой, в прожженной шинельке и с грязным полотенцем на шее парень. У Федорова было что "курнуть", и он, раскурив сигаретку и затянувшись несколько раз, протянул ее "братку". Спросил: "Чего грузишь, камрад?" — "Янтарь с замку", — ответил тот, прежде чем солдат, охранявший грузовики, крикнул: "Иван, арбайтен!"

Не исключено, что так оно и было, что в ящиках находился янтарь, но Янтарная ли комната? Ведь в Кенигсберге, в минералогическом музее, была коллекция янтаря, собранного, как утверждает путеводитель, "со всего света", со знаменитой ящерицей в куске янтаря, и мухой, которую когда-то разглядывал великий философ Иммануил Кант, бывший одно время хранителем этой коллекции. Может, именно ее увозили из Кенигсберга, "пристегивая" для безопасности к санитарному поезду?

Из посольства я ответа не дождался, а спустя некоторое время прочитал в "Известиях" краткое сообщение о трагической кончине Георга Штайна. Что он делал

ночью в развалинах замка? Кто убил его? Там, где огромные ценности, золото, янтарь, — там опасность, любая Большая Тайна рождает много других тайн. Однако действительно ли Штайн разгадал Тайну Века? Успел ли что-либо о ней сообщить графине Марион Дёнхофф? Или его, Штайна, открытие — в бумагах его архива, и, может быть, совсем скоро станет известно все, что узнал Штайн? Вот-вот к перрону подойдет поезд "Янтарь" и... однако, сколько там? Что я так рано пришел? Еще двадцать минут ждать. И я вновь зашагал по перрону огромного вокзала, под гулками сводами которого впервые оказался числа пятнадцатого — восемнадцатого апреля — сейчас уж точно не вспомню — сорок пятого года.

...Я был тут с отцом, полковником штаба 11-й гвардейской армии. По приказанию, поступившему из Москвы, из Главного политического управления Красной Армии, при штабе было сформировано несколько специальных поисковых групп, одной из которых и руководил мой отец. Как он рассказывал, ему было поручено отыскать в Восточной Пруссии архив Фромборкского капитула, просьба эта якобы поступила от представителей польского правительства. Что это за архив? Что такое "капитул"? Меня все это мало интересовало. Мне нужно было лишь одно: чтобы отец забрал меня к себе, в свою "спецпоискгруппу", из музыкально-похоронной команды, куда я, воспитанник дивизии, был прикомандирован. Мы мало играли, больше копали, а точнее — закапывали. "А ну, р-ре-бят, точи лопаты, дивизия в наступление пойдет! — возникает в моей памяти хрипловатый бас нашего командира, тучного, краснолицего старшины Семенова. — А ну, р-ребят, пр-риготовиться! Второй малый барабан, внимание! Бить резко: та-трата-та-та... понял?" "Второй малый барабан" — это был я, попавший в этот дурацкий, пропахший сырой землей и мертвечиной полувзвод сложным, после ленинградской блокады, путем...

Шум, гам, голос металлический: "Скорый поезд Москва — Калининград "Янтарь" задерживается прибытием на десять минут..." Этого еще недоставало!

...Отец внял моим мольбам. Взял меня в свою "спецпоискгруппу". В охрану, автоматчиком. И первая поездка, которую мы совершили в поисках неведомого мне архива Фромборкского капитула, была вот сюда, на Зюйдбанхоф. Среди немногочисленных, явно не точных, не проверенных версий была и схожая с версией бывшего военнопленного Владимира Семеновича Федорова: будто бы какие-то загруженные ящиками вагоны застряли на

вокзале и на многочисленных путях, прилегающих к нему. Оставив "виллис" на площади, мы — отец, его ординарец Федя Рыбин и Людка Шилова, санинструктор, вошли в огромный, забитый людьми, шумный, как базар, главный зал главного вокзала города.

Бои за Кенигсберг прошли как бы стороной. Хотя вся стеклянная крыша была разбита, сам вокзал уцелел. Кого тут только не было! Толпы немецких солдат, военнопленных, которым было приказано группироваться здесь для формирования маршевых колонн в плен; раненые, лежащие на широких деревянных скамьях и на каменном полу; женщины, дети, старики, санитары, монашки в черных одеждах и больших белых головных уборах; бывшие французские, польские и бельгийские солдаты и офицеры, сбившиеся группками, кто в лагерной полосатой одежде, а кто уже и "прибарахлился", "обтрофеился" в цивильные пальто, плащи, шубы. Флажки, картонки с надписями: "Тут собираются поляки!" Чьи-то громкие, властные команды: "Ахтунг, ахтунг! Зольдатен унд унтер-официрен драй унд драйстик капонир дивизионен!.." Хриплые, сорванные голоса наших офицеров: "Полковник, — черт побери, герр оберст, — куда же вы?! Я ведь приказал вам выводить своих на площади!" "Ахтунг, внимание! Командиры и офицеры второй гренадерской... ди цвейте гренадер дивизиен! Все... алле-алле! нах драй перрон!" Тяжелый, удушливый запах. Мерзостная атмосфера нужников, дыма — там и тут прямо на каменном полу чадно горели небольшие костерики, — хлорки, мертвечины: туалеты были завалены трупами умерших тут, на вокзале, раненых. Где-то надрывно причитали женщины. Плакали дети. Отрывисто, гулко — "вау! ва-ау!" — лаял мордатый, огромный сенбернар, которого держал на поводке немецкий пехотный полковник. Возле него стоял солдат с тяжелым, туго набитым желтым кожаным чемоданом. С собакой, с чемоданом, с ординарцем — в плен?..

А мы шли через всю эту толчею и гул, перешагивали через спящих людей, по тоннелю вышли вот на этот четвертый перрон, на третьем перроне хриплый капитан орал: "Камараден, гренадерен, слушай мою команду! Эй ты, старый пердун, куда попер? Стройся по четыре!"...

В тот далекий апрельский день вот тут, на путях, скопилось множество составов, сцепленных и расцепленных вагонов, простейших, "народных" и красивых, "шляфваген", с уютными купе. И мы до темноты бродили по путям от состава к составу, от вагона к вагону. В одном составе, охраняемом несколькими красноармейцами,

в длинных зеленых ящиках хранились реактивные снаряды к шестиствольным немецким минометам, "ванюшам", причем десятки этих ракет были извлечены из ящиков и лежали, как дрова-кругляки, навалом. Другой состав, из больших пульмановских вагонов, был забит мебелью. Откуда все это? Куда? Эти тяжеленные, черного и красного дерева комоды, шкафы, столы на выгнутых, с головами львов ножках, эти зеркала в темных резных рамах, легкие, изящные, орехового или красного дерева стулья, пуфики, диваны и диванчики, рулоны ковров и гобеленов, люстры, уложенные в фанерные и картонные ящики, аккуратно, чтобы не побился хрусталь, укутанные жгутами соломы, все брошенное, не охраняемое, никому в этот момент не нужное, лишнее в этом растерзанном, горящем городе, в едком, горьком, пахнущем дымом пространстве. Нет, конечно, все это скопище вещей домашнего обихода не имело никакого отношения к архиву Фромборкского, находящегося где-то в Польше, капитула. Но откуда все это?

Глядите, товарищ полковник,— сказал Федя Рыбин. Выдвинув один из ящиков письменного стола, он выволок целую грудку журналов с яркими, красочными картинками.— Польские журналы. Вот видите? Тут написано: "Шасописмо зурна" — "Журнал мод", Варшава... Может, все это из Польши?

Возможно, что Федя был прав. Спустя три десятка лет, находясь в Варшаве, я узнал, что, когда в сорок четвертом году было разгромлено варшавское восстание, Эрих Кох попросил "усмирителя" поляков, генерала СС Бах-Залевского, чтобы вещи из приготовленных к сожжению варшавских домов были отправлены в Кенигсберг. Он все, что мог, тянул к себе! В свое логово, в Восточную Пруссию! С Украины, из Литвы, Латвии, из дворцов ленинградских предместий. Может, это и был один из многих эшелонов с польскими вещами?..

Мы все бродили и бродили по путям: мой отец, крепкий, коренастый, когда-то в молодости "гири таскал"; легкий, подвижный Федя Рыбин и Людка Шилова. Та то прыгала, как козочка, по шпалам, то шла по рельсу, плавно покачивая узкими бедрами, взмахивая руками, как птица, готовящаяся к полету. Иногда она оступалась, притворно вскрикивала: "Ах!" Федя тотчас оказывался рядом, ловил ее руку, а то и подхватывал.

В одном из составов оказался огромный, в два десятка вагонов, морг. Убитые были навалены один на другого. "Народные гренадеры", артиллеристы, гитлерюген-

довцы, полицейские. Было тепло. Дух от вагонов шел страшный. Женщины, молодые и старые, девочки и девушки, мальчики и парнишки лазали в вагонах, переворачивали мертвецов, заглядывали в их распухшие, бурые лица. В следующем — из восьми вагонов — разместился немецкий госпиталь на колесах. Те из раненых, кто уже мог ходить, высыпали из них, сидели на шпалах, рельсах, на разломанных, да и целеньких, наверное из того мебельного эшелона, диванах, выглядывали в открытые окна, кто-то играл на губной гармошке. Чуть в стороне, среди рельсов, дымили две печки, сооруженные из железных, из-под бензина, бочек. Жаром дышало раскаленное железо. Повар в белом халате, топорща усищи, пробовал из черпака какое-то варево. Завидя нас, вздрогнул, вытянулся и, не зная что делать с черпаком, протянул его отцу. Черпак подхватил Федя, попробовал, сказал: "Ди зуппе ист гут! Может, перекусим, товарищ полковник?" Тут мы и пообещали, к некоторому удивлению и замешательству раненых, да и трех военных врачей, один из которых, вытянувшись, доложил "герр оберсту", что в вагонах находятся 280 раненых солдат, унтер-офицеров и пятеро офицеров, что он уже побывал в русской военной комендатуре и сообщил о госпитале на колесах; спросил, что делать, на что "герр оберст" сказал, чтобы тут пока и оставались.

Потом мы обнаружили "интернациональный состав", вагонов из девяти, в трех из которых жили поляки, в одном — французы, в другом — бельгийцы и еще кто-то из тех, кто был взят немцами в плен, кто на долгие годы, начиная с "Кровавого крещения", войны с Польшей, "Битвы за Францию", "Броска в Бельгию", оказался в Восточной Пруссии, в ее многочисленных "шталагах", "арбайтлагах" и просто "лагах", на заводах и фабриках, на верфи "Шихау", а теперь, уцелев, готовился к возвращению домой. Вот только паровоза исправного не было, как не было и машиниста, да и пути где-то впереди были пока разворочены, да еще какие-то бумаги надо было выправлять, как объяснял отцу, размахивая руками, польский офицер, вернее, бывший офицер, так как всю войну он "промутился" по прусским поместьям в качестве батрака. Бегали вдоль эшелона крикливые белоголовые дети, слышалась польская и французская речь, дымили костры, сушилось на веревках пестрое тряпье. Женщины стирали, мужчины подносили в ведрах воду, лаяли собаки, где-то недалеко слышались выстрелы, сверху, со станционных путей, видна была привокзальная площадь, разрушенные дома, груды

мусора, разбитые танки, очищенная уже от баррикад и завалов широкая центральная улица Форштедт — Лангассе, вливающаяся в циклопические руины еще дымящегося города. По ней, серо-зеленая неторопливая, то утолщающаяся, то худеющая, со множеством ног, ползла огромная, начинающаяся в вокзале гусеница. Это, наконец-то сформированная, отправилась в невероятно дальний, может, до самой Сибири, нескончаемый путь колонна военнопленных, бывших солдат, среди которых, возможно, был и боец "передового отряда "Герцог" Георг Штайн...

Тут, у поляков, мы задержались. Офицер привел щуплого, белесого, с розовой лысиной старика, который, как оказалось, прекрасно знал, что в конце прошлого года, а именно в октябре — ноябре, немцы вывезли из небольшого польского городка Фромборк — там когда-то жил и работал великий астроном Николай Коперник — несколько десятков ящиков ценнейших рукописей, книг и старинного культового имущества. То и дело поправляя сползающие на маленький розовый носик очки, старик говорил, что некоторое время все эти польские ценности якобы хранились в подвалах Кенигсбергского государственного архива, это на Ханса-плац, да-да, сейчас она именуется Адольф Хитлер плац, "знаете, панове, там, где два бронзовых быка бодаются, памятник такой известного скульптора Аугуста Гауля. А, вы там были?" Поляк прилично знал русский, потому что родился во Львове и учился в гимназии, где преподавали русский, причем преподавали хорошо, причем во Львове очень много было русских. "Пардон, пан офицер"... Так вот, все правильно. Архива Фромборкского капитула там, в городском немецком хранилище, уже быть не может, потому что он вывезен, это он знает совершенно точно, потому что, работая — по принуждению, конечно, пан старший офицер, по принуждению — в Кенигсбергском магистрате, в отделе учета и распределения иностранной рабочей силы, он как-то случайно, пан офицер, — абсолютно случайно! — услышал разговор двух офицеров "службы безопасности" — СД в кабинете начальника отдела. Им нужны были люди, человек сорок — пятьдесят, для погрузки, разгрузки, сопровождения и, возможно, укрытия в земле, в подземельях, очень ценного архива... Да, да, пан офицер, простите, старший офицер, речь, конечно, могла идти о совершенно ином архиве, но в разговоре прозвучало слово "Фромборк", да, это он совершенно точно слышал. Его стол был расположен как раз возле двери кабинета начальника, а дверь была несколько приот-

крыта, понимаете? И вот еще что. Он совершенно точно слышал названия некоторых местечек в Восточной и Западной Пруссии, он их запомнил, знаете, на всякий случай, без всякой, знаете, определенной цели. Какие местечки? Простите, пан старший офицер, а могли бы вы посодействовать, чтобы нас побыстрее, пан старший офицер, отправили домой? Ведь до Польши-то всего 100 километров! Да? Вы посодействуете? Так вот, пан уважаемый старший офицер, были названы такие места: города Прейсиш-Эйлау, Даркемен и Инстербург, а один из офицеров интересовался замками "Георгенбург", "Лохштедт" и, это он помнит с совершенной определенностью, замком "Бальга"...

"Конечно, что это за сведения? — говорил мне многие годы спустя отец. — Этот "пан" что-то слышал, а может и придумал, но дело в том, что у нас были совершенно скудные сведения, где искать. Были показания одного гражданского из Кенигсбергского магистрата чиновника, из управления парков и замков, что в начале года по приказанию Коха они готовили секретный документ, в котором перечислялись замки и костелы Восточной Пруссии, имевшие вместительные подвалы. Многие сооружения, как на Земландском полуострове, так и в других районах Восточной Пруссии. Среди них конечно же упоминались и замок "Георгенбург", и кирха в Даркемене, подвалы мемориала Гинденбурга в Танненберге, отдельно стоящие замки или их руины, как, например, тот же замок "Лохштедт" или замок "Бальга" на побережье Фришес-Гафр. Было приказано: бери людей и объезжай замки, соборы. А потому, когда возник этот неожиданный разговор, этот старикашка из состава, что стоял на путях Зюйдбанхофа, я решил в первую очередь обследовать, так сказать, совпадающие названия, объекты, которые были в перечне того, из магистрата, чиновника, и этого розовенького старичка..."

Отец внимательно слушал. Записывал. Переспрашивал, вместе со стариком разглядывал большую, несколько протертую на сгибах карту, отмечал на ней кружочками замки, соборы. Людка собирала между шпал букетики желтых цветов мать-и-мачехи, а Федя Рыбин болтался с ней рядом, порой наклонялся, что-то шептал ей в ухо, она отмахивалась, мол, отстань, но Федя не отставал, не уходил, и по лицу Людки я догадывался, что ей очень приятны Федькины нашептывания. Мне было противно глядеть на все это. Наверно, я был по-мальчишески влюблен в красивую, с туго перетянутой ремнем талией русоволосую девушку, которую впервые

увидел в "виллисе" отца еще на границе с Восточной Пруссией. Что-то у них с отцом было, что-то было... А тут еще это постоянное проявление к ней особенного внимания со стороны Федьки! Звеня медалями, он опять наклонился к ней, что-то проговорил, Людка засмеялась, закрыла рот рукой, глянула в сторону отца, тот оторвался от карты, повернулся, и Людка сильно оттолкнула Федю, крикнув: "Товарищ полковник, что он лезет ко мне со своими дурацкими солдатскими анекдотами?"

...Говор, шарканье, чей-то смех, музыка, мелькание лиц, но где же запропал наш скорый поезд?.. Тяжкий топот множества ног, обутых в крепкие армейские ботинки, которые, как уверяли германские интенданты, "не сносятся на всем пути от Пруссии до Урала". Позвякивание манерок, котелков, фляжек, подвешенных к ремням. Пилотки, фуражки, каски. Серые, усталые, скорбные лица. "Тр-р-ах, тр-р-ах!" — громыхали подковки о засыпанную битым стеклом и гильзами гранитную мостовую, э, вон и тот полковник с сенбернараром и ординарцем, перекосившимся от тяжести огромного желтого чемодана. Рыжие спины. У большинства удаляющихся от вокзала были вместительные, обшитые рыжей конской шкурой, ранцы...

Прощайте, Георг Штайн, отдавший столько лет, да и, может, саму жизнь, поиску сокровищ, прощайте — вы, возможно, узнавший Тайну Века, но неужели Янтарная комната так навсегда и исчезнет от людей? Правда, многие сейчас говорят, что даже если она и будет найдена, то это вовсе и не "Бернштайнциммер", а всего лишь груда отвалившихся от дерева пластин янтаря. Но это совершенно не так...

Гляжу на часы. Кажется, такого еще никогда не бывало: фирменный поезд "Янтарь", как правило, не опаздывает ни на минуту! Уж не случилось ли чего в пути с тем грузом, который я так поджидаю, который вот-вот должен прибыть из Москвы в Калининград в 13— господи, в 13!— вагоне... Да, но это совершенно не так. Янтарь-то не изменяется, не выцветает! И его вновь можно наклеить на деревянные панели. Ведь это и великолепная резьба по янтарю, фигуры и фигурки, цветочные и фруктовые гирлянды, янтарные пейзажи и масса иных находившихся в Янтарной комнате искуснейших поделок.

Янтарь, Янтарная комната, но только ли она одна исчезла? Только ли о ней речь? Куда подевались иные, не менее ценные исторические сокровища, вывезенные немцами вначале в Восточную Пруссию, а потом, возможно,

в глубину Германии? Тысячи картин и экспонатов Киевского историко-художественного музея, крупнейшая в Европе коллекция икон? Сотни картин Рижского художественного музея, которые судя по некоторым сообщениям, как и киевские сокровища, разбирались и описывались в Кенигсберге, да и были выставлены в залах кенигсбергского художественного музея? А сотни картин из Минска? Сокровища Псково-Печорской лавры? Рыцарский архив из Нарвы? Сокровища из Гродно, среди которых была якобы и сабля польского короля Стефана Батория? Красивая, в позолоченных ножнах сабля висела на стене в кабинете Эриха Коха. Своим друзьям, как сообщила в одном из писем бывшая его прислуга Шарлотта Вейс, он похвалялся: "Видите эту саблю польского короля? Я решил собрать коллекцию исторического оружия. В ней будет и меч "Щербец", которым короновались польские короли, и меч Митовта, шпага Суворова и золотая сабля Барклая-де-Толли, которую он получил за битву под Прейсиш-Эйлау... Наш уважаемый фюрер сооружает великий "Музей народов" в Линце, у меня будет свой, необычный музей. В конце концов, став гауляйтером Москвы, я добуду такое оружие, которого не будет ни в одной коллекции мира!"

Жаль, что я не смог "выйти" на Георга Штайна, чтобы объединить наши усилия: у него документы, обширнейший архив — у нас территория, где надо искать, техника, люди; ведь не могли, не успели немцы все вывезти! Ведь приказ об эвакуации поступил тогда, когда вся Восточная Пруссия уже была отрезана от собственно германской территории, были перерезаны ее шоссейные и железная дороги, и для вывоза этих ценностей оставалась лишь одна, простреливаемая нашей артиллерией дорога, ведущая из Кенигсберга в порт Пиллау, дорога, забитая беженцами, ранеными, войсками, танками, обозами... Разве мыслима была какая-нибудь, хоть более-менее надежная, эвакуация в таких условиях? Вот почему в Кенигсбергском магистрате появились те двое офицеров. Они искали места в Восточной Пруссии, где бы можно было временно, а может и на очень длительный срок, надежно скрыть часть похищенных в России, да и у многих народов Европы, ценностей...

— Внимание! Скорый поезд "Янтарь" прибывает на четвертый путь!

Ну вот, наконец-то... А последний из того, еще не нашего, немецкого времени, поезд "Кенигсберг— Берлин" убыл из Восточной Пруссии в двадцатых числах января — поезд, о котором мне писал В. С. Федоров. Два

последних, с закрытыми черной материей окнами, вагона охраняли эсэсовцы, но в Берлин эти вагоны не прибывали, были отцеплены где-то в пути, но где? И что же все-таки было в тех таинственных вагонах, в нескольких десятках погруженных в них ящиков? Куда они направлялись? В Позен (теперь польский город Познань) — одну из важнейших перевалочных баз, куда свозились похищенные в нашей стране ценности? Те вагоны исчезли! Как сообщил нам из Киля один старый кенигсбержец, они были отцеплены в пути, но где, он не знает, как не знает, что было в тех вагонах. Куда подевались они? В каких тайниках укрыто от глаз людских их содержимое?

А, вот и "Янтарь" показался, кажется, теперь я могу быть совершенно спокоен. Георг Штайн так мечтал хоть разок побывать в Калининграде, он обращался в советское посольство, в Москву, во все инстанции, просил, умолял, обещал найти тут не только Янтарную комнату, но и множество других сокровищ... Стук колес. Мелькание вагонов, вот и тринадцатый, через стекло я вижу Нину Петровну, мою заместительницу по Фонду культуры, калининградское отделение которого я возглавляю, она улыбается, кивает мне: "Привезла, привезла!" Архив Георга Штайна, на который, как сообщалось в некоторых газетах, было совершено нападение, не исчез. Георг Штайн не смог приехать в бывший Кенигсберг, город его детства, юности, боев и плена, но на его родину возвращается труд всей его жизни, его архив. Носильщик, сюда! Все купе загромождено картонными ящиками, их шесть, на каждом из них крупно и четко написано: "ГЕОРГ ШТАЙН". Здравствуйте, Георг Штайн!

Итак, какие же тайны содержатся в тысячах документов, что плотно набиты в эти ящики, стоящие в углу комнаты уютного, под крутой черепичной крышей особняка в самом живописном, довольно хорошо сохранившемся районе города, известном в старом Кенигсберге как Амалиенау?.. Тут когда-то жили самые состоятельные люди. В конце минувшей войны с приближением Красной Армии они заблаговременно покинули этот ухоженный и тихий зеленый уголок. Кто уехал из "провинции", так тут именовалась Восточная Пруссия, в собственно Германию, а кто подался еще дальше, в нейтральную Швецию или в Данию. Тут не было боев, и все сохранилось, как и было, все эти роскошные, похожие на маленькие дворцы двух- и трехэтажные "виллы", кстати,

многие из них имеют свои имена: вон там видна красивая вязь по фасаду — "Вилла Эльза", там — "Вилла Лотта"... Все сохранилось! Лишь только стихли бои, как в эти виллы въехали генералы, командовавшие войсками 3-го Белорусского фронта в боях за Восточную Пруссию. В вилле "Landhaus Ruff" жил комендант города Кенигсберга. С его сыном Жоркой мы сидели за одной партой в девятом классе Первой Кенигсбергской средней (так она именовалась до сорок шестого года) школы, бывшей "Бургшуле". А в маленьком, украшенном мозаикой дворце разместился командующий 11-й гвардейской армией К. Н. Галицкий. Его сын Юра, приехавший в школу на гоночной машине, был страшным задавалой, и мы, мальчишки девятого класса, с ним не дружили. А в 5 минутах от того дома, где мы сейчас находимся, на бывшей Оттокарштрассе, виднеется среди вековых деревьев особняк, когда-то принадлежавший любимчику Адольфа Гитлера, всеильному владыке Восточной Пруссии, гауляйтеру и местному партийному вождю Эриху Коху. Сразу после войны там была открыта офицерская столовая, в субботние, а иногда и воскресные вечера устраивались танцы. Играл небольшой, из трех музыкантов — все в черных очках, слепцы из прекратившего существование крематория: аккордеон, барабан и скрипка — оркестрик. Молодые "старлеи", капитаны и майоры, гремя орденами и медалями, лихо танцевали с кукольно хорошенькими вольнонаемными немочками под мелодию знаменитого на фронте "Роземунда", элегантно, по-европейски целовали ручки раскрасневшимся девушкам и отводили их к бархатным креслам, на которых совсем недавно сидели всеильные нацистские чиновники восточнопруссского "гау" *.

И теперь там звучит музыка. С утра и до позднего вечера. Теперь в бывшем "городском" (был и загородный, имение "Фридрихсберг") доме Эриха Коха расположена детская городская музыкальная школа имени Глиэра. Как все странно и сложно, не правда ли? А в этом особняке, где мы находимся, на бывшей Хаарбрюкерштрассе (ныне Бородинская — правда, никому не известно, в честь Бородинского ли сражения названа эта улица, или композитора Бородина? Как не известно и то, почему соседняя Гётештрассе получила наименование "улица Пушкина". Тайна сия велика есть...), в этом особняке жил генерал Званецкий. Тут, если генерал находился в своем "соединении", я бывал, так как его хорошенькая русо-

---

* Gau — область, край (нем.).

волосая дочь Литы (полное имя Аэлиты, явно указывающее на то, что боевой генерал почитывал в молодости романтическую литературу) была моей второй, после санинструктора Людки Шиловой, юношеской страстью. Но это так, между прочим. Все в таком далеком уже, туманном прошлом: школа, волнения, свидания, то в развалинах замка, то в глухом углу Нового лютеранского кладбища, то в разгромленном бункере штаба Первого оборонительного района. Литка была "фронтальной девочкой", прошедшей с отцом всю войну, "с приветом", со странными фантазиями. Проверять мою смелость и верность, она придумывала для меня разные, порой весьма рискованные "испытания", но не об этом речь, просто вспомнилось, всплыло в памяти...

В окно видны темные, в морщинистой коре, в два обхвата стволы каштанов и лип, зеленый газон, сирень. В особняке нам выделено помещение, примыкающее к областной детской библиотеке, для временного, на несколько дней, хранилища архива Георга Штайна.

Итак, все в сборе, приступим? Полковник Авенир Петрович Овсянов, краевед и публицист, военный инженер, возглавляющий поисковый отряд нашего отделения Фонда культуры, строго смотрит на часы, времени у него, как всегда, в обрез. Василий Митрофанович Тарабрин, переводчик и очень опытный архивист, многие годы проводивший в дальних, европейских командировках, где, как мы с полковником догадываемся, он искал и добывал бумаги и документы из каких-то тайных архивов и не янтарных, а секретных комнат, внимательно осматривает окна, дверь.

— Кто были те двое, что интересовались архивом? — спрашивает он.

— Сказали дежурной, что из облисполкома. Какой-то документ предъявили. Потребовали, чтобы им показали, где находится архив. Мол, чтобы убедиться, надежно ли он хранится, но дежурная их непустила. Я позвонил в облисполком. Мне сказали, что никто никаких проверяющих к нам не посылал. Странно, как они узнали про архив?

— Вот именно. А кто тот академик, что вам звонил?

— Господи, откуда я знаю?! Поднимаю трубку. Голос: "Говорит академик Владимир Петрович, — хотя нет, кажется, Петр Владимирович — Посохов, — или, кажется, Просохов". О чем спрашивал? "Нас интересует, в каком состоянии архив Георга Штайна. Кстати, где он сейчас? Сообщите адрес..." А я ему: "Какой архив? Назовитесь еще раз, я запишу". И: ту-ту-ту...

— "Ту-ту"! Я же вас предупреждал! Архив надо отсюда увозить!

— Но здесь же сигнализация! Надежный замок!

— Эту сигнализацию я вам отключу за одну минуту. А этот замок можно открыть ножом, вилкой, дамской шпилькой!

— Хорошо. Завтра архив будет в другом месте. Начнем все же? Что? Как архив оказался в Москве? Его у семьи погибшего выкупил гражданин Лихтенштейна, давний друг нашей страны барон Эдуард Александрович Фальц-Фейн, да-да, тот самый, он постоянно выкупает на различных европейских аукционах российские, оказавшиеся за рубежом ценности и потом дарит нашей стране. Барон подарил архив Советскому фонду культуры. Я узнал об этом, когда был в Москве, от Георга Васильевича Мясникова, первого заместителя председателя фонда. Что с ним делать, никто в фонде толком не знал. И я попросил: "Отдайте нам, ведь мы ведем поиск Янтарной комнаты! И наверняка большая часть архива — это документы, касающиеся Кенигсберга и Восточной Пруссии". Мясников сказал: "Забирайте".

— Все же — к делу,— Овсянов с нетерпением поглядывает на папки, которые Тарабрин раскладывал на столе.— А это что?

— Это новые версии, сообщения, причем весьма интересные. И пока Василий Митрофанович разбирает бумаги, я прочитаю, что в них, хорошо?

"ФОРТ КВЕДНАУ! Вот где вам следует искать! В июле 1944 года, пройдя множество "шталагов" Белоруссии и Прибалтики, я оказался в Кенигсберге, в форте Кведнау, где мы, пленные русские солдаты, укрепляли стенки оборонительного рва. И вот, числа 28 августа, ночью на Кенигсберг был страшный налет англичан. Весь город горел. На другой день в форт приехали четыре грузовика под охраной. Нас выгнали из подвала их разгружать. Там были ящики очень большие. Все это мы таскали в подвал, соседний с нашим. А на другой день нас никто не вывел на работу. И на следующий. Мы сидели без еды и воды. Стали колотиться в двери. Одна оказалась открытой. Мы — я, Вася Григорьев из Ярославля и Ваня Попов из Брянска — пошли искать еду. Оказались в соседнем помещении. Там еды не было, но были те ящики, которые мы вносили через другой ход. Крышки у одних были привинчены, а у некоторых нет. Мы подняли одну. При свете свернутой горячей газеты увидели, что ящик набит... иконами! Каждая из них была

обернута бумагой или газетой. Внутри ящик был как бы просмолен, снаружи он был сплошь цинковый. На другой день нас всех увезли под Прейсиш-Эйлау, в шталаг № 8. Мы там опять ров копали. Перед приходом наших все были расстреляны. Несколько тысяч. И все мы. И французы, которые там были, бельгийцы, поляки. Мне с Ваней Поповым удалось бежать за три дня до расстрела. После "смерша" мы с ним загремели в Сибирь, в наш, советский "шталаг", и Ваня там умер от истощения, но я не об этом. ИЩИТЕ В ФОРТЕ КВЕДНАУ!"

— Это письмо из Новосибирска, подпись: В. П. Соколов... Что вы на это, Василий Митрофанович?

— Когда я служил под знаменами Елены Евгеньевны Стороженко, то у нас была в разработке версия "Кведнау", но, увы, ничего не нашли. Было все вывезено? Перепрятано?

— А вот Строков пишет из Костромы.

"Летом сорок пятого года я вместе со своим командиром майором Скворцовым ездил в Хайлигенбайль, где наши здорово немцев раздолбали. Так вот, в полях было много брошенных машин. Немецких, французских, чешских. А у нас в автобате было десять чешских грузовиков "Шкода". Мы ехали искать разбитые такие же машины, чтобы снять запчасти: динамо, карбюраторы и разное другое. Майор приказал снимать части, а сам пошел по полю. Потом зовет меня. Говорит: "Смотри, я тут прошелся, а земля проваливается. А ну, ты пройди". Я пошел. Земля подо мной тоже как бы оседает. "Неси лопату!" Я принес. Стали копать. Слой земли оказался тонкий. Вдруг брезент обнаружился. Мы его отворотили, а под брезентом... подушки и перины, полосатые, немецкие! Мы одну отворотили, а там крепкие зеленые доски. А внизу — ящики. И провода какие-то. Майор говорит: "Закопано тут что-то. Может, и заминировано". (Нет, вначале были доски, а потом подушки и перины.) "Надо сообщить в штаб". Мы сняли там части разные, три карбюратора, два радиатора, динамки, вывинтили свечи. Забрали аккумуляторы. Главное, мы искали аккумуляторы. И уехали. Не знаю, доложил майор в штаб или нет. И вот думаю: почему там были подушки и перины, положенные на ящики? Может, в тех ящиках что-то очень хрупкое, посуда, хрусталь или фарфор, или еще что-нибудь ценное? Помню, что было это справа от дороги, на обширном поле, немного не доезжая до Хайлигенбайля. Извините, что не знаю, как это сейчас называется".

— У меня все. Что у вас? Вначале о Штайне, хорошо?

— Мне ужасно не нравятся те двое посетителей,— ворчит Василий Митрофанович. Он невысок, но крепок, седые волосы, чуткая, сжатая речь, цепкий, внимательный взгляд.— Я тут уже разобрал часть документов, в особенности те, что бессистемно напиханы в ящики. Явно кто-то что-то искал, рылся. Вот, смотрите, письмо Мартина Бормана, видите? Дырочки от скоросшивателя порваны, будто кто-то вырвал эту страницу из папки, но почему-то не взял, бросил. Уронил в спешке на пол? Однако с чего начнем?

— Кто такой Штайн? — спрашиваю я.— Графиня Марион Дёнхофф?

— А Альфред Роде, есть документы о нем, директоре кенигсбергских музеев, в руки которого попала Янтарная комната? — интересуется Овсянов.— Как ее захватили в России? Как вывезли? Это в архиве есть?

— Все есть, все есть,— отвечает Василий Митрофанович,— но вначале я хочу познакомить вас с характером, так сказать, документов, сброшюрованных в той или иной папке. Вот, например: "КЕНИГСБЕРГ. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ". Интересно ведь, да? "Кенигсберг. Основные даты и события. 1256 год, 29 июня — первое упоминание, основатель города: гофмейстер рыцарского ордена граф фон Верт Вертгайнге. 1525 год, 8 апреля, мир в Кракове, Альбрехт фон Бранденбург ликвидирует орден, Кенигсберг становится столицей герцогства Пруссия... 1544 год, 17 августа, основание Кенигсбергского университета... И так далее, и так далее: коронация Фридриха I, рождение великого философа Иммануила Канта, Семилетняя война... Смотрите, как странно названо: " 1758, 11 июля —1762, 6 августа: первое русское время в Кенигсберге". Почему так?

— Четыре года Восточная Пруссия после разгрома пруссаков под Грос-Егерсдорфом была провинцией России, а одним из губернаторов ее был отец Александра Васильевича Суворова — Василий Иванович Суворов,— поясняет Овсянов.— Лишь после смерти Елизаветы Петровны Петр III отозвал его из Кенигсберга в Петербург, а потом все русские войска вывел из Пруссии.

1788 год, Иммануил Кант, "Критика практического разума"... 1813 год, "второе русское время"...

— Это когда вдогон отступающим из России французам в Кенигсберг пришли русские войска и были проведены грандиозные "московитские" празднования

в честь победы над Наполеоном в "Московитском зале" Кенигсбергского замка.

— 1914 год, август — октябрь, победы Пауля Гинденбурга при Танненберге и в Мазурских болотах, спасшие Кенигсберг от русских...

— Василий Митрофанович: Георг Штайн и графиня, — говорю я.

— Альфред Роде! — просит Овсянов.

— Тут всего много, но я заканчиваю: 28 февраля — 9 апреля 1945 года, третье и последнее "русское время" для Кенигсберга. "Березовый крест" для Отто Ляша. 4 июля 1946 года — переименование Кенигсберга в Калининград. 1948 год: переселение последних кенигсбержцев в Германию... Гм, а что это за "Березовый крест"?

— Я занимался этим делом, — теперь уже поясняю я. — Отто Ляш... Командир 217-й Восточно-Прусской гренадерской дивизии, дошедший от Кенигсберга до моего родного города, до Ленинграда. Это и он морил меня голодом. Комендант города Кенигсберга, генерал от инфантерии. Когда он сдал город, нарушив приказ Гитлера "Биться до последнего человека!", вся его семья была арестована, а из-под Берлина якобы вылетел самолет с березовым крестом для Отто Ляша. Крест был сброшен 10 апреля на пылающий Кенигсберг. На парашюте. Итак: Георг Штайн, да?

— Хорошо, сейчас. — Василий Митрофанович листает бумаги, аккуратно, любовно берет в руки листки, перекладывает их, разглаживает, любуется, читает, как бы с наслаждением: — "Гехайм!", "Секретно!", "Совершенно секретно!!", "Только лично!", "Только в одном экземпляре!" — звучит, правда? "Только лично Эриху Коху!" Или вот, смотрите, какой интересный документ. Помните, вы говорили об эшелонах с ценностями из Варшавы, которые видели на путях Зюйдбанхофа? Так вот: "Кенигсберг. Гауляйтеру Эриху Коху. Дорогой товарищ по нашему Движению, Эрих! Как ты знаешь, после разгрома взбунтовавшихся варшавян на наших складах скопилось огромное количество всевозможных домашних вещей, мы отбирали лишь наиболее ценное, из богатых польских квартир. Помня нашу дружбу с тобой, я не против ото-слать все это в Кенигсберг, имея в виду, что после той страшной августовской ночи, когда англичане перепахали бомбами Кенигсберг, десятки тысяч кенигсбержцев остались без жилья, без домашней мебели. Сообщи о своем решении. Видимо, это будет 30—40 эшелонов..." Однако,

Георг Штайн? Хорошо, сейчас, тут есть отдельная папочка... Вот, "ГЕОРГ ШТАЙН о себе"! Гм, может, чайком побалуемся?

Я киваю, да, да, сейчас, вы только читайте. Так хочется узнать подробнее, кто же он был, Георг Штайн? Как и почему стал разыскивать Янтарную комнату? Какие пути-дороги свели его с графиней Марион Дёнхофф? И кто она такая — как деятель, как человек?

Ставлю чайник. Сажусь напротив Василия Митрофановича, тот протирает стекла очков, листает бумажки, читает:

— "С приходом к власти фашизма и, конкретно в Кенигсберге — Эриха Коха, мой отец, отказавшийся присягнуть ему на верность, был отстранен от государственной деятельности и полностью отдался т. н. "Научному союзу", члены которого вели научную, касающуюся культуры и искусств, работу и тайно следили за награбленными Кохом произведениями искусств. "Союз" был разгромлен, мой отец был расстрелян, погибли и другие его руководители: фон Обенитц и фон Сташевский. Учетом похищенных Кохом ценностей ведала в "Союзе" моя сестра Доротея-Луиза, вскоре и она попала в гестапо, где и была уничтожена... Что касается Янтарной комнаты, то после того зимнего дня минувшей войны я вновь вспомнил о ней в 1966 году в Швейцарии, когда в лондонской газете "Таймс" прочитал статью о ее розысках. Как? Она не найдена? — удивился я. Вот тут-то я и решил: надо заняться этим делом". Все ясно?

— Этого пока достаточно, но вот что интересно, помните, Штайн писал, что найденные ящики они спрятали в подвале кирхи, но в каком поселке?

— Да? Гм, вот что тут у него об этом говорится: "Их сложили в сводчатый склеп орденской церкви с помощью сельских прихожан. За это селение шли бои в течение 28—30 января, 1 февраля селение было нами оставлено в развалинах, а 6 — вновь отбито у русских. Церковь оказалась полностью разрушенной, над сводчатым склепом метровой толщины — глыбы развалин, но своды склепа выдержали их и ящики были целыми..." Чай будет?

— И что же? И как название этого поселка?

— Тут какие-то неясности. Гм... вот тут написано: "Хайлигенкройц", что означает "Святой крест", потом это название зачеркнуто и написано: "церковь Поерштитен", и дальше: "Эти ящики были извлечены и отправлены вначале в Гросс-Гермау, замок "Берзникен" и замок

"Гаффкен", а затем в окружной дом партии (крайсхаус) в Фишхаузен и в замок "Лохштедт".

— Вот вам чай. Между прочим, настоящий, а не зеленый, но вы этот крепкий душистый чай совершенно не заслужили! Куда были отправлены ящики? В замок "Берзнике", "Гаффкен" или "Лохштедт"? Кстати, весной сорок пятого в замке "Лохштедт" я бывал... Ну, хорошо, мы несколько забегаем вперед. А что графиня? Кто она? Откуда?

— О-о, какой чай... Скажите, куда вообще подевался чай?.. Графиня? О ней тут совсем немного, какие-то выписки, видимо, из газетной статьи: "Марион фон Дёнхофф, последняя графиня в древнейшем прусском роду Дёнхофф, впервые получила прозвище "красной графини", когда за резкую критику нацизма была заключена в студенческий карцер. Ненависть ее к фашизму возросла особенно после гибели ее двоюродного брата графа Генриха Лендорфа, казненного по делу 20 июля 1944 года (покушение на фюрера). Гм... "общественный деятель, журналистка. Свои редакционные статьи неизменно составляет в духе свободы и веры в ЧЕЛОВЕКА. Незамужняя, живет с домоуправительницей и собакой в небольшом домике близ Гамбурга, ездит на черном "порше". Стала главным редактором, главной эмоциональной и политической силой еженедельника "Ди Цайт", сотрудники которого — тридцать мужчин и три женщины — подчеркивают ее "прусское чувство ответственности" и ее "целеустремленность". Вот и все. Хотя вот, это уже пишет Георг Штайн: "С весны 1983 года мы, я и д-р Марион Дёнхофф ("Ди Цайт"), приняли решение об усилении работы по розыску исчезнувших сокровищ. Была проведена огромная работа, собраны все имеющиеся в печати сведения и сообщения частных лиц о Янтарной комнате, установлена связь со специалистами из ГДР и СССР. Полученные данные и опыт работы были обобщены в двух обширных статьях: "ПОВСЕМЕСТНЫЙ РОЗЫСК ЯНТАРНОЙ КОМНАТЫ" и "ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ — ЛИНЦ"... Да, вот что еще интересно: тут есть стихи Киплинга, его "заповедь", помните, по-русски это звучит так: "Владей собой среди толпы смятенной, Тебя клянущей за смятение всех, Верь сам в себя, наперекор вселенной, И маловерным отпусти их грех; Пусть час не пробил, жди, не уставая..." Ну, и так далее.

— "Жди, не уставая", да, это так. А "Особое задание — Линц" — это, как я понимаю, статья о всеобщем расхищении произведений искусства в оккупированных

странах по указанию Гитлера? — спрашивает, вернее, утверждает полковник. — Организованный всеевропейский грабеж, ведь так?

— Я уже прочитал этот материал, все именно так. Слушайте: "Прежде чем взять в рот ампулу с ядом и поднести к виску пистолет, Гитлер диктует секретарше свою последнюю волю: "Все, что я имею, если это только что-нибудь стоит, передаю партии, если же она не будет существовать — государству". И далее: "Я покупал и собирал все эти картины в течение жизни не для себя, а для создания галереи в моем родном городе Линце на Дунае. Если это полностью осуществится — это будет лучшим исполнением моей последней воли". В одном из разговоров за ужином этот "коллекционер" сказал: "Я обдумал название галереи. Оно будет звучать так: "В собственность немецкому народу"... И так далее. Что еще господа желают?

— Альфреда Роде, директора кенигсбергских музеев, — просит Авенир Петрович. Он один из немногих все-все знал о Янтарной комнате!

— Битте. Вот его личное дело, отосланное из Кенигсберга 3 февраля сорок второго года и поступившее в Берлин 6 февраля, слышите? На третьи сутки. И это во время войны! А сейчас письмо из Берлина идет в Калининград месяц-полтора. Однако читаю: "В издательстве "РЕМБРАНДТ" (Берлин) опубликована моя книга "Юный Коринт"... Гм, кто это такой?

— Очень известный художник из Кенигсберга.

— М-м-м... "как верноподданный чиновник и как директор Собрания искусств", гм... "посылаю Вам анкету, заполненную по месту службы..." Итак, кто он и что он? "Доктор Роде, Альфред Фриц Фердинанд, родившийся 24 января 1892 года"... Значит, ему в сорок пятом году было всего пятьдесят три? "Немец, евангелический лютеранин... жена — Эльза... дети Лотта и Вольфганг". Перечень трудов и прочее, и: "Я — только ученый и занимаюсь исключительно научной деятельностью. Хайль Гитлер! Весьма обязан, Альфред Роде, директор".

— И все? — несколько разочарованно спрашивает полковник.

— А вам этого мало? Тогда пожалуйста: "Уважаемые дамы и господа! К нам только что поступило печальное известие о том, что осенью 1945 года в больнице на Йоркштрассе в Кенигсберге умер доктор Альфред Роде..."

— Это что? Откуда это сообщение?

— Это речь в Гамбурге у могилы Роде. "В результате многолетней научной и коммерческой деятельности Альфреда Роде Кенигсберг превратился в..."

— Минутку, как его могила оказалась в Гамбурге?

— Речь, Авенир Петрович, у пустой, символической могилы. "...Кенигсберг превратился в замечательную сокровищницу янтарного искусства, в особенности когда в его собрании, в значительной степени благодаря его усилиям, оказалась знаменитая Янтарная комната из Царского Села, спасенная отважными немецкими солдатами из зоны боев..."

— Стоп! — Я кладу руку на бумаги из архива Штайна. — О Роде потом. Давайте все же вначале отправимся в Царское Село, в город Пушкин, в осень сорок первого года. Как там разворачивались события? Как Янтарная комната оказалась в Кенигсберге?

— Ладно. Вот тут есть очень интересный документ, подтверждающий версию "Линц", — о хорошо продуманной нацистами системе разграбления исторических ценностей: **"СПЕЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ СОВЕТСКИМ ВЛАСТЯМ** о батальоне особого назначения. Считаю своим долгом сообщить следующее. В августе сорок первого года, будучи в Берлине, я с помощью моего старого знакомого по Берлинскому университету доктора Фокке, работавшего в отделе печати министерства иностранных дел, был откомандирован из 87-го противотанкового дивизиона в **БАТАЛЬОН ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ** при министерстве иностранных дел. Этот батальон был создан по инициативе министра иностранных дел Риббентропа и действовал под его руководством. Командиром батальона являлся майор СС фон Кюнсберг. Задача батальона особого назначения состояла в том, чтобы немедленно после падения крупных городов захватывать культурные и исторические ценности, библиотеки научных учреждений, отбирать ценные издания книг, фильмы, а затем отправлять все это в Германию. Батальон особого назначения состоит из четырех рот. Первая рота придана германскому экспедиционному корпусу в Африке, вторая — северной армейской группе"...

— Группа армий "Север"?

— Вы меня сбиваете. "...Третья — центральной армейской группе и четвертая — южной армейской группе. Первая рота находится в настоящее время в Италии..."

— Простите, кто это пишет? И когда составлен документ?

— Пишет пленный, некий доктор Ферстер, оберштурмфюрер четвертой роты батальона особого назначения войск СС. Москва, 10 ноября сорок второго года. Продолжаю, да? "Штаб батальона находится в Берлине, улица Германа Геринга, 6. Конфискованный материал помещается в залах магазина фирмы "Адлер" на Гарденбергштрассе. Перед нашим отъездом в Россию майор фон Кюнсберг передал нам приказ Риббентропа — основательно "прочесать" все научные учреждения, институты, библиотеки, музеи, дворцы, перетрясти архивы и накладывать руку на все, что имеет определенную ценность".

— Царское Село — есть что-либо о нем?

— Полковник, вы очень нетерпеливы! "Из рассказов моих товарищей мне известно, что вторая рота нашего батальона изъезжала ценности из дворцов в пригородах Ленинграда. Я лично при этом не присутствовал. В Царском Селе..." Вот, слушайте: "В Царском Селе рота захватила и вывезла имущество Большого дворца-музея императрицы Екатерины. Со стен были сняты китайские шелковые обои и золоченые резные украшения. Наборный пол сложного рисунка увезли в разобранном виде. Из дворца императора Александра вывезена старинная мебель и богатая библиотека в шесть-семь тысяч книг на французском языке..."

— Образованный был царь-то, а?

— "...и свыше пяти тысяч книг и рукописей на русском языке. Среди отобранных книг было очень много исторической и мемуарной литературы на французском языке и большое количество произведений греческих и римских классиков, являющихся библиографической редкостью..." Больше у этого "доктора" ничего о Царском Селе, о Янтарной комнате нет.

— Как нет? Вторая рота не вывезла "Бернштайнциммер"?

— Значит не вывезла. Но библиотека Александра! Где эти книги?! Так, дальше идет сообщение о разграблении, "спасении", так сказать, украинских ценностей...

— Подождите,— останавливает его полковник.— Это потом. Посмотрите, что там еще есть по Царскому Селу?

— Айн момент, айн момент. Альзо, вот. Тут еще много чего есть. Сейчас, минутку, герр оберст, может, мы еще чайку попьем? Поставьте, пожалуйста, чайник и посмотрите, в коридоре кто-то ходит.

Иду за водой, но предварительно осматриваю этаж: никого нет. Пусто и в трех примыкающих к нашей

комнатах. Тут только что был сделан ремонт. Высокие, с богатой лепниной потолка, окна с фигурными рамами. Как все странно, как все странно... Вот в этой комнате был кабинет генерала Званецкого, Литкиного отца, вот в той — спальня, в этой, самой маленькой, жил адъютант генерала, весь затянутый в скрипучие ремни лейтенант Валерий Лосев, "Валерчик", как его презрительно звала Лита. А там, где сейчас работаем мы, была "музыкальная комната". Там огромный, черный, блестящий, на массивных тарелочках из литого стекла рояль стоял. Генеральша, Литкина мама, мощная, с сильными мужскими руками дама, военный хирург, на рояле играла и, попыхивая папиросой, пела густым, рокошущим голосом: "Ямщи-ик, не гони-и л-лашаде-ей..."

— Никого нет? Все спокойно? Возьмите трубку,— говорит Василий Митрофанович.— Но только про архив ни гу-гу!

— Если сможете, приезжайте сегодня к восемнадцати в кирху Юдиттен,— слышу я голос отца Анатолия, настоятеля создаваемой в городе православной церкви.— Будет небольшое, но торжество.

— Пока вы за водой ходили, мы тут какого-то графа обнаружили.— Василий Митрофанович поправляет очки и читает: "Бад-Мальбун, 12 января 1984 года. Копию снял Георг Штайн. Сообщение от "АОК-18". 14 ноября сорок первого года. Графу, специалисту по искусству". Группе "О. Н. Г." фон "К". Комнату не отдавать! Ускорить работы. Комнату отдать группе с полномочиями "ЭК". Подписи нет. Далее: "В Петергофе, упакованный в ящики, лежит дорогостоящий фарфор, охраняемый танковым дивизионом". Приписка. "Граф, специалист по искусству, уведомлен". Что все это должно означать, Авенир Петрович? Что такое "АОК-18"? 18-я армия генерал-полковника Кюхлера? "Граф, специалист по искусству"?

— Речь, я думаю, идет о группе графа Золмс-Лаубаха,— говорит полковник и достает из своего портфеля папку с бумагами. Раскрывает ее.— Тут у меня тоже кое-что собрано. Во-первых, в тех или иных документах упоминаются эти фамилии. И вот: газета "Брауншвейгер", в которой рассказывается о "Бернштайнциммер": "Акция по вывозу Янтарной комнаты из Царского Села осуществили хауптман доктор Поензген и доктор граф Золмо-Лаубах". Это он и есть "граф, специалист по искусству", а доктор-хауптман Поензген — наверно, руко-

водитель группы, посланной Кохом из Кенигсберга. Дайте-ка,— полковник забирает бумагу у Василия Митрофановича.— Собственно говоря, все ясно: "группа О. Н. Г." фон "К" — одна из рот отряда особого назначения "Гамбург".

— "Гамбург"?

— Да, это отряд носил и такое кодовое название. И "фон "К" — командир батальона особого назначения фон Кюнсберг. "Комнату отдать группе с полномочиями "ЭК" — тут тоже все ясно: это группа Эриха Коха. Так, что дальше? Где все-таки сам граф-то, "специалист по искусству"?

— Что? Вам нужен граф? Есть граф, есть... Читаю документ № 324. Выписка из дневника боевых действий 18-й армии группы армий "Норд" от 9 сентября сорок первого года, шестнадцать часов: "Полковник граф Золмс-Лаубах, которому было поручено захватить и уберечь предметы культуры и искусства Царского Села, дворца Екатерины, просит дать охрану для дворца, который слегка поврежден бомбовыми налетами и в данное время находится на переднем крае". И дальше: "Наши войска только что замкнули кольцо вокруг миллионного Ленинграда. Царский замок (дворец) находился в зоне боев и достигаем для орудий кронштадтских фортов. Русские бомбы разбили большой зал, были выбиты все двери и окна. Не только ветер и дождь имели свободный доступ в замок, но и солдаты испанской "Голубой дивизии". В помещении, где находилось "порнографическое" собрание Екатерины..." Полковник, что это еще за собрание?

— Черт его знает, но какие-то слухи об этом собрании были. Разные фривольного толка картины. В этой комнате Екатерина вроде бы общалась с Григорием Потемкиным.

— М-м-м, какой хороший чаек. Абер етц. Читаю дальше: в этом помещении "пришлось досками зашивать окна. Натиск солдат был ужасен. На роскошном паркете валялись древние, в дерьме, карты, мебель перевернута, со многих диванов и кресел срезаны ценнейший, ручной работы шелк и гобеленовая ткань, все это шло на тряпки. В стенах Янтарной комнаты зияли огромные дыры: солдаты выковыривали янтарь штыками, много янтаря было рассыпано по самой комнате и затоптано. Такая картина предстала глазам немецких офицеров по охране предметов искусства — полковника графа Золмс-Лаубаха

из Франкфурта и прибывшего в Царское Село капитана Хельмута Поензгена”.

— О Роде нет ничего? — спрашивает Авенир Петрович.

— Найн, герр оберст, ничего. Пока! Так... ”Оба подчинялись шефу армейских музеев, были крупными специалистами по искусству и сотрудничали в прусском управлении дворцов, парков и музеев”. Так, пожалуйста, чайку еще... ”Под руководством унтер-офицера шесть солдат из третьей роты резервного батальона № 55 за 36 часов осторожно разобрали янтарные стены и тщательно упаковали их в ящики, подготовив Янтарную комнату к отправке...” Вот и все! Что нам еще требуется узнать? Был ли там Роде? Успела ли группа фон Кюнсберга приехать к тому моменту, когда комната была демонтирована, или нет, какая разница? Да, вот еще два небольших документа ”АОК-18”: ”13 января 1941 года, № 20 — 40”. Группа ”Север” высказывает свое предложение о хранении и безопасности Янтарного кабинета из дворца Царское Село”. Дополняет ли это что-либо?

— Возможно, что это ответ на предложение группы Кюнсберга, которая, выполняя приказание Риббентропа, конечно же, пыталась забрать комнату.

— И вот еще один документ: ”Господину майору Г. Питшманну. Многоуважаемый господин майор! В моем дополнении я предлагаю послание обербургомистра города Кенигсберга от 13 января сорок второго года. Все предметы искусства по возможности будут увезены из дворца Царское Село. Это поручено третьей роте батальона 553... Поскольку на вокзале еще имеется несколько вагонов, все это будет отправлено в Кенигсберг”.

— Но что же Роде?

— Что Альфред Роде? Он тоже как-то остается за кадром, но не бездельничает, нет, вот еще один интересный документ, но он написан от руки. Может, самим Штайном? Списан откуда-то?.. ”АОК-18”. Янтарная комната и многие другие сокровища Царского Села доставлены в Кенигсберг. Прошу доставить и ящики, находящиеся на станции Сиверская. Прошу переправить в Кенигсберг две двери из помещения в Царском Селе, во дворце, где была Янтарная комната. Благодарю. Ваш Альфред Роде”... Однако, господа, мое время истекло. Как вы, полковник?

— Я тоже иду. ”И многие другие сокровища Царского Села”, ”ящики со станции Сиверская”! Все это, как и Ян-

тарная комната, было отправлено в Кенигсберг. Где все это? В каких тайных бункерах?

— Побуду еще здесь,— говорю я.— Идемте. Провожу.

— Никого, слышите, никого не впускайте к себе! — строго внушает мне Василий Митрофанович.— Хоть знакомого, хоть кого. Хорошо?

— Хорошо. До свидания!

Дождь. Серый блестящий асфальт. Красные, тускло блестящие черепичные крыши. Сырой, горько пахнущий палыми листьями воздух. "Ямщи-ик, не гони-и лошадей-ей..." Вот с того огромного каштана, по толстеному суку, ничего не стоило перебраться на подоконник окна мансарды, где была Литкина комната. Когда они уезжали в Ригу, то все вещи и рояль увезли, а стеклянные "звуковые" чашечки забыли. "Сходи в дом, попроси, пожалуйста, у новых жильцов и пришли мне стекляшки: звук без них не тот". Я сходил, попросил, и мне их отдали, но я не отослал это тяжелое литое стекло в Ригу, а с приятелем Валентином Бурлаковым расстрелял из парабеллума в дальнем глухом углу парка Макса Ашмана, любимом месте отдыха кенигсбержцев, где был великолепный, весь в цветущих ирисах пруд и "Вальдшлосхен" — маленький, таинственный замок, в котором, кроме привидений, никто не жил, ныне — груда камней, заросших бурьяном и заваленных каким-то гниющим хламом, однако какое это имеет отношение к Янтарной комнате?

Возвращаясь к себе, раскладываю на столе папки. "Пусть час не пробил, жди, не уставая, Пусть лгут лжецы, не снисходи до них..." Я хорошо знаю эту "Заповедь" Редьярда Киплинга, эти, будто литые, строки, наверно, помогали Георгу Штайну, укрепляли его дух...

В дверь стучат. Что же это я, кажется, и дверь на ключ не закрыл?

— Минуту! — Сгребаю папки, накрываю их газетой.

Дверь открывается, и в комнату входит сутулый, бородатый мужчина. Весь какой-то дико волосатый, у него длинные сырые волосы и густая, рыжеватая, колечками борода до самых глаз.

— Извините, что побеспокоил. Это вы ведь, кажется, занимаетесь поисками Янтарной комнаты и прочих ценностей? — Глаза вошедшего шарят по столу, газете, которой прикрыты папки. М-м-м, как же это я так? Один из листков, с черным орлом в левом углу и надписью

"Секретно!", остался лежать на столе.— У меня к вам есть небольшое дело...— Я киваю: слушаю.— Видите ли, я увлекаюсь собирательством, понимаете, да? В свободное время езжу по области и ищу, ищу, вы ведь знаете, когда немцы уезжали, то они многое закапывали в землю.— Задумывается, оглядывается. Что-то мне этот тип не очень нравится. Что он все шарит своими глазками? Какой-то неприятный тип, этот "свободный искатель". Я кашляю, как бы поторапливая неожиданного пришельца, и мужчина, подойдя к самому столу, говорит: — А это что у вас "Обербургомистр Кенигсберга господин Вилль"? — это он прочитал гриф документа.

— О чем это, а? — Я молчу, и мужчина продолжает: — Так вот, я ищу и кое-что нахожу. И, знаете, я хотел бы узнать, если я найду нечто интересное, ценное, я могу рассчитывать на вознаграждение? И в каких суммах...

— Вы что-то уже нашли?

— Конечно. Например, кожаный, обшитый металлическими бляхами панцирь... Редчайшая, скажу вам, вещь. Хотите взглянуть? — Мужчина роется в карманах куртки и достает тяжелую, видно бронзовую, позеленевшую, выпуклую, со сложным рисунком бляху.

— Таких было на панцире шесть штук. Три серебряные и три вот такие, бронзовые. Возьмите.

— А где остальные?

— Я вам покажу то место, если получу пять тысяч рублей,— говорит мой странный посетитель.— Нет-нет, вы мне сейчас ничего не говорите, и я вам больше ничего не скажу, я вам позвоню, хорошо? До свидания.

Да-да, до свидания! Убираю документы в ящик, смотрю на часы: мне ведь еще в Юдиттен надо съездить, в кирху, где сегодня произойдет какое-то торжество. Так, я ничего не забыл? Окна закрыты, дверь; включена сигнализация... Мелкий, холодный дождь, пустынные улицы. "Ямщик, не гони лошадей..." Одно из свиданий, где-то в середине декабря сорок пятого года, было мне назначено Литой "под Мадонной" кирхи Юдиттен. В двенадцать ночи. Господи, явно у моей хорошенькой подружки были "не все дома", а у меня? Ведь я отправился на то свидание: двери кирхи были всегда открыты, и днем и ночью, туда свозили умерших от голода и холода горожан. В высоких окнах теплился свет, слышались шорохи, голоса, хриплые, простуженные вздохи небольшого, покалеченного во время войны органа.

Но вот и окраина города, бывший район Юдиттен. Парк. Крутой поворот, массивные, сложенные из огром-

ных валунов стены кирхи. Собственно говоря, кирхи никакой нет, есть лишь вот эти осыпающиеся стены, обломки, как огромный черный клык, башни и груды кирпича и камней возле стен.

Ветер шумит в голых кронах деревьев. Пустынность, заброшенность. Высокий мужчина в черной длинной рясе идет навстречу, придерживает пальцами массивный крест на цепочке. У него зеленоватое нервное лицо, небольшая борода, длинные волосы. Это отец Анатолий, священник будущей православной церкви, которая должна, непонятно каким духом, возникнуть вот в этих мрачных стенах.

Иду следом за ним. В одном из углов кирхи грудится жалкая кучка пожилых мужчин и старушек. Звучат слова, обращенные к богу. Слова надежды, что настанет день, и силой веры, силой духа тут будет воздвигнут храм. Он будет таким, каким был когда-то: с крутой черепичной крышей и башней, на которой засверкает видный отовсюду крест.

Отец Анатолий вкладывает в отверстие в стене металлический ящичек с закладными документами, закрывает его камнем, и кто-то из прихожан заделывает щели цементным раствором. Священник снимает рясу. Надевает попачканную извешткой куртку и брезентовые рукавицы. Небольшая суета. Слышен чей-то голос: "Сонечка, бери носилки". Мрачный бородач в зимней шапке, надвинутой на самые глаза, ударяет ломом. Гулко разносится стук камней, падающих в носилки. Женщины несут булыжники, прижимая их к себе, как младенцев. Этими-то вот силами отец Анатолий намерен восстановить огромное здание?! В центре города, на том месте, где когда-то стоял Королевский замок, уже много лет возвышается огромный бетонный куб будущего Дома Советов, прозванного в городе "Бункером Советов". На стройку отпущены миллионы. Есть все — необходимые материалы, техника, люди, но что-то конца-краю не видно стройке, а тут? Вся строительная сила — вот эти старики и старухи? И вера? Сила их духа? Но может ли сила духа заменить бульдозер, трактор и подъемный кран? Фантазмагория какая-то...

...Бандик, подлец ты этакий, опять обмочил ножку кресла? Габка, а ты куда смотрела? — Мои маленькие глупые собаки, таксы, рыженький, поджарый внук и толстая, с седой мордой бабка виновато глядят в мои глаза. — Ну-ка, марш в сад! — Устраиваюсь в кресле,

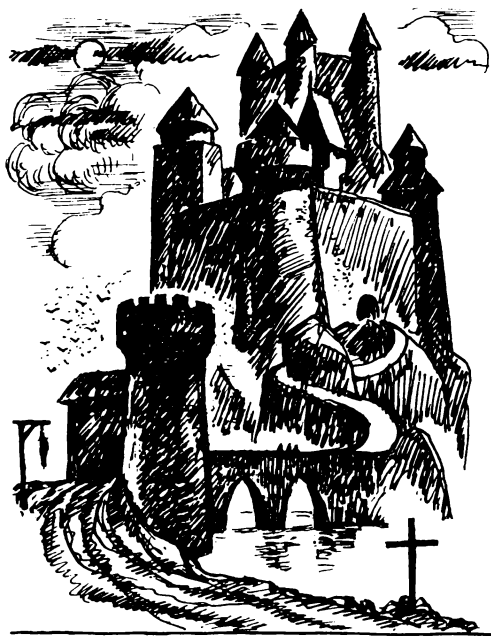
разглядываю бронзовую штуковину, которую мне оставил гробокопатель, да, пожалуй, не врет, но что с этим кожаным панцирем? Где он? Цел ли? Или уже разрезан на куски и серебро продано? Да, это бронза. Какая прекрасная работа... Врет? А если не врет, и там, в замке "Бальга", действительно в одной из неизвестных древних могил лежат в полном боевом одеянии тела воинов? Позвонит ли этот человек еще? И если позвонит, что я ему скажу? Где бы добыть пять тысяч... но об этом потом, сейчас же меня интересует Альфред Роде... Его жизнь, пребывание в Кенигсберге и таинственная смерть сразу после того, как он якобы сказал профессору Андрею Яковлевичу Брюсову, сотруднику самой первой, в сорок пятом году, экспедиции по розыску наших сокровищ, похищенных немцами: "Я знаю, где находится Янтарная комната. Я вам покажу, где надо искать". Удивительно, что-то сходное есть в этой фразе с фразой Георга Штайна, произнесенной им незадолго до смерти по телефону графине Марион Дёнхофф.

Янтарная комната... Это янтарное чудо я видел мальчиком несколько раз перед самой войной, то было обычное для ленинградцев развлечение: поездки на гатчинские Царские пруды в Петергоф, к утреннему часу открытия фонтанов и конечно же на самый главный фонтан — "Самсон, раздирающий пасть льву" (моя сестра Женька обычно говорила мне: "Кажется, он все же порвал пасть льву, поедem-ка в воскресенье, посмотрим, а?"), и в Царское Село, в Екатерининский дворец, в Янтарную комнату.

Думаю, прежде чем мы вернемся к архиву Штайна, Альфреду Роде и нашим поисковым делам, не мешало бы вновь побывать там, в мирных довоенных днях, когда по серебристой глади "царских" прудов скользили лодки, огромный столб воды бил из страшно разинутой пасти еще подлинного, а не замененного льва, а в прикрытые шторами окна Екатерининского дворца, в Янтарную комнату, вливались потоки золотистого, будто медвяного света, и вся комната, а вернее — зал, была золотистой, словно и сам воздух, наполнивший ее, был янтарным.

”Золото Балтики”.

Четвертая ступенька снизу

"ТАЙНА МОЕГО ОТЦА. Не знаю, почему он мне все это рассказал лишь незадолго до смерти: "В сорок пятом, сразу после войны, я работал в военном подсобном хозяйстве, где трудились и немцы. Мы сдружились с одним из них, время было тяжелое, и я помогал его семье... В сорок седьмом году немцы уезжали, мой друг Франц сказал: "Хочу вам открыть одну тайну, идемте со мной". После долгого похода в лес он вывел меня к холму, поросшему кустарником, и сказал: "Я случайно оказался в лесу, возле этой поляны. Это было в марте сорок пятого года. Увидел посередине поляны огромное отверстие. Солдаты выгружали ящики из грузовиков и укладывали в ту огромную яму. Потом все зарыли, покрыли дерном, сделали так, что никто и не догадается, что тут захоронено. Что именно? Этого я не знаю. Я до глубокой ночи лежал в кустарнике, пока машины не уехали и все не стихло. Это вам, вашей стране". И отец сводил меня в то место, показал тот холм. Может, там и захоронена Янтарная комната или что другое не менее ценное?

В. П. Калуга".

"ЗОЛОТО, А НЕ ЯНТАРЬ! Да, именно так и называют сообщение: золото, серебро, драгоценности, ожерелья, золотые часы и прочие ценности были сданы нами, сотрудницами фабрики г-на Шнайдера, по призыву ПАРТИИ К НАМ, НАСТОЯЩИМ НЕМЦАМ, когда Родина в опасности! Все это было уложено в ящики, в одном из которых и все мои драгоценности. Лишь обручальное кольцо я себе оставила, подарок мужа, ко-

торый погиб в страшной битве под Мозырем. Случайно мне удалось узнать, что ящики с драгоценностями были вывезены в замок, где якобы формировался транспорт для отправки всех этих несметных богатств в Пиллау. Удалось ли все это вывезти? Осталось ли все это в Кенигсберге? Слухи были, что многое упрятано в тайных бункерах на глубине 10 метров, имейте это в виду во время вашего поиска.

А. ФУНКЕ, Дюссельдорф”.

”КЕНИГСБЕРГСКАЯ ВЕРСИЯ — вот что меня сейчас постоянно волнует, да-да, именно она, кенигсбергская версия в ряду других **ГЛАВНЫХ** версий! Восточная Пруссия, Кенигсберг, коричневое гнездо ”коричневого князя”, гауляйтера Эриха Коха, гнездо, в которое он тянул все что мог: вот где до сих пор в тайных бункерах и орденских подвалах могут храниться огромные сокровища! И это именно так, потому что Восточная Пруссия была своеобразной перевалочной базой сокровищ, поступавших из Советского Союза, и в первую очередь из Прибалтики... Вот где надо искать, искать и искать как следует!.. **ГЕОРГ ШТАЙН”.**

Из архива Г. Штайна.

”...В этом году, когда усиливаются поиски исчезнувших сокровищ, утерянных в 1945 году, наши власти не делают ничего конструктивного, да и не могут сделать, так как архивы, где указаны места нахождения сокровищ и обстоятельства их укрытия, надежно охраняются властями... Те 1067 картин, которые министерство финансов ФРГ передало в 102 музея, те 210 картин, которые находятся в вилле ”Хаммершмидт” или Немецком посольстве, те 256 картин, которыми верхушка министерства и другие чиновники Боннской республики украшают свои кабинеты,— все они не являются благородным пожертвованием или какой-нибудь коллекцией — это **СОКРОВИЩА**, собранные в результате двух акций крупнейшего **ОГРАБЛЕНИЯ МИРА!** Первый совершивший эту акцию — Адольф Гитлер и второй — рейхсмаршал Герман Геринг, который откровенно хвастал миру о своих приобретениях”.

”Операция ЛИНЦ”, ”Ди Цайт”.

”ЛАБА ДИЕНА, КЛАДОИСКАТЕЛЬ! Задули ”янтарные ветры”. Приезжай. Знаю, где искать. Но не задерживайся, период ”янтарных ветров” очень короток.

Кладбищенский смотритель Эдуард. Нида”.

... "Смотри, что у меня есть, — сказала мне двоюродная, старшая — на два года — сестра Женя и откинула резким движением головы волосы, спадающие на лоб. Кулак она держала крепко зажатым. Помучив меня немного, она вытянула руку и разжала пальцы. Я с удивлением поднял на нее глаза: "Где взяла?" — "Эх ты, балда! — засмеялась Женя, — пока ты там стоял, рот разинув, слушал про легенду о Фазтоне, я зря времени не теряла. А ну, закрой глаза! Я потру тебе янтарем лоб, и твоя башка будет лучше варить!" Я послушно закрыл глаза, а Женя стала водить янтарем по моему лбу, спрашивая: "Ну как, чувствуешь тепло? И искры в глазах, да?" Я чувствовал тепло, и, действительно, в моих глазах вспыхивали острые синие искорки. И ей-ей, моя "башка" стала "варить" лучше, будто в мозгах какое-то просветление произошло, по крайней мере Женька мне несколько раз об этом потом говорила: "Ну вот, видишь, какой ты стал сообразительный? Варит-то кумпол лучше, не то, что раньше!"

Я любил сестру. Она была сильной, смелой. Ее мама, тетя Леля, родилась и до шестнадцати лет жила в самом настоящем цыганском таборе, откуда ее увез дядя Сережа, мамин брат. Да и Женя была такая же. Она и пела, и танцевала, и гадала. Была спортсменкой. Она защищала меня, когда старшие мальчишки "навтыкивали" мне во время регулярных стычек в Собачьем переулке. И конечно же, как и многие-многие дети, мы, множество раз посмотрев фильм "Остров сокровищ", бредили морями, океанами, тайнами и кладами и искали их. И еще мы раз десять побывали с Женей в Екатерининском дворце, в знаменитой Янтарной комнате. О, какое это было чудо! Будто ты в бочке с медом сидишь. И хоть за окнами сумеречно, серый, тоскливый день, в Янтарной комнате будто всегда солнце светит, оно словно бы льется в окна через плотные шелковые портьеры. "Фазтон был сыном Солнца — Гелиоса и Климены, дочери морской богини Фетиды. Он был смелым, отчаянным молодым человеком, живущим между небом и землей, купающимся в лучах своего бога-отца Гелиоса... Девочка, подойди сюда! Девочка, я тебе говорю! — Мы все стоим в самом центре Янтарной комнаты, а экскурсовод продолжает: — Но, как у всякого удачливого человека, а Фазтон был удачливым: ведь его отец сам Гелиос, — были и у него завистники. И в особенности сын Зевса-Громовержца Эпаф... девочка, вот ты, черненькая, подойди ко мне, и не подходи больше к стене, хорошо? И говорит Фазтону Эпаф:

— Да какой ты сын бога? Ты простой смертный, а если не простой смертный, то докажи. Как? Попроси у Гелиоса прокатиться по небесам в его золотой колеснице". — "Прокачусь!" — строптиво ответил Фаэтон и... девочка, отойди же от стены!.. и вспрыгнул в коляску, и кони понеслись, а Фаэтону нужно было, чтобы они неслись быстрее, и он что было силы натянул вожжи, а потом отпустил их. "Что ты делаешь, Фаэтон? — крикнула ему его сестра, богиня Луны Селена. — Ты же сбился с дороги!" Сбился, сбился с дороги Фаэтон! Не смог, милая девочка, стой рядом, никуда не отходи от меня, не смог управлять своими огненными конями. И они потеряли дорогу, опустились к самой Земле. И все начало гореть... девочка, не отходи от меня, что ты сжимаешь в кулаке? Гребенку? Тогда причешишь, помотри, какая ты лохматая!.. И тогда богиня Земли Гера вскричала: "О, Зевс-Громовержец, спаси, неужели все превратится в хаос!" Услышал ее мольбу Зевс и поразил Фаэтона своей молнией. Рухнул Фаэтон на землю. Сгорел. Рассыпался на золотые кусочки, а те кусочки упали в воду, в царство бога морей Посейдона и превратились в кусочки ослепительно сверкающего, золотистого, как лучики солнца, янтаря"...

— Все это не так, — говорит мне мой друг с Куршской косы, кладбищенский смотритель, народный художник Литвы Эдуард Йонушес, чьи творения, огромные деревянные фигуры, можно увидеть во многих уголках этой редкостной по красоте, в череде песчаных гор-дюн, суши. Зажатая между морем и Куршским заливом узкая полоска земли, Куршская коса, круто изгибаясь, тянется на сто километров между нашей областью и портом Клайпеда. — Все это не так, уважаемый кладоискатель, все обыденнее и проще. Янтарь — это слезы рыбаков, тех, кто не дождался своих мужей и сыновей с моря. Вон видишь, женщина в черном стоит, подняв фонарь над головой, глядит в море ночное, бурное. Ее муж не вернулся. Она плачет. Пойди завтра на то место, где она стояла, и ты наберешь там горсть янтаря.

— Женщина стоит не на берегу моря, а у подножия огромной сосны, на Горе Ведьм под Юодкранте, Эдуард. Хотя, действительно, из ее деревянных глаз текут золотистые слезы, смола-живица.

— Писатель, а такое говоришь? Ночью она уходит на берег моря. Встань ночью, и ты услышишь ее голос, ее зов, ее плач. Увидишь свет ее фонаря...

Мы сидим перед камином в старом рыбацком доме небольшой, вымирающей деревеньки Морское, называвшейся при немцах Пилкопен. Мы только что пришли с берега. "Янтарные ветры" дуют либо ранней весной, либо поздней осенью. Промокли. Намерзлись. О, какие стервы эти волны! Подкрадываются, а потом — р-раз!.. Но все уже позади. Груда янтаря лежит на широкой дубовой доске. Потом мы его разберем и поделим. Все позади, мы уже "прогрелись", массивная бутылка с надписью "Штоф" стоит возле нас на полу, в камине жарко горят метровые поленья. Бродячий кот Василий Васильевич устроился на коленях Эдуарда и, щуря глаза, мурлычет; такое замечательное общество. Тепло, уютно. Ветер подвывает в трубе, сверчок отогрелся, зацвиркал, мы разговариваем, молчим и глядим в огонь; думаем каждый о своем...

...Тот янтарик Женя подарила мне в июне, в мой день рождения, когда началась война. Сказала: "Этот камешек обладает чудодейственной силой. Не потеряй его, балда..." В один из самых труднейших дней своей блокадной жизни этот осколочек Янтарной комнаты, который 250 лет назад держал в руках создатель "Бернштайнциммер", мастер из Данцига Турау, я, одинокий, умирающий от голода ленинградский мальчик, выменял на рынке на кусок овсяных жмыхов. Может, я бы умер в тот день, если бы не эта замечательная сделка в шуме и толчее, в скрипе снега, всхлипах и столах голодных людей, под серым, ледяным блокадным небом.

Янтарик спас меня! Беру в руки один янтарь, другой. Гляжу через увеличительное стекло на просвет на пылающий в камине огонь, нет ли внутри мушки или жучка? Мы с Эдуардом собираем "инклюдзы", вкрапления всяких букашек и козявок в эту окаменевшую смолу. Вот крошечный муравейчик. Будто живой. Будто все еще бежит. Мой земляк, кенигсбержец, великий философ Иммануил Кант, фантазировал, мол, если бы суметь, не повышая температуры, расплавить янтарь, то букашки, которым по сорок миллионов лет, ожили бы и, выбравшись из золотистой жижи, побежали бы по своим делам!

Когда-то вот так же, как и мы с Эдуардом, тут, на Куршской косе, древние ее обитатели, курши, собирали это удивительное творение Природы, янтарь. Так вот, лишь только задуют "янтарные ветры", нужно спешить на берег моря. Это какие-то особые, странные ветры. Они не вообще дуют со стороны моря, а как бы продувают

его прибрежную часть, взбаламучивая воду метрах в ста от берега. Вода крутится, бурлит, перемешивается, и возникает не поверхностная, а глубинная волна, нижним своим краем она как бы пропахивает дно моря, выгребает из песка "янтарные жилы", упавший в море, сгнивший, ушедший в песок древостой. Ведь именно у подножий гигантских деревьев когда-то и скапливалась обильная смола, затвердевшая потом и превратившаяся в янтарь.

Вот так его и собирали тут курши и пруссы и сто, и двести, и пятьсот, и тысячу лет назад. И от берегов Балтики, моря, у которого еще и названия-то не было, море было просто "морем", янтарь отправлялся в путешествие по всему континенту. Уже в начале I века до нашей эры он появился во многих европейских краях, этот "осколок солнца", "луч Фаэтона", "теплый камень", сулящий людям здоровье и счастье. Нерон любил этот камень и отправлял своих людей через всю опасную для путешественников Европу в северные земли, на берег таинственного Туманного моря, ведь только тут он, янтарь, "рождался" в соленой воде. И даже воду эту привозили в Италию и Грецию в надежде, что в ней, налитой в закупоренные бочки, "родится" золотистый, таящий в себе необыкновенную живительную силу камень! Древние не ошибались. В бочках ничего не возникало, но они были правы в другом: 90 процентов всех залежей янтаря находятся действительно лишь на берегах Самландии, Земландского полуострова, омываемого водами туманного Балтийского моря.

В XIII веке на этих берегах появились "железные" люди на всхрапывающих "железных" конях. То были "кшижаки", как их называли поляки, рыцари воинственного, под сенью черного креста, несущего в восточные варварские земли "святую веру", немецкого Тевтонского ордена. Получив "буллу", право нести эту веру язычникам, от папы римского, они жестоко, упорно, неукротимо, сокрушая сопротивление прибалтийских племен, двигались вдоль Балтийского моря на северо-восток, оставляя позади себя укрепленные поселения, воздвигнутые руками пленных пруссов, сембов и куршей из огромных валунов неприступные для покоренных племен замки. Один из них, самый северный в этих прибалтийских землях, замок "Пилкопен", стоял во-он там, на той дюне, что виднеется в запотевшее окно нашего дома. Рыцари не только оберегали эту землю от проникновения в глубь захваченных земель литовцев и сембов, но и зорко следи-

ли, чтобы местное население не расхищало "золото Балтики", янтарь. Чуть в стороне, по преданию, вот на той дюне, возвышались виселицы. И каждой литовец, курш, да и немец, кто добыл в море кусок янтаря и не сдал его в замок, мог оказаться на "Дюне Мертвецов". Виселицы не пустовали, вот было пищи для воронья! Может, потому-то их тут так много и развелось? О, это "золото Балтики"! Сколько голов полетело с плеч за него! Какие порой тут крики и стоны раздавались, когда во дворе замка пороли ребятишек, утаивших от тевтонов кусочек прозрачного золотистого камешка.

Замок прекратил свое существование в конце XV века, спустя несколько десятков лет после знаменитой, позорной для Тевтонского ордена Грюнвальдской битвы. Сместившись с местными, пережившими на литовках и куршанках, запрятав в чуланы двуручные мечи, панцири и топоры, рыцари и их сыновья превратились в рыбаков и землепашцев. Замок захирел. Стены его стали осыпаться, а спустя два столетия и вообще исчезли, занесенные песками. Песчаные бури засыпали и старую деревню Пилкопен. Та, в которой находится дом, где мы сейчас сидим с Эдуардом у камина, называлась — "Новый Пилкопен", а старая — лежит под певучими, зыбучими песками. На огромном камне, что стоит возле камина — его обнаружил в песках местный тракторист Иван, и я выменял этот камень у него на три "пузыря", — написано по-немецки: "Упокоилась с миром деревня Пилкопен, занесенная песками". Время от времени, когда дуют продолжительные западные ветры, на дюне вылезают из песка огромные валуны, остатки замка, а на "Горе Мертвецов" — обломки трех столбов, бывших когда-то виселицами...

Этот штоф, как и янтарь, тоже из моря. Крепко закупоренный, с водкой на два пальца от дна, сколько он недель или месяцев проплавал в соленой воде, пока какая-то из волн не выкинула его на берег? Хоть и хороша была пробка, но воды все же немного попало. Чья рука, какого моряка, с синим якорем у запястья, швырнула бутылку в открытый иллюминатор?..

Однако вот плоский, золотисто-оранжевый кусок янтаря.

Ну, точно из стены Янтарной комнаты!

И теперь следует все же немного поговорить о самой Янтарной комнате. Я произношу такие слова "следует все же", потому что о Янтарной комнате много писали,

много говорили, фильмы показывали, и история эта, пожалуй, не менее известна и популярна, чем история Красной Шапочки и Серого Волка, но все же кое-что надо вспомнить, на те или иные обстоятельства обратить особое внимание.

— Подожди о Янтарной комнате.— останавливает меня Эдуард. — Во-первых, мы еще не все сказали вообще о янтаре и о "янтарной лихорадке", ведь ты о ней, наверно, еще ничего толком не слышал? Да, где вафельница, которую ты нашел на огороде?

— Вот она. Василий Васильевич, ну-ка пусти.

Кот, перебравшийся на мои колени с коленей Эдуарда, соскакивает на пол, а я достаю из-под стола массивную вафельницу, этакие две чугунные тарелищи на шарнире. Рецепт вафель тут же отлит в чугуне: "Мильх: 2,5 литр. 375 гр. буттер. 6—8 яйца, 1 кг меел, то есть муки, и цукер". Эдуард уже достает с полки муку, яйца, приносит из прихожей айн бутылка мильх и тяжелый пласт масла.

Называя его кладбищенским зрителем, я ничего не придумываю. Он действительно следит за сохранением и восстановлением древнего исторического кладбища на высоком лесистом холме в Ниде. Там до сих пор сохранились почти что языческие могильные знаки, вырезанные из дубовых плах. Изображения птиц, зверей, каких-то неизвестных существ.

— Сделал? Суй вафельницу в печку. Так, что ты еще хотел мне рассказать?

— Я тут порылся в старых немецких книгах...— Эдуард садится рядом.— Во времена немецкого рыцарского ордена добыча янтара была одной из важнейших его привилегий. Отправляясь в поход, тевтоны и не ведали, какую они добычу получат...

— А может, как раз и ведали? И потому-то и затеяли весь этот "Дранг нах Остен"? А не потому, что они были озабочены проблемами христианства в этих землях?

— Уже в 1360 году в Орденском замке в Кенигсберге была организована большая янтарная мастерская. Так, ты меня сбил, сейчас...— Он роется в карманах, добывает какую-то размокшую, помятую бумажонку.— Вот, я тут кое-что записал. Гм, янтарь из Пруссии отправлялся со специальными отрядами в Любек и Брюгге, в 1400 году его продано, например, на 1616 прусских марок, правда, не понять, много это или мало? В 1641 году в Кенигсберге возникает гильдия янтарная. В гильдии было почти сто

человек, а янтарь добывали не только в море, но и на побережье, в шахтах, вначале у местечка Хубникен, а потом — у Пальмникена, Янтарным сейчас он называется? Но очень много янтаря собирали и на берегу, где с 1811 года право добычи было арендовано неким Карлом Дугласом.

— Карл, да еще Дуглас? Авантюрист какой-то...

— Все меня сбиваешь... Он это дело арендовал за 6 тысяч талеров. Видал когда-нибудь такие монеты? Так вот, ежегодно он собирал на пляжах почти тринадцать тонн! Не сам, конечно, а его добытчики, которых почему-то называли "казаками Дугласа". В конце прошлого века в Кенигсберге была основана янтарная мануфактура на Заттлергассе. Сохранилась?

— Здание сохранилось. Какие-то склады.

— В девятьсот втором году чистый доход от янтаря составил миллион шестьсот тысяч марок, с 1923 года в Пальмникене началась шахтная добыча янтаря. И самой известной и добычливой была шахта "Святая Анна". Вот и все. Да, в 1930 году один килограмм янтаря стоил примерно 800 марок...

— Кстати, еще три года назад в Калининграде на рынке можно было купить килограмм янтаря за 15 рублей.

— Да, вот что еще: в 1899 году в Геологическом колледже Кенигсбергского университета на Ланге Райе, 4, профессором Клебсом был создан единственный в мире музей янтаря. В нем были образцы янтаря всех-всех цветов и размеров и 120 тысяч инклюзов, вкраплений насекомых, всяких букашек, мотыльков, растений в янтаре. Там, говорят, даже ящерка была. Где все это? Куда подевалось?

— Черт его знает. Еще одна Большая Тайна. Все куда-то как сквозь землю провалилось. Однако вернемся к Янтарной комнате. Но вначале — немного о янтаре в России.

...Итак — янтарь в России, так же как и во многих иных странах, был очень дорогим, изделия из него были вожделенными украшениями для самых богатых женщин, да и для мужчин тоже — о, трубка, например, наборная, с кусочками янтаря, перстень или пуговица! Или, к примеру, кубок, из которого давали испить вина самому важному, самому желанному да и нужному гостю. В Россию янтарь в основном попадал через Литву, где уже в XV—XVI веках было немало мастеров, способ-

ных к резьбе по янтарию, умеющих делать наборные, для различных игр, доски, шкатулки и ларцы, облицовывать шкафы и шкафчики, бюро, обрамлять янтарем зеркала и картины.

Ну, а что же Земландия? Прусское "золото Балтики"? И этот янтарь с Балтийского побережья, с Курише-Нерунг, и в особенности из местечка Пальмникен, что находится на северо-западной оконечности Земландского полуострова, появляется в России. Купцы его привозят российские, выменявшие этот редкостный "алатырь-камень" на шкуры лисиц и росомах, на ослепительно белые льняные ткани, да и просто покупая его. Порой тайно, на шумном кенигсбергском рынке, что когда-то раскидывался вдоль реки Прегель у подножия кенигсбергского замка. Поступал янтарь в Россию и в качестве даров. Уж если едет кто из Пруссии, да с важным до государя и государевых людей делом, значит, и янтарь везет. Множество великолепных изделий, даров прусских королей и важных государственных чиновников всех рангов хранится ныне в Кремле, в сокровищнице Оружейной палаты. Тут и всевозможные малые и большие блюда, ларцы и шкатулки, рамы для зеркал, шахматные доски с фигурками тончайшей резьбы. И великолепный кубок и пять чаш — дар русскому двору; янтарные жезлы и украшения; янтарная, со вставками из слоновой кости, шкатулка, присланная, как гласит легенда, из Пруссии в дар царю Алексею Михайловичу в 1650 году...

И наконец, Янтарная комната. "Она представляет смесь стилей барокко и рококо и является настоящим чудом не только в силу большой ценности материала, искусной резьбы и изящества форм, но главным образом благодаря прекрасному, то темному, то светлому, но всегда теплomu тону янтара, придающему всей комнате невыразимую прелесть.— Так описывает это янтарное чудо один из крупных знатоков Фелькерзам.— Все стены облицованы мозаикой из неравных по форме и величине кусочков полированного янтара, почти однообразного желтовато-коричневого цвета. Резными рельефными рамами из янтара стены разделены на поля, середину которых занимают четыре мозаичных пейзажа с аллегорическими изображениями четырех человеческих чувств. Картины эти исполнены из цветных камней и вставлены были при Елизавете в рельефные янтарные рамы".

Но как возникло это чудо? Чья идея? Кто создатель?

...Многие из тех, кто пишет и рассказывает о Янтарной комнате, обращают свой взор к Берлину, Большому

королевскому дворцу, заказ на перестройку которого был получен выдающимся архитектором, художником и скульптором того времени Андреасом Шлютером в 1699 году от герцога Пруссии Фридриха III, будущего короля. Именно в этом своем новом королевском дворце возжелал будущий король иметь нечто необыкновенное, чего нет ни в одном дворце ни одного монарха Европы, а именно — Янтарный кабинет! Все это так, но откуда у будущего короля возникла такая идея? Или эта замечательная мысль родилась в голове Шлютера? Все дело, возможно, в том, что Фридрих бывал в Прибалтике, он любил янтарь, изделия из него. Короновался он в Кенигсберге, куда 29 декабря 1700 года курфюрст Фридрих с супругой Софьей-Шарлоттой прибыл большой кавалькадой карет.

Это был праздник! Весь город, кажется, встал на дыбы. Все сверкало иллюминацией. На площадях и перекрестках улиц пылали огромные костры. На Шталльплац "из двух труб било красное и белое вино, а на гигантском вертеле жарили огромного быка, начиненного курами и утками, бочки винные были выкачены на другие площади и было роздано много других яств, и разбросано по городу золотых и серебряных монет, дар будущего короля, суммой в 6 тысяч талеров, и все в эти дни в приютах, домах призрения и казармах были сыты и довольны" — так сообщалось в газетах о том событии.

Праздник длился две недели. 4 января герольды во дворце замка возвестили о коронации, а сама коронация произошла полмесяца спустя в аудиенц-зале замка, там же новый король надел корону на свою супругу и принял присягу сословий на верность. И дары он принял. Массу янтарных изделий и просто янтаря — мешками, ящиками, которые были привезены в замок и составлены в одной из королевских комнат, куда складывались дары. Уже многие знали о замысле короля — Янтарном кабинете, и спешили быть примеченными, знали, король не забудет даров, поступивших так вовремя. Все было прекрасно. "Эта церемония всего лишь один раз была нарушена королевой, доставшей подарок из табакерки, которая была преподнесена Петром Первым", — сообщает занятную деталь коронации все тот же придворный бытописатель, заставляя нас задуматься: что это так рассердило молодого прусского короля?..

Замысел Фридриха начал осуществлять в январе придворный мастер датского короля Фридриха IV (господи,

сколько Фридрихов!) Готтфрид Вольфрам, известный знаток янтарного искусства. Более шести лет Готтфрид Вольфрам со своими помощниками и учениками резал, шлифовал и наклеивал на деревянные панели кусочки и пластинки янтаря, но в конце концов, измученный и разуверившийся в своих способностях, попросил отпустить его, отдать непосильное для него дело другим, более способным в художественном умении людям. Такими оказались данцигские мастера Готфрид Турау и Эрнст Шахт. Пять лет напряженной, кропотливой работы, пять лет! "Спешите, господа,— говорил мастер-рам король.— Верю, янтарь продляет жизнь". Он знал это, верил в чудодейственные свойства "солнечного камня", как верили многие, родившиеся и жившие на берегах Балтики. Уединившись в своем Янтарном кабинете, король читал, музицировал, сочинял стихи и принимал поэтов. Он считал, что искусство и культура делают людей — а вместе с ними, естественно, и государство — сильнее, независимее.

По-иному рассуждал сменивший его на троне "солдатский" король, Фридрих Вильгельм I, глубоко убежденный, что сильным государство может сделать лишь сила, солдаты, мощная, отлично вымуштрованная армия! Единственная нужная народу музыка — это музыка военных оркестров, гром барабанов, от звука которых так приятно замирает сердце, грохот солдатских сапог по каменным плацам да гром орудийной пальбы: вот настоящая музыка, достойная настоящего мужчины, воина, короля! И Фридрих Вильгельм I разгоняет придворных музыкантов, певцов и поэтов, многочисленную дворцовую прислугу, а освободившиеся деньги направляет на укрепление своей армии, на отливку орудийных стволов. Что ему этот пышный Янтарный кабинет? Он и жил как солдат, как бюргер, спал на простой походной койке, покрываясь не пуховым лебяжьим одеялом, под которым так разоспишься, что и к полдню из кровати не вылезешь, а простым, сурового сукна солдатским одеялом...

В 1716 году в Берлин прибывает Великое российское посольство, встреченное небывало пышно. О, как нужна была Фридриху Вильгельму поддержка России, дружеские отношения с российским царем Петром! Россия укреплялась. Русское государство становилось колоссом, российские войска — могучей, с высокой боевой выучкой силой, разгромившей под Полтавой самого короля Швеции Карла XII, имевшего тогда самую мощную

европейскую армию. Карл хоть и понес сокрушительное поражение под Полтавой, но его армия была еще очень сильна, она угрожала Пруссии, да что угрожала — захватила остров Рюген и некоторые прибрежные германские провинции. Петра надо было принять как следует. И сделать ему такой подарок, какого не получал еще ни один государь мира, но что, что подарить ему? Осматривая новый берлинский дворец и сдержанно относясь ко многим шедеврам, украшавшим его залы, — картинам, гобеленам, рыцарским доспехам, Петр I был потрясен, когда король Фридрих Вильгельм привел его для беседы в Янтарный кабинет. Русский царь, этот "грубый, неотесанный варвар", как в кругу приближенных отозвался о Петре король-солдат, сам-то не обладающий достаточно глубокой эрудицией, — был восхищен творением янтарных мастеров. "Такого чуда я еще никогда не видел!" — признался он прусскому королю. Тот ликовал. На кой черт ему этот дурацкий кабинет, в стену которого и гвоздя-то не вобьешь, чтобы повесить свой мундир или карту военных действий? И Фридрих Вильгельм сказал: "Теперь вы этим будете любоваться всегда. Я дарю его вам, государь! Как символ крепкой военной дружбы. Как символ могучего военного союза..."

"Получил президный презент", — сообщил Петр своей жене. Да, он принял этот дар прусского короля, но укреплять с ним военную дружбу не спешил. Карл еще не был сломлен, русские войска несли большие потери, казна была в бедственном состоянии, и еще не было видно конца-края той кровавой, затянувшейся на долгие годы Северной войне. Но надо было как-то ответить на прусский дар. И Петр направляет в Берлин "великанов", русских парней, солдат, среди которых не оказалось ни одного ниже двух метров. Гвардейцев для личной охраны прусского короля.

А что же кабинет? "Monsieur, когда прислан будет в Мемель из Берлина от графа Александра Головкина кабинет янтарной (которой подарил нам королевское величество прусской), — пишет Петр I письмо в Курляндию обергофмейстеру графу Бестужеву-Рюмину, — и оный в Мемеле прими и отправь немедленно через Курляндию на курляндских подводах до Риги с бережением с тем же посланным, который вам сей наш указ объявит, и придайте ему до Риги в конвой одного унтер-офицера с несколькими драгунами: также дайте тому

посланному в дорогу до Риги на пищу денег, дабы он был доволен и ежели будет требовать под тот кабинет саней, и оные ему дайте”.

Все было исполнено, как приказывал царь. И кабинет усилиями графа Александра Головкина был благополучно доставлен в Мемель. И Бестужев-Рюмин отнесся к указанию Петра с соответствующим рвением и старанием, выделил сани, дал в сопровождение солдат, продукты дал и денег цареву направленно, чтоб все было в пути в порядке, чтоб благополучно докатили сани с ценнейшим, разобранным, аккуратно разложенным в восемнадцать больших и малых ящиков, янтарным грузом.

Ах, этот кабинет янтарный! Сколько с этим янтarem связано событий, судеб человеческих!

Среди тех, кто на тринадцати санях, а потом — подводах сопровождал “янтарный транспорт”, месил снег и вязкую российскую грязь, дышал летучей пылью разбитых дорог, вглядывался с интересом в таинственный лик России, были двое итальянцев — сорокадвухлетний Бартоломео Карло Растрелли, скульптор, не понятый, не признанный на своей родине и решивший попытать счастья в далеких краях, и его шестнадцатилетний, подаяющий большие надежды в рисунке, чертеже и склонности к архитектуре сын Варфоломей...

Царь Петр не смог увидеть своими глазами Янтарный кабинет, то, что выставили в Зимнем дворце, было лишь малой его частью. Уже после смерти Петра вновь возникает идея создания Янтарного кабинета в Зимнем дворце. Работы были начаты, но не завершены. В 1755 году поступает распоряжение императрицы Елизаветы Петровны: Янтарный кабинет, со всякою осторожностью собрав и опять уложив в ящики, перенести под присмотр янтарного мастера Мартелли в Царское, где убрать оным янтarem царскосельский покой, который ея величеством для сего назначен будет.

Но почему императрица приказывает все эти работы янтарному мастеру Мартелли, а не Растрелли? Может, потому, что Растрелли-отец помогал сыну в работах по строительству дворца и был сильно занят? И тем не менее, когда янтарь прибывает из Петербурга в Царское Село, Бартоломео Растрелли принимает участие в создании нового, янтарного “царскосельского покоя”, который с этой поры превратился из “кабинета” в “комнату”, а точнее — весьма значительных размеров янтарный зал.

Да, зал оказался значительно бóльшим по размерам, чем было янтарных панелей и прочего янтаря, и Растрелли создал новый, оригинальный проект, в который были включены огромные зеркала, придавшие всему помещению особую красоту, глубинность, в них без конца виделся отраженный янтарь. Но и эти "зеркальные стены" не спасли: янтаря не хватало! И вот на стенах, вмонтированных в янтарь, появились четыре "каменных" мозаичных картины, пейзажи, набранные из агата и яшмы.

И к тому же янтарные панели как бы "подросли". Растрелли и Мартелли, а также русские умельцы Василий Кириков, Иван Копылов и Иван Богачев и другие русские мастера нарастили их, очень искусно сделав поверху, над янтарем, деревянные, украшенные позолоченной резьбой фризы. Появились и великолепные подзеркальники, золоченые бра, белые, с резьбой, в позолоте двери, а позже эта уникальная комната наполнилась и многими другими произведениями искусства из янтаря. Тут нашли себе место инкрустированная янтарем мебель и кажущиеся прозрачными, застекленные особым, полированным стеклом шкафчики с мозаичными шкатулками, бокалами и фигурками, вещами из Земландии, поступившими ранее в дар русскому двору от прусских владык.

Итак, янтарный кабинет стал Янтарной комнатой. Стал ли он хуже, чем был? Намного ли изменился? Вот мнение на этот счет известного искусствоведа С. Н. Вильчковского: "Строгость стиля, художественный замысел Шлюттера, первого автора кабинета, были нарушены, но "варвар", нарушивший творение художника, был сам не меньший художник, и поэтому янтарный кабинет, став янтарной комнатой, не потерял своей художественной ценности. Она органически вошла в гамму парадных комнат дворца, где Растрелли так широко развернул свой талант"...

— Сейчас все будет готово,— говорю я Эдуарду.— Заваривай чай. Да, ты собирался что-то рассказать про "янтарную лихорадку".

— О, это было событие для Курише-Нерунг, тихого уголка с редкими пансионатами! В конце прошлого века, кажется, в 1860 году, один рыбак выгреб не из моря, а из залива целый сачок вот таких, с кулак, янтарей. И пошло дело! Из Мемеля, да что Мемель — наверно, со всей Северной Литвы, из Латвии и Пруссии в местечко Шварцерт, ну, в Юодкранте, там, где "Дорога ведьм", пона-

схали тысячи людей! Все тут вскипело, забурлило. Возникли бригады, группы, фирмы, как, например, фирма "Штантиен унд Беккер", откупившая у Мемеля за 15 тысяч марок кусок залива, где начала долбать дно землеропалкой, а кругом шарили в воде сотни "свободных промысловиков". И появились кафе, рестораны, бары, доступные, за янтарь, женщины, перекупщики, спекулянты, грабители, игорные тайные домишки, "комнаты свиданий". Тут, у Брюстерортского рифа, Беккер даже с помощью водолазов янтарь добывал! Лет десять это длилось. Тонны отличного янтаря, "золота Балтики", выгребли из залива, а потом — как отрезало.

Вафли чуть пригорели, пахнут дымком. Мы пьем густой чай из больших эмалированных кружек, на которых изображен черный орел в огненных лучах восходящего из-за земного шара солнца. По низу черная, готическим шрифтом надпись: "Siegreich" — "Победоносный". Эти кружки рассылались в качестве дара каждой прусской семье из "Коричневого дома" в Кенигсберге, ведомства Эриха Коха, в целях поднятия боевого прусского духа. Из-за шара земного, как чудовишный краб, выкарабкивается свастика. Не выкарабкалась! Эти кружки, как и вафельница, вылезли из песчаной земли огорода.

— Где-то я читал, что она туда и вернулась, откуда была добыта,— говорит, прислушиваясь к тяжким вздохам моря, Эдуард.— И вновь стала тем, чем и была всегда: "золотом Балтики"...— Дует в кружку, спрашивает: — Скажи, ну как могло такое случиться, что Янтарную комнату не вывезли из Екатерининского дворца?..

Действительно, как же такое могло случиться: не вывезти Янтарную комнату из зоны боевых действий, оставить ее, да и множество других ценностей, в Екатерининском дворце, в получасе езды от Ленинграда? Не нашлось десятка крепких парней, да одного вагона или нескольких грузовиков?

...Горсть самых лучших, самых красивых кусочков янтаря, найденных нами с Эдуардом на Куршской косе, лежит на моем письменном столе. Поздний вечер. Судовые, укрепленные на стене часы отбивают "склянки": дзинь-дзинь-дзинь! На серебристом циферблате аккуратная, готическим шрифтом надпись: "Emden". В германском военно-морском флоте был такой крейсер "Эмден". Эти часы я выменял зимой сорок пятого

года на кенигсбергском рынке за буханку хлеба у серолицего замерзшего немца. "Гут, отшень часы гут..." — бормотал он, торопливо заворачивая хлеб в серую, как его лицо, тряпку. Если бы я знал тогда, что спустя многие годы буду интересоваться этим крейсером, я бы спросил, каким образом эти часы оказались у него. "Ах зо, айн момент,— окликнул он меня, когда я уже повернулся, чтобы уйти.— Клутшь, шлюссел, битте",— немец подал мне тяжелый фигурный ключ и попытался изобразить на иззябшем лице улыбку, козырнул, поднося руку к заиндевелой шапке.

Как же ее не сумели спасти? Просматриваю разложенные на столе бумаги. Бандик устраивается у меня в кресле за спиной, знает, что просижу теперь за столом до глубокой ночи.

Так, что тут у нас? Несколько переводов с немецкого, сделанных Василием Митрофановичем Тарабриным, из документов архива Георга Штайна.

"ОПЕРАЦИЯ "ЛИНЦ". История этого ограбления началась в марте 1938 года, когда Гитлер при въезде в свой родной город Линц восторженно поклялся исполнить мечту своей юности: создать в Линце своеобразный памятник себе и своей матери,— лучший **МУЗЕЙ МИРА**, который оставит в тени знаменитые музеи Лувра, Национальной Галереи, Нью-Йоркский музей Метрополитен и Эрмитаж..."

Гитлер поклялся, но мало кто еще знал об этом, тем более живущие в России, и тем более мы с моей сестрой Женей. В том, 1938 году мне исполнилось десять лет, и Женька сказала: "В честь твоего дня рождения, балда, мы обойдем десять музеев города, а потом еще разик съездим в Екатерининский дворец, как считаешь?"... "Гитлер был настолько ослеплен этой мечтой, что даже в 1945 году, когда он уже был в бетонном бункере и слышал раскаты орудийной стрельбы русских, он все еще обсуждал со своим личным архитектором Альбертом Шпеером строительные планы Линца".

И все же, как могло произойти, что Янтарную комнату оставили в Екатерининском дворце?! Рассчитывали, что враг вскоре выдохнется и наши отважные красноармейцы погонят его назад, к полосатым пограничным столбам? Кто ответит на этот вопрос?

Бандик, не крутись, мешаешь! Вот, смотри: письмо Альфреда Роде. **"ГАУЛЯЙТЕРУ ЭРИХУ КОХУ.** Считаю крайне необходимым обратиться к Вам по следу-

ющему вопросу. В то время как наши отважные воины, а в их числе и народные гренадеры 217-й Восточно-Прусской дивизии, преодолевая ожесточенное сопротивление врага, продвигаются к Петербургу, в огне войны гибнут многие культурные и исторические ценности мирового значения. Не исключено, что такая участь может постигнуть и замечательнейшее произведение рук выдающихся мастеров, Янтарную комнату, национальную гордость Германии, находящуюся ныне в Екатерининском дворце города Пушкин (Царское Село). Необходимо принять все меры для возвращения этого шедевра в лоно Родины и, поскольку она сделана из прусского янтаря, в Восточную Пруссию, в Кенигсберг. Как директор музеев искусств Кенигсберга, я гарантирую ее принятие и размещение в одном из помещений Кенигсбергского замка. Хайль Гитлер! Альфред Роде, Кенигсберг, 9 августа 1941 г.”.

Ну и ну! 9 августа я еще был у своего деда в Гатчине, я еще ходил со своим приятелем Костиком на Дальние озера ловить корзиной карасей, а Альфред Роде уже каждый день, наверно, подсчитывал, сколько же еще километров, сколько еще дней боев остается между передовыми отрядами германских войск и городом Пушкиным, Екатерининским дворцом, Янтарной комнатой! А что же мы? Да, война была где-то не так уж и далеко, все чаще возникали воздушные бои над Гатчиной, налеты, бомбежки. Война приближалась! На станцию один за другим прибывали составы, забитые ранеными и эвакуированными, и мы, мальчишки, бегали на пути с бидончиками воды, меняли ее на конфеты, но никому и в голову, по крайней мере нам, детям, не могло прийти, что все же и сюда, в этот уютный городок, с его старинным великолепным дворцом императора Павла I, в котором мой дед Александр Иванович служил ночным сторожем, придет война!

Отодвигаю письмо Роде, откидываюсь на спинку кресла, ой, прости, Бандик, я ведь тебя не раздавил, что же ты так рычишь? Да-да, никто такому не поверил бы никогда, да, шли тяжелые бои, это мы знали, но ведь враг где-то уже был остановлен, отброшен, да-да, я не знал этого, но знало германское командование, что даже пруссаки порой по несколько дней топтались на одном месте. ”Затем последовали тяжелые и тем не менее всегда победоносно завершавшиеся наступательные бои под Ленинградом,— вспоминал в своих мемуарах один из самых

”отважных пруссаков”, как о нем писали местные кенигсбергские газеты, генерал от инфантерии Отто Ляш,— где мой Восточно-Прусский 43-й гренадерский полк и моя Восточно-Прусская 217-я пехотная дивизия, действуя всегда, все время на самом опасном направлении, снискали себе бессмертную славу”...

”Вода, вода! Чистая, холодная вода!” — бежали мы с криками к душным, набитым людьми вагонам, нисколько не думая о том, что эти люди потеряли все: свои дома, квартиры, все то, что было нажито долгим и тяжким трудом, а теперь едут неизвестно куда. Едут ли? Или их куда-то гонят, не позволяя даже ”по нужде” выходить из этих вагонов? ”Воды! Воды!” — кричали люди. ”Нельзя вода! Прочь! Стрелять будям!” — отгоняли нас смуглые, узкоглазые красноармейцы... Почему нельзя? Спустя многие годы дочь литовского интеллигента из Каунаса, жена моего друга, Герда, рассказывала мне, как в те страшные дни умирающие от жажды в теплушках люди готовы были отдать все за глоток воды, а среди них и она, десятилетняя гимназистка...

Нет-нет, нельзя сказать, что мы были равнодушны к этим людям, что мы не замечали их страдающих лиц, их несчастных, похожих на птичьи крики, голосов, мы бегали и бегали за водой, лили ее в кружки, супницы, котелки, в сложенные вместе стариковские и детские ладони, пока один из красноармейцев не поднял винтовку и не выстрелил в Генку Конюхова, пацана с нашей Рабочей улицы, но это так, горестные воспоминания, при чем тут Янтарная комната? Дзинь-дзинь-дзинь, теперь уже постоянно, утром, днем и вечером, позвякивали в хрустальных люстрах Гатчинского дворца висюльки. Враг приближался. Уже начальник генерального штаба вермахта генерал-полковник Ф. Гальдер аккуратно, ровными, как строй солдат на плацу, строчками сделал в своем военном дневнике очередную запись: ”...*Группа армий ”Север”* должна выполнять задачи, указанные ей в директиве по стратегическому развертыванию, силами, имеющимися в ее распоряжении... 2. Непокослбимо решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы”.

Все громче, все тревожнее позвякивают во дворце хрустальные висюльки, но дворец еще открыт для посетителей, еще проводятся экскурсии. ”Никакой паники!

— вызывает к населению местная газета.— Враг будет разбит! Паникеров — к стенке!" "Дах-ддах-ах!" — гремят выстрелы, и паникеры падают в горячую летнюю пыль. "Поезжай, однако, домой", — как-то однажды сказала мне бабушка Лиза. "А ну, без паники!" — строго остановил ее дед. "У-уу-уу!" — взвыли вдруг поезда, и тотчас загрохотали зенитки, что, опять воздушная тревога? Дед прислушался, поразмышлял и сказал: "Вобщем-то, пора. Уж начали всяческие ценности с дворца вакуировать. Собирайся, отправлю с попуткой, с ящиками музейными".

"Дзинь-дзинь-дзинь", — отбивают склянки часы с крейсера "Эмден".

...На площади перед дворцом, возле памятника императору Павлу, громоздились штабеля ящиков. Только что укатили три грузовика, поджидали еще три. Бам-бам-бам! — молотило, грохотало где-то уже не так и далеко чудовище-война. В тот августовский день мы и знать не знали, что наш "неприступный" оборонительный "Красногвардейский" рубеж был без боя обойден и немецкие танки, сметая спешно созданные заслоны, мчались по одному из шоссе к Гатчине. "Где же грузовики? — нервничали сотрудники музея. — Где ящики?!" Нужно было еще так много запаковать, уложить! Куда-то они бегали, звонили, уходили, возвращались все более встревоженными. Не было ящиков! Не было грузовиков. А тяжкий грохот все разрастался. На военном аэродроме — до него от дворца было рукой подать — то взлетали, то садились истребители, потом вдруг поднялись, кажется, все-все самолеты, что были на обширном поле, и полетели в сторону Ленинграда. Истребители, несколько бомбардировщиков, "кукурузники". Откуда нам было знать в тот момент, что авиаотряд покидал аэродром?

И поезда нет! И грузовиков нет! "Юрка!" — вдруг услышал я и увидел свою сестру Женю. Я побежал к ней, мы обнялись. Женька была вся пропыленная, потная, черные ее волосы прилипли ко лбу, правая коленка разбита, по ноге стекала струйкой кровь. "Я за тобой! Говорят, сейчас поезд будет..." На каких-то попутных машинах, с неким "истребительным" рабочим батальоном фабрики "Скорород" она с самого утра добиралась до Гатчины.

Я попрощался с дедом, и мы побежали с Женей к озеру, ей надо было ногу от крови отмыть. "А где богини? Где боги? — спросила она. — Где Афродита?

Аполлон?" Да, куда же они подевались? Постаменты были пусты! Их увезли? Куда-то спрятали? Закопали в землю? "У-у-уу!" — донесся приближающийся гудок паровоза. Одергивая платье, Женя выскочила из кустов, схватила меня, и мы понеслись на вокзал. Что тут творилось! Тысячи людей заполнили перрон, сам вокзал и привокзальную площадь. Женщины, мужчины, старики, дети. Все с вещами, чемоданами, коробками, тюками. Теснились носилки с замотанными бинтами ранеными красноармейцами, мотались группки встревоженных, в белых халатах, врачей и медсестер, раненые на костылях, с руками на перевязи. Милиционеры. Свистки. Надорванные крики: "Все от перрона! Раненых в первую очередь!" Глухой говор взволнованной тысячной толпы. Черные раструбы репродукторов. Рев марша: "Все выше, и выше... и выше-ее! Стремим мы полет наших пти-иц!!" Огромный бомбардировщик, медленно взлетающий с аэродрома. Какие-то букашки на его шасси, люди там что ли прицепились? "Тру-ру-ру-у!", "Бам-бам-ба-бам!" — отряд пионеров с горном и барабаном приближается к вокзалу. Стройно. Рядами. Белые рубашки, черные брюки и юбки, рюкзаки, сумки, картонные папки с гербариями, банки с тритонами и лягушатами. "Дух-дух-дух!" — накатился паровоз. Замелькали вагоны, застучали буфера, народ ринулся на штурм, над морем голов дергались, вскидывались чьи-то руки, сумки, костыли. Вопли, стоны, проклятия. "Все выше и выше... стр-ремим мы полет..." Потом черные раструбы поперхнулись и вновь ожили: "Граждане пассажиры! — проревели громкоговорители. — Без паники. Через час вы все уедете на следующем поезде!" И: "...стреми-им мы полет наших птиц!"

На крыше вагона мы с Женей доехали лишь до Красного Села. Дальше пути были взорваны. Всю ночь мы шли по каким-то забитым людьми, машинами и скотом дорогам. Много было подбитых машин. Возле одного грузовика горой были составлены ящики, которые я сразу узнал, это были ящики с сокровищами из Гатчинского дворца. Красноармеец с винтовкой ходил взад-вперед; экскурсовод Марина Владимировна сидела на одном из ящиков, гляделась в зеркальце, что-то подправляла в своей прическе. Увидев нас, обрадовалась, сказала, округляя глаза и понизив голос, что их обстреливали, что шофер убит, вон он там лежит под плащ-палаткой, машина сломана. Быстро написала на бумажке телефон:

— "Женя, позвони. Это телефон замдиректора Эрмитажа, скажи, что я с ящиками на двенадцатом километре шоссе"...

Уже после войны от своего дедушки я узнал, что никакого "следующего" поезда не было. Что к вечеру в Гатчину вошли немцы. Всех здоровых мужчин и женщин, подростков и пионеров, что дожидались поезда на вокзале, погнали к дворцу и, разбив на группы, заставили выносить из дворца не вывезенные в Ленинград ковры, мебель, картины, книги, свернутые "трубами" гобелены. Утром к дворцу подкатили огромные грузовики с ящиками, в которые все эти дворцовые сокровища укладывались, паковались. "Где дворцовый парковый фигур? — спрашивали немцы. — Где дворцовый мрамор фигур? Куда, кто запрятал?" Группа мужчин и женщин, видимо сотрудников музея и красноармейцев, стояла под охраной автоматчиков: "Где парковый мрамор фигур?! — без конца выпрашивал их офицер. — Если вы не будете говорить где, мы будем вас очень быстро стрелять!" Никто не знал, где "парковый фигур". Всех их, не знавших, а может, и знавших, но смолчавших, расстреляли действительно очень быстро, утром следующего дня... А работа во дворце продолжалась. "Быстро работай-работай! — покрикивал офицер на мужчин, женщин, пионеров. — А потом будет поезд, и вы все фарен, быстро все поехать!" "Быстро все поехать" было суждено не всем, а лишь детям и пионерам. В Прибалтику. В Литву. В Восточную Пруссию. В специальные детские лагеря, на добычу янтаря, в Пальмникен, на шахту "Святая Анна" и в помещицьи усадьбы. В товарных вагонах по пятьдесят человек. Сутками без глотка воды. Как они хотели пить! "Воды, воды!" — кричали дети, когда поезд останавливался на той или иной станции. "Битте, вассер!" — как-то послышался веселый голос, заскрежетала дверь и в вагон просунулась рука с полным котелком. Расплескивая влагу, иссушенные жаждой рты приникли к котелку. Это была желтая, крутая солдатская моча... Среди тех, из-под Гатчины, пионеров была и пионерка Галя Новицкая, которую мне как секретарю Калининградской писательской организации спустя три десятка лет предстояло принять в Союз писателей...

Ах, этот янтарь! И в Пушкине, по-видимому, эвакуация сокровищ Екатерининского дворца происходила так же, как в Гатчине, но все же Янтарная комната! Неужели ничего нельзя было придумать, предпринять, спасти? Кто ответит на этот вопрос?

Но тут надо сказать следующее: помните, как моя предприимчивая сестренка выковырнула из янтарной стены один янтарик? Значит, ее и тронуть-то было нельзя, не то что эвакуировать?

...Пожилой человек, которому уже под восемьдесят, как-то неудобно, криво сидит в кресле, половина тела его разбита параличом, рука не поднимается, половина лица перекошена, но глаза веселые, а голос, хоть и тяжкий, сбивчивый, но живой, энергичный. Это Анатолий Михайлович Кучумов, первый смотритель Янтарной комнаты, которого я навестил в Доме ветеранов на окраине города Пушкина (господи, как неудобно писать: "Пушкина", "в Пушкине". Чем было плохо: "Царское Село"?). Он лишь недавно выкарабкался из тяжелой болезни, но согласился встретиться со мной.

— Да, все так! Янтарь осыпался. Деревянные панели, на которых был наклеен янтарь, как бы ссыхались, и янтарь отваливался. Порой даже от стука двери. И чтобы он не бился, вдоль стен пришлось настелить матрасы. Пытались ли эвакуировать? Ну, во-первых, в эвакуационных списках, составленных в 1939—1940 годах, Янтарная комната вообще... не значилась. Потом якобы она была включена в списки на эвакуацию, но перед приходом немцев в Царское Село этих документов в горсовете вообще не оказалось! Пробовали ли снимать панели? Пробовали. Обклеивали янтарь тонкой бумагой, затем марлей, тканью... — Устает от разговора, откидывается к спинке кресла, но вновь оживает: — Да, все сложно, все странно... Знаете, перед самой войной я был направлен из Екатерининского дворца смотрителем в другой, царя Александра... уф, жарковато в комнате, правда? Или это только мне жарко? Так вот, об эвакуации: из тысяч ценнейших предметов "моего" дворца в эвакуационные списки было внесено всего... восемь предметов! Саксонские вазы, гобелен, еще что-то... А мы вывезли почти тысячу предметов! Помню, как в последние минуты перед отъездом вдруг из Екатерининского дворца привозят ящики со столовым серебром, умоляют: "Возьмите, мы вывезти не можем!"...

Вот как все происходило по свидетельству очевидца. В общем: "Без паники, товарищи! Враг будет остановлен и..." Конечно, проявив невероятные усилия, работники дворца успели все же многое спасти, вывезти, упрятать, зарыть в землю, но огромное количество сокровищ,

и в частности крупных вещей, отправить в Ленинград не удалось. Ну, а Янтарная комната? Как поступили с ней? По свидетельству А. В. Максимова, было принято наивное решение: спрятать, а вернее — замаскировать ее. Вдоль янтарных стен выложили другие, в половину кирпича, стены, оштукатурили их, эти фальшивые стены, оклеили обоями и украсили некоторыми, менее ценными из огромного количества дворцовых коллекций картинами. Нервничали: заметят немцы, не заметят?

И доктор Роде нервничал: не видя Янтарной комнаты, он знал о ней все, он ощущал ее как живое, трепетное существо, он был влюблен в это источающее золотистый свет чудо и терзал себя одними и теми же вопросами: успеют ли русские размонтировать "Бернштайнциммер", увезут ли ее в Петербург? А если не увезут, то сохранится ли она, не будет ли повреждена? Когда же, когда появится возможность поехать туда, в это "Тшарское зело"? Недолго уже оставалось ждать...

..."76-й день войны,— аккуратно делает глубокой ночью в своем военном дневнике запись Ф. Гальдер.— 17.30. *Совещание у фюрера*: 1. Ленинград. Цель достигнута. Отныне район Ленинграда будет "второстепенным" театром действий..." Спустя некоторое время в дневнике появляется новая запись: "8 сентября, 79-й день войны... На фронте группы армий "Север" в общем спокойный день. Корпус Шмидта занял Шлиссельбург". В этот день Гальдер подписал приказы о новых назначениях, в том числе и о вводе в должность командира 217-й Восточно-Прусской дивизии полковника Отто Ляша. Именно его "народные гренадеры" в ожесточенном, страшном бою, овладев Шлиссельбургом, замкнули блокадное кольцо вокруг Ленинграда.

Цель достигнута! Спокойный день! Нет-нет, конечно, не цель всей войны, а лишь одна из целей группы армий "Север": Ленинград с суши полностью блокирован, с высот под Пулковом уже можно рассмотреть дворцы и замки города в обыкновенный полевой бинокль, а самолеты, бомбящие город, достигают его центра, поднявшись с гатчинского аэродрома, за десять — пятнадцать минут...

В этот "спокойный", как записал в своем дневнике Гальдер, день в одной из кенигсбергских газет появилось следующее сообщение: "Германские ценности должны вернуться на родину! Сегодня в шестнадцать часов в помещении исторического кабака "Блютгерихт"

состоялась пресс-конференция, которую дали общественности обер-бургомистр Кенигсберга д-р Гельмут Вилль, директор музея истории искусств Кенигсберга д-р Альфред Роде и д-р Герхард Штраус. Первым на пресс-конференции выступил д-р Вилль, который сказал: "В российских, литовских, латышских, эстонских, украинских и белорусских музеях скопилось огромное количество германских исторических и культурных ценностей, которые попали туда разными путями. Среди них и знаменитая Янтарная комната". "Мы,— сказал д-р Роде,— обратились к нашему гауляйтеру, господину Эриху Коху, с просьбой о возвращении этих истинно германских ценностей на родину, в Восточную Пруссию, где Янтарная комната будет немедленно восстановлена в своем первоизданном виде!" Далее д-р Вилль сообщил, что магистрат готов выделить необходимые средства на восстановление Янтарной комнаты в одном из помещений Кенигсбергского замка. Д-р Вилль, д-р Роде и д-р Штраус ответили на многочисленные вопросы корреспондентов и представителей общественности, после чего были угощены вином из старых бочек "Блютгерихт" и пуншем "Наша победа".

На этой пресс-конференции не было сообщено, что Эрих Кох уже обратился к Альфреду Розенбергу, рейхс-министру по оккупированным областям, с просьбой о получении кенигсбергским историческим музеем Янтарной комнаты, на что вскоре последовал ответ: для размонтирования комнаты в Царское Село в ближайшее время выедет специальная группа батальона особого назначения министерства иностранных дел, однако комната эта никак не может быть передана в Кенигсберг, так как представляет собой особую государственную ценность. Несомненно, что она украсит будущий "Музей народов мира" в городе Линце, в создании которого так заинтересован фюрер. Батальон особого назначения в ведомстве Иоахима Риббентропа, которым руководит майор СС Эберхард фон Кюнсберг? Музей в Линце? Да, все это очень серьезно, но не таков был Эрих Кох, чтобы отступить от задуманного! Несколько поразмыслив, он командирует в зону боевых действий свою группу с посланием командующему 18-й армией Георгу Кюхлеру, с которым был в хороших отношениях,— обеспечить передачу Янтарной комнаты и иных ценностей Екатерининского дворца его, Коха, людям. Получив действитель-

но поступившее из Берлина от Риббентропа указание о передаче "янтаря" группе майора фон Кюнсберга и как бы отказав Коху, имперский министр по делам оккупированных восточных территорий, только что размещившийся со своим штабом в Риге, Альфред Розенберг тем не менее не спешил. Во-первых, он не подчинялся непосредственно Риббентропу — тот министр там, на Западе, а он министр тут, на Востоке; во-вторых, Ленинград и его окрестности территориально пока еще не попадали в зону его влияния, не были переданы ему военными, да и командование группы армий "Север" не подчинялось его ведомству. К тому же — Кох, любимчик Гитлера!.. Жаль, конечно, что такие сокровища уплывут в Восточную Пруссию, но все тут так сложно! Ведь даже если он и обратится к командующему группой армий "Север" фон Леебу или непосредственно к упрямому, как все пруссаки, генерал-полковнику Кюхлеру, будет ли какой толк? Нет-нет, надо помедлить...

...Переговорив с фон Леебом, генерал-полковник Кюхлер вызвал к себе командира оперативной группы для особых заданий командования "кунстштутц-офицера" ("офицера по защите искусства") полковника графа Золмс-Лаубаха и сообщил ему, что на днях из Кенигсберга приедет специальный порученец Эриха Коха, доктор Альфред Роде, знает ли он такого? Конечно, искусствовед по образованию, граф Золмс-Лаубах прекрасно знал, кто такой доктор Роде. И, поняв без особых пояснений, что следует сделать, доложил командующему, что для демонтажа Янтарной комнаты ему потребуется человек шесть—восемь солдат из третьей роты резервного (строительного) 555-го батальона. Кюхлер кивнул: да-да, конечно, действуйте, показал глазами на телефон. Полковник поднял трубку, подал ее Кюхлеру. Тот дал соответствующие указания, приказав одновременно усилить охрану Екатерининского дворца и никого, кто бы, откуда бы и с какими бы полномочиями, хоть из самой рейхсканцелярии, ни появился там, без разрешения полковника фон Золмс-Лаубаха, который наделен особыми полномочиями штаба группы армий "Север", в Янтарную комнату не пускать. Все, господин полковник! Действуйте быстро, решительно, но и тактично, если столкнетесь с людьми рейхсминистра Розенберга. "Гутен нахт". — "Ауфвидерзеен"...

Восьмое сентября! "В ОБЩЕМ СПОКОЙНЫЙ ДЕНЬ". Для Ленинграда это был самый первый день жестокой, на уничтожение всего живого в городе, блокады, которой предстояло длиться долгих 900 дней, но мало кто в этот день знал, что на суше город уже отрезан, что лишь только вода да воздух соединяли его со всей страной, получившей в скором времени наименование "Большая земля". "Движение поездов временно отменено" — такие объявления появились на вокзалах. Временно? На какое время? На день, два? На неделю? Люди жили на вокзалах, ожидая, что вот-вот оживут мертво молчащие динамики, в них что-то громко щелкнет и бодрый голос возвестит: "Товарищи пассажиры! Скорый поезд "Красная стрела" отправляется в Москву по расписанию!" Ждать этого сообщения пришлось слишком долго, да и дождались-то не те, кто пришел на вокзал в сентябре сорок первого. Большинство "сентябрьских" пассажиров уехало не в Москву или в другие города страны, куда им нужно было ехать, а на кладбище: Пискаревское, Смоленское, Волковское...

Восьмое сентября. "Спокойный день"! Страшный день, день одной из наиболее жестоких, беспощадных бомбежек города. Все взрывалось, горело. Над огромными Бадаевскими складами, где были скоплены городские запасы продуктов, тяжело, неподвижно вздымался в небо черный, сладко пахнувший столб дыма. Раскатисто грохотали зенитки, гулко взрывались бомбы. Небо было красным. Рушились дома. На тротуарах выросли горы вещей, люди куда-то бежали, что-то несли, кого-то искали, звали сорванными, отчаянными голосами; горячий, пахнувший известкой ветер нес по улицам пух, перо и бумагу. На окровавленных тротуарах моей Гребецкой улицы, рядом с трупами убитых и раздавленных людей, стоял фикус, граммофон и лежала огромная собака, знаменитый на весь район волкодав Гамлет, — каких и где волков он давил, известно не было, но время от времени появлялся на улице весь в золотых и серебряных собачьих медалях.

Таким был день 8 сентября в Ленинграде, день, когда граф Эрнст Отто Золмс-Лаубах прибыл в Екатерининский дворец города Пушкина, выставил охрану и приступил к осмотру и описанию Янтарной комнаты... Господи, как было невероятно, невообразимо далеко от тех дней до дней сегодняшних, от одинокого, потерявшего

всех родных и близких ленинградского мальчика, "помойного кошкодава" с рогаткой и горстью тяжелых, угловатых осколков от авиабомб в кармане, до этого небольшого дома на окраине города, в котором когда-то жила семья Франца Фердинанда Мюллера и в котором теперь живу я, от вони и гари войны, от симоновских строк: "Так убей же хоть одного! Так убей же его скорей!" — до поиска Янтарной комнаты, до обширной немецкой программы Калининградского отделения Фонда культуры, который я возглавляю.

Но зачем, зачем мне, бывшему блокаднику, все это надо? Я предал своих ленинградских товарищей, свою сестру Женю, которых уже нет на свете, не я ли вместе с ними в замороженном подвале, держа руку над чадным огоньком коптилки, клялся: "Никогда не забуду! Никогда не прощу! Буду мстить всегда, всю жизнь тебе, немец!" А кто-то в Германии клялся: "Буду мстить тебе, русский!" Ненависть... Как это страшно. Звонок. Вздрагиваю. Смотрю на телефон. Срываю трубку. И слышу взволнованный голос Ольги Феодосьевны Крупиной, директора музея Канта, созданного благодаря ее огромной силе воли, в Калининградском университете.

— Катастрофа! С домиком ничего не получается! Никто его не хочет считать именно домиком лесничего Вобзера, в котором летними месяцами работал Иммануил Кант! В райисполкоме говорят: домик этот никому не нужен, он снят с учета, никому не принадлежит, а значит, бесхозный, а милиция говорит, что там могут поселиться всякие преступные элементы, наркоманы, нюхальщики, проститутки, а поэтому, говорят, если вы не докажете, что этот домик именно домик Канта, и кто-то не возьмет его себе на баланс, то мы вообще его снесем бульдозером!

— Оля, успокойся. Никто не осмелится снести дом...

— Не осмелится! А как снесли дом в Амалиенау, где жил выдающийся скульптор Станислав Кауер?! А ломают старую кирху в Романово?

— Минутку, Оля. Во-первых, я уже отослал бумагу в обком по поводу домика Канта — будем впредь, чтобы не путаться, называть его — домик лесничего Вобзера, хорошо?

— Все требуют подлинных документов, подтверждающих, что это действительно тот самый домик, где Кант в 1764 году создал философское сочинение "Наблюдения над чувством возвышенного и прекрасного".

— Ну да, я это знаю — конечно, лучшей бумагой была бы справка Кенигсбергского магистрата с "орлиной" печатью и подписью обер-бургомистра Вилля, да? Ладно, шутки в сторону. Мы создадим небольшую, но авторитетную комиссию по обследованию домика; изучим его расположение, чертежи, старые фотографии, описания и сделаем по косвенным признакам заключение, что это именно тот дом. Собственно говоря, нам достаточно и троих: ты, я и профессор Калининков. Отправимся в домик, когда профессор будет свободен, хорошо? Может быть, в тот же день поедem и на "графские развалины". Графиня Марион Дёнхофф прислала чертежи с пометками, где надо искать... А что с древними книгами Кенигсберга?

— Боюсь даже и говорить, но, кажется, след точный. В конце недели поеду, но неясно: книги там "Серебряной библиотеки" или из собрания графа Валленрода? Но и книги Валленрода не менее ценны, ведь Валленрод коллекционировал лишь самые дорогие, самые известные в Европе книги! Манускрипты, древнейшие фолианты... Хорошо, до встречи!

Беру с полки толстую папку с бумагами и документами, на обложке которой начертано: "КАНТ". Вот этот домик. Его фотографии, сделанные в 1924 году, когда к двухсотлетию со дня рождения философа был открыт музей Канта. Вот внутренние помещения. Комната, где работал ученый. Стол, кафельная печка, окно и тот знаменитый сундук, где хранились письма философа, бумага, перья, бутылки с чернилами, журналы, газеты, книги. Да-да, мы докажем, но что дальше? Дом в плохом состоянии. Его срочно надо ремонтировать, а в общем-то реставрировать, но денег нет. Никто не хочет дать денег на ремонт домика. Ни горсовет, ни управление культуры, ни университет, где есть кафедра философии, где изучают труды этого выдающегося ученого, где есть философское общество! Все есть, а денег нет...

Удивительно, необъяснимо. Ведь по своей исторической, культурной сути этот домик имеет не меньшую ценность, чем Янтарная комната, да, может, и большую! Ведь в конце концов Янтарную комнату можно воспроизвести заново, что, кстати говоря, уже и делается, но можно ли восстановить помещение, если оно, не дай бог, погибнет, стены которого еще помнят шаги ученого, его бормотание, когда он перечитывал те или иные

строчки, скрип пера по бумаге, его вздохи, тихую ругань, когда разорванные клочки бумаги летели в разные углы, и его торопливый бег прочь от дома, от стола, на воздух, на волю, в лес, на холм, где возвышались сложенные из огромных камней стены древней кирхи Юдиттен? К ключу на крутом берегу ручья Модиттен, который он так любил, возле которого так было приятно посидеть, поразмышлять.

А что, если нам, Фонду культуры, взять этот домик себе на баланс? Чтобы, по крайней мере, обезопасить его от "сносителей", но... но где взять деньги на его ремонт?

Вот что еще, пожалуй, следует сделать: копилку! Таковую, какую я видел в Варшаве, в Старом месте, на площади, что напротив Королевского дворца. Говорят, что нет в Варшаве человека, который бы не положил в ту копилку хоть сотню злотых, ведь при ее помощи собирали деньги на восстановление поднятого из руин прекрасного Королевского дворца, на многие старинные здания и памятники Варшавы. Интересно, сколько было собрано всего денег? Кто их подсчитывает, комиссия какая-то? Надо бы съездить в Польшу, тем более что мы начали переписку с гданьским клубом подводных поисковиков "Акула", и они готовы сообщить нам все, что знают о "золоте Балтики", о поисках сокровищ на немецких судах, утонувших в Балтийском море в конце войны.

Так, дома ли Овсянов?

— Авенир Петрович, привет. Не поздно?

— Десять часов, разве это поздно? Слушаю.

— Графиня прислала план своего поместья, может, в субботу отправимся на розыск? Нужны курсанты, миноискатели, ну и прочий инструмент.

— Полагаю, что это можно будет сделать. В виде курсантской практики, дня на два-три. Возьмем палатки, еду. Что еще?

— Ольга, кажется, действительно нашла на след то ли "Серебряной библиотеки", то ли библиотеки графа Валленрода. У тебя об этих собраниях есть какие-нибудь документы?

— В Греции все есть... Минутку.— Слышно было, как что-то зашуршало, хлопнула дверка, наверно шкафа, где рядами стоят толстые папки.— Вот, о библиотеке. Слушаете, да? "В замковом музее с 1924 года находилась

всемирно известная "Серебряная библиотека" второй супруги герцога Альбрехта, Анны Марии, состоящая из 20 теологических сочинений в тяжелых серебряных переплетах превосходной чеканки, отчасти позолоченных. В 1527 году из Ульма в Кенигсберг прибыл золотых дел мастер Фройднер, который изготовил Альбрехту его знаменитый серебряный меч..."

— А что с ним? Где этот меч?

— Это еще одна тайна! Так... читаю дальше: "...серебряный меч и оформлял эти книги в серебро с великолепной чеканкой. Нюрнбергский золотых дел мастер Корнелиус Форвенд и кенигсбергские золотых дел мастера Пауль Гофманн, Герхард и Иеронимус Кесслеры золотили это серебро. "Серебряная библиотека" была помещена в замковую библиотеку в 1611 году, а в 1806 году, когда Наполеон приближался к Кенигсбергу, была увезена в Мемель и спасена..."

— Что в твоих бумагах еще сказано? Где она?

— Судьба библиотеки неизвестна.

Она исчезла во время минувшей войны. Спрятана ли она в одном из таинственных бункеров, построенных спецчастями Эриха Коха в феврале — марте сорок пятого года? Сгорела? Похищена? Никто уже, наверно, не ответит на этот вопрос...

— А библиотека канцлера Мартина фон Валленрода?

— Валленродовы книги хоть и не были в серебре, но, ей-ей, им тоже цены нет. Ну, до встречи.

Так. Теперь мне надо позвонить моему старому другу Василию Кирилловичу, когда-то мы оба работали на Кубе помощниками капитанов. Теперь Василий — заместитель председателя облисполкома, культурой ведает.

— Привет, извини, что так поздно, но на работе тебя никогда не застать. Вот разбирал старые фотографии и нашел целую пачку снимков с острова Кайя-Ларга. Помнишь, как мы там ныряли у коралловых рифов? Какую я там раковину, коричневый "кассис", добыл?

— Я ее первым увидел, а ты — хапнул... Ладно, о деле, да? Только короче, башка трещит, исполком сегодня был, завал по жилью... Выкладывай.

— Во-первых, этот домик лесничего Вобзера, где в летние месяцы работал Иммануил Кант. Если он погибнет, то...

— А вы докажите, что этот домик именно тот самый, но доказательство должно быть железным, по-

нимаешь? Это не мне нужно, а тем, кто выше меня, понял? Ты как-то о его сундуке говорил, вот если бы в домике тот сундук нашелся, это было бы доказательство! Что еще?

— Кафедральный собор. Ведь он же гибнет, а это четырнадцатый век, редчайшее архитектурное сооружение, внесенное в списки ЮНЕСКО...

— А ЮНЕСКО дает нам цемент, кирпичи и черепицу? Мне бы твои заботы! Вчера "афганец" приходил, на одной ноге, вторая деревянная, с одним глазом, второй стеклянный. В подвале живет, а ты — собор! Он меня чуть своим костылем не убил! И потом, ты же знаешь, что всякое культурное строительство отложено до лучших времен. Что еще?

— А они, эти лучшие времена, когда-нибудь будут? И вот что еще. В Кенигсберге было два десятка кладбищ немецких, все снесли, бульдозерами перепахали, но разве так можно? Надо бы хоть одно восстановить, свезти туда оставшиеся плиты, сделать, так сказать, мемориальное кладбище "Памяти всех кенигсбержцев, лежащих в этой земле". Ведь немцы приезжают, такой стыд, да и самим нам разве не...

— Ну, ты даешь! Сорок лет прошло, а мы еще своим, тем, кто погиб во время Восточно-Прусской операции, памятники поставить не можем! В области еще 40 тысяч, ты слышишь — 40 тысяч безымянных могил! Где взять на все это деньги? Кто нам все это построят?

— В воинской части, в которой я был барабанщиком-могильщиком, накануне штурма Кенигсберга митинг состоялся. Генерал из политуправления армии перед солдатами и офицерами выступил, моральный дух поднимал: "Никто не будет забыт и ничто не забыто! Все будут награждены и отмечены. А тем, кто погибнет, мы воздвигнем золотые памятники!" Ну ладно, это я так... Ты торопишься?

— Да. Тороплюсь. И знаю, о чем ты опять будешь талдычить. Что мы не должны забывать и великих кенигсбержцев, астронома Бесселя, физика Гельмгольца, изобретателя "глазного зеркала"; основоположника науки эмбриологии Карла Бэра, Якоби, Гердера, скульптора Станислава Кауера, художницу Кете Кольвиц, да?

— Когда в двадцатых годах Россия голодала, Кольвиц создала плакат "Поможем России", он был расклеен по всей Европе, и Европа откликнулась, можно ли забывать об этом? А кто из горожан знает, что в нашем

городе жил замечательный, неистовый мечтатель Эрнст Теодор Амадей Гофман, автор множества книг, которые и ныне издаются во всем мире? И у нас в стране в том числе! Это же по его сказке создана опера "Щелкунчик"!.. Почему бы не создать зал произведений Кете Кольвиц? Или какую-то из улиц ее именем назвать? А улица писателя Гофмана? Каких только у нас глупейших названий нет: "Канатная", "Палубная", "Столярная", "Артиллерийская", "Минометная", "Пулеметная"... А кладбища русских воинов, погибших в Восточной Пруссии в четырнадцатом году? И их разграбили, разрыли, перепахали... Где наша совесть?

— Договаривайся с православной церковью. Пускай помогают, надо восстановить кладбища, поставить кресты. Что касается Кафедрального собора, то я поручил своим сотрудникам готовить документацию на восстановление крыши, но это пока большая тайна, понял? Все?..

Ну, привет. А ту ракушку верни.

— Нырять надо уметь, Вася, раковину я тебе не отдам, сам добудешь, если когда-нибудь окажешься на островах Карибского моря. Ну почему — фантазия? Когда у костра под кокосовыми пальмами маленького необитаемого острова мы запекали в углях лангустов, могли ты предположить, что станешь большим областным чиновником?.. Ладно, всего!

...Господи, мои собаки до сих пор на улице! Идите домой, простите, что забыл о вас. Бандик, посмотри на свои лапы, ты опять на угольную кучу забирался? Я вот тебе покусаясь, дай лапы, вытру, но кто это теперь мне звонит?

— Мишин говорит,— слышу я хриловатый голос моего хорошего знакомого, композитора Кукольного театра.— Вы мне рассказывали, что ловите янтарь сачком в море, а в городе люди сачком монеты гребут! Где-где, объяснять долго, на берегу Прегеля, русло чистят, из трубы пульпа хлещет, а в той пульпе... В общем, быстро одевайтесь, я жду возле Шиллера.

Черт знает что! Быстро одеваюсь. Бандик, подлец, это ты в свитере такую дырку прогрыз?! Представляю, как подъезжаю к театру с сачком и в высоких резиновых сапогах, а там толпа артистов во главе с Мишиным; хотя... да, слышал, что русло реки чистят, но какие еще монеты? Так, где ключи от машины?..

...Через полчаса мы с Мишиным подходим к огромной, хлюпающей и сопящей трубе, из которой

с плеском выливается насыщенная песком и гравием, пахнувшая нефтью вода. Толпа с сачками. Прожектор. Какая-то странная, в духе фантасмагорий Гофмана, обстановка. Белые лица. Недовольные взгляды, эти дурацкие сачки, подставленные под трубу, э-э, не толкайтесь, никому не запрещено, нет-нет, все это смешно, глупо, но что же все-таки они тут добывают? Вот один из ловцов отходит в сторонку, вываливает на землю сырой песок, роется в нем. Подхожу ближе и на грязной ладони "ловца" вижу маленькую серебряную монетку. "Шведская", — говорит мужчина и, добыв из кармана тяжелый, наполненный медными и серебряными монетами мешочек, кладет туда шведскую.

Уже почти ночь, этот резкий свет, плеск, хлюпанье и клекот трубы. Когда мой сачок наполняется песком, я тоже торопливо вываливаю его на землю, ворошу, но у меня пока лишь один песок, да дохлая лягуха, стоп, что-то есть! И я вытаскиваю из песка малюсенькую, меньше нашей копейки, монетку. Так ведь это же прусский королевский солид! Когда-то и я занимался коллекционированием монет, черт побери, действительно тут монеты сачками ловят! Однако что это я медлю? Мой сосед, заросший щетиной, этакий "еж" в кепке, натянутой на уши, вылавливает сразу пять монет, Мишин три, потом еще две, причем одну серебряную, шведскую, XVI века. А вот и в моем сачке опять мелькнуло что-то. Мной, как и всеми, кто толчется у этой трубы, овладевает азарт, да, что-то ведь действительно блеснуло! Моя рука нащупывает в сыром песке очень большую монету, я зажимаю ее в кулаке, зову Мишина, ей-ей, по огромности, тяжести и шероховатости это наверняка золотой дублон. Мишин снимает очки, бормочет: "Минуточку, я сейчас...", протирает их, кивает: а ну! и я разжимаю кулак. В липкой грязи и клочках каких-то погибших водорослей лежит огромная монета с двумя скрещенными стрелами и надписью по-латыни, а на другой стороне — великолепный герб. Тут и щит, и короны, и меч, и лев, и по окружности еще одна длинная надпись. Не золото, медь, но какая монета!

"Топор ржавый кому? — слышится тут голос "ежа" в кепке. — За любую монету отдаю!" — Мишин — когда медлителен, а тут вдруг таким быстрым проявляется — отдает за топор солид, протягивает топор мне, шепчет:

“Потом монеты рассматривать будешь, потом, а сейчас работай!” Но это же самый настоящий старинный, ему лет шестьсот, топор!

С утробным рыком труба выплевывает толстую, густую струю, потом она скудеет, утоньшается и — все. Земснаряд заканчивает свою работу. Мы садимся в машину и при скудном освещении рассматриваем добычу: с полсотни медных и серебряных монет, два топора и великолепный, отлично сохранившийся наконечник копья! Правда, почти все это добыча Мишина, а моя — лишь несколько солидов и вот эта замечательная монета со скрещенными стрелами. Кто держал ее в руках в последний раз? Как она оказалась в реке? Минутку, земснаряд углубляет сейчас реку в районе “Хольц Брюке”, “Деревянного моста” — так когда-то он назывался. С него открывался особо красивый вид на Кафедральный собор, старое здание Университета, “Альбертину”, и вообще — на весь древний, островной центр города, Кнайпхоф. С этого моста бросали в реку монеты. Подобное местечко — мост, набережная или фонтан — есть в любом городе. Брось монетку — такое уж поверье — чтобы вновь оказаться тут. “Копье я заберу себе, а топоры твои”, — говорит Мишин. Он взвешивает в руке находки, полную горсть монет, немного колеблется, потом говорит: “Джим, дай мне твою правую лапу!” И высыпает половину монет из своей руки в мою.

“Дзинь-дзинь-дзинь” — бьют склянки часы с крейсера “Эмден”. В чьей каюте они были? В офицерском салоне? В штурманской или ходовой рубке? Как очутились на берегу? Чуть позже мы поговорим и о крейсере “Эмден”, о странном грузе, который вдруг оказался на его обледенелой палубе в январе сорок пятого года... Бандик, кажется, я тебя сегодня слегка оттрепал? Прости, дружище, прыгай в кресло, видишь, я подвинулся, но разве это дело: дырища в свитере, кулак влезет, да еще на самой середине спины?! Двенадцать ночи. Слышишь, Черный Рыцарь, основатель города, граф фон Верт Вертгайнге уже ходит по дому, проверяет, все ли спят.

Пью крепкий чай. Рому бы еще в него добавить, но и так хорошо. Мне тепло и уютно... “Чтобы вновь оказаться тут, вернуться...” Но и не только: кенигсбергские юноши и девушки кидали сразу каждый по монетке.

И если обе монеты одновременно упадут на дно, значит, не расстанутся влюбленные никогда. Правда, теперь бросай не бросай — ничего не увидишь в черной, с нефтяными пятнами, зловонной воде. Всего сорок лет нам понадобилось, чтобы загубить реку, а ведь в сорок пятом году вода в ней была совершенно прозрачной. Возле этого места я нырял с приятелями. Когда пленных немцев гнали из Кнайпхофа на сборный пункт, что был под Метгетеном, солдаты и офицеры кидали в реку оружие, карманные ножи, часы и кольца...

Однако есть еще несколько писем и документов, которые надо прочитать, хотя глаза уже слипаются. Вот суждение нашего симпатичного полковника Овсянова по поводу писем В. П. Калуги и А. Функе из Дюссельдорфа. "Видимо, то место, на которое указывает В. П. Калуга, проходит у нас как версия "Курган". Два года назад я там вел работы. Механизмов не было, работали лопатами. На глубине двух метров мы обнаружили полтора десятка немецких солдатских "собачьих жетонов". Обычно после гибели солдата половинка жетона закладывалась мертвому в рот, но кто кинул эти жетоны сюда? Может, действительно солдаты, прятавшие сокровища, может, штрафники какие-нибудь были расстреляны и их жетоны брошены в яму? Что касается сообщения Функе, то на этот счет мы имеем несколько подтверждений"...

Так, хорошо, что тут еще в нашей сегодняшней почте? Письмо из Мюнхена, видишь, Бандик, как тут написано? "Кенигсберг, Штеффекштрассе" и номер нашего дома, для "господина N. N.". Как это понять, а?

Выше аккуратно отпечатанного на машинке адреса было торопливо и небрежно, будто кура лапой, накарябано: "Калининград, улица лейтенанта Катина"... Ну-ка, что нам с тобой пишут из Мюнхена, подвинься, достану словарь, когда-то я прилично знал немецкий, да многое позабылось.

Вот что было на голубом листочке бумаги:

"Уважаемый господин "N. N.". Некоторое время назад умер мой старый отец Франц Фердинанд Мюллер, и дом, который принадлежал ему, теперь по наследству перешел мне, его сыну, Вальтеру Мюллеру"... Что это? Вот, помянул сегодня Фердинанда Мюллера — и, пожалуйста, письмо от его сына?! "Наверно, вы, уважаемый неизвестный мне господин, живущий в моем доме, сейчас скептически усмехаетесь, но то, что это именно так, что

это наш, а теперь мой дом, я подтверждаю следующим: как бы вы тихо ни поднимались по лестнице на второй этаж, четвертая ступенька снизу обязательно скрипнет. Это древняя хитрость, чтобы никто не мог неслышно подняться наверх, к спальным комнатам...”

Что? Вот это да!.. Я еще раз перечитываю письмо, даже зачем-то нюхаю листок и разглядываю его на свет, рассматриваю марки: ”400 лет баварскому пиву”, и снова перечитываю, да, такое мог знать лишь человек, долго живший в этом доме... Идем спать, Бандик, если я сегодня смогу заснуть. И мы поднимаемся наверх, на второй этаж. Четвертая снизу ступенька противно, пронзительно скрипит. Наверное, этот скрип звучит в памяти Вальтера Мюллера как прекрасная музыка, как радиомаяк, зовущий и зовущий к себе.

Ночной налет "Возмездие"

"КРЕПКИЙ ЗАМОК — НАШ БОГ!" Под этими словами на массивном щите бросался каждому в глаза написанный золотом девиз Альбрехта IV: "Милосердие подданному, но беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть со злом — это долг правителя, — говорит муза Вергилия. Так намеревайтесь править народом, о, герцог Альберт, но терпеливой рукой, как наместник божественного права!" Щит с этими изречениями на латинском языке укреплен над входом в замок, над крутой аркой "Альбрехтстор". Заложен Кёнигсбергский замок на возвышенном берегу Прегеля, на месте сожженного рыцарями прусского замка "Твангесте", в 1255 году. Вначале деревянный, затем деревянно-каменный, он неоднократно подвергался нападениям воинственных пруссов и литовцев, горел, разрушался и вновь восстанавливался, приобретая все более могучий и неприступный вид, пока не сложился окончательно, со своими высоченными стенами и башнями... Тут были многочисленные залы с замечательными картинами и скульптурами, великолепный тронный зал с портретами королей династии Гогенцоллернов, а также "Уинфрид" (помещение ссор и разладов), строительство которого было завершено в 1758 году благодаря русскому губернатору барону Корфу. В крыле "Берварта" располагался арсенал, над ним замковая церковь, а над ней "Московский зал" (Прусский музей). Благодаря сносу дома Конвента образовался обширный замковый двор, посреди него был великолепный фонтан, в который однажды во время турнира упал рыцарь. В 1924 году весь замок стал огромным музеем. Чтобы

обойти его помещения и осмотреть все достопримечательности, требовалась целая неделя. В 1934 году во дворе замка состоялось грандиозное представление пьесы Гёте "Гец фон Берлихенген" с Генрихом Георгом в главной роли. В 1944 году в результате налета английской авиации замок полностью сгорел, как и весь город. В 1969 году русские разобрали руины замка..."

Справочник "Кенигсберг от А до Z".

"ГАМБУРГ, ГЕОРГУ ШТАЙНУ. Нами обнаружены протоколы допроса Герхарда УТИКАЛЯ, НАЧАЛЬНИКА ОПЕРАТИВНОГО ШТАБА РОЗЕНБЕРГА, и д-ра ВУНЦЕРА, НАЧАЛЬНИКА ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ "ЛЕНИНГРАД", позже — НАЧАЛЬНИКА УЧРЕЖДЕНИЯ В РАТИБОРЕ. В своих показаниях о ЯНТАРНОЙ КОМНАТЕ Утикаль заявил, что Эрих Кох оказался сильнее Розенберга, он взял верх. Кох не отдал комнату в распоряжение оперативного штаба Розенберга и пригрозил Розенбергу, чтобы он больше не предпринимал никаких действий по данному вопросу. Вунцер сообщил, что в его присутствие проводился демонтаж Янтарной комнаты силами подразделений вермахта, в результате чего на глазах у него образовалась КУЧА ЯНТАРЯ, которую затем доставили в Кенигсберг. На допросе они оба изворачивались, лгали, доказывая, что, мол, оперативный штаб рейхслайтера Розенберга не занимался грабежом сокровищ искусств...

Пауль и Герда Энке, Берлин, 24.8.82 г."

"Уважаемый господин Фогт! Надеюсь, Вы меня помните по переписке, касающейся Янтарной комнаты, картин киевских музеев и таинственных дневников поверенного в делах сбора коллекций Гитлера д-ра ПОССЕ, но я сейчас не об этом. Меня интересуют СОКРОВИЩА СТЕКЛЯННЫХ ЯЩИКОВ из России. Пока мне известно лишь одно — что они были вывезены в Ригу, а оттуда в Германию из-под г. Плескава (Псков). Что Вам о них известно? Были ли эти сокровища в перечне исторических предметов для "МУЗЕЯ НАРОДОВ" в Линце? Надеюсь на Ваше дружелюбие и помощь. *Ваш Г. Штайн*". "Уважаемый Георг Штайн! Конечно, я хорошо помню Вас. Надеюсь, что Ваш поиск приведет к желаемому результату. Что касается СТЕКЛЯННЫХ ЯЩИКОВ, я слышал о них, о тех огромных богатствах, что они хранили в себе, но никаких подробных сведений

не имею. Как и о "СЕРЕБРЯНОЙ БИБЛИОТЕКЕ" и собрании КНИГ ГРАФА ВАЛЛЕНРОДА, которыми Вы интересовались ранее. Одно могу сообщить: в перечне ценностей для музея в ЛИНЦЕ их не было...

Ваш А. ФОГТ".

"Я НИКАК НЕ ОЖИДАЛ, что Вы откликнетесь! Мой сосед, старый уже человек, воевавший и бывший в русском плену, перевел мне Ваше письмо. И я вновь и вновь просил его: прочитай, Ганс, еще разок. Это письмо оттуда, с моей РОДИНЫ, из моего дома. Да-да, необыкновенно красиво цветет Большая груша, кто бы ни прошел мимо, остановится, чтобы полюбоваться. И яблоня "Старая Анна" жива? Та, что возле груши? Пожалуйста, пришлите в конверте несколько зернышек от ее яблочек... Теперь отвечаю на Ваши вопросы. В замке, самом любимом месте в городе для нас, мальчишек, я бывал очень часто, а в Янтарной комнате — только один раз. В самом начале сорок четвертого, в числе лучших бойцов 2-го Амалиенауского отряда "гитлерюгенд" (организация, как у вас в России "комсомол"). Это было восхитительное зрелище! Помню, что это чудо находилось рядом с залом № 36, где были выставлены картины художника Ловиса Коринта. Вот, пожалуй, и все.

Искренне Ваш, Вальтер Фердинанд Мюллер".

"Вот, пожалуй, и все"! И он, и я, мы видели это чудо, но я в Екатерининском дворце Царского Села, а он — в Кенигсберге. И для нас тоже, подростков войны, учеников старших классов Первой Кенигсбергской средней школы (так она именовалась, пока не почил в бозе "всесоюзный староста" Михаил Иванович Калинин. Такое несчастье! Нет, не то, что он умер, все смертны, в том числе и вожди и их лишенные нравственности услужливые помощники, — несчастье, что нашему древнему городу дали его имя. Тверь переименовали в связи с днем рождения Калинина, Кенигсберг — по поводу смерти. Есть ли еще подобный пример в многотысячелетней истории всех времен и народов?!), для нас замок, великий, страшный и таинственный, был самым притягательным местом в городе. Мы "срывались" с уроков и отправлялись туда или в Кафедральный собор, жуткое, гулкое каменное чудовище на Острове. Правда, еще до того, как в городе открылась школа, я два раза побывал в замке

с отцом, в апреле, когда начались поиски архива Фромборкского капитула, а несколько позже, летом, бывал там с Литкой Варецкой. С нами был еще Валя Гурмаков. Мы даже взобрались на полуразрушенную башню, ее почти стометровую верхотуру, где возле крупнокалиберного пулемета мерзостно зловонили два трупа, исклеванные воронами немецкие пулеметчики. Бывал я там и с Лоттой, с которой меня свела судьба в морозный январский день сорок шестого года, голодной и заледеневшей немецкой девушкой, чучелом огородным в нелепой шляпке и черной танкистской шинели, стянутой драными подтяжками. "Битте, клерб..." — еле шевеля серыми губами, проговорила она, качнулась и рухнула возле калитки нашего дома. Я возвращался из школы. У меня было столько дел, а тут эта! Я оглянулся, улица была пустынной, снег сыпал... Может, встанет? Эй, как тебя, поднимайся! И еще раз оглянулся, а потом поднял ее, мешок костей, и, чертыхаясь, понес в дом, ладно, пускай отогрется, поест и топает своей дорогой. Время было жестокое. Как я был зол на это существо в огромной шинели, я хотел быстренько перекусить и бежать к своим друзьям, и вдруг эта! Во мне еще жила блокада, лютая ненависть ко всему, что связывалось со словом "немец", по ночам мне еще снились окаменевшие от лютого мороза бабушка, тетя Лёля, дальняя родственница мамы тетя Катя и ее двое мальчиков, Лева и Толик, умершие в нашей квартире в первую блокадную зиму и пролежавшие до самой весны на кухне, пока я всех не отволок в "Трамвай мертвецов", трамвай, застывший в серых, загаженных сугробах на нашей улице Гребецкой. Однако все это — блокадная зима, Литка, Лотта, с которой я распрощался не в тот январский день, а лишь летом сорок восьмого года, когда Кенигсберг покинули последние его горожане, все это лишь случайные, невольно всплывшие воспоминания, как-то странно и сложно связанные с Королевским замком и Янтарной комнатой.

...Известную фразу: "Мой дом — моя крепость" Альфред Роде произносил по-иному: "Моя крепость — мой дом". Он, и никто другой, был владельцем всего этого великолепия! Ему так повезло в жизни, рок, счастливое стечение обстоятельств, его любовь к "Зоннштайну", солнечному камню, привела его сюда. "Он приходил в замок в фюнф ур, йа-йа", — рассказывала мне Лотта. В Кенигсберге она училась

и подрабатывала. Искусствоведом. Вначале в Картинной галерее, чье здание сохранилось до сих пор у форта "Врангель", а потом, когда одна из воинских частей выселила галерею, она перебралась в замок, в канцелярию музея, машинисткой, печатала порой до глубокой ночи, так как днем бывала в университете на лекциях. "О, этот их директор! Он приходил в замок в пять утра! И он вначале просто ходил по замку. Ходил, ходил, ходил. Из комнат в комнаты, из зала в зал. И все смотрел, смотрел, смотрел. На картин, на потолок, где в каждый зал были разные картины. Вас? Иа, на каждый потолок были картины! А потом он ходил в южный флигель, где был янтарный кабинет, да-да, ты мне говорил, что ты был во дворец Царский Село? О, это был такой красавец! Не все это был, да? Был, был, был, а теперь это: нет-нет, а мне бы найти господина Фосса, ах, если бы мне его найти!" Лотте зачем-то нужна была справка о том, что она, Шарлотта Крюге, действительно работала в замке с октября сорок третьего по март сорок пятого года, а такую справку мог дать лишь господин Фосс, начальник замковой музейной канцелярии, и время от времени она просила меня, чтобы я сходил вместе с ней в замок. Он был огромен, пуст, страшен, она боялась одна ходить сюда, но надеялась — вдруг господин Фосс для чего-нибудь появится тут?

Как жаль, что мы с ней мало говорили о замке и его сокровищах, Янтарной комнате, других ценностях: ведь она "печатала, печатала, печатала!" списки поступающих в замок сокровищ, какие-то очень важные, порой под грифом "Секретно" документы, письма, она подшивала в толстые папки чьи-то грозные распоряжения, указания, толстые пачки списков картин, икон, фарфора. Она бы могла, наверно, столько рассказать, в том числе и о докторе Роде, который приходил в замок в пять утра, а уходил ночью, который каждый день обязательно, утром и вечером, отправлялся в Янтарную комнату, садился посреди зала и глядел, глядел, глядел...

Пора теперь и нам поближе познакомиться с директором музея Альфредом Францем Фердинандом Роде, заглянем еще раз в его анкету, которую он заполнил 3 февраля сорок второго года по просьбе издательства "Рембрандт-Ферлаг-Берлин" в связи с предложением этому издательству своей рукописи "Юный Коринт". В ней

Роде повествует об интереснейшем художнике Ловисе Коринте, кенигсбержце, создавшем множество своеобразных картин, в которых древний город предстает зрителям фантастическим и таинственным, как города, описанные в книгах Гофмана. Да он таким и был, этот город, поднявшийся множеством соборов, дворцов, фортов и замков на высоком берегу реки Прегель. В его каменных недрах были маленькие, с каменными фонтанами и каменными фигурами, уютные, стиснутые стенами старинных домов площади, были такие узенькие улочки, по которым можно было лишь ходить, а если и ездить, то лишь на велосипедах. Набережные Хундегатт, вдоль которых теснились старинные, фахверковой постройки склады, похожие один на другой и совершенно непохожие. На их стенах были каменные картины, изображающие диковинных заморских зверей, которых увидели в дальних странах моряки, парусные корабли, увлекаемые в морскую пучину гигантскими пупырчатыми спрутами, грудастых, с рыбьими хвостами сирен и медведей возле мешков с пшеницей. То была российская пшеница, столетиями доставляемая в Кенигсберг "из страны снегов и медведей". А вдоль набережных теснились парусные и паровые суда, на палубах работали, разгружая трюмы, люди с короткими прогорелыми трубками в крепко стиснутых зубах, моряки, только что прибывшие с кофе из Бразилии или с пшеницей и мануфактурой из российских, эстонских и латвийских портов...

Альфред Роде любил бродить здесь. У него тут было немало друзей среди рыбаков, привозящих рыбу с Балтики прямо к пирсам Хундегатта, и в особенности среди тех, кто ловил рыбу при помощи трала вблизи песчаных побережий узкой дюнной косы Курише-Нерунг. Дело в том, что иногда в тралы попадала не только рыба, но и куски янтаря. Завидя невысокого, подвижного человека в черных роговых очках, некоторые из рыбаков окликали его и добывали из пропахших рыбой кают обкатанные морем, теплые на ощупь золотистые слитки древней окаменевшей смолы. Роде не торговался, платил, что просили, собственно говоря, что торговаться, рыбаки знали цену этой смолы, не запрашивали выше, но и не отдавали по цене низшей, чем стоили эти куски янтаря. И вот что еще знали они: больше всего этого человека интересовал янтарь прозрачный, ведь в нем можно было разглядеть то мушку, то букашку какую-нибудь, то листок или травинку. О, сколько замечательных тайн мог

хранить в себе этот кусок янтаря! Однако какие еще сведения мы можем почерпнуть из личного дела Альфреда Роде, директора "дер Кунстзаммлунген дер штатт Кенигсберг", дела, заполненного им самолично и отправленного в Берлин, судя по штампу, 6 февраля сорок второго года? Итак, домашний адрес: "Кенигсберг, Беекштрассе, 1 телефон 328—2—28—66, родился в Гамбурге в 1892 году, немец, вероисповедание — евангелический лютеранин, родители: Франц Роде и Мария Роде, жена — Ильза Флин, дети — Лотти и Вольфганг, профессия: "кунстисторикен", должность — директор музея, "йа", "найн", "найн", "найн", "йа", "лейтенант резерва", "в нацистской партии не состоял и не состоит", сотрудничает с рядом газет и журналов, первая публикация в "Гамбургер Нахрихтен" — "Нидерландские художники в Гамбурге", за которую получено 750 рейхсмарок, книги: "Книга о янтаре", "Янтарь в работах немецких мастеров"... "йа", "йа", "найн", "найн", "найн"... Хайль Гитлер, А. Роде, директор". Ах, как он любил янтарь, эти солнечные лучики, упавшие в "Остзее", застывшие тотчас и опустившиеся на дно золотистыми осколками!

...Во второй половине января 1942 года помещенная в двадцать семь ящиков Янтарная комната на трех грузовиках через "Ворота Альбрехта" въехала в Кенигсбергский замок. Комната попала именно в те руки, в какие она здесь, в Германии, и должна была попасть. Доктор Роде осунулся, похудел, кажется, даже его остроконечное лицо усохло, и поэтому очки казались слишком большими: две смежные комнаты, подготовленные для монтажа "Бернштайнциммер", объединенные в одну — "зал № 37", оказались по площади недостаточными для этих янтарных панелей, поэтому значительная часть панелей и янтарных украшений так и осталась в ящиках. А сколько пришлось заменить деревянных оснований панелей! А это значит — подготовка тщательно высушенного дерева, переклейка, перемонтирование янтаря, изготовление смоляных, янтарных, по старинным рецептам, клеев и специальной тончайшей серебряной фольги, которая подклеивалась под янтарь. И поиск янтаря именно особенного, нужного, определенного цвета — а в панелях янтарь был самых разнообразных оттенков, от прозрачного, светло-золотистого, до темного густо-малинового, коричневого; все ж эти парни из "Голубой дивизии" крепко поработали своими тесаками в гулком пустом зале Екатерининского дворца.

“Посылаю вам образцы янтаря, которые вам необходимо подобрать”, — пишет Роде в Пальмникен, небольшой поселок на Земландском полуострове, где в глубочайшем карьере на берегу Балтийского моря в “голубой земле” обнаруживается и добывается янтарь. И сам едет туда. И не раз, не два. Ходит вдоль длинного конвейера, шлепает ботами по холодным лужам. Хлещет ледяная вода. Течет, течет широкая лента с голубой землей, мелькают в ней золотистые куски янтаря, мелькают тонкие, заледеневшие, с плохо сгибающимися пальцами детские руки, смутно белеют в полумраке сморщившиеся, белые от холода и недоедания несчастные детские личики. “Битте, киндер, битте...” — громко говорит Роде, в тоннеле, где промывается голубая земля, все грохочет, лязгает, плещет вода, скрежещут валки, по которым ползет бесконечная лента. И показывает детям кусочки янтаря: вот такого цвета, милые дети, йа, йа, вот такого цвета ему нужен “бернштайн”. И тот, кто найдет янтарь такого цвета, получит лишнюю порцию похлебки. И айн цукер! Около тысячи детей, привезенных в Восточную Пруссию из-под Ленинграда, с Украины, из Белоруссии и России, жили в “киндерхаусе”, бараках, построенных возле карьера. Восемь часов дети работали, выбирали своими заледенелыми пальчиками из голубой земли янтарь. Четыре часа их обучали немецкому языку. Детям были даны новые, немецкие имена. “Дубист Карл, а не Фиодор! — орал на русского мальчика могучий краснолицый “учитель”, ветеран первой мировой войны, побывавший в плену в России и изучивший там русский язык Ханс Кемпке. — Ферштеен, ди кляйне руссиш хундляйн?” Пустой рукав его куртки был засунут за пояс. В правой руке — трость. “Битте: “Ихь бин Карл! Ихь бин Карл!”

Дети умирали от вечного холода и от вечного недоедания, от тоски по родному дому, папе, маме. И очень старались найти янтарь именно того цвета, какой нужен был вертлявому, в очках господину, время от времени приезжавшему из Кенигсберга. Счастливчика не обманывали, давали дополнительную порцию вареной капусты и отпускали в барак с работы на два часа раньше: старайтесь, дети, и вы будете достойно и честно отблагодарены!

Работа по монтажу Янтарной комнаты шла медленно. Но не только техническая сторона дела беспокоила доктора. Очень часто звонил гауляйтер, торопил. Очень часто в замок приезжал обер-бургомистр Кенигсберга господин доктор Вилль, осматривал янтарные изделия,

хмурился, ходил по гулкому помещению, тяжело опираясь на трость. "Надо быстрее монтировать панели на стенах, господин Роде, быстрее, — говорил он перед уходом, — а не то уплывет это янтарное чудо в другие края". Да, не только технические сложности волновали Альфреда Роде. С того самого момента, как "Бернштайнциммер" прибыла в Кенигсберг, это янтарное чудо, оцененное в 20 миллионов рейхсмарок, будто магнитом тянуло к себе высокопоставленных партийных и государственных, невероятно влиятельных в Германии лиц! Без конца писал жалобы в штабквартиру фюрера Альфред Розенберг, у которого Кох сумел утащить Янтарную комнату буквально из-под самого носа. "Дорогой партайгеноссе Кох! — писал Розенберг имперскому комиссару Украины, гауляйтеру Восточной Пруссии. — Янтарная комната должна вернуться именно туда, откуда она была вывезена двести лет назад... Там, в Берлине, это янтарное чудо будет символизировать величие третьего рейха. Я говорил на этот счет с фюрером, и фюрер согласен. Поэтому я прошу вас..." — "Дорогой партайгеноссе Розенберг! — отвечал ему в Ригу Кох. — Янтарная комната должна находиться именно в Кенигсберге, как символ величия третьего рейха, незыблемости его границ. Я говорил об этом с фюрером, и фюрер согласен. Поэтому я прошу вас..." Нажимали на Коха военные. Сам Кейтель требовал от Коха, чтобы он переправил Янтарную комнату в армейский музей города Бреслау, ведь это — добыча военных. Без конца звонил Герман Геринг и обещал расширить самолетосборочные заводы "Фокке-Вульф" и "Юнкерс", если "дорогой партайгеноссе отдаст ему комнату", но если "дорогой партайгеноссе" заупрямится, то... Но что Коху, находящемуся в это время в Ровно, толстяк Герман Геринг? Он выстоял против него и Гиммлера на самой заре своей политической деятельности, в тридцатом году, так что и тот, и другой ему теперь, когда Гитлер уже утвердил его в должности "имперского комиссара" Москвы и гебитс-комиссариата "Москва"?! Но все же поторапливаться надо, Роде! И, появляясь в Кенигсберге, Кох, проведя то или иное совещание в "Коричневом доме" на Параден-плац, отправлялся в замок. "Как дела, Роде? В чем нужна помощь? Торопитесь, Роде. Нужно быстрее собрать "Бернштайнциммер" из этих панелей, чтобы можно было сказать: комната создана. Разве можно будет ее вновь размонтировать?"

"В конце октября 1942 года работы были завершены. Вспыхнули огни великолепных люстр, распахнулись от-

реставрированные, привезенные из Царского Села двери, и в Янтарную комнату вошли самые первые, самые почетные для доктора Роде посетители: имперский комиссар Восточной Пруссии и Украины Эрих Кох, обер-бургомистр Кенигсберга доктор Вилль, владелец заводов и представитель местных и общегерманских промышленных кругов и тоже "доктор" Дзюбба, новый, сменивший фон Лееба, командующий группой армий "Норд" Георг Кюхлер, у которого оказались "срочные дела" в Кенигсберге, и другие крупные партийные, государственные, военные и иные чины. Был приглашен и Розенберг, но приехать не смог: дела, дела, дорогой партайгеноссе, как сообщил он Коху из своего "остляндского" штаба, и то, забот у Розенберга было много. Выполняя приказ Гитлера о "подборе" наиболее выдающихся произведений и ценностей Курляндии для будущего "Музея всех народов" в Линце, Розенберг активно "прочищал" запасники и тайные склады музеев и дворцов Курляндии, рейхс-комиссариата "Остлянд", объединившего в себе "генеральбецирки" "Эстлянд, Леттлянд, Литауен и Мемелланд". Собственно говоря, Розенберг уже успокоился. Понял, что не получит теперь никогда Янтарную комнату, ибо этот "коричневый князь" Кох входил во все большее уважение у Гитлера, все укреплял свое влияние в рейхе, но и бог с ней, с комнатой: Розенберг обнаружил в своем рейхскомиссариате такие сокровища, упрятанные пока, в "стеклянные ящики" монастыря-крепости под Псковом, перед которыми весь этот янтарь, наклеенный на доски, был сущим пустяком, касалось ли это художественной или чисто материальной ценности "Бернштайнциммер"...

В тот один из самых торжественных для доктора Роде дней Кох, Вилль, Дзюбба пожимали ему руку, дружески хлопали по плечу и в восхищении оглядывали все это — сверкающее, источающее золотистый свет и, кажется остро, вкусно пахнущее лесом, солоноватое, теплое. Крупный государственный чиновник, прибывший из Берлина, доктор Валледштедт торжественно провозгласил, что отныне и навсегда Янтарная комната передается правительством в ведение Кенигсбергского магистрата, а господин обер-бургомистр Кенигсберга известил, что "Бернштайнциммер" отныне и навсегда передается в управление музеев и парков города, которым ведаёт уважаемый, известнейший в Европе знаток "золотого камня" господин доктор Альфред Роде. Спустя некоторое время в художественном журнале "Пантеон" доктор

Роде, уведомляя об открытии в замке Янтарной комнаты для посещения всеми, кто пожелает увидеть чудо, написал: "Янтарная комната вернулась в прямом и переносном смысле на свою родину, в пределы Великой Германии. Несомненно, что этот шедевр янтарного чуда никогда, ни при каких обстоятельствах не вернется в Россию, ибо подобное сравнимо лишь с одним: разрушением всего того, что мы именуем Великой Германией". И все же! Все же фюрер хотел видеть Янтарную комнату в своем милом, тихом городе Линце. "Врачи сообщили фюреру, что пребывание его в "Бернштайнциммер" будет способствовать улучшению его здоровья, — пояснил прибывший в Кенигсберг Поссе, директор Дрезденской национальной галереи, личный представитель фюрера по отысканию и добыванию картин и прочих ценностей как для "Музея всех народов", так и лично для фюрера. — Вам, Роде, будут даны указания. И не рассчитывайте на Коха. Фюрер с ним договорится. Сейчас изготавливаются специальные ящики для перевозки янтаря в Линц. Они не горят, не тонут, им не страшна вода..." Роде не мог найти себе места: Янтарная комната ускользала из рук, но бог милостив — по возвращении из Кенигсберга в Дрезден, не успев даже сообщить о результатах своей поездки в Ригу, Мемель и Кенигсберг, Поссе, такой еще крепкий и здоровый на вид человек, умер. И Янтарная комната, кажется, как обещал государственный чиновник Валледштедт, осталась в Кенигсберге "отныне — и навсегда"!

Документы, документы. Письма, запросы, обращения. "Уважаемый господин!..", "Уважаемая госпожа!..", "Уважаемые господа!" Как мог успеть один человек столько написать? Письма и запросы, в которых по три, пять и больше страниц. Что происходило с фермой этого неутомимого на поиск Георга Штайна? Кто успевал следить за овощами и фруктами, за цветами? То, что Георг Штайн был садоводом и земледельцем, подтверждают рекламные проспекты заводов и магазинов сельскохозяйственной техники, фирм, производящих удобрения, продающих и скупающих семена, пестрые глянцевого листки и толстые журналы, видимо, случайно оказавшиеся среди всех этих бумаг, от которых исходит дух золота и крови, дух опасности, потому что там, где золото, бриллианты, где матово сияют тяжелые серебряные чаши, сверкают гранями бриллианты, там всегда и опасность. Ах, эта ферма, сад! Ах, этот янтарь, очарование Большой, Заме-

чательной Тайны! Можно себе представить, как, работая в своем саду, Штайн все время размышлял, прикидывал, соображал: где же еще искать? Что случилось с "золотом Балтики"? Этот доктор Роде... Как он мог отправить Янтарную комнату в дальний путь, не сопровождая ее в пути? Нет-нет, он ее никуда не отправил... Он был привязан к ней. Духовно. Морально. И — грозным приказом Коха: "За Янтарную комнату отвечаете жизнью! Запомните это Роде!" Доктор Альфред Роде знал, что "коричневый князь" шутить не любит. Человеку, на совети которого сотни тысяч убитых славян, "ненемцев", и "немцев, которые перестали быть немцами", ничего не стоило прикончить его, только произнести одно слово "Роде" и скрестить два пальца правой руки — старый, неизвестно где и когда подхваченный Кохом жест приговора к смерти сицилийской мафии.

Можно себе представить, как время от времени этот немолодой, очень усталый человек, прочтя письмо с очередной угрозой, Георг Штайн, который для многих в Западной Германии за его сотрудничество с "Советами" в поисках янтаря уже перестал быть немцем, листал журнал с изображением цветов, читал его, а сам думал, думал, думал... Осталась комната в Кенигсберге или нет? Так. Во-первых, она была смонтирована в замке не вся. Где те ящики, в которых лежали янтарные панели, которым не нашлось места в замке? Остались в подвалах? Вывезены вместе с ценностями Кенигсбергского университета в Геттинген? Убыли в ящиках, которые вскоре, как говорил Ханс Поссе, прибыли в Кенигсберг? Переложены в них? В емкости, которые не горят и не тонут? Значит, Янтарную комнату предполагали отправить морем? Отправили? На "Густлове"? "Гойе", "Лее", "Генерале Штойбене"? На крейсере "Эмден" вместе с бронзовыми саркофагами великого Гинденбурга и его супруги?

Однако вернемся в Кенигсберг сорок второго, в замок, к Роде и его сокровищам. "В сорок втором году Роде показывал мне Янтарную комнату, — спустя двадцать пять лет рассказывал профессор Берлинского университета имени Гумбольдта доктор Герхард Штраус, бывший ответственный сотрудник музейного ведомства Альфреда Роде. — Мы с ним были давно и хорошо знакомы, это был до фанатизма влюбленный в янтарь человек. Вначале он мне показывал "Бернштайнциммер" тайком, лишь сами панели, которые еще не были смонтированы, потом я увидел уже всю комнату

в помещениях южного крыла замка. Это действительно было какое-то чудо! Я был поражен, потрясен и очень озабочен. Пораженным я чувствовал себя перед лицом условий, при которых я оказался в Янтарной комнате. Я вдруг почувствовал и себя соучастником грабежа, хотя абсолютно никакого отношения к этому не имел, но все же!.. Мое смущение еще больше возросло после того, как Роде показал мне и другие ценности, "арестованные" в Советском Союзе и доставленные в Кенигсберг из Киева и Одессы...

И вот что меня еще поразило: некая таинственность, с какой показывал мне все это Роде. Что он скрывал? Что знал, чем томился? В какой-то полутемной комнатке замка, понизив голос, буквально шепча мне в ухо, Роде сообщил мне о том, что Кох оставил за собой полное право распоряжаться теми произведениями искусства, которые попали в Кенигсберг. Он, Кох, и никто другой! Позже мне многое стало ясно: награбленные ценности были превращены не только в средство личной наживы, но и в своеобразный объект политики, политической, международной спекуляции. И Кох, и его единомышленники намеревались превратить все эти награбленные сокровища в объект политической торговли, используя все это для достижения своих целей, угрожая в противном случае просто уничтожить все то, что столетиями создавалось великими людьми человечества... Осмотрев комнату, я посоветовал Роде демонтировать ее и, уложив в ящики, отправить в подвал. Мало ли что случится? Предположим, массированный налет на город английской или советской авиации? Неужели можно допустить, чтобы это чудо погибло? "Погибнет? Если погибнет, то только со мной, — сказал Роде. И, помедлив, добавил: — Я просил Коха разрешить это сделать, но гауляйтер обвинил меня в трусости, паникерстве и запретил убирать Янтарную комнату в подвалы замка..."

...Документы, бумаги, черные, с цепкими, когтистыми лапами, глазастые и свирепые орлы. "Секретно!", "Совершенно секретно!", "ЛИЧНО!" "Немедленно, срочно вывезти...", "...отправить тотчас при получении этого документа, с первым же транспортом...", "...в целях сохранения", "...в интересах родины и партии..." Энергичный, неистовый в своем поиске сокровищ личный порученец фюрера Ханс Поссе умер, но идея создания "Музея народов" — "Операция Линц" — конечно же осуществлялась, и, пожалуй, с еще большей энергией.

"Дорогой партайгеноссе Гиммлер! В качестве специальных сотрудников, в чьи функции по распоряжению фюрера входит определение особой ценности произведений искусств, поступающих в Германию, определены следующие лица: 1) по картинам и мелкой пластике — профессор доктор Фосс (Дрезден, Государственная картинная галерея); 2) оружие художественного исполнения — профессор доктор Рупрехт (Вена, Ноебург); 3) по монетам и медалям — директор доктор Дворшак (Вена, Художественно-исторический музей); 4) по книгам и рукописям — доктор Фридрих Вольффхарт (Грундльнзее-Обер-Донау). За последние месяцы органами безопасности были непосредственно изъяты и использованы находившиеся в Штаスマрке различные художественные собрания, что абсолютно недопустимо. Исходя из этого, прошу вас самым настоятельным образом выполнять указанные предписания о всех собраниях подобного типа, немедленно докладывать перечисленным выше указанным фюрером сотрудникам... Хайль Гитлер! Ваш — Борман".

Шел уже сорок четвертый год. Войска Красной Армии продвигались к границам Восточной Пруссии, а "Операция Линц" продолжалась! Весной Кенигсберг был объявлен зоной первой категории воздушной опасности. Роде наконец-то получает разрешение Коха демонтировать комнату, и вскоре, уложенная в ящики, она отправлена в глубокие сводчатые подвалы замка. Вряд ли хоть какая бомба, самая крупная, могла бы пробить эти многометровой толщины своды. Под всем замком были такие подвалы, но Роде выбрал те, что были непосредственно под его, Роде, канцелярией. "Янтарная комната погибнет вместе со мной, — сказал он своим сотрудникам. — Но эта бомба, которая пройдет через мою канцелярию, должна быть весом не менее тонны..."

У англичан и американцев были такие бомбы. На некоторых из них по матовому черному металлу уже было написано по-английски: "За Плимут! За Лондон и Манчестер! Для Кенигсберга". В конце августа, спустя совсем немного времени, как Янтарная комната и другие ценности огромного замка были упрятаны в подвалах, англо-американская авиация совершила налет "Возмездие" на Кенигсберг.

Наш старый знакомый, генерал от инфантерии Отто Ляш, награжденный Гитлером за успешные бои в России рыцарским с дубовыми листьями крестом, назначенный

фюрером командующим Восточно-Прусским округом, так рассказывает о нем: "В ночь с 26 на 27 августа 1944 года английская авиация совершила налет на Кенигсберг, в котором участвовало около 200 самолетов. От налета пострадал почти исключительно район Марауенгоф, между Гранцер-аллее и Герцог-аллее. На юге бомбежка ограничилась Кольцевым валом, не затронув внутренней части города. Поскольку на Гранцер-аллее располагались административные учреждения, казармы, а в Роттенштайне военные мастерские, склады, этот налет, пожалуй, еще можно расценивать как нападение на военные объекты. Жертвы составили примерно тысячу убитыми, около 10 тысяч человек остались без крова. Повреждено примерно 5 процентов зданий. В ночь с 29 на 30 августа последовал новый налет английской авиации, в котором участвовало около 660 бомбардировщиков. Первые бомбы упали 30 августа в час ночи. В противоположность первому налету объектом нападения явилась исключительно внутренняя часть города. Место бомбежки было точно обозначено осветительными ракетами, то есть это был чисто террористический налет на густонаселенные, тесные городские кварталы. Со всей жестокостью противник успешно испытал новые зажигательные бомбы, вызвавшие повсеместно пожары. Число убитых составило почти 2400 человек, оставшихся без крова — более 150 тысяч, разрушено и повреждено, считая и предыдущий налет, до 48 процентов зданий. От бомбежки пострадали только кварталы жилых домов, а из общественных и административных зданий — те, что располагались в жилых кварталах или по соседству с ними, например старые хранилища на Хундегатт (место погрузки судов)... Жертвой этого воздушного налета было и здание штаба округа на Гранцер-аллее. Командование округа было поэтому переведено в форт Кведнау, расположенный на северо-восточной окраине города..."

Бессмысленный, жестокий налет. Залив весь город ослепительным, мертвяще-белым светом, огромные "летающие крепости", "бристоли", "ланкастеры" покрыли центр города сплошным бомбово-напалмовым огнем, ведь именно тогда, в августе сорок четвертого года, впервые в такой массе было испытано американское изобретение: зажигательные бомбы, начиненные напалмом. Ослепив зенитную артиллерию, из глубин черного августовского неба, будто космические звезды, сияли "аэролюстры", медленно, плавно опускавшиеся на охваченный пожаром город.

В две ночи было уничтожено почти все, что создавалось тут семь столетий: жилые кварталы, древние улочки и уютные магазинчики, костелы и кирхи, Королевский замок с его тронным, "Московитским" и прочими залами, с его "историческим" кабаком "Блютгерихт", древнейшее здание города — Кафедральный собор, к одной из стен которого прижался саркофаг с прахом великого философа Иммануила Канта. Старое ("Альбертина") и новое здание университета, "Новый" театр на Хуфеналлее, где когда-то игрались трагедии великого Шекспира и где после тридцатого года чаще, чем спектакли, разыгрывались фарсы "единения партии и народа", главным актером в которых был сам гауляйтер Эрих Кох со своими "коричневыми". Казалось, наступил конец света. Да так оно и было на самом деле для многих кенигсбержцев, мечущихся по горящему городу, пытающихся через ревуший, воющий ад пробиться к Прегелю и Обертайху, озеру в центре города, но и там спасения не было: вода горела, залитая напалмом. По забитым бегущими неизвестно куда людьми улицам со страшными воплями метался горящий слон, топча людей. Слона застрелили утром из противотанкового ружья и волокли потом за город по Альте Пиллау-ланд-штрассе, привязав стальным тросом за ногу к танковому тягачу; черный кровавый след тянулся за ним по серой, засыпанной битым стеклом брусчатке.

"Этот город больше не существует, — сообщалось спустя несколько дней в английской газете "Британский союзник", выходящей в СССР. — Эти две "английских" ночи оставшиеся в живых немцы запомнят навсегда".

...Итак, замок сгорел. А Янтарная комната? Столько лет поисков... Яблоки, груши. Долги, достигшие угрожающих размеров. Все более настойчивые кредиторы, требующие возврата своих, взятых под большие проценты, денег, запущенное хозяйство. И — янтарь, письма, запросы, поездки, справки... "Уважаемый господин Кнебель! Как Вам известно из моих писем, в Кенигсбергском замке находился знаменитый "исторический кабачок "Блютгерихт". Известно, что директор этого ресторанчика Пауль Фейерабенд был дружен или, по крайней мере, хорошо знаком с Альфредом Роде, тот часто бывал в ресторане. Несомненно, Пауль Фейерабенд мог что-то знать о Янтарной комнате. Не имеется ли у вас о нем каких-либо сведений? Его адрес? Я был бы Вам так признателен, уважаемый господин Кнебель, так признателен!"

Не знаю, ответил ли господин Кнебель Георгу Штайну, сообщил ли что-либо важное о директоре ресторана "Блютгерихт", но мне кажется, что именно Пауль Фейерабенд давал какие-то пояснения, когда поисковая группа моего отца оказалась в огромном, заваленном битой военной техникой, какими-то нагроможденными друг на друга обгорелыми железными кроватями и штабелями зеленых патронных ящиков обширном дворе полуразрушенного замка. Невысокий, верткий человек в желтой кожаной куртке и охотничьей шляпе с перышком шел впереди отца и что-то быстро говорил. Отец неплохо знал немецкий, но то и дело останавливал рассказчика: пожалуйста не так быстро.

Пленные немецкие солдаты, выпачканные известкой, усталые, молчаливые, с красными от работы и жары лицами, разбирали каменные завалы на уровне второго этажа южной части замка, там же виднелась и группка наших офицеров, толпящихся возле груды книг и мебели, видимо, добытых из-под руин. Наверно, это тоже была какая-то поисковая группа, созданная при штабе 11-й гвардейской армии. И, возможно, Пауль Фейерабенд, если это был он, работал с ними, потому что кто-то из офицеров строго окликнул его, и он, извинившись перед "герр оберстом", заспешил на зов.

Солнечный был день, теплый. Стайками проносились голуби. В проломах замковой башни виднелось синее небо. Людка Шилова лежала на броне немецкого танка "пантера", на плащ-палатке, постеленной на теплое железо Федей Рыбиным. Закусив зеленую травинку, глядела в небо. Руки она закинула за голову, сапоги сбросила. Пленные солдаты, оживившись, глядели в ее сторону, что-то говорили между собой, да и офицеры, рывшиеся в находках, тоже то и дело бросали взгляд на "пантеру". "Весна, черт побери". — "Йа-йа, ди фрюлинг, доннер веттер..." "Одерживай! Держи, гад, крепче..." — слышались хриплые, злые голоса. Это потные, сбросившие шинели красноармейцы выволакивали из глубоких подвалов рейхсбанка железные ящики и сейфы. Серое, приземистое здание банка находилось напротив замка на Шлоссплац. Часть восточных сооружений замка была разрушена, и сквозь огромный щербатый провал видны были стоявшие возле банка "студебеккеры", в один из которых и погружалось все это железо. Помню, как мы с Федей Рыбиным бродили по мрачным, с низкими сводами помещениям замка. В одном оказались ящики и сундуки, наполненные всевозможными военными головными уборами, видно, тут хранилась обширная музейная коллекция,

в другом — мундиры с блестящими пуговицами, гусарские ментики, шитые золотыми позументами камзолы и кители... Под ногами шуршала бумага, валялись или были сложены стопками обсыпанные битой штукатуркой и кирпичным крошечком газеты, журналы и книги, а в одном из хранилищ громоздились ящики с холодным, наверняка тоже музейным, оружием. Федя светил фонариком, я брал в руки то саблю, то шпагу, то драгунский палаш. Пугающая гулкость, закопченные стены и потолки, сплюснутые манерки, битое стекло, бурые бинты.

Потом из темноты и сырости мы вылезли на свет, солнце. Федя напялил на голову гусарский кивер, я нес палаш и старинный пистолет. Отец сказал, что никто тут про нужный нам архив ничего не знает, пора ехать. Улыбаясь, поправляя волосы, шла к "виллису" Людка, пленные немцы, оставив работу, смотрели ей вслед. Я кинул в машину драгунский палаш, сунул пистолет в сумку, сел на заднее сиденье и протянул руку, но Федя опередил меня. Подхватил ее сзади, легко, как ребенка, поднял, она вскрикнула: "Ах, ну что же это такое, товарищ полковник?!" и плотно села рядом со мной. Невероятно манящим пахло от нее, жаром разогретого тела, чуть духами и еще чем-то. Федя легко вспрыгнул в машину, уложил автомат на коленях, и "виллис" вынесся через ворота Альбрехта на небольшую, мощенную каменными плитами Замковую площадь, где солдаты-штрафники с матом-перематом все еще грузили в кузова "студебеккеров" банковские ящики. Карманный колесцовый пистолет и палаш сохранились до сих пор. Висят на стене моего кабинета. По сверкающему клинку палаша скачут всадники 12-го Инстербургского литовского уланского полка, в котором, между прочим, в 1813 году служила знаменитая кавалерист-девица Надежда Дурова...

Итак, неизвестно, ответил ли Георгу Штайну господин Кнабель, но вот какое он однажды получил письмо: "С большим интересом следила за серией фильмов "Тайна Янтарной комнаты". Быть может, мое письмо поможет в развязке этой загадки, — пишет Георгу Штайну из Берлина Лизель Амм, учительница. — Уроженка Кенигсберга, я была там студенткой с тридцать девятого по сорок пятый год, там же получила диплом учителя. В сорок третьем — сорок четвертом годах, я училась на одном курсе с дочерью д-ра Роде, Лоттой. Мы подружались, и я стала частым гостем в семье Роде. Во время одного из обедов д-р Роде сказал мне, что в Кенигсбургский замок привезена Янтарная комната, о существовании

которой раньше я и не подозревала. Так как я очень интересовалась искусством, что было связано в известной мере с моей профессией, Роде обещал мне показать эту знаменитую комнату. И он исполнил свое обещание. Я увидела это сокровище одной из первых. Мне показал Янтарную комнату сам Роде”...

Так. Это еще одно подтверждение, что Янтарная комната действительно была смонтирована в замке, но что же произошло дальше? ”Минули недели, — продолжает Лизель Амм, — во время одного из очередных обедов Роде рассказал, что в связи с возможными налетами авиации предстоит перенести ”Я.К.” на северную сторону замка. Сводчатые подвалы были очень толстыми (они были построены еще во время тевтонского рыцарства), что способствовало сохранению Янтарной комнаты. Сильнейшие налеты англичан в сорок четвертом году превратили почти весь Кенигсберг в развалины. После ночных пожаров я направилась в центр города на поиски родных и близких. Около полудня я была во дворе замка. Встретила там Роде, лицо которого было цвета пепла. Мы поздоровались, и я спросила: ”Что с Янтарной комнатой?” Он вскричал: ”Все пропало! Все пропало!” Он повел меня к неизвестным мне раньше подвалам, и я заметила множество кусков, напоминавших растопленный мед, в которых виднелись куски обугленного дерева. Д-р Роде был полностью подавлен. Больше он никогда и нигде не говорил о Янтарной комнате... Мне кажется, что д-р Роде в первый момент отчаяния показал мне место, где погибла в огне Янтарная комната. Потом, страшась ответственности, он умолчал этот факт перед тогдашним гауляйтером Эрихом Кохом, по той же причине молчал и тогда, когда работал с советскими искусствоведами: ведь под его наблюдением находились ценнейшие сокровища! Но позже во дворе замка видели ящики... с янтарем! Ящики, в которых могли быть только ценнейшие собрания янтаря, принадлежащие доктору Роде”.

Можно себе представить, с каким волнением и интересом, а потом и с недоумением читал это письмо Георг Штайн. Читал, перечитывал, откладывал в сторону, уходил в сад, бродил между деревьями, что-то делал, пытаясь отвлечься, успокоиться, вновь возвращался к письму. Что же получается? Янтарная комната сгорела? Но разве янтарные панели и все остальное, что составляло Янтарную комнату, могло сгореть в подвалах замка, куда, судя по многим свидетельствам, огонь не добрался? Обман? Мистификация? Или что-то действительно сгоре-

ло, и это "что-то" д-р Роде показывал тем или иным лицам, чтобы сбить с толку, отвлечь внимание, что-то скрыть? Скрыть, что Янтарная комната уцелела, чтобы упрятать ее в неизвестных тайных бункерах или вывезти за пределы Восточной Пруссии? Ах, если бы отыскать господина директора ресторана "Кровавый суд" Пауля Фейерабенда — он должен что-то знать, должен! Ведь туда, в его ресторан, ходил не только Роде, но и почти все сотрудники огромного музея, размещенного в замке.

А д-р Штраус, ближайший помощник Роде, его заместитель, что знает он? Наверняка д-р Штраус знал многое, но был сдержан в своих сообщениях. "Спустя несколько дней после той ужасной бомбежки, когда весь центр города и замок были накрыты бомбовым градом, я вновь оказался на дымящихся, заваленных кирпичом и известкой улицах Кенигсберга, — сообщает в журнале "Фрайе вельт" Герхард Штраус. — Осмотрев развалины исторических памятников, я направился в замок и там вновь увидел доктора Роде и его... Янтарную комнату. Ящики, в которые она была упакована, стояли во дворе замка, у одного из подъездов южного крыла. Роде, очень взволнованный, нервный, несчастный, сказал, что он извлек их из подвала, чтобы они охладились: замок сгорел и в подвалах поднялась очень опасная для дерева температура. "Надо прятать, — бормотал Роде. — Увозить комнату, спасти, но никто не дает разрешения на это... Но я знаю, где спрячу "Бернштайнциммер". Где именно? Роде этого не сказал, будто и не слышал моего вопроса. Осталась ли Янтарная комната в Кенигсберге? Кто может ответить на этот вопрос? Может, обер-бургомистр Вилль? Вряд ли без его, как и Коха, разрешения Роде мог что-либо предпринять для вывоза "Бернштайнциммер" из Кенигсберга".

"Роде, для которого я был не только одним из главных начальников, но и другом, вряд ли предпринял бы что-либо касающееся эвакуации комнаты, не известив меня об этом, — так на этот счет рассуждал бывший обер-бургомистр Кенигсберга. — Думаю, что Роде вновь упрятал комнату в подвалы замка. Там она и осталась. Куда она могла быть вывезена? До января ящики с ней еще видели, но куда и как ее могли отправить в январе?! Ведь, во-первых, Кенигсберг уже был почти в полном окружении, а дорога, что вела в Пиллау, находилась под ожесточенным обстрелом русской артиллерии. Помню, что когда мне понадобилось увидаться с комендантом города Кенигсберга Отто Ляшем, то из своего бункера на

Адольф-Гитлер-плац, где находился Штадтхаус, до бункера Ляша на Параден-плац, до которого всего-то и расстояние с полкилометра, мне пришлось добираться три часа. Как могли машины передвигаться по городу? И где вообще можно было добыть эти машины в те страшные дни?..”

Ах, эта замечательная Большая Тайна! ”Увезить комнату, спасти, — бормотал доктор Роде, и его лицо цвета пепла искажалось болезненной гримасой, — но никто не дает разрешения на это... Но я ЗНАЮ, ГДЕ СПРЯЧУ ”БЕРНШТАЙНЦИММЕР”. Кто не давал разрешение на эвакуацию Янтарной комнаты?.. Вот еще один очень интересный и важный документ: ”Внимание! СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО! Транспорт: Кенигсберг—Данциг. Профессор доктор Андре, работник Кенигсбергского университета, вместе со своими сотрудниками получил ПРИКАЗ ОТ ГАУЛЯЙТЕРА ЭРИХА КОХА ПОДГОТОВИТЬ И ОТПРАВИТЬ под охраной доктора Ланге НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫЕ УНИВЕРСИТЕТСКИЕ И ГОРОДСКИЕ ЦЕННОСТИ. Поставку тары для ценностей осуществляет доктор Ланге. Содержание ящиков: картины — 60 ящиков 200х200х80. Хрусталь и столовое серебро — 240 ящиков размерами 100х100х80. Малые формы: керамика, медали, монеты... Светильники, мебель, литературные произведения (600 ящиков). Ковры, шпалеры и гобелены... Рыцарское снаряжение и оружие... Всего — 1605 ящиков.” ПРИМЕЧАНИЕ: ЯНТАРЬ И ЯНТАРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ (ЯНТАРНАЯ КОМНАТА) ПАКУЮТСЯ В ОТДЕЛЬНЫЕ ЯЩИКИ, СПЕЦИАЛЬНО ИЗГОТОВЛЕННЫЕ НА ЗАВОДЕ ”БУРОВ, ПОМЕРАНИЯ” (под управлением доктора Ланге). *Померания, охотничий дом, Герман Геринг*”. Ящики, полторы тысячи, да какие! Тут же и чертежи приложены. Материалы: цинк, дубовые доски и брусья, асбест, жидкое стекло; воздушные подушки. Эти ящики — не тонут, не горят. Может, это о них говорил г-н Поссе? Для каждой группы предметов — ящики особых размеров, обнаружив их даже пустыми, уже можно было бы судить, что находилось в них. Но где они?

Чем больше документов, сообщений, версий, свидетельств, тем дело становится не легче, проще, а сложнее. Были ли они, эти ящики, изготовленные в Померании? Доставлены ли в Кенигсберг? Загружены ценностями и вывезены ли из Кенигсберга? Под письмом Геринга стоит дата: 12 декабря сорок третьего года... Успели все сделать, как приказано, или нет? И вот еще странность:

“Кох приказал подготовить и отправить”, а письмо подписал Герман Геринг! Распоряжение из Померании, куда, видимо, и должны были прибыть все эти ценности?! Значит, Кох поддался уговорам “толстяка” и решил отдать все эти богатства под его покровительство, но... но вот еще одно, не менее важное сообщение, добытое Георгом Штайном с большим трудом в одном из германских архивов: “Обер-бургомистр города Кенигсберг. Телефон 32-68-66. Адрес для всех почтовых отправлений: Художественное собрание Кенигсберга в замке. Получатель: Господину тайному советнику Циммерману, музей императора Фридриха, Берлин... Весьма почтенный тайный советник Циммерман! Размещение предоставленных вами во временное пользование вещей, как вы увидите из прилагаемого перечня, в противовоздушном отношении является безупречным. Малые формы уложены в ящики (те самые, о которых идет речь выше? — Ю. И.), керамика, фарфор, медали, монеты, вместе с вашими картинами. Ящики находятся в Вильденхофе под Цинттенем в имении графа Шверина — абсолютно отдаленной местности. Средние форматы (7 картин) поставлены на первом этаже замковой башни — также в абсолютно надежном месте. Для этих семи картин я уже сейчас собираюсь заказывать ящики, конечно, при условии наличия досок (значит, не те ящики? — Ю. И.). Вот только две картины из-за их большого формата поставлены в особое бомбоубежище замка, также считающееся надежным. Обе миниатюры, “Кенигсвизер” и “Розе”, упакованы в одном ящике и помещены в бункер за пределами замка. Это современный, с отоплением и вентиляцией, бункер, в котором размещены мои **ВЕЛИЧАЙШИЕ ЦЕННОСТИ** (картины Франса Хальса, К. Д. Фридриха и т. д.). Я бы рекомендовал вам **ОСТАВИТЬ ВСЕ ЗДЕСЬ**, так как тут надежнее, чем в Берлине. Я хотел бы задержать их отправку и отсоветовать вам, так как недавно два отправления в Берлин и Дрезден где-то пропали в результате воздушного нападения противника... Совсем иначе стоит вопрос о возможной **ЭВАКУАЦИИ**, который еще не возник для обсуждения и о котором нам **НЕ ДАНО ПРАВО ГОВОРИТЬ**. Всего десять дней тому назад Галль поручил своему чиновнику **МАРЧУ ОСУЩЕСТВИТЬ ЭВАКУАЦИЮ ЦЕННОСТЕЙ ЗАМКА** в г. **КАССЕЛЬ**, и это мероприятие уже находилось в стадии осуществления, однако, узнав об этом, обер-президент (Эрих Кох) тут же запретил осуществление этого мероприятия, чтобы не возбудить **ПАНИКИ В НАРОДЕ**. Во всяком случае, если что возникнет, я в первую очередь буду иметь

в виду ваши картины. С наивысшим почтением к вам — ваш Роде. Кенигсберг, 12 августа 1944 г.”.

Кох приказал подготовить и отправить! Кох запретил?! Значит, эвакуация была приостановлена? Но до какого числа? Между августом и январем, когда Красная Армия, прорвав оборонительные рубежи, углубившись в Восточную Пруссию вдоль Мазурских озер, а потом повернув на север, вышла к Балтийскому морю, тем самым перерезав все шоссейные и железнодорожные пути, ведущие из Кенигсберга в Германию, оставалось всего несколько месяцев... Успели специальные ящики из Померании прибыть в Кенигсберг и оттуда, наполненные ценностями, совершить обратный путь?

Доктор Кюнгсберг, доктор и граф Золмс, доктор Роде, доктор Штраус... Доктор Андре и доктор Ланге. Сколько докторов! Они-то знали все. И в особенности доктор Андре, который к тому же имел чин штандартенфюрера СС и был директором Кенигсбергского музея янтаря. Выполнил ли он указания высшего партийного начальства? Некоторое время назад часть “кенигсбергских сокровищ” вдруг как бы вынырнула из небытия: делая уборку в одном из многочисленных подвальных помещений Геттингенского университета, работавшие там студенты совершили сенсационную находку, обнаружив ящики с богатейшими коллекциями янтаря, принадлежащего Кенигсбергскому университету! Каким образом они оказались там, а не в Померании? Что это — лишь малая часть того, что, может быть, было вывезено из Восточной Пруссии? Или еще в каких-то подвалах до сих пор хранятся, как бы не востребовавшие, и другие, многие ящики, отправившиеся в путь в конце сорок четвертого или начале сорок пятого года? Ковры, гобелены, царское оружие, ценнейшие “малые формы”... И почему — в Геттингене? Может, потому, что этот старейший германский университет имел до войны тесную связь с университетом Кенигсберга? И еще потому, что штандартенфюрер СС, доктор и профессор фон Андре когда-то учился в этом университете?..

День ветренный, холодный. Осень. Все желтое. Желтые дюны, желтые кроны деревьев, желтый, знобкий закат. Слышно, как тяжело вздыхает море, громыхают, выкатываясь на желтый песок, пенные валы. Мы только что пришли с моря, прошли километра три по плотному, укатанному волной песку, намерзлись в поисках янтаря, но сегодня дули обыкновенные, а не “янтарные ветры”.

И вместо янтаря на берегу валялся всякий мусор. Коричневые и синие пластиковые мешки, доски, бутылки из-под разных вин и водки, кроссовки фирмы "Адидас", красные и черные резиновые перчатки, шприцы разового пользования, пестрые баллончики из-под дезодорантов, швабра, которую я прихватил, отличная, совершенно новенькая швабра, приплывшая, судя по фирменной надписи на ручке, из Швеции, табличка темно-шоколадного дерева с вдавленными в древесину медными буквами "ADVOKAT KUKKER", и узенький синий, с перламутровой пуговичкой лифчик, возможно самый последний в этом сезоне, снятый каким-то туристом с какой-то туристки на ботдеке под одной из спасательных шлюпок океанского, совершающего, может, самый последний в этом году рейс лайнера. Табличку я тоже прихватил. И пока мой старый московский друг растапливал печку, я приколотил ее в своем деревянном, с цинковой волнистой крышей туалете, который, кстати, тоже приплыл из каких-то дальних краев.

Бездомный кот-бродяга Василий Васильевич лежал на диване, мурлыкал и потягивался, ощущая с блаженством, как отогреваются старые, оббитые на грубых чердачных досках кости. Было тепло. Мы — я, Валерий и его жена Светлана, иногда появляющиеся в Ниде и заезжающие на день или вечер ко мне, — тоже отогревались, протягивая руки к огню.

О чем еще можно было говорить на Куршской косе, в старом рыбацком доме, до которого явственно доносились глухие шумы моря, как не о янтаре? И мы говорили об этой древней окаменелой смоле, об историях, связанных с янтарем, об исчезнувшей неизвестно где Янтарной комнате.

— Штайн так надеялся на показания директора ресторана "Блютгерихт" Фейерабенда, но, кажется так ничего и не смог о нем выяснить, а у нас сейчас есть его показания.

— Откуда такое страшноватое название: "Блютгерихт"? — спрашивает Светлана. — "Кровавый суд"? Или "Суд крови"?

— Этот ресторанчик располагался под Турнирной галереей замка. Говорят, что после казни палач получал тут плату за свое дело: кружку красного, как кровь, вина. Это был ресторан, известный по всей Германии, с его "Большим залом", где находились пять огромных, украшенных резьбой бочек, под ними сидел увенчанный виноградом пьяный Бахус, а к этому залу вел "Коридор мучеников", с двумя огромными каменными рожами и двенадцатью креслами, в которых восседали двенадцать "кровавых судий". Там был

Великий Дух Ночи — Гешпенст со своими шестью стеклянными совами, а вино подносили виночерпии в кожаных палаческих фартуках и колпаках с прорезями для глаз...

— А что за вино-то было? Прости, говорим о янтаре, а я про вино...

— Вина были фирменные: рейн, бордо, бургундское и "Кровавый суд" № 7— очень крепкое, густое темно-красное вино. Так вот: наверху, в турнирных залах, рыцари рубились мечами на турнирах, а внизу, под кабаком, когда-то были пыточные камеры с названиями "Испанская игла", "Комната боли", "Большой колпак". Народ рассказывал, что в черных закоулках подвала обитала невероятно красивая "Железная фрау", вооруженная двумя мечами, что там была яма-ловушка, в которую попадали негодяи: вдруг под их ногами сама собой распахивалась железная крышка бездонного люка. Так погиб один бандит, убийца, провалившийся в "Катцбах", "кошачий ручей".

— Но что с показаниями директора ресторана?

— Вот. Я его захватил с собой, перевод. *"Показания директора ресторана "Кровавый суд" в Кенигсбергском замке Пауля Фейерабенда. Перевод с немецкого оригинала. Кенигсберг, 2 апреля 1946 года.* Сначала 1943 года я был приглашен на должность директора ресторана "Кровавый суд". Из персонала музея, находившегося в замке, я был знаком с доктором Роде и инспектором Ханкензивкенем. В июле 1944 года во двор замка пришли две машины, высоко нагруженные ящиками. Некоторые маленькие ящики были сгружены и перенесены в Прусский музей, другие остались в машинах. Роде сказал мне, что это янтарные стены из России. Сейчас же после прибытия машин д-р Роде имел совещание с обер-бургомистром доктором Виллем в городском управлении. Машины, нагруженные ящиками, оставались в замке, во дворе, всю ночь. На следующий день машины с грузом ушли. Около полудня Роде пришел ко мне купить несколько бутылок вина на дорогу, он должен был уехать на несколько дней. Он действительно отсутствовал три недели. По возвращении доктор Роде сказал мне, что был в каком-то имении и там много поработал. Это путешествие Роде несомненно было связано с теми нагруженными ящиками машинами. Место и название имения мне Роде не сказал. Впоследствии Роде сказал мне, что речь шла о янтарном зале из России, который находился упакованным в машинах. В 1943 году пришло много ящиков из России, содержимое которых было распаковано в Прусском музее

и в музее замка. Это подтвердилось, когда в 1945 году, в июне—июле и августе, было найдено много русских экспонатов и художественных ценностей, все это было распаковано, причем многое из этого еще находилось в ящиках. *Пауль Фейерабенд, 2 апреля 1946 г.*". Вот такое сообщение этого Пауля, которое не помогает что-либо понять, а лишь еще больше все запутывает.

— Действительно, — говорит Валерий. — Кот, от тебя рыбой пахнет...

— Он рыбу ловит в заливе.

— ...Действительно, как все это понять? Эти ящики с янтарем, что были привезены в замок в июле сорок четвертого года, что это за ящики? Их увозили, когда Фейерабенд этого не видел? Вернулись? А потом янтарь снова куда-то отвезли? Или — лишь часть Янтарной комнаты? А что за ценности, найденные в июне — августе сорок пятого года?

— Еще одна загадка... Кстати, а может, тот янтарь в ящиках был и не из России, а из восточной же Пруссии?

— Как это? Откуда?

— Есть же сведения, что и там, где добывали янтарь, в Пальмникене, тоже был замечательный музей, но он исчез. Куда делся? Якобы каждому, кто найдет кусочек янтаря с вкраплением — мухой, букашкой или листочком, — музей выплачивал значительное вознаграждение. Даже во время войны. И вроде бы наши дети и подростки из России, Белоруссии, с Украины работали там, так и им давали награду. Миску похлебки и кусочек мыла. Но так ли все это?

— Насчет детей — все именно так, — Светлана прижимается спиной к кафелю горячей печки, знобко ежится, говорит: — Мой брат Вова там работал, вначале он был в Кенигсберге, а потом — в Пальмникене, в шахте "Святая Анна"...

— А как он туда попал?

— До войны мы жили в деревне. Однажды, это было в сорок втором, пришли машины немецкие и ребят, лет с двенадцати, стали забирать. И его тоже. Помню, как все жители села, и я, и мама моя, как мы бежали за машинами до самого полустанка. Там уже стоял эшелон. Товарняк. Всех погнали к вагонам. Солдаты никого не подпускали к ребятам и девочкам. Все плакали, кричали. А я поднырнула под руки автоматчиков и побежала к Вове. Слышу: "Хальт! Цурюк! Стрелять буду!" И — очередь автоматная. Вовка схватил меня, поцеловались, тут солдат подбежал и так рванул меня за волосы, что все в глазах потемнело...

— Сколько тебе было?

— Восемь. Укатил эшелон, а спустя месяцев пять мы письмо получили из Восточной Пруссии, в нем Вова писал, что он в лагере где-то на окраине Кенигсберга, что их гоняют в поместья, на разные сельские работы, а потом пришло еще одно письмо, из Пальмникена, он там янтарь в шахте "Святая Анна" добывал, с транспортера, из глубокой земли. Ему уже пятнадцатый год шел, когда наши в Пруссию вступили, и вот слышно, что грохот орудий все ближе и ближе. Был конец марта, жуткие ветры, шторм, море ведь там рядышком. Однажды один немец отвел Вовку в сторону и, оглядываясь, говорит: "Беги. На днях вас всех погрузят в баржи и увезут..." Вова сказал об этом двум своим товарищам и подружке, девочке Вале, с которой подружился там, в Пальмникене. И, кое-как порвав на окне колючую проволоку, они ночью сбежали из барака. Их трое суток искали с собаками! И они то в каком-то болоте сидели, то в бетонном желобе под дорогой, а потом услышали — немцы ушли... Такая история. Да, вот что еще: Вова так потом и не расстался с Валею, повзрослели, поженились, дети уже взрослые. И еще: шахту "Святая Анна" взорвали, а всех детей немцы погрузили в две железные баржи, вывели в море, где они будто бы во время шторма пошли на дно, и якобы, это Вова от местных жителей слышал, туда же, на баржи, было погружено и много больших ящиков. Может, янтарь?

Железная баржа с янтарем и костями, новый подводный "дворец Юрате"?.. Говорят, что в янтаре, который море выбрасывает на берег возле поселка Янтарный, какие-то прозрачные пузырьки виднеются. Может, это новый вид вкраплений в янтарь — не мушки, блошки, травинки, а детские слезы обитателей "Киндерхауса"?..

Графиня скакала на белом коне

"ПОДЗЕМЕЛЬЯ ЗДЕСЬ ЕСТЬ! — сказали жители небольшого поселка в Калининградской области членам штаба экспедиции "СМ" по поискам Янтарной комнаты и других культурных и исторических ценностей. Так это или нет, ответ должна дать расшифровка записи, которая была сделана нами на месте предполагаемого подземного тайника прибором "Хонз". Собственно говоря, и невооруженному глазу наличие здесь каких-то подземелий кажется очевидным. Развалины старинного, монументального, с башнями здания расположены на холме. Прежнее, изначальное предназначение этого здания не вызывает сомнений в существовании под ним по крайней мере обширных подвалов, а может, и подземных ходов, ведущих на несколько десятков метров в разные стороны".

Из газеты "Советская молодежь", Рига.

"Весьма почтенная графиня Дёнхофф! По возвращении из России, где моим хозяином был Юлиан Семенов, писатель... Режим работы был напряженным: разговор протяженностью в 80 часов! Сначала шел разговор о Янтарной комнате, и вот, к моему удивлению, выяснилось, что русская сторона основывает свои исследования на показаниях бывшего владельца ресторана "Блютгерихт" в орденском замке господина Фейерабенда, которые были дополнены показаниями Эриха Коха (данные польских журналистов). Фейерабенд сообщал, что ОБЪЕКТ 4 — 5 апреля 1945 года, т.е. за ПЯТЬ ДНЕЙ до капитуляции, еще находился во дворе замка, где лично Кох кричал и бесновался, требуя немедленной отправки

комнаты и прочих ценностей в замок ЛОХШТЕДТ. И когда выяснилось, что туда пути уже нет, за ТРИ ДНЯ до капитуляции лично отдал распоряжение захоронить ОБЪЕКТ на территории ПИВЗАВОДОВ ПОНАРТ..."

Из письма Г. Штайна.

...Сегодня у меня и моих товарищей, тех, кому небезразлична древняя история нашего города, кантовский день. Кант, философия — и Янтарная комната? Какая тут связь? Но мы ведь ищем не только Янтарную комнату. Вокруг нее возникло столько легенд, шума, публицистики и литературы, что кажется, будто дороже ее и нет ничего на свете! Но разве это так? Вот этот самый домик лесничего Вобзера — ах, если бы нам удалось доказать, что это именно тот дом, в котором часто бывал, да что бывал — работал Иммануил Кант, разве это стало бы менее сенсационной находкой, чем если бы вдруг была обнаружена "Бернштайнциммер"?

Звонок. Гляжу на часы. Это, наверно, Ольга Феодосьевна.

— Привет, Оля. Да, все помню, через час выезжаю, а потом мы отправимся на графские развалины. Полковник нас будет ждать там. Что? Профессора заберем у магазина "Уют". Стихи? Слушаю.

"Графиня скакала на белом коне, оранжевый шарф развевался, — слышу я в телефонную трубку. — Стучали копыта по мягкой земле, туман по полям расстилался"... Ну, до встречи.

Да, до встречи. Еще есть время. Я открываю папку с документами, на обложке которой написано: "КАНТ". Вот его портрет, подарок графини Марион Дёнхофф, которая действительно когда-то по вечерам объезжала свои обширные владения в долине реки Прегель на белой, с длинной гривой лошадке... Подвигаю портрет к свету: маленький, хлипкий человечек с тонкими нервными чертами лица и обширным лбом мыслителя изображен на плотном, желтоватом листе бумаги. Внизу готическая вязь букв, философское кредо понимания сути всеобщности окружающего мира, составной частицей которого является каждый мыслящий человек: "ДВЕ ВЕЩИ НАПОЛНЯЮТ ДУШУ ВСЕГДА НОВЫМ И ВСЕ БОЛЕЕ СИЛЬНЫМ УДИВЛЕНИЕМ И БЛАГОГОВЕНИЕМ, ЧЕМ ЧАЩЕ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЕЕ МЫ РАЗМЫШЛЯЕМ О НИХ, — ЭТО ЗВЕЗДНОЕ НЕБО НАДО МНОЙ И МОРАЛЬНЫЙ ЗАКОН ВО МНЕ".

"Нравственный закон во мне..." Как нам всем не хватает этого, в каждом из нас, нравственного закона, нравственности, совестливости, душевности. "Души нет!" — учили меня в школе. "Душа есть", — убеждала меня бабушка. "Чему вы его учите?" — возмущался мой отец. Бабушка, сурово сжав губы, прижимала меня к себе, я ее очень любил, но я не мог не верить и школьным учителям, отцу, сестре Женьке, которая как-то на моих глазах плюнула на икону. "Вот видишь? Бабушка твоя говорит, что если я оскорблю бога, то провалюсь на этом месте!" Она топнула ногой в пол. "Гляди, провалилась, да? Значит, нет никакого бога, нет!"

"Бога нет, души нет... Душу отняли, а чем заполнили образовавшуюся пустоту? Так нас воспитывали, так мы воспитывались, с верой не в бога, а в "великие стройки", "сияющие вершины", в недалекое светлое будущее, в котором будет жить "наше поколение", но что можно построить без души? Какое общество построили?"

"...Унд дас моралише гезетц ин мир..." Иммануил Кант родился в Кенигсберге 22 апреля 1724 года четвертым по счету ребенком в семье, где суровый, молчаливый шорник Иоган и его общительная, любящая детей жена Анна Регина сумели создать атмосферу дружбы и уважения. "Моя мать была любвеобильной, полной чувств, благочестивой и справедливой женщиной и нежной матерью, являющейся примером для своих детей, — вспоминал Кант. — Я никогда не забуду своей матери, так как она посеяла и взрастила во мне первые зерна добра, она открыла мое сердце впечатлениям природы, она разбудила и расширила мой разум, а ее уроки имели постоянное и священное влияние на всю мою жизнь".

Мальчик рос слабеньким, хилым, что несколько тревожило отца Иогана: чтобы стать шорником, надо быть очень сильным человеком! Да и второй сын не отличался особой физической крепостью, больше тянулся к книгам, а из дочерей какие помощницы в его деле? Учился Иммануил в латинской коллегии (гимназии) Фридриха, окончив ее, поступил в 1740 году в "Альбертину", Кенигсбергский университет. Слабое здоровье, рассеянность и огромная жажда знаний, чтения, жажда книг — таким был Кант в юные свои годы. И невероятная дисциплинированность, регламентация жизни, от которой он не отступался никогда; удивительная гармония труда, отдыха и небольших, но таких важных душе радостей.

Природа, общение с ней, попытка и умение проникнуть в ее суть, в понимание ее сложной, трудной жизни. Деревьев, трав, птиц... Смерть доброй матушки, скромный, позволяющий едва сводить концы с концами достаток и учеба, учеба, учеба. Вот и университет позади, бедственное положение семьи не позволяет продолжать учебу, вот и первый оплачиваемый труд: домашний учитель в местечке под Гумбинненом. В марте 1746 года умирает и старый шорник. Ах, эта бедность! Денег не было даже на то, чтобы похоронить Иогана Канта должным образом! Денег не было и на то, чтобы издать свой первый труд "Мысли об истинной оценке живых сил". Издание этой работы финансировал дядя Иммануила Канта, сапожник Рихтер.

Но дух, какой силы дух был заложен в этом шуплом теле, в этом человечке ростом едва выше полутора метров! Бедняк со звучным званием "магистр", новатор, создавший поразившие современных ему ученых — да и не только современных — сочинения, скудно питающийся, живущий в убогой комнатухе в мансарде ратуши профессор логики и права Кенигсбергского университета, автор трех выдающихся "критик", создавших ученому мировую славу — "Критики чистого разума", увидевшей свет в Риге в 1781 году, "Критики практического разума" (1788 год) и "Критики способности суждения" (1790 год).

Одиноким педант лишь в шестидесятилетнем возрасте наконец-то обзаводится своим жильем на Принцессенштрассе, куда обычно приглашал лишь шестерых гостей к своему столу, так как в доме для гостей было всего шесть стульев и шесть обеденных приборов. И — книги, сочинения, лекции, лекции. Лекции, от четырех до шести ежегодных, рассчитанных на многие часы курсов. Логика, метафизика, математика, педагогика, философская антропология, физическая география, минералогия, астрономия, баллистика и теология. Лекции и беседы. Лекции — споры, дискуссии! Лекции, которые студенты не пропускали никогда, в которых была такая ясная логика, такое точное, доступное повествование, что, казалось, самые сложные вещи становились понятными. Я читаю не для гениев, говорил Кант, а для тех, кто стоит посредине и хочет овладеть своей будущей профессией... Одиночество. Прогулки по одному и тому же маршруту, который в городе получил название "философская тропа", летние выезды за город к другу, лесничему Вобзеру, в тихий

и лесистый район Модиттен, где среди куп деревьев виднеется медный шпиль древней кирхи, звон колоколов которой время от времени отвлекал от пера и бумаги. Умер Иммануил Кант в возрасте восьмидесяти лет, в 1804 году, 12 февраля, и был похоронен с королевскими почестями у стены Кафедрального собора, где в 1924 году, в дни празднования двухсотлетия со дня рождения гения, по проекту известного архитектора Фридриха Ларса был сооружен саркофаг под портиком на двенадцати столбах розового порфира...

Однако пора! Выкатываю машину из гаража. Живу на окраине, возле канала Ландграбен; кстати, в документах Георга Штайна как-то мелькнуло это название: канал Ландграбен, поле Ландграбен, район Ландграбен, тоже что-то связанное с поиском Янтарной комнаты. Мои две маленькие собаки, таксы, носятся, лают, думают, что я их возьму с собой. Ну-ка, быстро домой!

— Надо писать во все инстанции! — говорит Ольга Феодосьевна, лишь только садится в машину. — Я уже подготовила письмо. Думаю, что многие ученые университета подпишутся под ним.

— Ты о домике? Я уже написал. В обليسполком, горисполком.

— Нет, я о памятнике Канту, конечно, мы ищем его, но найдем ли? И надо писать, просить, ведь надо, чтобы в городе был памятник ему. Знаете, давайте проедемся на Принцессенштрассе?

Давайте проедемся. Сворачиваю направо, налево, вот тут он и жил, бродил в размышлениях, весь будто иссушенный своими мыслями. Выходил в точно определенное время, ни минутой раньше, ни минутой позже, все было точно рассчитано, все рационально ("не делать ничего нецелесообразного" — кредо ученого), да, он был невероятно точен. Говорят, когда он появлялся возле красных готических стен Кафедрального собора, по нему проверяли главные башенные часы. Он никогда никуда не опаздывал, хотя нет, один раз в жизни он все же опоздал: в Кафедральный собор, на свое торжество соединения в супружестве! Так ли это? Или придумано? Опасаясь потерять независимость, он жил спокойной холостяцкой жизнью, опекаемый своей сестрой, пока друзья не уговорили Канта жениться. После долгих размышлений он согласился, тем более что молодая женщина, с которой его познакомили, понравилась ему. "Буду ровно в двена-

дцать, — сказал он невесте. — Прямо с лекции. Ждите меня в соборе”. И заговорился! Спор возник. Истину надо было выявить! И он выявлял, отмахнувшись от напоминания о своем сегодняшнем, таком торжественном, дне. Не дождавшись, невеста выбежала из собора, и лошади, звонко цокая по брусчатке, унесли карету прочь.

— Вон там был его городской дом, — говорит Ольга.

— Сгорел во время штурма Кенигсберга?

— Нет, не сгорел... Он купил его за 5570 гульденов у гугенотов, тут ведь гугеноты жили, вы знаете? Многие из тех, что бежали из Франции после той страшной Варфоломеевской ночи. Жил он только в нижнем этаже, состоящем из трех небольших комнаток, кухни и коридора, а верхний этаж сдавал жильцам.

— Рационалист! А что было в доме после его смерти?

— Ресторан. С бильярдом и кегельбаном. Потом там было справочное бюро, частная зубная лечебница врача Деббелена, а в 1893 году дом был снесен в пользу строящегося рядом универсального магазина.

— Послушай, напомни-ка мне еще разик историю с домиком Вобзера. Почему столько лет никто ничего о нем не знал?

— Да все очень просто. В одних немецких книгах сообщалось, что дом погиб во время войны, в других — что “нынешняя его судьба неизвестна”. Вот так как-то и привыкли к мысли, что он не сохранился... Однако Леонард Александрович нас уже, наверно, ждет.

— Да-да, еду за ним, к “Уюту”. Слушаю тебя.

— В общем, нам ничего не было известно о домике, где Кант работал в летнее время, где хранился его знаменитый полный рукописей сундук. Говорят, будто перед смертью Кант оставил завещание, в котором была и такая строка: “Все мои незавершенные работы, рукописи, записки и письма, все сложить в сундук. Запереть и поставить в моем доме. А ключ от сундука выбросить в реку Прегель”. Когда в 1924 году создавался музей Канта в домике лесничего, там и был поставлен этот сундук.

— А что с ним? Где он?

— Исчез! Так вот, о самом домике. Как-то к нам в университет поступила бандероль из Западной Германии, от почитателей Иммануила Канта. С благодарностью, что мы не забыли про него, что создали музей Канта, проводим регулярные Кантовские чтения. В бандероли были различные работы о Канте и несколько

фотографий с надписью: "Домик лесничего Вобзера, где в летнее время работал Кант". Внутренний вид, комната Канта, окна с характерными переплетами, кафельная печь, сундук. И на обороте обозначен адрес: "Модиттен, пригород Кенигсберга". Замечательно, но на какой улице находился дом? Ведь там сотни домов! Искали, но не нашли. Точный адрес узнали в 1981 году, когда по решению ЮНЕСКО в Риге проходил международный семинар, посвященный двухсотлетию "Критики чистого разума". И вот там-то один из западногерманских ученых как-то странно, в уголке зала, оглянувшись, шепнул мне: "Юдиттер Аллее, 200". Чего он опасался? Или просто вот так шутил?

— Не знаю-не знаю, но ведь и взрослые любят шутить, играть в тайны.

Ольга смеется, но смех ее нервный, как бы растерянный, и вся она нервная, импульсивная, порой несдержанная, в особенности когда видит, что происходит нечто скверное, несправедливое. Конечно, сейчас ее волнует лишь одна глобальная проблема: домик Канта! То кладет себе на колени папку с документами, обмерами, фотографиями, то поправляет узкой рукой пепельные прядки волос, легкий шарфик, повязанный на шее. Помню, как мы познакомились с ней: катила по асфальту, к университету, огромный гранитный шар, видимо, ядро от какой-то древней гигантской пушки. Отбила его, а точнее, выкупила у строителей, которые хотели скатить этот шар в траншею с кирпичным боем... А вот и профессор! Притормаживаю, и в машину садится легкий, подвижный и стройный, как юноша, профессор университета Леонард Александрович Калинин, общественный директор университетского музея Канта, заведующий кафедрой философии. Крепкое рукопожатие. Вся комиссия в сборе.

Через десяток минут мы уже мчим по бывшей Юдиттер Аллее, нынешнему проспекту Победы. Когда-то этот район был обширным зеленым пригородом старого города, с парками, незаметно сливающимися с лесами, каналами, небольшими речушками и ручьями, заросшими тростником озерами, на которых было так много уток. А в лесах обитало всякое зверье. Зайцы, кабаны, косули, лоси, охотиться на которых можно было, лишь получив специальное разрешение у главного восточно-прусского лесничего господина Вобзера, почитателя творчества Иммануила Канта. И как-то у доброго мечтательного лесничего родилась мысль: ну что он там летом

томится в пыльном, душном и шумном городе? Сел, сочинил письмо: "Высокоуважаемый господин Иммануил Кант! Восхищенный Вашим гением, я, простой, грубый прусак, решился обратиться к Вам и пригласить Вас на лето ко мне, в тихий и покойный край Природы. Есть тут у меня небольшой, но весьма уютный и годный для умственного творчества домик на берегу ручья Модиттен"...

Однако приехали. Вот и домик.

— Не понимаю, не понимаю! — говорит Калининков. — Оля, дайте карту. — Ольга Феодосьевна достает карту, мы расстилаем ее на траве. — Тут же все абсолютно совпадает: вот ручей "Модиттенбах, текущий слева, если стоять лицом к Морскому каналу", как сказано в описании дома и его окрестностей! — Становится лицом в ту сторону, откуда слышен протяжный рев тифона: какой-то теплоход или покидает, или входит в порт, возвращаясь после долгого плавания. — Вот: ручей слева, домик справа, и по странам света он точно совпадает с картой. — Достает компас, кладет его на карту. — Пожалуйста, вот дверь, которая смотрит на север, а окно комнаты Канта — на юг и запад. Ведь все так? Оля, сразу все записываем, да?

— Да, конечно, — Ольга Феодосьевна подает профессору большую фотографию. Снимок сделан как раз с того места, где мы сейчас стоим. Профессор поднимает ее, как бы проецируя на домик, а Ольга показывает: — Все совпадает. Одноэтажный, под крутой черепичной крышей, так называемой фахверковой постройки дом, когда вначале строился каркас из дубовых балок, а потом между ними укладывался кирпич или камыш с глиной.

А в доме живут. Койки. Тепло. Щами пахнет. Пожилая, вся в черном женщина выходит, кланяется в пояс. Оказывается, чтобы дом не растащили, Ольга Феодосьевна разрешила поселиться тут реставраторам из Даниловского монастыря, которые восстанавливают кирху Юдиттен под православную русскую церковь Николы Угодника. Сейчас они все там, на холме, на стройке. Когда-то Иммануил Кант любил ходить к кирхе по берегу ручья, мимо ключика, по тропке, ведущей вверх, между огромных деревьев.

— Сюда, пожалуйста, сюда, — зовет нас Ольга Феодосьевна, и мы входим в угловую, тут никто не живет, комнату. — Вот: окно! Видите? Сложный, нестандартный рисунок переплета, таких в других немецких домах нет.

— Но и балок потолочных нет, — говорю я. — Значит...

— Да ничего не "значит"! Женщина, которая тут раньше жила, сказала, что к балкам подшили потолок. Им балки не нравились. Да и теплее стало. А вот фундамент от печки, а вот...

— Если бы тут еще и сундук Канта был... Куда он подевался?

— Может, сундук на чердаке? — задумчиво произносит Калинин. — Ведь могли же его туда поставить?

— Да в этот лаз на чердак не то что сундук Канта — матросский сундучок не пролезет, — говорю я. — Ну что, подведем итоги? У меня нет никаких сомнений, это именно тот дом, о котором идет речь. Приметы косвенные, но точные, их трудно опровергнуть. Определение того или иного здания, захоронения в большинстве своем опирается именно на косвенные приметы, ведь и мумию в саркофаг кладут без паспорта и справки магистрата. Как вы считаете, Леонард Александрович? В общем, составляем "Заключение общественной комиссии", подписываем, и я отправляюсь с этим заключением в обком партии.

— Нам предстоит доказать, что либо все усилия немецкой философской мысли от Канта до Гегеля остались бесполезными, либо их завершением должен стать коммунизм, — торжественно, пощипывая бородку, произносит профессор. — Примерно так выразился Энгельс. Будет коммунизм или не будет — это дело будущего, но от идеи сохранить этот дом мы не должны отступить!

— Друзья, мы опаздываем, немец нам не простит!

Хлопают дверки машины. Молчаливая, вся в черном женщина стоит на крылечке дома, кланяется, говорит: "Ступайте с богом. Бог вам в помощь!" Да, если бы нам помог всевышний. Сохранил бы для нас сундук Канта... Но мы опаздываем, ей-ей, немец будет сердиться. "Немец" — это мой друг, поэт Рудольф Жакмьен, который тоже ведет переписку с графиней Марион Дёнхофф. Сейчас он вместе с нами отправится на развалины некогда богатого и обширного графского поместья.

Но вот и улица Красная, дом номер 24, к которому я подкатываю за пять минут до установленного срока. Гляжу на часы. Без трех. Без двух минут. Без минуты десять. Дверь распаивается, и показывается Рудольф. Немец есть немец. Никуда никогда не опаздывает и терпеть не может, когда кто-то опаздывает или приходит

к нему без предупреждения. Высокий, синеглазый, бело-волосый и краснолицый, будто только что выпил две-три кружки настоящего баварского пива, которое так любит и которого он когда-то столько выпил! Улыбается. Он всегда улыбается. Говорит: "Когда я родился, я не плакал, нет, я улыбался во весь рот: здравствуй, мир!"

— Гутен таг, Олечка, гутен таг, профессор! Фарен?

— Йа-йа! Чертеж графини не забыл? — Мне не терпится увидеть чертеж поместья "Фридрихштайн", присланный из Гамбурга его бывшей владелицей. — Покажи, а то, может, все шутишь?

— Письмо и чертежи тут, — Рудольф улыбается, устраивается удобнее, хлопает рукой по портфелю. — Однако потом посмотрим, надо ехать, а то задержимся, опоздаем, а полковник не любит, когда кто-нибудь опаздывает.

Мчим через весь город, выезжаем на западную окраину. Денек-то сегодня какой! Солнце вовсю светит, яркое, огромное небо, на котором ни тучки.

— О чем-то вы задумались? — слышу я голос Ольги Феодосьевны. — А вы знаете, что Иммануил Кант был "сохранителем", как-то примерно так переводится с немецкого, "сохранителем янтаря редкостного содержания". Да-да, он был "сохранителем" огромной, при университете, коллекции янтаря. И сам был любителем янтаря, он, живущий по расписанию, в котором учитывалась каждая минутка, мог часами разглядывать янтарь, особенно инклюзы, вкрапления в него.

— "О, если бы ты, маленькая муха, могла заговорить! Насколько иным было бы все наше знание о прошлом мира!" — так, разглядывая янтарь, воскликнул когда-то Иммануил Кант. — Калинин улыбається, пощипывает, поглаживает бородку. — Разве великий философ мог не обратить внимания на это чудо?

— "Маленький мой край — как золотая Капелька густого янтаря. Он блестит в узорах, расцветая; Льется в песнях, радостно горя, — нараспев произносит Ольга Феодосьевна. — Янтарек с лучами золотыми, Балтики прозрачную красу, — о Литва, твое родное имя Солнцем крошечным в руках несущ". Хорошо, правда? Это о Литве, но и о нашем кусочке земли. Так писала Саломея Нерис. Знаете, вот бы собрать книгу стихов о янтаре. И легенд, сказаний!

— "Нам поведала легенда: здесь, в седом Балтийском море, где с волнами ветры спорят, в непроглядной

глубине, на морском, мохнatom дне был когда-то лучезарный сказочный дворец янтарный..." — вспоминаю и я строчки из поэмы о Юрате и Каститисе и поворачиваюсь к Рудольфу: — Так ведь, а?

— Так,— смеется Рудольф.— Запомнил? "В золотистых, светлых залах, шаловлива и властна, нежной прелести полна, царством нимф повелевала несравненная Юрате.— Катится навстречу серая лента шоссе.— А вблизи ютился там дом у моря — небогатый и открытый всем ветрам. Наш рыбак (был молод он) не ленился на рассвете в тех водах забросить сети, где стоял Юрате трон..."

— Кажется, я вышла на точный след библиотеки Валленрода,— говорит Ольга Феодосьевна и поправляет свои пепельные волосы, выбивающиеся из-под берета.— Просто верить этому боюсь. Вдруг так повезет?!

— Библиотека сгорела в ночь с 9 на 10 апреля,— вздохнув и согнав на мгновение с лица улыбку, произносит Рудольф.— Я это прочел в газете "Вест-Дейче цайтунг", воспоминания свидетеля этой трагедии.

— Нет-нет, этого не может быть! Все замечательное, великое не погибает, не сгорает! Рукописи, книги, памятники! Вот же: мавзолей Канта уцелел, памятник Шиллеру как стоял, так и стоит на том же месте.

— Кто-то хотел его свалить во время штурма, мол, немец! — усмехается Рудольф.— Но один офицер остановил солдат и стал читать стихи Шиллера. Это был поэт Лев Копелев, я об этом читал в газете "Ди Цайт", которую редактирует графиня.

Лента асфальта накатывается, ложится под колеса машины. Справа виднеется обширное поле, полуразрушенные ангары. Когда-то тут был немецкий аэродром тяжелой бомбардировочной авиации. В апреле — мае сорок пятого года, рыская по дорогам поверженной Восточной Пруссии, по замкам, кирхам и костелам в поисках архива Фромборкского капитула, мы заехали и на аэродром. Взлетная его полоса была перепахана бомбовым налетом авиации Балтийского флота, и немецкие самолеты не смогли подняться в воздух. Плотными рядами, крыло к крылу, стояли "юнкерсы" и "фокке-вульфы", поблескивали стекла кабин, на плоскостях и фюзеляжах трепыхались "взлетные ленточки" — полоски материи, прикрепленные к тем местам самолета, которые должны быть обязательно осмотрены перед вылетом.

Красноармеец в меховой летной куртке, сидя на штабеле бомб, лениво поглядывал, как группка пленных

немцев, видно, из аэродромной команды, все в черных комбинезонах и черных пилотках, стаскивали к огромной яме извлеченные из боевых отсеков пулеметные и пушечные ленты.

Въехав на аэродром, мы медленно катили по узкой бетонной полосе вдоль самолетных хвостов, потом шофер Костя Шурыгин тормознул, машина остановилась, Костя принялся пинать покрышки, проверяя, не спустила ли какая, отец разложил на капоте машины карту, а я пошел вдоль самолетов. На фюзеляже одного из них были сделаны надписи: "Либава", "Ревель", "Петербург"... Нетрудно было догадаться, что они обозначают, эти надписи: "Либава" (Лиепая) — двенадцать красных кружочков, двенадцать бомбежек, "Ревель" (Таллинн) — десять, "Петербург" — раз... два... семнадцать... двадцать шесть бомбежек. "Гад такой! — Я стукнул кулаком по фюзеляжу. — Может, пролетел над моей улицей, домом. Может, именно от твоей бомбы и сгорел наш дом?.." Костя засигналил, отец уже сидел в машине, махал рукой: поехали! И все же я поднялся в кабину, лесенка была прислонена к самолету. Нырнул в обжитое его, пахнущее моторным маслом и кожей сидений нутро, сел в кресло пилота, положил руку на рычаги управления. Слева над ровным рядом черных ручек белозубо улыбалась "Девушка моей мечты" Марика Рокк, рядом с ней была прикреплена фотография милой молодой женщины, прижимавшей к себе двух белоголовых мальчиков. Эта фотография сохранилась у меня до сих пор...

Поворот, еще один, слева, на холме, виднеется огромная башня старинной кирпичи, в которую, видимо, и ходила юная графиня со своими родственниками по воскресным дням пешочком из имения "Фридрихштайн". Спуск к ручью. Старые, "из тех лет", дома, крутой подъем влево, аллея могучих деревьев, посаженных два столетия тому назад, озера, мимо которых скакала когда-то юная владелица этих земель, студентка Базельского университета Марион.

Еще один поворот, и я останавливаю машину. Вот и поместье "Фридрихштайн". Вернее, бывшее. Там, где некогда возвышался роскошный дворец, виднеется груда поросших кустами и дикой травой развалин. Где некогда ярко зеленел короткой, упругой травой газон, где виднелись десятки кустов роз и фигуры на гранитных постаментах — раскинулся кое-как вскопанный, огороженный заборчиком из какого-то хлама огород. Справа, среди

бурно разросшейся сирени виднеются две палатки, в которых ночуют наши добровольные в поиске сокровищ помощники. Обнаженные до пояса крепкие парни работают среди развалин графского особняка. Одни роют узкую траншею — так мы надеемся обнаружить подземелье дворца, другие ручным буром сверлят землю, оконтуривая участок поиска. Один из парней, отирая пот с лица, направляется к нам, улыбается. Неужели что-то уже нашли?

— Володя, привет,— полковник идет навстречу парню, нетерпеливо спрашивает: — Ну что, нашли? Где? Что?

— Кое-что есть, — кивает Володя. — Сейчас чай будем пить из графского, с гербами, сервиза... Идите сюда.

Мы спешим за ним. Володя выволакивает из палатки ящик, прикрытый брезентом, открывает его и достает из ящика изящную, почти прозрачную фарфоровую чашечку. Блюдечко. Еще одну чашечку. Тарелочку. Кувшинчик. Фарфор такой тонкий, легкий, что страшно его в руки брать. Как только уцелел? Когда все тут рушилось, с грохотом и треском проваливалось сквозь перекрытия, когда все горело жарким пламенем? Огонь добрался и до посуды: на тонком фарфоре видны темные отпечатки дымного, копотного огня. Кто-то держал их в руках? В каком из роскошных помещений некогда величественного древнего здания? Какие беседы велись за тем завтраком?

— С чаем повременим, — говорит Авенир Петрович. Он снимает тужурку, засучивает рукава зеленой рубашки.— Рудольф Фридрихович, давайте вашу схему, попытаемся соотнести ее с местностью.

— Битте, — Рудольф добывает схему. — Вот, видите? Вот этот крестик. Тут стоял Иммануил Кант на временном постаменте. "По левую руку от входа, если стоять спиной к фасаду здания..." Это приписка графини.

— Они очень неосторожно роют! — нервничает Ольга Феодосьевна. Она поправляет прядку волос, смотрит в схему, быстро взглядывает туда, где из траншеи вылетают комья земли. — Нет-нет, я так не могу... Я пойду туда. Надо осторожно, руками, надо ощупывать каждый комок земли.

— Оля, только сами ничего в руки не берите, — предупреждает ее Авенир Петрович. — Все же и тут была война. Мало ли какие сюрпризы могут оказаться в земле?

Так. Значит, искать надо во-он там, на самом краю огорода. Что ж, начнем, пожалуй!

Копаем. Выворачиваем из земли сцементировавшиеся кирпичи, камни, железо. Вот что-то сверкнуло. Поднимаю тяжелую серебряную монету: пять марок. С одной стороны монеты массивная, с прической "бобриком" и тяжелой челюстью голова. Надпись: "Пауль фон Гинденбург. 1847—1934 годы", на другой — орел. Надпись: "Дейчес рейх" и год — 1935. Стоп-стоп, еще одна монета, еще! Кто их тут рассыпал? Уж не клад ли?

Устроившись под кустом, разглядываю их, положив рядышком на ладони. Под нажимом военных и промышленников, Гинденбург уже сдал свои полномочия рейхс-президента Адольфу Гитлеру. К власти в Германии пришли фашисты. Вот он, символ фашизма: свастика. На второй монете, выпущенной год спустя, в тридцать шестом. С лицевой стороны ее все та же голова, но орел уже другой — расправил крылья, держит в когтистых лапах венок со свастикой.

Подходит Авенир Петрович и кладет мне на ладонь массивный металлический знак: полуовал из дубовых листьев, все тот же орел со свастикой вверху, граната и кинжал в центре и цифра "25" внизу.

— Один из почетнейших знаков германской армии, — говорит полковник. — За участие в штыковой атаке. Тот, кто носил его вот тут, — Авенир Петрович хлопает себя ладонью по груди, — участвовал в двадцати пяти атаках.

— Глядите, орел уже знает, в какую сторону ему глядеть, — говорю я, разглядывая тяжелый, серебристого металла знак. — На монетах он смотрит на запад, на знаке — на восток.

— Все они тут, в Восточной Пруссии, смотрели на восток. Где вы нашли монеты? Надо поглядеть внимательно. Может, еще обнаружатся?

Рудольф сидит на камне, что-то записывает в листок бумаги.

Четверо парней волокут тяжеленную каменную глыбу: барельеф с чьей-то головой. Похоже, это бог моря, Нептун. Рудольф говорит, что должно быть четыре таких головы. Они были укреплены на постаменте одной из мифических фигур. Ольга Феодосьевна счищает с серого камня сырую землю. Показываются выразительные выпуклые глаза, встрепанные каменные волосы, массивный нос, раскрытый рот. Наверно, это был источник. Изо рта

бога была струйка воды. Кто-то из парней находит медный знак "Первое мая. День труда". Плуг, меч и молот под сенью орла.

Копаем. Ольга тоже что-то отыскала, завернув в лопухи, быстро уходит, оглядываясь. Это у нее примета такая — не показывать, что нашла, пока в этот день не закончатся работы, чтобы не сглазить удачу. Солнце кренится к кромке леса. Очень болит спина. Горят ладони. Ребята еще роются в том месте, которое указала графиня, но с меня довольно. Надо передохнуть. Сполоснувшись в озере, устраиваюсь на теплой плите в развалинах дворца и пытаюсь представить себе, что тут и как было.

...Белые стены. Огненное отражение закатного солнца в огромных окнах. Широкая белокаменная лестница с гербом древнего рода Дёнхоффов над входом. И молодая владелица поместья, графиня, возвращающаяся с обычной вечерней поездки верхом по окрестностям, по этим зеленым полям и холмам. Домой. В обширнейший таинственный кабинет отца, в котором она разбирала старинные документы, обнаруженные в огромных сундуках на чердаке и одной из забытых угловых комнат замка. Легко соскакивает с лошади, поправляя тяжелые волосы, поднимается по лестнице. Останавливается. Смотрит в вечереющий сад. На золотистые дорожки, темную зелень газона, купы подстриженных кустарников, массивные фигуры памятников, которые она видела всегда, которые будто выросли тут вместе с этими вековыми дубами. Какая красота. Спокойствие. Величие. Непокколебимое никем и никогда вечное величие, слияние творчества рук человеческих, труда и Природы. Все это ей будет сниться спустя многие годы вдали от этих прибалтийских краев.

Она родилась вот тут, в замке (он же дворец) "Фридрихштайн" в 1909 году, тут прошло детство Марион, тут она готовилась к поступлению в университет во Франкфурте-на-Майне и вскоре стала студенткой, но когда Гитлер пришел к власти, покинула Германию, отправилась в Швейцарию, в Базель, где и училась. Там даже намеревалась защитить свою докторскую диссертацию, посвятив ее работам Карла Маркса. Юная графиня, как и все ее именитые родственники, не приняла фашизм, учение и политику национал-социализма, опасные устремления "фюрера" расширить границы третьего рейха за счет восточных, славянских земель. Научный руководи-

тель уговорил Марион Дёнхофф не делать этого. "Вам же возвращаться назад. В фашистскую Пруссию, — сказал он ей. — Изучите-ка документы, что хранятся в вашем замке. Это и станет вашей диссертацией".

Она вернулась сюда в тридцать пятом году, двадцатishестилетняя владелица этого и другого обширнейшего поместья — "Квитайнен", находившегося в нескольких десятках километров западнее "Фридрихштайна". Открыла старинные сундуки. Извлекла из них тяжелые рукописные книги, повествующие о роде Дёнхоффов, засела за систематизацию, изучение древних бумаг. Занялась ремонтом запущенного поместья.

А в мире уже полыхало пламя войны. Абиссиния. Испания. В Берлине и Кенигсберге маршировали молодые розоволицые парни в коричневой форме, яростно орали: "Зиг хайль! Зиг хайль!!" А здесь, в огромном отцовском кабинете, шуршали бумаги. Акты, письма, постановления. Свадебные контракты, сведения об имуществе... Бабушка польского короля Станислава Лещинского жила тут, была урожденной Дёнхофф. А вот бумаги одного из ее предков: запись лекций Иммануила Канта. Судебные бумаги. До конца XVIII века эта комната была "судебной", владелец имения сам вершил тут суд. Убийства. Насилия. Некая юная Алиса родила ребенка и утопила его в озере...

Диссертация "Род графов Дёнхофф" была вскоре завершена, а ремонт затянулся. Она полностью завершила его лишь летом сорок первого года. Вечером прошлась по многочисленным залам дворца-замка. Осматривала отреставрированный "гобеленный зал", в огромных проемах которого между окон красовались старинные, изготовленные в Голландии триста лет назад гобелены: озеро, леса и поля. Мирный труд. И сражения, сражения, сражения... Матово сияло вечернее солнце в бронзе массивных подсвечников. Тоненько позвякивал хрусталь старинных саксонских люстр. Суровые рыцари, сжимая руками мечи, глядели сквозь прорези забрал на молодую, легкую женщину. Картины. Лица, лица. Сражения, битвы, кровь. Все было так таинственно и мрачно в этот освещенный вечерним солнцем час. Тревожно было. И какой-то напряженный, все разрастающийся гул, доносящийся в раскрытые окна. Марион подошла к окну, выглянула: над лесами и покойными, мирными лугами, над черепичной крышей замка летели на восток тяжелые, с крестами на крыльях, самолеты. "Учения? — подумала

Марион, провожая взглядом бомбардировщики. — Но почему их так много? — Сердце сжалось. — Это война! Зря я занималась ремонтом. Если война с русскими, то все пойдет прахом". Она не ошиблась. Самолеты летели бомбить Россию. Началась война. И все пошло прахом.

"...Было три часа ночи. Точную дату я не помню, так как в те дни ужасающего хаоса, который трудно себе представить, я порой и не следила за календарем, но то, что было именно три часа, запомнила точно, так как прежде чем покинуть имение навсегда, я поглядела на часы... — пишет Марион Дёнхофф в своей книге "Имена, которые больше никто не назовет". — Я собралась в дальний, опасный путь. Села на лошадь и поехала. Я ехала в большой, молчаливой колонне беженцев... Это был ужасающий, невообразимый и с х о д десятков тысяч людей из родных краев, милых сердцу мест. Гигантский исход людей, коров, телят, лыжников, саней, пешеходов, толкающих по шоссе детские, груженные какими-то вещами коляски, волокущих сани, тележки, чудовищный поток уходящих на запад людей, заполнивших всю ширину бесконечного шоссе. Этот поток медленно, но неостановимо, как лава, изверженная вулканом, тек по заснеженной долине, перебрасываясь через мосты, эстакады, железнодорожные линии..."

Исход, а проще — массовое бегство из Восточной Пруссии, застал графиню в ее втором поместье, в "Кви-тайнене". Все, что было во "Фридрихштайне", все осталось там. Ценнейшие старинные бумаги родового архива, бронза, серебро, фамильные сокровища, коллекции древнего оружия, картины, гобелены, напольные, ручной работы часы, бой которых так красиво и таинственно звучал в обширных покоях. Все осталось в замке.

Разрезав сзади шубу, чтобы удобнее сидеть, графиня ехала в общем потоке. Был январь. В Прейсиш-Эйлау (Багратионовск) на вокзале она спросила, нельзя ли получить билет до Кенигсберга? На нее посмотрели как на сумасшедшую — железнодорожная линия уже была перерезана русскими. И графиня отправилась дальше. Мимо опустевших деревень. Мимо расстрелянных военнопленных. Французы, итальянцы, бельгийцы лежали рядами вдоль шоссе. Рядами же, чуть в сторонке, стояли их чемоданы, к которым были приделаны дощечки вместо полозьев.

"Когда я пустилась в путь, была полная луна, потом — новая и снова полная луна... — пишет в своей книге Марион Дёнхофф. — В конце концов я оказалась в Гам-

бурге. Что позади? Позади — все... Позади — "тысячелетний рейх", фашисты. Ни один из "коричневых" не перешагнул порог "Фридрихштайна", хотя там побывали все германские короли, кроме Фридриха Второго; но мы проспали, проморгали: "коричневых" нельзя было пускать в правительство..." "Коричневые" знали ее отношение к себе, однако не тронули, но расстреляли двоюродного брата, за его причастность к покушению на Гитлера в июле 1944 года. Заметив, что к имению подъехала машина с эсэсовцами, Генрих фон Лендорф, двоюродный брат графини, бежал через запасной ход. И вернулся, узнав, что фашисты увезли его жену и детей.

"Дёнхоффы девятнадцатого поколения родились в начале войны в своем родовом имении во "Фридрихштайне", — заканчивает свою книгу Марион. — Иоганн, Христиан, Герман и Кристина. Но вырасти им тут не удалось. В конце января сорок пятого года замок "Фридрихштайн" со всем своим ценнейшим собранием картин, гобеленов, коврами и древним архивом стал добычей войны, все погибло в ревущем дымном пламени пожара..."

— Нашли! Е-есть!

Прыгая через завалы камней, бегу на зов. Ребята склонились над обширной ямой. Сам Володя — в яме. Присев на корточки, он руками сгребает землю с массивной фигуры. Неужели действительно нашли?! Авенир Петрович просит парней принести веревки. Ольга Федосеевна спешит, подходит Рудольф. Володя сгребает землю в ведро, подает его нам и снова, опустившись на колени, сгребает землю. Авенир Петрович включает мощный фонарь. Из земли уже отчетливо проступают контуры огромной фигуры. Мы переглядываемся с Ольгой, та отрицательно качает головой: нет, это не Кант. Огромная рыба голова как бы выпростывается из земли. Рыба прижимается к чьим-то мускулистым ногам. Володя роет все торопливее, все чаще подает нам ведро с землей. Вот уже виден мощный обнаженный торс, рука, широкая, мускулистая грудь, плечи, шея... Кто же это?

— Головы нет! — удивленно и несколько испуганно говорит Володя и саперной лопаткой торопливо роется в том месте, где должна быть голова. — Ребята, башки нет!

— Держи веревки, — говорит Авенир Петрович. — Крепи под мышки и за ноги... Вылезай, потом голову поищем.

С уханьем, подбадривая друг друга, тянем веревки. И над урезом ямы, встав на ноги, вырастает массивная, будто литая из тяжелого бурого камня фигура. Вечернее солнце освещает это каменное чудище. Головы нет, но мне кажется, что фигура внимательно осматривает нас, людей, извлекших ее из сырой могилы. Это бог рек и озер — Прегель, древнее, как эта земля, языческое божество пруссов. Кто же тебе голову-то срубил? Увы, найти ее не удалось...

Плотно сидим вокруг костерка. Пьем крепкий чай из графского фарфора. Где-то на лугу кричит коростель. С тонким посвистом крыльев пролетают утки. Время от времени, вытянув губы трубочкой и дуя в чашку, Рудольф читает стихи о прекрасной царевне моря Юрате, которая полюбила рыбака Каститиса, чем вызвала гнев жестокого царя моря Перкунаса, брата вот этого безголового бога реки — Прегеля...

— "Как? Посмел какой-то смертный вдруг притронуться к богине, а она, презрев заветы, позабыв о страшной мести, отдалась ему с восторгом?"... Оля, плесни еще чуть-чуть. Спасибо. "...Кулаки воздел он в гневе, и из чрева туч косматых пламя стал швырять и громы, и безжалостно разрушил, раздробил дворец янтарный. Рыбака убил он сразу, а несчастную богиню приковал к разбитым стенам — вспоминать о кратком счастье"...

Замолкает, глядит в огонь, размышляет о чем-то, улыбается. Господи, что за судьба! Какая сила, какие цепи приковали его, немца, к России? Сиротское детство, холодные, гулкие помещения католического приюта в монастыре Святой Винченцы в Киле. Могильщик, шахтер, моряк, антифашист. В тридцать втором году голландский лесовоз, на котором Рудольф плавал кочегаром, оказался в северном российском порту Архангельске. И тут, на танцах в Интерклубе, он, молодой, "нордического" типа немец, знакомится с русской девушкой Галей. И влюбляется в нее так, что во время второго посещения Архангельска решает остаться в России навсегда. Что может быть сильнее любви? Эта Галя — его Юрате? Может, именно ради этой встречи он и выбрал свою соленую, опасную дорогу моряка? Романтическая история. Но и трагическая. Участник финской кампании и второй мировой войны, "радиосолдат", журналист "красной" немецкой газеты "Роте-цайтунг", Рудольф, как и многие тысячи "русских немцев", был в сорок втором году этапирован с фронта в Сибирь, за колючую прово-

локу. И Галя, худенькая, белокурая северянка, как жена декабриста, отправляется следом. Все перенесли молодые люди, выстояли, не сломились, а лишь укрепились в сознании необходимости друг другу, закалили свои чувства. Было ему уже за пятьдесят, когда на смену прозе пришли стихи. Было Рудольфу уже за шестьдесят, когда на одном из собраний писательской организации мы вручили ему билет члена Союза писателей СССР. Когда я ему звоню домой, то звоню очень долго, увы, слух у него уже не тот, да и Галя не та, какой была когда-то на танцах в Интерклубе, ноги подводят, пока поднимется с дивана, пока добредет до телефона, должно прозвучать не менее пятнадцати телефонных "ту-ту-туу-у"...

— "Много лет ушло бесследно с той поры, когда в народе родилась легенда эта, — продолжает Рудольф. — Но когда во вспышках света, растрепав седые гривы, волны на берег взбегают — на песке светло сверкают брызги горьких слез Юрате..."

Как все сложно в жизни, как странно переплетаются человеческие судьбы. Эти графские развалины, утки, пролетающие над нашими головами, невесомый фарфор в руке, графиня Марион Дёнхофф, Иммануил Кант, Рудольф, бог прусских рек — безглавый Прегель, черной чешуйчатой глыбой возвышающийся за нашими спинами. И эти симпатичные, уставшие ребята, покрасневшая от огня и крепкого чая Ольга Феодосьевна, то и дело заглядывающая в свою разбухшую сумку, где уже лежат серебряные монеты с тяжелой головой Гинденбурга, знак за двадцать пять рукопашных схваток и еще что-то, что она пока скрывает от нас. Вот, решила похвастаться.

— Какой-то кувшинчик я нашла. Тяжелый! Может, в нем спрятаны фамильные драгоценности рода Дёнхофф? — говорит она и, поправив прядку волос, вытаскивает из сумки нечто тяжелое, действительно похожее на кувшинчик. — Вот горлышко. Чем-то запечатано. У кого есть нож?

— Оля, дайте-ка мне это, — говорит Авенир Петрович, и я вижу, как лицо его становится совершенно белым. — Это, Оля, не кувшинчик. Это головка от фаустпатрона. Если рванет...

Авенир Петрович принимает из ее рук "кувшинчик" и, поднимаясь, глядит на него с нежностью, как глядят на дитя, лежащее в ваших руках. Плавной походкой он уходит по дороге в луга, где все так же кричит и кричит дергач.

Мы ждем. Молчим, напряженно прислушиваемся, но вот доносится скрип гальки. Полковник садится к костру, Ольга Феодосьевна подает ему чашку с чаем, полковник делает глоток-другой, говорит, что уложил этот взрывоопасный "кувшинчик" в кустах, в глубокой яме, что завтра утром привезет сюда саперов, чтобы подорвать его. Чай вдруг выплескивается из чашки в его вздрогнувшей руке. Полковник смеется. И мы смеемся. "Дерг! Дерг!" — возобновляет свою незамысловатую песенку коростель. Луна выкатывается из-за черных куп деревьев. Чьи-то неясные зыбкие тени вихряются над графскими развалинами, безголовый бог шевелит каменными, прижатыми к каменному туловищу руками.

— Оля, нам надо срочно отправиться в домик Канта, — вдруг говорит молчавший весь вечер профессор Калининков и поднимается. — Едем! Ведь мы не осмотрели весь дом до конца. Почему мы все же не слезали на чердак?

Едем. Серебряная лента шоссе опять бросается под колеса. По окружной дороге выкатываемся на бывшую Юдиттер Аллее, останавливаемся у домика лесничего Вобзера, в окнах которого еще горит свет. Женщина в черном открывает, кланяется, не выказывая какого-либо удивления нашему столь позднему визиту. Крепко пахнет щами, сохнувшими у печек портянками и носками, луком и мужским потом. Из комнат доносится мощный храп. Чья-то русая голова виднеется на подушке в синей наволочке. Леонард Александрович подставляет лестницу к мизерному лазу, поднимается по ней, вздымает крышку лаза и скрывается в темноте чердака. Выглядывает, просит дать спички или свечу. Женщина в черном подает свечу и спички. На чердаке зажигается свет. Слышится смех. Я лезу по лестнице, заглядываю на чердак — профессор стоит на коленях перед огромным, черного дерева, с железными полосами, сундуком. Характерный, тот же, что на фотографии, рисунок! Правда, кожи нет, лишь кое-где виднеются черные клочки, ее срезали, но сундук уцелел! Но как же так? Как он очутился тут? Профессор показывает на другой, обширный лаз, через который поднимались на чердак по винтовой лестнице, но когда к балкам подшивали новый потолок, забили и лаз. И сделали маленький. А сундук уже был поднят на чердак, так он тут и остался. Конечно, он пуст, ни единой бумажки, но какая находка: сундук Иммануила Канта!

...”Графиня скакала на белом коне, оранжевый шарф развевался...”

Из горбатой старенькой машины марки ”Ситроен” выходит худенькая, вся будто высушенная временем седая старушка. Простенькая кофточка, брючки, на шее розовый шарфик — тут Ольга Феодосьевна совершенно не ошиблась — доброе, усталое лицо, добрая, приветливая улыбка, маленькая, но крепкая рука. Ее племянник Герман, широкоплечий, могучий, баскетбольного роста красивый молодой мужчина, сидит за рулем. Машина такая маленькая, что он, раз в нее втиснувшись, старается подольше не вылезать. Помните индуса, который впихивался в стеклянный ящик, — его показывали по телевидению? Из ящика тот индус вылезал через пять минут, а вот в этой железной коробке графиня и Герман 1600 километров проехали! Втроем. Они — на передних сиденьях, Иммануил Кант — на заднем. Замечательный, бронзовый, со шляпой в руке, уменьшенная копия памятника, изваянного Христианом Даниелем Раухом и установленного в Кенигсберге 18 октября 1864 года. Эту великолепную копию графиня отлила на свои деньги, премию имени Гейне, которую она получила в Дюссельдорфе за свою журналистскую деятельность.

— Вот аллея. Ее посадили ваши предки, — говорю я и вглядываюсь в ее лицо. — Дальше вы пойдете сами. Тут до вашего поместья, вернее, до того места, где был дворец, всего минут двадцать. — Чувствую, как ее рука вздрагивает в моей. Вижу, как напряжено ее лицо. Другой рукой она все время поправляет свой розовый шарфик. Господи, выдержит ли ее сердце, когда она увидит руины и мерзостный разор там, где когда-то над озером возвышались белые стены дворца, где среди вековых деревьев вились чистые, золотистого песка, дорожки, на газонах цвели розы, на фигурных постаментах стояли каменные изваяния? — Как вы себя чувствуете? Хорошо? Вот там, видите: каменный крест. Помните, вы писали о нем? Это ваш дедушка поставил его тут в память о местных жителях, погибших в первую мировую войну. Вечером я за вами заеду, да?

Генрих все же выбирается из своей машины; отчего мне казалось, что все западные немцы ездят только на ”мерседесах”? Взяв графиню под руку, он ведет ее к огромному, шестиметровой высоты кресту, на котором, если счистить губчатый мох, можно прочитать: ”Спите

спокойно, наши герои". Теперь под этим готическим крестом спят спокойно приехавшие сюда и умершие тут русские крестьяне. Я иду к своей машине. Оглядываюсь, пытаюсь представить себе, что сейчас творится в душе этой женщины, но разве такое можно представить? Только бы ее не хватил удар, только бы выдержало ее старое восточнопрусское сердце.

Сердце выдержало. Вечером мы сидим на веранде нашего с Мюллером дома за длинным богато накрытым столом. В связи с приездом такого уважаемого гостя я позвонил председателю райисполкома, попросил помочь, и под вечер услышал резкие сигналы его автомашины. Не вылезая из кабинки, валяя сигарету в зубах, хамоватый шофер передал мне сверток, буркнул: "Тут на пятьдесят рэ", принял деньги и захлопнул дверку перед моим носом прежде, чем я успел сказать "спасибо". Да и черт с ним, зато глядите, "все как в лучших", как говорят моряки, "домах Лондона"! Коньяк, сыр, отличная, какую я уже давным-давно и не нюхивал, твердая, как водопроводная труба, колбаса; однако, как вы себя чувствуете, графиня? Как она себя чувствовала там, на аллее вековых лип, Марион Дёнхофф рассказала потом в своей газете "Ди Цайт": "Путешествие в закрытую область, или Поездка во имя Канта и с Кантом". Прежде чем быть отданным в руки мэра нашего города, а это произойдет завтра, Иммануил Кант составил нам компанию, стоит на столе, шляпа в руке, другая рука чуть откинута, жест, как бы приглашающий к разговору, да, мы вас слушаем, графиня!

— В то время когда всякие демагоги жонглировали ценностью представлений о родине и патриотизме и когда эти понятия узаконивали ненависть и презрение ко всему чужому; в то время когда гуманизм подменялся гуманистической сонливостью, а терпимость объявлялась заблуждением "чуждых интеллектуалов", изменилось и мое чувство родины по отношению к Восточной Пруссии. Точнее сказать, теперь это чувство сузилось и сконцентрировалось на моем родном "Фридрихштайне"...

За окном осыпались первые желтые листья. Стайка синичек, мама со своим выводком, перелетела с Большой груши на яблоню "Старая Анна". "Зойка, с-сука, куда мою треху подевала?" — доносился голос из распахнутого окна соседнего дома. Графиня то и дело поправляла на шее свой оранжевый шелковый шарфик.

— Теперь я побывала возле него... Пойти ли мне туда или лучше сберечь в сердце это место, ставшее для меня синонимом слова "Родина"? Я колебалась. И все же сила притяжения одержала верх над раздумьями. Жива ли еще аллея? Да, она на месте... Справа — заросший бурьяном пруд, в котором больше не видно воды. Исчезла купальня, сровнены с землей и фамильные захоронения... А где же дворец? Уму не постижимо: огромный дворец словно провалился под землю!.. Исчезли старая мельница, большая конюшня. Все заросло кустарником и крапивой, но сохранился столб с деревянным кожухом: там висел колокол, которым камергер извещал об обеде. О боже, какой абсурд! Дворец исчез бесследно, но остался этот бесполезный деревянный ящик!..

Всё осыпались листья. Синичка-мама озабоченно перекликалась со своими несмышленишками. "Тебе, пьяная рожа, пиво надо, а на что я детям молоко куплю?!" — визгливо огрызалась соседка. Вежливо улыбался Иммануил Кант, нежно глядел в разрозовевшееся от райисполкомовского коньяка лицо графини, которая то улыбалась, то легким движением руки смахивала слезинку.

— Что? "Графиня скакала на белом коне"? Да-да, так было, это как будто сон, который я очень часто вижу, но, знаете, я чувствую, что очень устала, наверно, нам пора. Да, вот что еще, маленькая просьба: если можно, попросите ваше начальство, чтобы я вернулась домой не через Брест, а через вашу границу, через Прейсиш-Эйлау, ведь это на тысячу километров ближе, хорошо?

На другой день были пресс-конференции, речи многих близких к местной власти людей, вспышки блицев, кино, телевидение, бронзовый Иммануил Кант, переданный в руки мэра города, заверения в любви и самых добрых отношениях, цветы, банкет и обещание областных властей, что да, конечно, зачем этот ужасный, в тысячу километров, крюк, да еще в такой неудобной для дальних поездок машине, да к тому же женщине, которой уже под восемьдесят лет?..

Слушая графиню, вглядываясь в ее лицо, я очень хотел узнать, что она думает о нас всех, в силу сложных обстоятельств оказавшихся здесь, на этих землях, но так и не решился, но графиня наверняка догадывалась, о чем мы тут, в Калининграде, хотели услышать от нее, и вот что она сообщила в своем очерке:

"Достойны восхищения достижения в восстановлении города: в 1945 году все тут было разрушено, лежало

в развалинах, не было канализации, воды, света... Сегодня — это огромный город, может быть, не очень хороший по нашим понятиям, усеянный теми типичными памятниками, напоминающими о войне и мире, которые так любят русские. Над всем доминирует здание — там, где когда-то был Королевский замок, — здание самое уродливое, которое я когда-либо видела: Дом Советов...” И вот что еще она написала: “Наряду со сложившимися у меня впечатлениями, что русские чрезвычайно человечны и достойны любви, я поняла, что изменился и мой душевный мир. Если раньше “Фридрихштайн” был недосягаемой, но все же реальностью, то теперь он переместился в мир мечтаний, и в этом мире он вечен...”

Ранним туманным утром я проводил ее в дальний путь. Герман, согнувшись пополам, втиснулся в машину, его колени уперлись в руль. Графиня бодрилась. Мне было стыдно смотреть ей в глаза. Оказалось, что никак невозможно пропустить графиню через наш контрольно-пропускной пункт — ну, нет у наших властей совершенно никаких на это прав...

Пустая могила.

Дневник профессора Брюсова

"СОХРАНЕНИЕ ЗА СОБОЙ ПРАВА НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА! Настоящим доводится до сведения следующее распоряжение имперского министра и начальника имперской канцелярии от 12 июня 1943 года.

Дополнение к моему распоряжению от 25 июля 1941 года. В моем распоряжении от 25 июля 1941 года говорилось о том, что фюрер оставил за собой право на использование в своих целях произведений искусства, конфискованных немецкими органами на оккупированной немецкими войсками территории. Фюрер принял решение об использовании на свое усмотрение не только конфискованных картин, но и конфискованных скульптур, книг, мебели, гемм, оружия, ковров и т. п., если они по своему качеству считаются произведениями искусства. Прошу принять это к сведению. Уполномоченным фюрера по осуществлению этого решения является директор государственной Дрезденской галереи д-р Фоссс..."

"ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ г. НЮРНБЕРГА. Нюрнберг, Archivstrasse, 17, 8500.

О ЯНТАРНОЙ КОМНАТЕ. Весьма почтенный господин Штайн! К сожалению, нам до сего времени не удалось найти в наших фондах документы, запрошенные по вашей теме и вопросам. Референт с 28.05 уходит в очередной отпуск и возвратится лишь 18.06 и снова займется этой нелегкой работой. Пожалуйста, поймите нас правильно... С дружеским приветом,

д-р Шуман, руководящий директор".

"ВЕСЬМА ПОЧТЕННАЯ СВИНЬЯ ГЕОРГ ШТАЙН! Ваша бурная деятельность, направленная на поиски так называемых "русских исторических ценностей", вызывает все большее чувство возмущения и отвращения. Вы, пруссак, чей дом разрушен большевиками, вы из кожи вон лезете, чтобы "отыскать" все то, что оказалось якобы "похищено" нами, немцами, в России. Вы забыли о сотнях немецких городов, разрушенных русской авиацией и артиллерией, о своем родном Кенигсберге, который превращен ими в бетонную казарму. И вы решаетесь им помогать?! Мы презираем вас, Штайн. Вернитесь в свой сад. Выращивайте свои вкусные яблоки, не лезьте не в свои дела! Мы вас предупреждаем, Штайн!

*Друзья старого Кенигсберга.
Дортмунд, 20 июля 1978 г."*

"...Продолжаю свой рассказ о поездке в Россию. В ходе дальнейших бесед мне было сообщено, что ныне продолжают и археологические работы в районе Калининграда, приостановленные в 1939 году (проф. Ла Бауме. Музей ПРУССИЯ). В настоящее время продолжают раскопы захоронений викингов близ Кранца (Зеленоградск) и поселений пруссов в Гросс Хаузен, а также развалин замков "БАЛЬГА" и "ЛОХШТЕДТ", а также на Курише-Нерунг между Заркау и Росситтен, двух передвигающихся дюн, похоронивших под собой замок "Росситтен" и рыбацкие деревни... Теперь общие впечатления. Русские стали более самоуверенными, они уже смело критикуют допущенные в стране ошибки, например запущенное сельское хозяйство, опустевшие деревни, и об этом они говорят даже В ПРИСУТСТВИИ ИНОСТРАНЦЕВ, которым, кстати, представляется уже большая свобода передвижения, чем раньше. Снят также запрет на посещение определенных ресторанов...

В магазинах продается очень хороший и высокого качества антиквариат, серебряная посуда двухсотлетней давности и фарфор... Отмечается недостаток свежих овощей, фруктов и мяса, несмотря на это в гостиницах в меню предлагается четыре различных мясных блюда, что даже вызывает удивление клиентов. Икра также предлагается, но на вид скверная, водянистая... Водки мало, с коньяками вообще плохо, нет грузинского, армянского семь звездочек, а как без этого? Обслуживание в гостиницах стало неряшливое. Постельное белье меняется только после напоминания. В тех кругах, где я бываю, все

ужасно горды и самонадеянны и, естественно, подозрительны, ведь видят перед собой противника, прибывшего из-за Эльбы... Продолжение будет.

Ваш Г. Штайн.

P.S. Что касается моих поисковых дел, то меня сейчас в первую очередь интересует штурмбанфюрер Рингель. Кто он? Какую миссию выполнял в Кенигсберге? Где он? Что с ним?..”

Из архива Георга Штайна.

”...Итак, уважаемые дамы и господа, я продолжу свою печальную речь памяти нашего незабвенного доктора Альфреда Роде. Рядом с янтарным искусством стояла и восточно-прусская живопись, к которой Роде относился с особым вниманием. Он изучал в научных целях творчество различных восточно-пруссских живописцев, и прежде всего наиболее любимого им Ловиса Коринта, о котором увлекательно и живо, сочно и нежно написал книгу и из шестнадцати картин которого создал в древнем кенигсбергском замке впечатляющую картинную галерею. Однако этим не ограничивалась научная и музейная деятельность Роде, он способствовал развитию современного искусства и работающих художников, к которым относился с высочайшим уважением и всячески содействовал. Выполняя функции секретаря Союза художников и организатора выставок, Роде был **ВЛИЯТЕЛЬНОЙ ЛИЧНОСТЬЮ**, заметной фигурой в культурно-общественной жизни восточной германской провинции и постоянно поддерживал деловую связь с художниками германского творческого Союза и Академии”...

Шел дождь. На сырой траве лежали блеклые осенние букетики. В земле, которая была куплена группой почитателей доктора Роде под символическую могилу, было пусто. ”Эльза и Альфред Роде” — было написано на скромном гранитном обелиске. Люди в черном, мужчины и женщины. Зонтики. 1950 год. По щекам некоторых из присутствующих текли слезы. Эти люди глядели на гранитный столбик, а видели свой древний, семисотлетний город. Его гранитные мостовые, тротуары, мощенные плиткой. Улицы и дома с такими привычными взору вывесками: ”Кенигсбергский марципан братьев Кнопф”, ”Пишущие машинки ”Олимпия-Оптима”, ”Кафе Алхамбра”, ”Паластра-кафе”, ”Кафе Старая Вена”, ”Варьете ”Барберина”...

Они слушали эту надгробную речь, а видели свой город, белый трамвайчик, какой там номер? а-а "семерка". Маршрут "Юдиттен-Хансаринг". А вот автобус, номер шесть, маршрут: "Королевские ворота — Мюнцплац — Нордбанхов — Хаммервег". Зеленые поляны в обширном древнем парке кладбища Луизы, тихие прозрачные озера в районе Ландграбен за новым еврейским кладбищем, спокойные воды Прегеля, куда каждый из них, будучи школьником или студентом, конечно же бросал пфенниги и марки с верой в то, что, куда бы ни забросила судьба, он обязательно вернется в этот свой родной город, но... но Кенигсберга больше не существует! Но как же так? Даже безумные фантазии Эрнеста Теодора Амадея Гофмана вряд ли способны на подобное. "Роде — он был, был! Зеленая, пропахшая морем и сосновой смолой, уютная, ухоженная, милая Пруссия — она была!"

Был, было... Прошедшее, невозвратимое время. И у меня был мой родной дом на тихой, с высокими старинными домами Гребецкой улице. Гребцы тут когда-то жили. Дом был, а теперь его нет. Живу в доме, который был домом семьи Мюллеров, которая мне, как ни странно, знакома уже давно. Из нижнего ящика письменного стола я достаю толстую картонную папку, стянутую бечевкой. Лет 12 назад я нашел ее на чердаке, когда ремонтировал крышу, в кипе газет "Кенигсбергише альгемайне цайтунг" и потрепанных нот. Небольшой связанный с этим домом и теми, кто тут когда-то жил, клад, поразивший меня тогда не меньше, чем вот это письмо из Мюнхена. В папке находились паспорт и план дома; документ на право обладания семьи Мюллеров лошадью "Хенни", тысяча девятьсот тридцать восьмого года рождения, коричневого окраса; регистрационная карточка эрдельтерьера по кличке "Лесси"; членская книжка общества "Сила через радость"; восемь пожелтевших фотографий и пачка писем, поступивших в Кенигсберг из Гатчины, зеленого городка, где я обычно проводил лето у своего дедушки.

Помню, как я до глубокой ночи корпел над письмами, переводил их. Это были письма Отто Мюллера, старшего брата моего неожиданного мюнхенского корреспондента, стрелка-радиста пикирующего бомбардировщика "Ю-87", базировавшегося на гатчинском аэродроме. Отто погиб при налете на Ленинград в марте сорок третьего года, и командование части, где он служил, вместе с его

вещами отослало в Кенигсберг вот эти фотографии и последнее, написанное перед самым вылетом, но не отосланное домой его письмо. С каким-то особенным вниманием я рассматриваю фотографии. Вот они все: кряжистый, широкоплечий Франц Фердинанд Мюллер, высокая, светлые волосы распущены по плечам, легкая, порывистая на вид его жена, мать Вилли и Вальтера; блондин в ладно сидящей военной форме, стрелок-радист Отто и мальчик лет двенадцати, влюбленно смотрящий на своего брата, — Вальтер Мюллер. "Май сорок второго, — гласит надпись на фотографии. — На побывке дома".

Как все странно и удивительно, как все сложно. Годы войны! Такой страшный, голодный, полный лишений для меня блокадный год. "Мой дорогой, милый сынок Отто, отец сердится, но я каждый день хожу в Юдиттен помолиться, чтобы Бог охранил тебя от русской пули"... Весной того года я уже был "отловлен" в одном из подвалов и "определен" в воинскую часть воспитанником, "сыном муззвода", но мы и в Ленинграде почти не играли, а все копали, копали и копали. Начав "предавать земле" убитых и умерших от голода людей в Ленинграде, я закончил рыть могилы в Кенигсберге. Подсчитать бы, сколько я закопал людей, может, население целого города, а то и маленькой страны?.. "С прискорбием сообщаем, что ваш сын Отто Фердинанд Мюллер, отважный германский воин, настоящий пруссак, пал в битве против подлых большевиков, прославив в веках своего Фюрера, народ и Отечество"... Спите, все убитые в войне, спокойно. Все это было. Вы были.

Однако: Роде! Почему он остался в Кенигсберге? Что его тут так удерживало? Или — удерживали? Чьи и какие замыслы осуществлял он в дымящемся, пропахшем порохом и мертвечиной, раздолбанном британскими бомбами и русской артиллерией городе?

Прежде чем мы попытаемся разобраться в этом, следует обратить внимание на одну из папок архива Георга Штайна, на документы, в которых чаще всего повторяются три фамилии: Роде, Барсов и Рингель. "...Сейчас меня очень интересует некий ПРОФЕССОР-АРХЕОЛОГ В. БАРСОВ, вместе с войсками Красной Армии прибывший в Кенигсберг для отыскания российских, украинских, белорусских и прочих сокровищ, а также — Янтарной комнаты, — читаем мы в одном из его писем. — Что узнал он? Нашел если уж не "Бернштайнциммер", то

что-либо другое? Исчезнувшие картины Корнелиуса Флориса, которые, как нам известно из некоторых документов, были упрятаны в герцогском склепе? Почему он ничего не смог вывести у Роде?"

Этот "профессор-археолог Барсов" появляется и в материалах немецкого писателя Ганса Крумбхольца, в его очерках "Замки — Янтарь — Голубая земля": "Пятнадцатого января Красная Армия перерезала все выходящие из Кенигсберга железнодорожные и шоссейные пути (не все. Оставался еще шоссейный и железнодорожный путь на порт Пиллау. — Ю. И.) и окружила в Восточной Пруссии соединения вермахта. С этого момента уже не было возможности для вывоза награбленных музейных сокровищ. Через несколько дней после падения Кенигсберга туда прибыл из Москвы для розыска советских ценностей Виктор Иванович Барсов. Он навестил Роде, который был ему известен по публикациям как опытный историк-искусствовед, и попросил его оказать содействие в работе"...

Барсов? Кто же это такой? Откуда он возник? "Профессора Барсова" придумал мой давний приятель, калининградец, писатель Валентин Петрович Ерашов. Этот профессор возник у него в книге "Тайна Янтарной комнаты" (в соавторстве с Дмитриевым — псевдоним В. Д. Кролевского, бывшего в ту пору секретарем обкома КПСС и председателем комиссии по поискам Янтарной комнаты в Калининграде), которая в свое время была одной из наиболее читаемых, по крайней мере в Прибалтике, книг. "Барсовым" же, не выдуманым, а действительно профессором-археологом, был Александр Яковлевич Брюсов. В "Версии Максимова А. В.", имеющейся в одном из калининградских архивов, о нем сообщается следующее: "Когда наши войска, ломая двери Восточной Пруссии, взяли Тильзит, то к 11-й гвардейской армии по приказу Ставки был прикомандирован доктор исторических наук, профессор-археолог Александр Яковлевич Брюсов (1885—1966).

В те дни, по данным разведки, было известно, что в Кенигсберг попали музейные ценности из ленинградских пригородных дворцов, из музеев Витебска, Смоленска и даже киевских музеев. Брюсову надлежало разыскать все ценности и направить их по назначению.

Ученому для порядка были надеты погоны полковника и приданы два офицера, старших лейтенанта, из работников культуры. Когда успешно завершился штурм

Кенигсберга и стихли огромные пожары, от огня которых загоралась даже одежда на прохожих, Брюсов начал изучать город. На первой же неделе им были найдены: Королевская Академия художеств, Университетская библиотека, архив, где был обнаружен ряд экспонатов из России. Вскоре Брюсов организовал свою контору и начал привлекать к себе людей из немцев, среди которых оказался и доктор Роде со своей женой Эльзой Роде. Доктор Роде держался весьма напряженно, недоверчиво и мало что показывал Брюсову. Тем более что он якобы ничего не знал о музейных ценностях, вывезенных из Советского Союза. Но все же Роде дал несколько адресов, по которым будто бы без него, он только слышал об этом, были привезены "российские ценности" — военные, мол, их привезли, но ему было не до них, потому что-де его музей, расположенный в замке, полностью сгорел. Для отвода глаз Роде проявил незаурядную активность в упаковке книг из Университетской библиотеки..."

Однако это рассказ Максимова Арсения Владимировича, архитектора и искусствоведа, тоже некоторое время работавшего в группе Кролевского по отысканию Янтарной комнаты. Но вот рассказ Брюсова о самом себе, его дневник, из которого становится ясным, что Ставка не очень-то поспешила в направлении московских специалистов в зону боевых действий, туда, где в замках, дворцах, соборах, государственных учреждениях могли храниться российские книги, иконы, картины.

"28 мая. Выезд на "вертушке" из Вержблова * в Инстербург **. Вечером направлены в штаб тыла, в Гердауен ***. Получили дополнительный документ...

30 мая. Выехали в Велау ****. Подготовили поездку в Зандиттен, где, по сведениям Библиотеки им. Ленина, имеются книги из Кенигсбергской библиотеки. Утром были в Зандиттене. Книги вывезены политуправлением. Беляева уехала в Инстербург к уполномоченному. Мы с Пожарским поехали в Кенигсберг. День прошел в хлопотах. Выяснили, что в "Шлоссе" под грудой развалин сохранились некоторые музейные предметы. Взяли пропуск и стали наблюдать за раскопками. Однако по правилам мы не можем получить продуктов

---

* Вержболово — Вирбалис, железнодорожная станция.

** Инстербург — ныне г. Черняховск.

*** Гердауен — ныне г. Железнодорожный.

**** Велау — ныне г. Знаменск.

более, чем на один день. Растянули продукты до 2 июня. Дольше быть в Кенигсберге не можем. Майор Пшеницын сообщил, что часть коллекций Прусского музея отвезена в Растенбург... 1 июня приехала Беляева. Привезла новую бумажку от генерала Ивановского. Были у полковника Фисунова (политчасть). Он сообщил, что ему необходимы специалисты и он их ищет. Приветствует наш приезд, но ставит условие — работать в системе. Тогда он даст помещение и зачислит на паек. Мы согласились. Получили разрешение временно, до оборудования комнаты, жить в гостинице сколько понадобится и оставлять в ней вещи (формально в гостинице разрешают провести только одну ночь, с 20.00 до 8.00 утра, дольше комендатура жить не разрешает, без талона комендатуры гостиница не пускает). Получили мандаты на работу. Беляева и Пожарский работают в складе книг (в гос. архиве). Я слежу за раскопками в старом замке вместе с гв. капитаном Чернышевым (от первой комендатуры, начальник партии рабочих). Иногда по вечерам хожу в гос. архив помогать разбирать книги”.

Тут мы остановимся и поразмышляем вот о чем. Впервые, профессор Брюсов при помощи какой-то таинственной ”вертушки” оказался в Инстербурге не тотчас, как только этот древний, со множеством крупных исторических зданий город, где могли находиться исторические и культурные ценности, был взят нашими войсками, а лишь спустя несколько месяцев. К сожалению, и в Кенигсберге он появился не тогда, когда там от пожаров ”даже одежда на прохожих загоралась”, а спустя полтора месяца (!) после штурма города. Уже всю работу сотрудики политуправления 11-й гвардейской армии, что-то искали, куда-то отправляли найденное, а специальная группа по розыску архива Фромборкского капитула уже завершила свой поиск. И конечно, не дремали все эти дни те из немецких ”специальных групп”, кто, возможно, еще оставался в Кенигсберге и его пригородах. Да, не поторапливался уважаемый профессор, и сколько мелких, но сложных препятствий стояло на его пути! Коменданты, которые не давали талонов на проживание в гостинице ”Берлин” больше суток. И продуктов не давали. И какие-то пропуска нужны были, и еще: судя по дневникам Брюсова, он ехал в Восточную Пруссию искать ”все” и ”вообще”, не имея каких-либо более-менее точных адресов и перечня объектов поиска. И, как впоследствии стало известно, о Янтарной комнате и речи не

было, он вообще о ней просто ничего не знал! И о том, что доктор Роде — крупнейший в Европе специалист по янтарю, директор художественных собраний Кенигсберга, наш уважаемый профессор-археолог и не подозревал, знакомство между ними произошло совершенно случайно, когда Роде пришел во Временное гражданское управление наниматься на работу, чтобы получить карточки на хлеб и кое-какие продукты.

Увы, наш глубоко цивиличный и интеллигентный профессор не был похож ни на "доктора фон Кюнгсберга", молодого, невероятно активного, мотавшегося по России и Прибалтике командира "специального отряда", ни на энергичного, спортивного, действительно знатока искусства графа Золмса, ни даже на солдат трех "специальных рот", солдат-искусствоведов, магистров, докторов наук, рыщущих, вынюхивающих все и везде, сующих нос в каждую щель, отыскивающих сокровища русских, литовских, латышских, белорусских и украинских архивов и музеев, дворцов и замков и "выколачивающих", где уговорами, задушевными беседами, а где и жестокостью, все те сведения, которые их интересовали. Все у них было, у этих охотников за сокровищами! Знания, эрудиция, власть, особые полномочия, машины, ящики под найденное, карты, адреса, списки и неуемная жажда отыскать, добыть, захватить, немедленно упаковать в ящики и отправить с востока на запад, в Восточную Пруссию, а оттуда дальше — в укромные уголки глубинной Германии.

"...Александр Яковлевичу в то время было уже шестьдесят лет. Он страдал бессонницей и активным склерозом", — пишет в своей версии Максимов. Мягкий, податливый, забывчивый. Иногда он выходил из своего номера в гимнастерке с полковничьими погонами и гражданских брюках, а то — в полной военной форме и шляпе, которую зачем-то засунул в набитый бумагами портфель. Мечтатель, мыслитель, влюбленный в своего брата, великого русского поэта Валерия Яковлевича Брюсова, множество стихотворений которого знал наизусть и любил декламировать. Отодвинув за завтраком тарелку, откидывался на спинку стула и, с улыбкой поглядывая на своих помощников, двух старших лейтенантов, начинал вполголоса: "Вечер мирный, безмятежный Кротко нам взглянул в глаза, С грустью тайной, с грустью нежной... И в душе под тихим ветром Накренились паруса". Глаза его влажнели, он смотрел в лицо то одного, то другого "старлея", но казалось, куда-то сквозь них смотрел, в ка-

кие-то неведомые им глубины: "Дар случайный, дар мгновенный, Тишина, продлись! продлись! Над равниной вечно пенной, Над прибоем, над буруном, Звезды первые зажглись"... Говорил: "Как хорошо. Как точно. О, плывите! о, плывите! Тихо зыблемые сны! Словно змеи, словно нити, Вьются, путаются, рвутся В зыби волн огни луны". И повышал голос: "Не уйти нам, не уйти нам Из серебряной черты! Мы — горим в кольце змеином, Мы — два призрака в сиянье, Мы — две тени, две мечты!" Вздыхал. Пододвигал к себе тарелку. Старшие лейтенанты, его помощники, кивали, поглядывали на часы, томились и торопили официантку: "Лизочка, кисель, пожалуйста, мы спешим!" Шурша накрахмаленным передником, кукольно красивая, не человек, не женщина, а черт знает что, "Лизочка", известная в прошлом молодым и денежным немецким офицерам танцовщица из варьете "Барберина" Элизабет, улыбалась, приседала в изящном книксене, "яволь, господа офицеры". А те многозначительно улыбались ей, подмигивали. Зачем? Все это напрасно, господа обер-лейтенанты, "Лизочка" не из тех, кто клует на эти маленькие звездочки. Но это так, небольшое лирическое отступление. Вернемся к дневнику.

"Со 2 июня по 16 мы с Чернышевым осмотрели в замке все, что можно было. Замок разрушен целиком. Сохранились только несколько зал в северном крыле (старая часть замка), где наверху мы устроили склад извлекаемых вещей, а внизу с 10 июня разместился караул. В работах по раскопкам принимает участие директор Кенигсбергского музея Роде (вот, Роде появился. — Ю. И.) и сотрудник музея Фейерабенд (вон куда пристроился бывший директор ресторана "Кровавый суд"! — Ю. И.), иногда приходит заведующий отделом древностей Фридрих. Характеризую всех этих людей. 1. Гвардии капитан Чернышев, лет около тридцати. Симпатичный, неглупый человек, учился на факультете иностранных языков. Москвич. Любитель музыки, с хорошим слухом и способностями. Работать с ним легко и приятно. На работе бывает утром и к концу дня. 2. Роде — старик на вид, с трясущейся правой рукой. Одет неряшливо. Искусствовед. Имеет ряд научных трудов. Алкоголик. Доверия не внушает (а почему он должен внушать доверие? Ведь Брюсов для него — нежелательный пришелец, враг. — Ю. И.), мне все сдается, что он знает больше, чем говорит, а когда говорит, то нередко лжет. Если на него не смотреть, но следить издали

или исподтишка, то его рука перестает дрожать. Уверяет, что лучшие коллекции были эвакуированы, но он не знает куда, когда я его спросил, не в Растенбург ли, то он тотчас воскликнул: "Так вы их нашли?!" (Что нашли? Какие коллекции могли быть туда эвакуированы? Профессор вместе с гвардии капитаном Чернышевым, разве они не могли привезти Роде в комендатуру, посадить за стол в какой-нибудь маленькой, неуютной комнатке и сказать: "Роде, говорите все. Пока не скажете, мы вас отсюда не выпустим! Ну же, Роде, ведь то, что принадлежит России, Белоруссии, Украине, Литве и Латвии, все должно вернуться туда, откуда было похищено! Ведь вы же, Роде, не воришка, а крупный ученый!" — Ю. И.). 3. Фейерабенд — пройдоха, враль, но полезный человек (как это понять? В каком смысле "полезный"? — Ю. И.). Выдает себя за бывшего члена компартии, что был в замке до момента сдачи, и комендант замка, перед сдачей русским, якобы передал ему весь замок. Имел имение, автомобиль и прочее (показывает фотографии), но не мог получить даже среднего образования, якобы из-за недостатка средств и т. д. 4. Младший лейтенант Забродский. Молодой парень, не очень культурный. Работает спустя рукава. Продолжаю. Раскопки в замке были начаты до меня ради отыскания царскосельской Янтарной комнаты (вот наконец-то и долгожданное упоминание о "Бернштайнциммер". Политуправление, видимо, 11-й гвардейской армии этой комнатой занималось? — Ю. И.). Начали в южном крыле, по указанию Роде, утверждавшего, будто здесь стояли упакованные ящики с этой комнатой. Через день по приезде я обратил внимание, что часть маленького зала, где, по словам Роде, стояла комната, раскопана, что в таком пространстве она разместиться не может. Я указал на это (что-то, выходит, знал профессор Брюсов? — Ю. И.). Роде, немного поспорив, сдался и заявил, что комната стояла в северном крыле, в большом зале, вместе с мебелью Кайзерлингов. Это подтвердил Фейерабенд. Осмотр большой залы показал, что, к сожалению, и Янтарная комната, и мебель Кайзерлингов сгорели. Были найдены подвески от царскосельских дверей (медные), обгорелая резная лепка Янтарной комнаты, железные пластинки с винтами, которыми части комнаты были прикреплены к стенам, кусок ящика с рогами от мебели Кайзерлингов. (Все же сколько доверчивости! Будто так трудно имитировать пожар! — Ю. И.)... 16

июня в замок приезжал какой-то полковник, который участвовал во взятии замка. Он рассказал, что когда он впервые вошел в замок, то видел именно в этом зале северного крыла большие ящики, передние из которых были разломаны, и в них была какая-то мебель. Следовательно, Яantarная комната погибла, по-видимому, от пожара, устроенного нашими солдатами (но почему "следовательно"? Что за странная логика? Ведь "какой-то полковник" видел не Яantarную комнату или ящики с яantarными панелями, а ящики с мебелью! Причем целые, а не сгоревшие. — Ю. И.). Осмотр остальных помещений и погребов северного, восточного и западного крыльев замка показал, что здесь никаких коллекций не сохранилось. Здесь были помещения для солдат, кухня, склады вина, санитарный пункт.

В южном крыле, где помещался музей и были начаты раскопки, находились какие-то вещи, но по большей части в разбитом и обезображенном виде. Кроме того, судя по находкам, только второстепенные и третьестепенные, и, согласно показаниям Роде, надо думать, что более ценные вещи были заблаговременно эвакуированы. Был даже найден список картин, вывезенных в Вильденгоф, куда, по словам Роде, отправлены также 98 ящиков с коллекциями Киевского музея".

Минутку. Кажется, этот документ, отчет доктора Роде, имеется в архиве Георга Штайна... Вот он. Неясно только, кому была отослана эта бумага?

"О судьбе русских музеев, которые были вручены мне для сохранения и под мою ответственность, докладываю следующее:

...ЯАНТАРНАЯ КОМНАТА ИЗ ЦАРСКОГО СЕЛА. В ноябре 1941 года я получил от немецкого командования северной группы войск Яantarную комнату из Царского Села, которую я разместил в Кенигсбергском замке в подходящем помещении. За четыре недели до англо-американского налета Яantarная комната была переведена в безопасное место, так что она не пострадала от налета. В последнее время имущество Яantarной комнаты было запаковано в ящики и размещено в северном крыле Кенигсбергского замка, в силу чего **ВСЕ СОХРАНИЛОСЬ ДО 5 АПРЕЛЯ 1945 ГОДА.**

ХАРЬКОВСКИЙ МУЗЕЙ. После отступления немцев с Украины летом 1943 года мне было передано имущество Харьковского музея, состоящее из: 1. Картин западноевропейского искусства. 2. Русского

изобразительного искусства XIX века. 3. Несколько икон и церковной двери из Ковеля. Картины (1 и 2) были запакованы в ящики и отправлены в Вильденгофский замок близ Цинтена (50 км от Кенигсберга). В последний раз я видел эти ящики в декабре 1944 года. С января 1945 года это место стало зоной боев. Иконы (3) были доставлены в башню Кенигсбергского замка, где и сохранились...

КИЕВСКИЙ МУЗЕЙ. В декабре 1943 года мне были переданы ценности Киевского музея под особым наблюдением ассистентки Киевского музея Кульшенко. Имущество было упаковано в 98 ящиков и отправлено в замок в Вильденгофе. В ящиках находилось, кроме картин западноевропейского искусства, примерно 800 икон — **САМОЕ ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ ИКОН В МИРЕ.** Кроме того, там было много живописи, литографии. Все ящики и Кульшенко я видел в декабре 1944 года.

Доктор Роде, директор".

Что же получается? С одной стороны — "подвески от царскосельских дверей (медные)", на которые так доверчиво клюнул наш милый профессор, а с другой — вот этот документ, в котором черным по белому написано: "...комната перевезена в безопасное помещение", ящики с Янтарной комнатой сохранились все до 5 апреля?! А потом что с ними стало? Куда подевались? Неужели, имея на руках такой документ, не следовало прямо-таки вцепиться в Роде?! Иконы из Харькова, которые сохранились в башне замка: куда они подевались? Восемьсот икон из Киева, самое значительное собрание икон в мире! Что с ними? Где они?

Однако как идут дела у наших поисковиков? "...Тем не менее за две недели было извлечено из-под обломков около тысячи вещей, и среди них картина Цигонелли, несколько хороших образцов фарфора XVI—XVIII веков, серебряные вещи и т. д.

Расчищали не все. Так, в отделе доисторических ценностей была расчищена в трех комнатах только полоса у южной стены. Центр и северная часть комнат были завалены такой горой обрушившегося здания, что не было смысла разбирать этот завал. В помещении под квадратной башней, в юго-западном углу замка, сохранилась нижняя комната-подвал, свод которой не обвалился. Там стояла, по-видимому, часть коллекции фарфора и фаянса. Но все это было побито и растоптано. Взяты

отсюда только некоторые крупные черепки. Вещи я, согласно указанию полковника Фисунова, делю на две части: идущие в Москву и остающиеся в Кенигсберге как фонд будущего музея. Первых значительно меньше...”

А что же замок “Вильденгоф”? А вот и замок! ”12 июня едем с оказией в “Вильденгоф”. Замок князей Шверинских совершенно разрушен, до основания. До подвалов. Следов вывезенных туда коллекций не найдено. Или их там не было, или вещи были эвакуированы далее. Но в трех комнатах подвала разбросан архив Шверинских — рукописи, переписка, деловые и судебные бумаги XVI века. Все сброшюровано и пронумеровано. К сожалению, мы могли задержать там машину только на полчаса (Ну и поиск! С оказией очутились в замке Шверинских и всего на полчаса. Ну хорошо, так тащите, грузите все в машину, в Кенигсберге бы пригодилось! — Ю. И.), архив как следует рассмотреть не смогли, с собой взяли только несколько образцов. Архив надо вывезти, но как? Машины нет, и до 16 июня мы ее не сможем добиться, не дают даже на перевозки в городе, ссылаясь на нехватку горючего”.

Да, вот уж вечная российская нищета, так и мелькают привычные фигуры нищих с золотым в кармане! Своими глазами видел: десятки тысяч легковых и грузовых машин в поле под Раушеном, огромные емкости с бензином в районе Шпандинен, в порту, в “свободной гавани”. Шоферы отцовского “виллиса” и “доджика” во время нашего поиска Фромборкского архива заезжали прямо на склады горючего и быстро производили примитивный “шахер-махер”: склянка шнапса в обмен на полные баки бензина и по две канистры в запас, в каждую из машин. Этот архив XVI века! Бумаги, акты, письма, цены им нет. Жаль. Не такие люди, как наш забывчивый, неуклюжий профессор Барсов-Брюсов и добрый гвардии капитан должны были искать сокровища в Восточной Пруссии!

...”16 июня осмотрели с Чернышевым на Кайзерштрассе здание Археологического института... Все сгорело, разрушено, вместо библиотек — пепел и пыль. На Фридрихштрассе осмотрели помещение военной библиотеки. Здание сохранилось, но все почти из него вывезено. 19 июня. Чернышев второй день болен, а завтра уезжает на два дня. Я остаюсь один для руководства работой в замке. Вчера смотрели библиотеку на Хуфеналлее, около дома правительства. Это библиотека почтового ведомства. Есть много интересных книг, особенно фашистских

изданий. Начали отбор. А сегодня утром осмотрели театр на Хуфеналлее. Все разрушено. Сегодня в замке я нашел ряд документов по эвакуации коллекций из Кенигсберга...”

Минутку. Уж не те ли это документы, о которых писал в своей версии Максимов? Вот: “Как-то раз, в середине мая, старику опять не спалось (страдал, как помнится, бессонницей и активным склерозом. — Ю. И.). Он разбудил своих адъютантов, скомандовал — подъем. Все втроем вышли на улицу и пошли в сторону площади, повернули по Штайндамм, которая и вывела их прямо к замку. Поход был, как рассказывал сам Александр Яковлевич, чисто машинальный: “К замку, так к замку!” Подошли и видят, что из одного окна разбитого замка, со второго этажа северного фасада, спокойно по ветру плывет дым. Здание замка они уже знали хорошо. Удивились и решили посмотреть, кто в такую рань в выжженных стенах старинного замка костер решил развести?

Быстро вошли во двор, достали, на всякий случай, оружие. Подойдя ближе, увидели вдруг такую картину: в стене вскрыт замурованный сейф, а какой-то человек вытаскивает из него папки с документами, быстро их просматривает и — в огонь. Тихо подойдя ближе, узнали в нем самого доктора Роде, который как-то по-воровски предает огню какие-то документы. Один из адъютантов, подбежав к нему, резко схватил Роде за воротник, поднял его, тот, как мешок, от страха смяк и повалился на пол. А офицеры начали выхватывать бумаги из костра. Упаковав все оставшееся и спасенное от огня, повели арестованного в “Серый дом”, который стоял на площади. Сдали его под охрану, а документы передали на предмет срочного перевода”.

Как же к этому событию отнесся Брюсов? Пусть он сам об этом расскажет: “Начинаю более тщательный осмотр этих бумаг. Беляева и Пожарский переходят работать из архива в Кенигсбергскую библиотеку. Заходил в замок Фридрих. Он взят на работу (как архитектор и скульптор) в бригаду по сооружению памятника павшим советским бойцам. Ему, кажется, все равно, кому ставить памятники — весел и игрив.

25 июня. Все эти дни шли раскопки в замке. Сегодня кончили расчистку третьей комнаты. Найден ряд картин, и среди них “Мадонна” Вероккио (его мастерской), Брейгель Младший. ...Тут же заявил, что Вероккио должен быть передан ему для Комитета по делам искусств.

Пусть это решают в Москве. Но все вещи из раскопок "Шлосса" должны пойти в адрес Комитета по делам культпросветучреждений. Если я не возражал против увоза найденного в "Шлоссе" Циганелли, то потому, что эта картина была откопана до меня. Возник спор.

В "Шлоссе" было найдено много документов, показывающих, что Роде стоял во главе охраны музейных ценностей во всей Восточной Пруссии. Он вывозил отсюда вещи в замки... Но от него ничего нельзя добиться. Он не лжет, но говорит очень мало, только тогда, когда мы и без него что-нибудь открываем. Когда сейчас мы подошли к двум последним комнатам Шлосса, где стоит вести раскопки, он, видя, что мы будем продолжать копать, подробно описал, что там стоит: негативный и фильмофонды, сундук с фарфором, картины. Я никак не могу добиться, чтобы с Роде поговорили по-серьезному, а не гладили его по головке и не манили "системой пряника". Подобрать он ничего не расскажет. По-моему, матерый фашист...

В маленькой комнатухе отыскиваем вещи для полковника Фисунова. Я отдал ему из Шлосса два ковра современной фабричной работы (не музейный фонд, а ковер, лежащий на полу орденского помещения). А потом мы с Фейерабендом отыскивали где-то третий ковер и т. д. Пусть! Это может помочь работе, то есть от Фисунова можно будет получить машину для перевозки из Вильденгофа архива Шверинских.

Эти дни продолжал раскопки в замке. Маленькая комнатка расчищена. Нашли сохранившуюся фонотеку музея и десять цветных стекол начала XVII века. Каким чудом сохранились они под многотонным завалом? Начали расчистку последней комнаты (коридора). Работа крайне трудная. Все завалено. Лежат огромные плиты железобетонных покрытий, рельсы и пр. на высоту до 5 метров... Беляева уезжала к знакомым в Велау. В это время мне случайно удалось добиться свидания с генералом Прониным (комендантом Кенигсберга). Я просил у него машину для вывоза архива Шверинских и получил отказ — нет якобы горючего! А кругом все катаются на машинах. Из-за двадцати пяти литров горючего гибнет архив! (Ковры не помогли. А может, те ковры надо было всучить не жадному полковнику, а коменданту города? — Ю. И.). В замок ввели на квартирование 1-ю Московскую часть. Вещи хранятся в незапертом помещении. Что делать? Буду добиваться их перевоза в архив, но, боюсь,

безуспешно (увы, не боец вы, профессор. Не боец! — Ю. И.).

Итак, наша работа, по-видимому, пойдет впустую. Вещи мы запакуем, но сохранятся ли они? Маловероятно. Настроение упало. При таких условиях нет смысла больше оставаться в Восточной Пруссии. Надо скорее закончить то, что начато, и ехать обратно. Планируем уехать 18-го...

В замке я почти закончил раскопки. Осталось работы дня на три-четыре. И упаковка и перепись вещей. Встретилось довольно много хорошего фарфора — китайского, берлинского, майсенского. Интересна коллекция копий с медалей этой войны, собранных Штандингером и хранившихся в замке — "За взятие Киева", "За взятие Парижа", "За взятие Сингапура", в честь вторжения в Англию и т. д. Есть деревянная скульптура XIII—XIV веков, мраморная скульптура Вильде, подаренная музеем Муссолини. Вещей много, но что будет с ними после нашего отъезда, не знаю. Капитан Чернышев собирается уходить в другую армию и уезжать. Без него все погибнет. Сегодня, в воскресенье, не работаем...

13 июля. Давно не писал. Накопилось много нового. Беляева и Пожарский закончили свою работу. Я думал закончить 12-го, но к концу дня полез на стену (буквально по краю отвесной стены) и открыл на сохранившейся площадке второго этажа следы коллекции фарфора. Тотчас достал лестницу и пригнал туда рабочих и начал раскопки. Это оказались четыре ящика с отборным фарфором. Ящики упали с третьего этажа, много побито, но около сорока вещей сохранилось, фарфор исключительный! Все это я упаковал в пять ящиков для Москвы. Все раскопки закончены. Все вещи упакованы в шестьдесят ящиков. Половина отобрана для Москвы. Вещи снесены в две запирающиеся комнаты замка. Чернышев обещает завтра перевезти вещи, предназначенные для вывоза, в архив, где есть специальная охрана...

Я допрашивал Роде о коллекциях, находившихся в замке, его ответы совпали с текстом найденных документов. Вот его показания: "Минский музей. Вещи были привезены весной сорок третьего года и стояли в восточном крыле здания на третьем этаже... Лучшие вещи были отобраны, запакованы, и Восточное министерство собиралось их эвакуировать, но не успело, и все вещи погибли при налете в августе 1944 года. Из польских собраний были: три картины на дереве, Брейгель "Нотариальная

контора", "Амур и Психея". Прусский музей был эвакуирован сначала в Растенбург, а затем в Померанию".

На этом записи в дневнике кончаются, но позвольте, профессор, уважаемый Александр Яковлевич, как же так? А что же Янтарная комната? Ведь вы уже имели на руках докладную записку директора кенигсбергских музеев, что, во-первых, ящики с янтарными панелями находились во дворе замка до 5 апреля. Во-вторых, что Янтарная комната переправлена в "надежное место", в-третьих, что огромное количество ценностей было вывезено из Кенигсберга в Вильденгоф. Вы, профессор, были там и увидели, что все исчезло. Все, кроме архива, куда-то переправлено, сокрыто, но куда? Это наверняка знал Роде. Знал! Не мог не знать, если занимался переправкой в Вильденгоф, а значит, наверняка до самых мелочей был продуман и дальнейший маршрут всех этих сокровищ в иные замки, подвалы и бункеры, не так ли, профессор? Разве эти мысли не приходили вам в голову? Конец розыскам! "Нет смысла больше оставаться в Восточной Пруссии".

Завтраки, обеды, ужины в ресторане бывшего отеля "Берлин". Чернышев уже уехал, и теперь профессор проводит время в компании молодого младшего лейтенанта Забродского, теперь уже фрейлен "Лизочку" и подавно не дозовешься. Вся хрустящая, накрахмаленная, возбуждающе пахнущая какими-то нежными, наверняка французскими, духами, она пробегает мимо их стола, в угол ресторана, где сидит шумная, веселая компания с молодым, высоким полковником-танкистом. У него русые волосы, шрам через все лицо, широкая грудь в орденах. Улыбается, когда "Лизочка" подходит к их столу, уверенно кладет ей на бедро руку, что-то шепчет в розовое ушко. "Лизочка, компотика бы", — занудно взывает лейтенант. "Яволь, яволь! — быстро отвечает "Лизочка", порхая по залу, как яркая, привлекающая взоры всех мужчин бабочка. — Айн момент". Из зоопарка, что напротив, доносится мощный рев — это требует морковки единственный уцелевший после штурма его обитатель бегемот Ганс. "Бреду я, в томленьи счастливом неясно ласкающих дум, по отмели, вскрытой отливом, под смутно-размеренный шум... — негромко, задумчиво, глядя куда-то сквозь младшего лейтенанта, декламирует профессор и постукивает вилкой по тарелке. — Волна набегает, узорно, извивами чертит песок, и снова отходит покорно, горсть раковин бросив у ног..." — Замолкает. Кладет вилку. Вот, наконец-то "Лизочка" несет компот.

Профессор спрашивает у Забродского: "А что остальные бумаги Роде? Когда их переведут? И куда подевался Роде? После того как его вызывали в "Серый дом"?". Младший лейтенант выпивает компот, вылавливает в нем косточки от урюка и раскусывает их крепкими зубами. Говорит: "Там сказали, что его сразу отпустили. Ведь он никаких преступлений не совершал, а жег свои собственные бумаги. Куда он подевался? Ушел куда-то, вот и все".

"Вот и все. Брюсов Роде больше не видел", — пишет в своей "Версии" Арсений Владимирович Максимов — архитектор, художник, создавший целую галерею рисунков разрушенного Кенигсберга с натуры, внучатый племянник великого ученого Менделеева, много сил положивший на восстановление его загубленного поместья под Москвой, превращение сохранившихся зданий в музей... Вот и все! Почувствовав свой промах, Брюсов ВСПОМНИЛ об оставшихся после Роде документах. Прошла еще неделя, когда Брюсов начал их изучать. Вот здесь-то он и узнал, что Янтарная комната была уже как бы в его руках, но уплыла по его беспечности! Он обнаруживает три документа, которые пунктуально подшиты к делу с ответными текстами. Здесь у ученого волосы встали дыбом. Он уяснил себе, кого он упустил... По тексту этих документов оказалось, что сам Гитлер трижды требовал доставить Янтарную комнату в Берлин, но Роде умышленно оттягивал ее отправку.

Документ первый гласил: "Фюрер приказал доставить Янтарную комнату в Берлин". В подколотом ответе Брюсов читает: "Многоуважаемый фюрер!.." — далее на две трети машинописного листа следуют выражения почтения, преданности и добрые пожелания. И только треть листа делового текста: "Янтарная комната реставрируется, так как за последние столетия она пришла в ветхость. Как только все закончится, она будет немедленно доставлена Вам. *Доктор Роде*". Документ второй датируется месяцем позже первого. Гитлер вновь приказывает доставить Янтарную комнату и — немедленно! Доктор Роде вновь, излив свои почтения фюреру, пишет: "Янтарная комната завершается реставрацией и днями будет упакована". Третий документ адресуется уже не доктору Роде, а на имя Эриха Коха — с категорическим приказом доставить Янтарную комнату в Берлин немедленно. На этом документе виза красным карандашом Эриха Коха, требующая от Роде немедленного исполнения приказа

фюрера. Третий ответ вновь дается от лица Роде. После очередных заверений в почтении и уважении ответ гласит: "1. Железные дороги перерезаны красными. 2. Морем отправлять не рискуем, оно активно контролируется противником. 3. В воздухе постоянно висит авиация красных. Даю государственную гарантию, что Янтарная комната хранится в достаточно надежном месте, в третьем ярусе бункера, вход замаскирован. Доктор Роде".

Так, значит, из замка "Вильденгоф" она не отправлена дальше, в Германию, а находится где-то на территории Восточной Пруссии? И янтарь, и другие огромные ценности?

Эту страшную историю Максимов впервые услышал от самого Александра Яковлевича Брюсова летом 1947 года. То было в кабинете ученого, в Историческом музее на Красной площади в Москве. После недолгой паузы Брюсов продолжал, как бы оправдывая себя: "Когда меня назначили на сию миссию, я совершенно не был к ней подготовлен. Я не знал, что Роде был именитым специалистом по янтарю, обладателем огромной коллекции янтаря, в которой насчитывалось десятки тысяч уникальных экспонатов. Я не знал, что за плечами этого щедедушного немца десятков авторских свидетельств, признанных планетой. Наконец, я и не предполагал, что Янтарная комната была в Кенигсберге и где-то тщательно спрятана, а сам Роде знал все! ЗНАЛ ВСЕ! Наконец, не ожидал и того, что блюстители порядка поверят ему и без моего разрешения выпустят этого матерого волка на свободу, а эти три документа, подписанные самим Роде, ярко свидетельствовали о том, что именно он, Роде, и был нам нужен. У него все ключи ко многим разгадкам черных дел, происходивших в последние дни владычества Германии над Европой. А меня, старика, оставили в дураках..."

Максимов встречался с Брюсовым еще дважды, но разговор не клеился, профессор то и дело переходил к рассказам о раскопках в татарском городе Сарае, чувствовалось, как пишет в своей "Версии" Максимов, что "Янтарная комната была для Брюсова чужой, и он даже неприязнь к ней выражал". Осознав, что он, Максимов, оказался единственным, кто знал о существовании этих трех документов (Брюсов очень нервничал, и вскоре они исчезли, как и множество других документов многих архивов, уничтоженных по приказу Берии, как Брюсов об этом сообщает в вышестоящие органы), Максимов

доложил обо всем секретарю Калининградского обкома партии Вениамину Дмитриевичу Кролевскому, и тот вызвав двух стенографисток, запротоколировал его рассказ...

А теперь вернемся к доктору Роде. Что случилось с ним? Куда он исчез? Начались розыски. Где он жил? Удалось узнать адрес: Беекштрассе, 1. Улицу отыскивали быстро, она находится по ту сторону зоопарка, где теннисный корт, в уютном районе с "музыкальными улицами" — Бетховенштрассе, Мендельсон-, Гайдн-, Вебер- и Штраусштрассе, но на стук никто не отзывался. "Битте? — послышалось в приоткрывшуюся дверь дома напротив. — Квартир доктор Роде пуст". Дверь жилища Роде оказалась открытой. В лица вошедших пахло застоялым, нежилым воздухом. Какие-то вещи в коридоре, все разбросано. "Доктор Роде, вы дома?" Никто не отозвался.

Комнаты тоже были завалены какими-то вещами, мебель опрокинута, ящики письменного стола выдвинуты, дверки шкафов распахнуты. Пол был усеян газетами, бумагами, такое ощущение возникало, будто кто-то тут рылся, что-то искал. Да, в квартире никого не было. Ни самого доктора Роде, ни его жены. Женщина, что жила напротив, сообщила, что слышала, как приходили какие-то люди, но кто, военные ли, гражданские, русские или немцы, сказать не могла: в городе было беспокойно, по вечерам гремели выстрелы, случались грабежи, убийства. Нет-нет, ни доктор Роде, ни его жена Эльза больше в доме не появлялись. Куда ушли? Уехали? Кто-то говорил — нет, она не помнит, кто именно, — что и доктор Роде, и его жена плохо себя чувствовали и якобы они хотели поехать к своему лечащему врачу. Где он живет? Фамилия? Нет, где живет лечащий врач семьи Роде, она, хоть и соседка, не знает.

Люди исчезли, и никто ничего не знает! Оба заболели, да еще так серьезно, что, выйдя из дома в сопровождении нескольких неизвестных мужчин, если уж и не совсем пропали, то оказались в какой-то из городских больниц, но в какой? После некоторых поисков среди бумаг, рассыпанных по комнатам, обнаружилась справка следующего содержания:

"Д-р мед. КЕККЕР. Кенигсберг, Пруссия, 25 февраля 1945 года.

Господин д-р Роде болен тяжелым прогрессирующим параличом. Совершенно не пригоден для выполнения

физической работы. Срок нетрудоспособности определен в несколько месяцев”.

Странная какая-то справка, между прочим. ”Тяжелый прогрессирующий паралич”? При таком диагнозе больные лежат в лежку, а доктор Роде в январе — марте да и в начале апреля, до штурма Кенигсберга, буквально метался по Восточной Пруссии. С утра и до глубокой ночи, судя по рассказам Фейерабенда, был на ногах, паковал, разгружал, погружал, увозил и привозил какие-то ящики. Да, конечно, не он сам их грузил, разгружал, но и не стоял в стороне, скрестив руки на груди. Наоборот, за все хватался, помогал, поднимал, опускал ящики с нервными вскриками: ”Форзихт! Порцеллан!” Видимо, эта справка нужна была доктору Роде, чтобы освободиться от трудовой повинности, от рытья окопов, траншей, строительства баррикад на подступах к городу, хотя разве его, такого крупного городского чиновника, и без этой справки не могли освободить?

Квартира доктора Кеккера тоже была пуста. Двери выломаны, окна выбиты, но в кабинете, где когда-то принимал больных доктор Кеккер, на полке стояли папки с лечебными карточками больных, клиентов доктора, среди которых сохранилась и карточка доктора Роде, из которой выяснилось: когда Роде заболел серьезно, Кеккер отправлял его на стационарное лечение в больницу на Йоркштрассе, где он пользовался услугами одного и того же врача, Пауля Эрмана. Не составило особого труда отыскать ту больницу, кстати, кажется, единственную в ту пору в Кенигсберге, лечившую немцев, но, к сожалению, Пауль Эрман уже не практикует, а куда делся — неизвестно. Что же касается супругов Роде, то они действительно месяца два назад были доставлены в больницу в очень тяжелом состоянии. Диагноз? Кровавая дизентерия. Кем доставлены? Трое мужчин, назвавшихся друзьями семьи Роде. И он сам, и Эльза были в бессознательном состоянии. На другой день оба скончались, а на третий трупы их были взяты из морга теми же людьми для похорон. Да, ”друзья семьи Роде” забрали усопших. Где похоронены? ”Айн момент, битте, где-то есть запись, йа, битте: на Первый Луизенфрие-дхоф, на Хаммервег, знаете, где озеро Хаммертайх. Да, айн момент, могила там, где статуи; Зо? Статуи Иезус Кристос мит кройц”. На маленьком ”Первом, Луизы” кладбище, возле монументального памятника ”Восшествие на Голгофу, или Иисус Христос с крестом на плече”,

действительно среди десятка новых, промерзших до каменности и засыпанных снегом могил оказался и небольшой холмик с деревянным крестом, на котором химическим карандашом было начертано: "Эльза Роде и Альфред Роде". Вот где нашел свое последнее пристанище человек, живший всю свою жизнь искусством, влюбленный в самое великое, как считал этот человек, чудо, какое создала Природа, — в янтарь!.. Но что же все-таки с ними случилось?

Указание из политуправления 11-й гвардейской армии было строжайшее: отыскать Роде, а если он погиб, выяснить причины смерти. Было принято решение вскрыть могилу. Декабрь. Мороз. Неподатливая, будто каменная земля; доннер веттер, на какую же глубину упрятали этих людей? Десять военнопленных, бывших народных гренадеров 217-й Восточно-Прусской дивизии, прошедших кровавый путь от Кенигсберга до Ленинграда, а потом вместе со своим командиром генерал-лейтенантом Отто Ляшем совершивших этот путь назад, уцелевших в боях за Кенигсберг и сдавшихся в плен, вместе со своим командиром, ранним дымным вечером 9 апреля, измучились, но задания своего нового командира, сержанта Петрова, не выполнили. Когда яма достигла глубины почти пяти метров, сержант приказал: "Стоп, камараден". Постоял на краю огромной ямы; отогнув полу белого, вкусно пахнущего хлебом полушубка, добыл из кармана обширнейших галифе пачку папирос, протянул гренадерам, дал зажигалку прикурить и сам закурил, сплюнул в яму и сказал: "Ни хрена тут нет, мужики. Закапывай". — "Вас ист дас "ни хрена"?" — хрипло, простуженно спросил кто-то из пруссаков, но сержант не удостоил его ответом.

Большая Тайна плодит новые тайны. Доставленная в следственный отдел "Смерша" соседка умерших супругов Роде уверяла, что за два дня до исчезновения и смерти оба были совершенно здоровы! А что по этому поводу мог бы сказать наш уважаемый профессор?

Профессор Брюсов говорил, что о Роде начали беспокоиться через несколько дней и что вскоре на его столе лежала справка о смерти обоих супругов, но так ли это? Ведь, по версии Максимова, разыскивать Роде начали значительно позже, но не позднее августа — сентября. Появлялись неясные сведения, что супругов Роде уничтожили люди из организации "Вервольф" — "оборотни", как только они почувствовали, что Роде может выдать

"Советам" некие важные тайны, и в связи с этим вновь упоминался штурмбанфюрер с запоминающейся "кольцевой" фамилией Рингель. Что якобы именно ему было поручено вывезти Янтарную комнату из Кенигсберга или так ее упрятать, чтобы уж никто и никогда ее не нашел.

А что дети Альфреда Роде? Ведь у него была дочь Лотти и сын Вольфганг? Что с ними? Один из корреспондентов газеты "Остпрройсенбладет" разыскал сына Роде, Вольфганга, доверенное лицо одного из страховых агентств в Кельне. В момент беседы ему было сорок два года. Вот что сообщил Вольфганг: "В последний раз я видел отца 14 января 1945 года. Если бы янтарное сокровище действительно было вывезено из Кенигсберга, отец мне сказал бы что-нибудь об этом. До некоторой степени я уверен в том, что Янтарная комната все еще находится в Кенигсберге..."

Важное заявление! Сколько неясностей, сколько тайн. Вот еще одна: о смерти своих родителей Вольфганг Роде узнал лишь в 1947 году от соседки по дому, госпожи Кениг. День смерти на основании заявлений кенигсбергских граждан был установлен: для г-на доктора Роде — 7 декабря, госпожи Роде — 28 декабря 1945 года...

Умерли не осенью, а зимой, не вместе, а в разное время? И Эльза Роде — почти под Новый год?

Действительно ли умерли? Убиты неким Рингелем?

"Оберштурмбанфюрер Рингель мне не знаком,— заявил лет пятнадцать спустя после окончания войны бывший обер-бургомистр Гельмут Вилль, когда в печати поднялась одна из "янтарных волн". А об Альфреде Роде могу сказать следующее: находясь в лагере для военнопленных в русском городе Елабуга, я слышал, будто тот делал попытки сообщить "Советам", где спрятаны сокровища и Янтарная комната. Я этому не верю! Свой янтарь он не отдаст никому, он был честным и до конца отдававшимся своему делу, своей работе человеком. Там ли, в нашей старой, доброй Пруссии, комната? На этот вопрос ответить трудно. Я этим не занимался. Но вот что мне хочется отметить, факт, наводящий на размышления: почему супруги Роде остались сами? Янтарь, Янтарная комната были для Роде дороже всего! Роде не мог оставить там свой янтарь. И он остался с янтарем. А если бы Янтарная комната была эвакуирована, то кто бы, как не Роде, знаток янтаря, отправился ее сопровождать?"

Янтарь, без которого Роде не мыслил себе жизни.

Тут есть о чем поразмыслить...

"Дамы и господа! Позвольте мне закончить мою печальную речь над этой символической могилой человека, который был не очень-то известен среди бюргеров Кенигсберга, так как в связи со своей замкнутостью и постоянной, непрерывной работой не любил вращаться в обществе. Но все, кто работал вместе с ним, с этим благородным человеком, никогда не забудут его... Он жил среди Тайн природы, тайн искусства, тайн прекрасных предметов, оказавшихся в его музее, и сам ушел из жизни таинственно и странно, став жертвой своей бесконечной любви к золотому янтарному чуду, жертвой конца войны, как и тысячи его товарищей по несчастью".

Прощайте, доктор Альфред Роде. Вы столько знали.

Прощайте и вы, доктор Брюсов. И вы, несмотря на свою забывчивость, рассеянность, вы тоже так много знали! Вы знали то, чего не знаем мы. К примеру, где, в каком районе города, на какой улице тот бункер, который вам однажды показал после длительной с вами беседы доктор Роде, сказав при этом: "Вот в этом бункере хранится огромное количество ценностей"? Что же вы сразу не сообщили своим товарищам, доброму гвардии капитану Чернышеву и не очень культурному, ленивому младшему лейтенанту Забродскому, про тот бункер, который, может быть, и решил судьбу доктора Роде. Ведь именно после этого разговора с вами исчез доктор Альфред Роде? И так жаль, что позже вы, профессор, несколько раз пытались отыскать тот набитый сокровищами бункер, но так и не нашли.

Прощайте, профессор. Вместе с вами из этого сложного брэнного мира ушла еще одна замечательная тайна, тайна Минералогического музея с улицы Ланге Райе, 4: исчезновение уникальнейшей, крупнейшей в мире коллекции янтаря, но об этом мы поговорим чуть позже, пускай это будет некоей интригой нашего повествования, к которой мы вернемся в самом конце книги.

Стихло все в доме. Ночь. Перечитываю очередное письмо, которое я завтра отошлю в Гамбург. "Вы напрасно беспокоитесь, крыша дома, которая во время боев за Кенигсберг была повреждена, давным-давно починена, правда, я не смог достать черепицу и покрыл крышу шифером и, увы, дом теперь не такой красивый, каким был. Печи я снял, так как сделал водяное отопление,

а внизу, в большой комнате, соорудил камин, который топлю, когда бывает холодно, но вот что меня беспокоит: в подвал поступает грунтовая вода, в чем тут дело? И вот что еще: когда вы посещали Янтарную комнату в замке, не видели ли вы доктора Роде? Как он выглядел?"

Отодвигаю письмо. Да, как все странно. Те фотографии и письма с чердака, они хоть и взволновали меня, но не вызвали особой тревоги, они были как бы из "ниоткуда", из неизвестности, чуть ли не с того света, но письмо Мюллера! Я даже будто его голос слышу!..

Прежде чем лечь спать, отстранитесь от всех мирских забот, успокойтесь, советова́л своим друзьям Иммануил Кант, взгляните в необъятные, таинственные звездные глубины неба, взгляните в свою душу...

Какое сегодня звездное небо! Как беспокойно в душе... На маленьком и уютном, если это слово подходит к месту, о котором я сейчас вспоминаю, кладбище, что одной стороной своей выходило на Хаммерзег, у памятника скульптора Кораллуса "Иисус Христос с крестом", Литка мне дважды назначала свидание. Что-то в ней, да и во мне, было испорчено войной: мы целовались среди мертвецов. В декабре сорок пятого все кладбище было завалено мертвыми кенигсбержцами. Укутанные в простыни, скатерти и одеяла, обвязанные веревками, проволокой и бинтами, они громоздились у подножья памятника. Все было, как в Ленинграде! Жуткий мороз, голод, белые, в лунном свете, большие и маленькие куклы на снегу. Какие-то шорохи, чьи-то зыбкие тени... Теперь тут небольшой парк, в котором днем шумят дети из соседнего детского садика. Памятник Кораллуса исчез году в пятьдесят пятом. Летом мы искали его, сообщение поступило, будто возле памятника была вырыта огромная яма и скульптуру свалили туда. Увы, вместо памятника мы обнаружили лишь осколки мрамора и среди них кусок белого, с огромными, безумно раскрытыми глазами лица и кисть руки, судорожно вцепившуюся тонкими пальцами в обломок мраморного креста.

"...И нравственный закон во мне?"

Как можно было: кувалдой по лицу?

"Кирха Юдиттен, господин Мюллер, вся в лесах. Когда она будет восстановлена, там разместится православная русская церковь, но я, обещаю вам, схожу, поставлю свечи в память вашего отца и брата, ведь бог-то один".

Да, вот что еще: в конце сорок шестого года фрейлейн Элизабет Манштейн вышла замуж за танкового полковника, это случилось в декабре, под Новый год. Поскольку Лиззи не была подданной нашей страны, полковник не смог зарегистрировать с ней брак официально, но это не испугало молодых. Свадебную поездку полковник совершил с Лизой и своими друзьями на танке "Т-34" по шоссе от Кенигсберга до Раушена, где и гуляли всю ночь в одном из небольших, уютных особнячков. Танк стоял в саду. В двенадцать ночи вся компания, шумная, возбужденная, выкатилась из особняка. Двое офицеров несли невесту на руках, красиво развевались ее белые одежды, а полковник твердо и спокойно шел впереди. Компания остановилась возле танка, а полковник влез в машину. Что-то там заскрежетало, башня развернулась в сторону моря, хобот орудия задрался, а потом, страшно ахнув, выметнул из своего жерла снаряд, ушедший куда-то в ночную, морозную морскую даль. Говорят, что за этот выстрел полковник получил взыскание от командования, а год спустя был лишен своего полковничьего звания и всех наград за связь с немкой, связь, порочащую советского офицера в глазах военной и гражданской общественности.

Слух был, что он подался на Урал и что работал в колхозе "Вперед к коммунизму" трактористом, что у него прекрасная семья — красавица жена и шестеро белоголовых, синеглазых сыновей. Или — трое? Но какая разница? Главное, что живут люди и не считают себя в жизни обделенными.

Анке из Тарау. Рыцарь, стрела и крест

”ОПЕРАЦИЯ ”ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ ЛИНЦ” осуществлялась как тайная государственная задача. Она подчинялась непосредственно только Гитлеру и Борману... Для создания музея мировой величины в Линце Гитлеру требовался большой специалист, и Гитлер нашел его в лице профессора Ханса Поссе, 59-летнего директора Дрезденской галереи, превосходного знатока итальянского Ренессанса и барокко. Первая страна, где Поссе проявил свой организаторский талант и свое глубокое знание искусства, была Австрия, национал-социалисты дали ему громадное задание — разобраться в колоссальных богатствах, которые они собрали у умерщвленных ими еврейских владельцев. Были похищены дорогостоящие коллекции, состоящие из многих предметов искусства... общей стоимостью 60—70 миллионов рейхсмарок... Полный огня и энергии, Поссе взялся за свою новую работу с украденными у евреев ценностями, заключив тем самым договор с самим дьяволом.

Затем наступил черед покоренной Польши. Вот что сообщает Поссе, вернувшись из Польши в конце 1939 года: ”Из Кракова ежедневно отходят вагоны с предметами искусств под надежной охраной, эти предметы взяты из официальных учреждений, из церквей или у частных владельцев”. В конце января 1941 года из Парижа был отправлен первый транспорт, 25 вагонов запакованных в ящики живописных полотен, мебели, фарфора, фаянса и пластики. Затем настала очередь Голландии, куда Поссе приехал в июле 1940 года. ”Сообщаю,

что в ближайшие дни будет выслано первое мое багажное отправление из Голландии (68 картин и скульптур) фюреру в Мюнхен..." — писал Поссе 28 ноября 1940 года... С началом войны с Россией Поссе появляется и в Прибалтике. С какой целью? Что он ищет там? Ответом мог бы послужить документ, лежавший в его кармане и подписанный Гитлером: "Профессор Поссе выполняет особую миссию "Линц", строительство музея искусств в городе Линце на Дунае. Все партийные и государственные органы обязаны поддерживать господина Поссе во ВСЕХ ПРОВОДИМЫХ ИМ АКЦИЯХ. Подпись: А. Гитлер"...

Из материалов газеты "Ди Цайт".

"ГЕОРГ ШТАЙН — госпоже д-ру ЕЛЕНЕ СТОРОЖЕНКО, геолого-археологическая экспедиция, г. Калининград. ВЕСЬМА ПОЧТЕННАЯ ГОСПОЖА! Во-первых, я пересылаю Вам несколько интересных документов, касающихся разграбления российских исторических ценностей нацистами в минувшую войну. Возможно, что они будут полезны Вам и Вашей работе. Во-вторых, что Вам известно о некоем Отто Рингеле, что это за таинственная фигура, то и дело мелькающая там, где речь идет о Янтарной комнате и прочих ценностях? Далее, что Вам известно о некоей "госпоже Кулашенко", которая тоже то и дело как бы возникает из прошлого, из небытия, когда мы сталкиваемся с теми или иными сокровищами, что были вывезены нацистами с Украины в Восточную Пруссию? И, естественно, я вновь задаю Вам известный вопрос: не появились ли у Вас какие-нибудь материалы (справки, документы, намеки на сведения) по поводу весьма интригующих меня т. н. "Сокровищ стеклянных ящиков"? Буду рад получить от Вас новые вести. Что касается Вашего вопроса по поводу версии "ТАРАУ", то могу сообщить следующее. В настоящее время я составляю обширную работу, которая называется "МАТЕРИАЛЫ О ВЕРОЯТНЫХ ЗАХОРОНЕНИЯХ ЦЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ, ПОХИЩЕННЫХ ФАШИСТАМИ" (это своеобразный итог моей поисковой, по документам, работы), где у меня о Тарау сказано следующее: "КАРТА №1489 — ТАРАУ. Исторический памятник — ОРДЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ТАРАУ, которой необходимо уделить ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ, а также ОПЫТНОМУ ХОЗЯЙСТВУ ИЕЗАУ

СЕЛЬХОЗФАКУЛЬТЕТА УНИВЕРСИТЕТА г. КЕНИГСБЕРГ ("АЛЬБЕРТИНА"))". Приложение: документы 4242/43 и 454.

Ваш Г. Штайн".

"ТАРАУ! Я почти уверен, что не ошибаюсь: это название я услышал осенью сорок четвертого года на косе ФРИШЕ-НЕРУНГ, в НАЙТИФЕ, в концентрационном лагере, находящемся среди песчаных гор, между морем и заливом ФРИШЕС-ГАФФ. В этом концлагере содержались военнопленные. Поляки, бельгийцы, французы и мы, русские, а среди них и я, сержант пехотинец Федорчук Владимир Петрович. Я попал в плен 8 октября 1944 года во время ГУМБИННЕНСКОЙ ОПЕРАЦИИ. Лагерь, в котором я оказался, был "разовым". Или, вернее, "разового использования". Людей отсюда вывозили, но никто назад не возвращался. Один охранник мне сказал: "Моя бабушка русская. Беги, если можешь. Если тебя отсюда увезут, то это смерть. Отсюда берут людей, чтобы рыть тайные убежища, бункеры, хранилища, тайные склады. Ты все понял? Тот, кто эти тайники строит, тот должен умереть. Завтра будут собирать группу на работы в ТАРАУ". Жили мы в песчаных пещерах. До войны я занимался спортом, решил, что надо бежать, убегу, если меня завтра не отправят в Тарау. (Где это? Не знаю.) Утром нас всех построили и отобрали сто человек французских военнопленных. Подошел катер с баржей, всех погрузили туда, и они поплыли по заливу в сторону едва виднеющегося берега. Ночью я прокопал под проволокой проход, выполз к берегу, сбросил с себя одежду, связал ее ремнем и поплыл. Добрался до берега. Две недели скрывался в лесу, воровал картошку и разное другое из сараев бюргеров. Потом меня схватили и направили в ШТАЛАГ №8 под ПРЕЙСИШ-ЭЙЛАУ. Там я и сидел до прихода наших. Возможно, это мое сообщение поможет в вашей поисковой работе.

Ленинград, пр. Чкалова, Федорчук В. П."

"ВЕРСИЯ "ТАРАУ". Сведения из разных источников (несколько заявителей) таковы. Глубокой осенью сорок четвертого года в местечко Тарау прибыли немецкие войска спецназначения. Все местное население из Тарау было выселено. Поселок оцеплен войсками. Поставлены посты. После этого в поселок прибыли грузовики со строительными материалами и "иностранными рабочи-

ми", военнопленными французской национальности. Две или три недели велись какие-то тайные работы. Слух был: оборонительные сооружения. Время от времени, по вечерам особенно, слышалась стрельба. Потом приехали еще несколько машин. Два или три тяжело нагруженных грузовика и легковая машина. Вскоре и они уехали. Охрана была снята. Местное население, те, кто не уехал в Германию, боясь прихода русских, вернулись в свои дома, но никаких оборонительных сооружений обнаружено не было. Возле кирхи появилась новая, очень большая могила, в которой, едва присыпанные землей, лежали трупы, несколько десятков убитых французских военнопленных. В подвале дома священника было много военной одежды с французских военнопленных, обширные подвалы кирхи, в которой раньше были старинные захоронения, были засыпаны до самого потолка свежим песком. Кто-то из жителей нашел несколько кусков янтаря.

Рижская поисковая экспедиция при газете "СМ".

"ОБНАРУЖЕН ТАЙНИК! Телефонограмма. Срочно. Иванову, Овсянову. В фасадной части кирхи нами обнаружен ТАЙНИК. Будем вскрывать сегодня в шестнадцать. Просим прибыть для присутствия при вскрытии.

ПАРАМОНОВ, экспедиция "СМ".

Тайник. Только начали работать, и уже что-то отыскалось? Что в нем? Янтарная комната? Этого не может быть. Если тайник устроен в фасадной части кирхи, то вряд ли он очень большой вместимости, это во-первых, а во-вторых, чтобы его соорудить, вряд ли нужно было столько военнопленных и стройматериалов, да и времени, какое тут было потрачено осенью сорок четвертого года. И все же! Хоть бы повезло, хоть бы там, в этом тайном сооружении, что-нибудь оказалось. Работа рижских поисковиков складывалась сложно, со скрипом, с большими трудностями. Казалось: вот же, есть люди, решившие посвятить свои отпуска такой благородной цели, как отыскание исчезнувших в минувшую войну несметных исторических и культурных сокровищ, не подростки-романтики, все "взрослая", солидная, степенная публика, историки, археологи, этнографы, криминалисты. Есть современной поисковая аппаратура, способная электронным лучом заглянуть в землю, карты, схемы. Собраны обильный материал и деньги, есть вера в свое дело, в свою

удачу и понимание: если государство отказалось от поиска, то кому же, как не им, энтузиастам, заняться розыском исчезнувших сокровищ? Не для себя. Для государства же!..

Куда там! Местные газеты, областная "правда" и молодежная "комсомолец" прямо-таки на дыбы вскинулись: как так? Кто-то к нам приезжает? Будут рыться в нашей земле? Какие-то "варяги" латышские? Потрешают захоронения? Буровые работы у стен древней кирхи? Не разрешать. Не пускать! Это антигуманно: поисковые работы на кладбище! Этаким чистый, праведный гнев, взывание к душе, совести. Странно только, отчего это обе газеты молчали, когда кувалдами разбивали мраморных ангелов, лики святых, кресты и великолепные памятники на тридцати старых кенигсбергских кладбищах, когда тех же бронзовых ангелов сдавали на вес, как цветной металл, на склады металлолома? Когда в Калининграде, Советске, Черняховске да и других городах и поселках кладбища сносились бульдозерами, могилы заравнивались, а разбитые надгробия сваливались в старые воронки? Когда не только немецкие, но и кладбища русских воинов, погибших в Восточной Пруссии в первую мировую войну, в дни знаменитых "августовских пушек", и те почти все уничтожены? Не дрогнула душа у газетчиков оттого, что на месте самого древнего, самого обширного кенигсбергского кладбища сооружен ныне "Парк культуры и отдыха (звучит-то как! Есть разве парки "бескультурья"?) имени Калинина"? "Колесо обозрения", "летающие качели", "зеркала смеха", танцы-шманцы на костях? Рев музыкальных автоматов, "пиф-паф" в фанерных тирах, "пуфф!" — и подлодка тонет в павильоне игровых автоматов; шашлыки, мороженое, "массовые гуляния" и бег в мешках на чьих-то могилах? Детские визги и смех — кто-то разглядывает свою физиономию в кривом зеркале, успокоиться не может: ну и рожа, вы только поглядите! И лишь порой кто-то испуганно вскрикнет, и будто ледяной водой омоет сердце: ковырнул ногой какой-то желтый, отполированный до блеска множеством ног камень, и он выпростался из плотной земли. Не камень, а половина черепа. "Эти кости так и лезут из почвы. Будто растут. Особенно после дождя, — как-то рассказывал мне один из сотрудников парка. — Нужно все залить асфальтом, тогда не ползут?" А может, лучше парк перенести на другое место? Мои предложения на этот счет на сессии городского Совета народных депутатов приняты не были. "А веселиться где?

— крикнул кто-то из зала.— Оставить город без культпарка?" Что ж, будем танцевать на костях!

Но это так, горечь, обида, что ли? Ничего не делаешь — никто тебя не трогает... Сейчас — этот тайник, вот что главное. Хоть бы повезло! Тот, кто ищет, должен когда-то хоть что-нибудь найти! Сорок лет поиска, и пока ничего порядочного не найдено, а отсюда и скептицизм, неверие, насмешки. Можно себе представить, как мечтал что-нибудь серьезное, солидное найти Георг Штайн, сколько переживаний, надежд, разочарований! Дома: "Сад гибнет, в долгах сидим, а ты, Георг?!" В поселке: "Ну как, Георг, когда ты найдешь свое сокровище? Позови, когда золотые монеты считать будешь, помогу...". В прессе: "Наш неутомимый садовод-кладоискатель не падает духом, кто не знает прусского упрямства?" Как ему надо было что-то найти, обнаружить, заставить поверить в себя, да и дела свои материальные поправить. Стекланные ящики с древними сокровищами, Кох, который, конечно, знает все-все, но молчит как рыба, молчит, запакованный в холодной камере мрачной тюрьмы в каком-то польском городишке "Барщеве" (от славянского слова "бортчъ", что ли, такой ди зуппе из овощей?), таинственная Кулашенко (Кульженко П. А.), якобы передавшая фашистам массу украинских сокровищ, что с ней, где она, где спрятала эти сокровища? Можно ли верить бумагам Роде, что самая большая в Европе (в мире!) коллекция икон сгорела? Но почему уже после пожара "Кулашенко" колесила по Земландскому полуострову? Что искала? Надежные хранилища? Секретные подземелья кирх и замков? Значит, ей было что прятать? А Отто Рингель? И вновь, и вновь: стекланные ящики... Они где-то тут, рядом, в каком-то из городов, может, всего в сотне километров от Гамбурга, несметные древние сокровища. Если бы он отыскал их! Да-да, если бы он отыскал их, то сокровища вернулись бы туда, откуда были вывезены,— в Россию. И русские не поскупились бы, нет-нет, ему не надо сверхприбыли, богатств, ему надо лишь рассчитаться с долгами да иметь некоторую сумму, чтобы продолжать поиск.

Гляжу на часы. Слышу, как по лестнице поднимаются. Входит Авенир Петрович Овсянов, он только что уволился в запас, снял военную форму, но мы привычно зовем его, как и раньше: "полковник". А вот и Василий Митрофанович Тараборин, наш неутомимый переводчик, пропускает в дверь женщину: пожалуйста, входите. А полковник, пожав мне руку, говорит:

— Знакомьтесь, это "весьма почтенная госпожа доктор Елена Стороженко", с посланиями к которой столько раз обращался Штайн.

Стороженко? Я с удивлением смотрю на миловидную подвижную женщину, пожимаю ее руку. Ее фамилия постоянно присутствует в бумагах Штайна среди других, как бы это выразиться, легендарных, откуда-то из тех, уже весьма отдаленных времен, фамилий: Альфред Роде, Фейерабенд, Эрих Кох, Отто Рингель ...Однако за дело.

— Разберем некоторые бумаги и письма, хорошо? — предлагаю я.— А потом поедem в Тарау, там наши ребята какой-то тайник обнаружили. У кого есть что-нибудь новенькое? О версии "Тарау"?

— Анхен фон Тарау! Зи ист майн либен, майн гут унд майн гельд...— произносит Василий Митрофанович, поглядывая в листок бумаги. Отодвигает его.— Это стихотворение интереснейшего поэта из Кенигсберга, Симона Даха, которое называется "Анке из Тарау": "Анке из Тарау — свет моих дней. Все, чем я жив, заключается в ней..."

— Дочь местного священника,— добавляет Елена Стороженко.

— В подвале дома которого, как утверждается версией "Тарау", была обнаружена одежда несчастных военнопленных французов,— говорит Овсянов.— Ведь этот дом так и переходил от одного священника к другому. Но какое имеет отношение Аннушка из Тарау к Янтарной комнате?

Какое? Триста с лишним лет назад родившийся в Мемеле (ныне Клайпеда), учившийся в Кенигсберге и ставший там профессором, а потом и ректором Кенигсбергского университета "Альбертина", драматург и поэт Симон Дах случайно познакомился с отцом Аннушки и по его приглашению как-то приехал в местечко Тарау. Увидел Аннушку и был потрясен ее очарованием. И ее рассказом. Уже несколько лет воюет ее возлюбленный: шла кровопролитная война католиков с протестантами.

Что с ним? Где он? Нет дня, часа, чтобы она не думала о нем. Вернувшись домой, в Кенигсберг, на свой "остров", что в центре города, в Кнайпхов, Симон Дах сел к столу, задумался, вновь представил себе холм, на котором возвышается кирха Тарау, удивительно красивое лицо девушки, ее взволнованный голос и начал писать: "Анке из Тарау, сердце мое, честь и богатство, еда и питье..." Однако, действительно, какое отношение все это имеет к Янтарной комнате? Вроде бы и никакого, но

вместе с тем тайна Янтарной комнаты — это не просто некое захватывающее приключение, авантюра, поиск, смерть многих людей, похищения, это и повод, обстоятельства, ведущие к изучению истории и культуры этого древнего края, сближению и укреплению дружеских связей между нашим и немецким народами, разве это не менее важно, чем найти те или иные сокровища?

— "Пылким доверьем меня проняла, страсть мою, боль мою — все приняла,— дочитывает стихотворение Василий Митрофанович.— Может весь мир провалиться на дно. Мы порешили стоять заодно". Однако...

— Однако что сообщает нашей весьма почтенной госпоже Елене Стороженко Георг Штайн? — спрашиваю я.— О чем речь?

— Документы, о которых он сообщает, вот они, из папки "Эйнзатцштаб Розенберга": "Рига, 28 марта 1944 года. Оперативный штаб рейхслайтера Розенберга на оккупированных территориях. При быстром отводе наших войск от Ленинграда в 1944 году в распоряжении группы "Восток" оказалось слишком мало времени. Мы можем упустить возможность увезти все культурные ценности, находящиеся в Нарве. На этом основании был дан приказ о немедленной эвакуации, выполнение которого осуществляю я, нижеподписавшийся доктор ШПЕЕР. Для эвакуации ценностей, в том числе документов городского управления, фельдкомендант Нарвы доктор ФОСТЕН-БЕРГ предоставил в наше распоряжение грузовики... Машины были отправлены в РЕВЕЛЬ утром 8 февраля 1944 года. В этот день нами были погружены и отправлены в тыл все материалы музея Петра Великого, кроме громоздких предметов и мебели. Была также вывезена библиотека музея и коллекция медалей и монет... Были также вывезены все документы, художественные ценности, находившиеся в ратуше, архив земельного ведомства, документы судебного характера, а также художественные ценности из православного собора. Старинная утварь, одежда, картины на религиозные темы, иконы. Доктор ШПЕЕР, "ВОСТОК", РИГА..." Вот такой документ, дорогие коллеги, но есть и другие, не менее интересные. Вот, например, как этот: "По поводу глубины захоронения исторических и прочих ценностей".

— О чем это? Кто писал?

— Без подписи, небольшое, но очень важное для нашей поисковой работы исследование: на какую глубину прятать, понимаете? Чтобы никто никогда не нашел. Тут

немного, прочитать? Итак: "Изучение тысячелетней практики показало следующее. Первое. Могильные захоронения. Надо иметь в виду, что обычное, глубиной 2—3 метра, может быть открыто и опустошено лишь одним человеком за одну ночь. Поэтому богатые люди хоронили своих родных в могилы глубиной до 5 метров. Таковую вскрыть за одну ночь, даже вдвоем-втроем, уже невозможно. Чтобы добыть нечто, находящееся на глубине 6—8 метров, уже требуется длительное время и большое количество людей, а с 10—11 метров необходима специальная землеройная техника, весьма большое количество работников и устройство шахты. Это под силу лишь специальной организации, государству..." Вот почему, согласно некоторым источникам, немцы строили свои тайные хранилища, бункеры на глубине 10—11 метров. Либо искали уже готовые подземелья на такой же глубине. А потом входы в них, шахты, взрывали. Попробуй-ка отыщи, раскопай!

— И сам Роде, и его помощница, бывший научный сотрудник Киевского музея изобразительных искусств Полина Аркадьевна Кульженко, возможно, и отыскивали такие подземелья, когда разъезжали по всему Земландскому полуострову,— говорит Овсянов.— И не случайно Штайн интересовался этой женщиной, наверняка она очень многое знала.

Да, Полина Аркадьевна так много знала, ах, если бы она не замкнулась в себе, открылась, рассказала бы или описала свою странную и сложную, в чем-то трагическую жизнь; но молчала, молчала, хотя и не смогла скрыть тех или иных подробностей своего полубезумного пути из любимого Киева в далекий, настороженный и пугающий ее Кенигсберг. Пути, совершенного не в одиночку, а с ценнейшими коллекциями картин и икон киевских художественных музеев. "Ветреным декабрьским днем во двор замка въехали грузовики, груженные ящиками с надписью: "Киев — Кенигсберг". А вскоре в замке появился и новый человек — невысокого роста худощавая немолодая женщина, в добротном пальто и сером шерстяном платке на голове, никак не гармонировавшем со всем ее видом...— Так об этом событии повествуется в книге "Тайна Янтарной комнаты".— Научный работник Ангелина Павловна Руденко,— представилась женщина.— Фонды Русского и Западного музеев Киева и коллекции икон из Киевско-Печерской лавры,— показала она рукой на ящики..."

Все, кому доводилось интересоваться Янтарной комнатой, конечно же читали книгу, которую я цитирую. * Она написана по свежим впечатлениям, в ней много интересных деталей и подробностей, а в Барсове легко угадывается Александр Яковлевич Брюсов — "отличный специалист", "блестящий знаток живописи" и вместе с тем "рассеян, плохо разбирается в людях, не умеет правильно оценивать их". И не надо гадать, кто такая "Ангелина Павловна Руденко". Конечно же это Полина Аркадьевна Кульженко, "Кулащенко", поставленная — и совершенно справедливо — Георгом Штайном в один ряд с доктором Роде, мрачным прусским гауляйтером Эрихом Кохом, директором ресторана "Блютгерихт" Паулем Фейерабендом и таинственным оберштурмбанфюрером Рингелем.

"Ведут пути-дороги"... но какие же пути-дороги привели Руденко — Кульженко в Кенигсберг? Были, видимо, причины, и очень важные, чтобы решиться на такой отчаянный шаг... Может, и то, что она — человек большой культуры и эрудиции, блестящий знаток истории, искусства, можно сказать, человек с европейским мышлением — была белой вороной в своем коллективе? Протестовала, когда из зала музея убирались в запасники картины выдающихся мастеров, художников с мировым именем, и на их место вздымались гигантские "творения" типа: "Праздник покорителей хлебных нив", "Трудовой энтузиазм строителей Беломорканала", "Великого вождя приветствует вся страна". И прочие "большие картины без рам", как писал в своем отчете Роде. "Картины", напористо вытеснявшие из музеев страны, в том числе и киевских, Репина, Шишкина, Кустодиева, Айвазовского, многих других прославленных живописцев и в особенности мастеров Западной Европы: французов, итальянцев, голландцев и немцев, не говоря уже о символистах, кубистах, абстракционистах и авангардистах, всех этих "подражателях загнивающего Запада".

Сложная, трагическая жизнь. Горящие города, расстрелы. И какая-то смутная надежда, попытки оправдать свой поступок. "Культура, наука, искусство — это солнце, которое светит для всех одинаково и не теряет при этом своего блеска, не тускнеет. Это — как родник свежей воды, утоляющий жажду всякого, кто припадает к нему: больного и здорового, умного и глупого, доброго и зло-

---

* Дмитриев В., Ерашов В. Тайна Янтарной комнаты. Рига. 1961.

го... надо работать... надо внушать людям преклонение перед красотой и благородством человеческих чувств... Сотрудничая в музее, я смогу сохранить для Украины то, что осталось здесь", — размышляла Руденко, как размышляла и Полина Аркадьевна Кульженко. И, приветливо принятая немцами, назначенная директором Русского, а потом и музея украинского искусства, работает, собирает оставшиеся в городе картины, иконы, а их осталось так много! "Теперь Руденко нередко встречалась с представителями штаба Розенберга, с сотрудниками имперского комиссариата, в ведение которого перешли все киевские музеи. Наконец, она была представлена "высокому гостю", посетившему музей, — рейхскомиссару Украины Эриху Коху и сумела произвести на него столь благоприятное впечатление, что вскоре и Кох вспомнил о ней".

Кох вспомнил о ней тогда, когда войска Красной Армии приблизились к Киеву. "Началась упаковка икон и картин. Вскоре двести произведений искусств плотно лежали в пятнадцати ящиках. Здесь были уникальные иконы: "Егорьевская богоматерь", "Успение", "Параскева Пятница", "Преображение", "Троица", "Царские врата", "Спас Нерукотворный", "Спас Златые Власа", "Сретение", "Иоанн Предтеча", созданные выдающимися мастерами. Через несколько дней, оставив под расписку германских властей свою личную библиотеку, обстановку из красного дерева старинной работы, великолепный слепок с Венеры Милосской в величину оригинала, отлитый в мастерских Лувра, оставив родной Киев, Руденко выехала вслед за отправленными экспонатами..." Выехала вначале в Каменец-Подольский, а спустя некоторое время, в январе 1944 года, — в Кенигсберг, в распоряжение доктора Альфреда Роде.

И вот — Кенигсберг, район Амалиенау, где в небольшом, уютном особнячке устраивается Полина Аркадьевна со своей верной старушкой няней, но в котором лишь спит, так как почти все время, каждую свободную минуту проводит в замке среди уже распакованных и еще заколоченных в ящики сокровищ. Русские приближаются! Они уже у восточно-прусских границ, но вот позади и пограничная река Шешупа, уже идут ожесточенные бои под Гумбинненом, уже... Куда все это девать? Где прятать? Альфред Роде, доктор Герхардт Штраус, Кульженко обдумывают различные варианты, как сберечь неисчислимы богатства, скопившиеся в Кенигсберге, вывезенные из России, с Украины, из Белоруссии, Прибалтики, — где и как все это сокрыть? Восточная Пруссия уже отрезана

от собственно Германии. Дорога на Пиллау, забитая беженцами и войсками, простреливается русскими. Транспортов для эвакуации морем из Пиллау нет... Значит, надо прятать тут. В самой Восточной Пруссии. И то Роде, то Полина Аркадьевна, кстати, великолепно знавшая немецкий язык, исчезают из Кенигсберга, мечутся по Земландскому полуострову, да и в других местах провинции, и отвозят ценности, где-то прячут их, но где?

Да, многое знала Кульженко! Знала и молчала. Чем-то они были схожи, Кульженко и ее начальник, доктор Роде. Оба влюбленные до безрассудства в свои картины, иконы, янтарь... Фанатики! И оба остались возле своих упрямых в каких-то секретных бункерах сокровищ.

Ее судили. "Скажите же, где? Ведь если вы не скажете, все это погибнет! — взывала к Кульженко судья. — Как вы потом сможете жить? Эти картины, иконы, ведь это достояние не только России, Белоруссии, Украины, но достояние всего человечества! Ведь вы же — человек высочайшей культуры, я прошу вас, Полина Аркадьевна..." Полина Аркадьевна молчала или бормотала: "Все сгорело, сгорело..." Получила десять лет. От звонка до звонка — в лагерях. А когда кончился срок, уехала в Кострому. И первое время, несколько лет, работала уборщицей в местном музее. Уборщица с богатейшими знаниями, искусствовед самого высокого класса! Дня не проходило, чтобы директор музея и сотрудники не консультировались с ней. В конце концов она была принята на должность младшего научного сотрудника и выше, по должности, кажется, и не поднялась, но много публиковала статей в местной газете "Волжская новь". О художниках, декабристах, о Пушкине, Тургеневе. Говорила с гордостью: "Меня знает вся образованная Кострома!"

Когда в Калининграде начались поиски Янтарной комнаты, с ней пытались встретиться. И она немного рассказала о себе, добавив, что это все не для печати. И что ей надо собраться с мыслями, чтобы начать долгий и обстоятельный разговор. О себе. О киевских ценностях. Об их судьбе... но в местной областной газете вдруг появляется рассказ о встрече с ней! Кульженко была взбешена. Ее обманули! И с той поры она больше ни с кем не говорила на эту тему: язык на замок.

Смотрю на часы. Время у нас еще есть. Спрашиваю:

— Елена Евгеньевна, когда начала работать ваша археологическая экспедиция, вы-то пытались с ней встретиться?

— Пытались. Ездили в Кострому Авенир Петрович и сотрудница нашей экспедиции Инна Ивановна Мирончук, но увы...

— Давайте я уж расскажу, как все было,— вступает в разговор Овсянов.— В ту пору Кульженко была как бы еще под опекой КГБ. И вот, когда все вопросы были согласованы, я получил разрешение на встречу с ней. Было известно, раз в неделю Полина Аркадьевна приезжает из интерната для престарелых поселка Октябрьское в Кострому. Смотреть многосерийный фильм "Эрмитаж", который комментировал академик Пиотровский. Телевизор она смотрела у подруги юности, Полины Ефимовны Ильиной. И вот я там появился. Самовар на столе, пряники. Приходит Кульженко. Восемьдесят восемь, но выглядит отлично, модно, не старуха из провинциального интерната, а дама из Европы: шляпка с вуалеткой, элегантный, прекрасно сидящий на ней пиджачок, бантик, черные чулки, туфельки, какая-то модная пряжка на поясе. Легка, подвижна; поднялась на четвертый этаж и не задыхнулась, вся — интеллигентность, легкий запах французских духов. Остро глянула на меня каким-то пронзительным взглядом и говорит: "Я поняла, зачем вы приехали. Меня раз обманули. Дважды я свою душу не открываю". Молчим. Пьем чай. Потом она говорит не мне, а как бы своей подруге: "Поленька, пускай все останется там, где есть". Что это означает: "все"? Где "там"? "А твои архивы, документы? — помедлив немного, спрашивает Полина Ефимовна.— У тебя же их столько!" Полина Аркадьевна отодвинула стакан и сказала: "Все уже передано куда надо и кому надо". Куда передано? Кому? Потом Полина Ефимовна выяснила, что, действительно, за год примерно до нашей встречи большое количество документов Кульженко переправила в Киев, некоему Белоконю, но разыскать нам его так и не удалось. Спустя несколько лет Полина Аркадьевна умерла. И унесла с собой в могилу тайну "киевских сокровищ". Известно, что она их вывезла в замок графов фон Шверин и...

— Минутку. Вот как это было: "Ящики доставили в "Вильденгоф" — имение графов фон Шверин в 70 километрах от Кенигсберга. Великолепное здание дворца, построенного в XVIII веке, в старом парке, одной стороной выходило на огромный пруд. Здесь, в полутемной графской столовой Руденко встретила Роде. "Фрау Руденко,— торжественно произнес Роде,— великая Германия доверяет вам свое национальное достояние. Вот,—

и доктор театральным жестом повел вокруг, указывая на штабели ящиков, сложенных вдоль стен.— Здесь находятся уникальные произведения из собраний Кенигсберга, вам не дано право открывать ящики и знакомиться с их содержанием...” — “А Янтарная комната — она здесь? — не удержалась от вопроса Руденко”. — “Янтарная комната? Янтарная комната — самая большая ценность! Ее надо сберечь, чего бы это ни стоило”, — уклонился от прямого ответа Роде”. Так в книге. Я переворачиваю несколько страничек. Так примерно рассказывала о тех днях и Полина Аркадьевна. И о том, что “...долгими вечерами две пожилые женщины — немецкая графиня и кандидат искусствоведения, человек, потерявший родину, — сидели в обитой штофом гостиной и раскладывали бесконечные пасьянсы, тихо беседовали за чашкой кофе или читали пухлые французские романы в потертых кожаных переплетах с вензелями графов фон Шверин”. Так ли это, не так — эта идиллия в дни кровавой восточно-прусской бойни для нас не очень интересна и важна, а вот что важно: “Уже слышны были пулеметные очереди. Бой разгорался неподалеку... И вдруг над крышей дворца взвилось огромное пламя. Руденко видела, как солдаты бросали в окна факелы. Огонь мгновенно охватил весь замок...” Все. Замок сгорел! Наша героиня сообщила советскому коменданту городка Ландсберг о том, какие в замке были сокровища, что надо отправиться в замок, может, что-нибудь уцелело. “Поездка состоялась 15 марта, Руденко и несколько рабочих спустились в подвал. Здесь выгорело все, что могло гореть. Груды теплого угля и пепла лежали во всех закоулках, покрывали пол. Раскопали толстый слой пепла и обнаружили обуглившиеся части ящиков и икон. Коллекции сгорели. Сгорели картины и иконы киевских музеев, сгорели ящики с экспонатами “художественных собраний Кенигсберга”, ящики, содержимое которых было известно только доктору Роде... Тайна их осталась нераскрытой, и вряд ли теперь удастся ее раскрыть”. Я закрываю книгу.

— Выгорело все, что могло гореть! — Овсянов усмехнулся, наверно, он понял, что я имел в виду, повторяя эту фразу. Но молчит, и я спрашиваю:

— А Инна Ивановна Мирончук? Состоялся ли у нее разговор с Кульженко? А, Елена Евгеньевна?

— Разговоров было много. Полина Аркадьевна охотно рассказывала, как она жила в Кенигсберге и даже как устраивала выставки икон и других сокровищ Киева в одном из помещений замка. Сколько было экскурсий,

восторгов. Но тотчас замолкала, лишь только Инна подступалась в своих разговорах, намеках, догадках: но куда же все это подевалось? Картины? Иконы? Молчала. Лишь однажды, когда Инна рассказывала о работе нашей экспедиции, остро так, пристально взглянула на нее и проговорила твердым, уверенным голосом: "КОПАЙТЕ ГЛУБЖЕ". Но где копать глубже? Замолчала, отвернулась, а когда Инна должна была уезжать, проговорила, как бы продолжая разговор: "Почувствую, что смерть на пороге, сообщу тебе ГДЕ..." Инна уехала. А Полина Аркадьевна вскоре умерла. И никому ничего не сообщила. Не хотела сообщать? Или не почувствовала, что смерть уже на пороге? А может, и пыталась что-то сообщить, а может, и что-то написала, но это сообщение на клочке бумаги куда-то исчезло. Говорят, что когда она умерла, то в интернат приехали трое молодых людей. Представились: из КГБ. Они обыскали всю комнату. Умершая еще лежала в постели, так они перенесли ее на пол, перерыли всю постель, вспороли матрац, подушки. Что искали? Кто были эти люди? Как позже выяснилось, к местному комитету госбезопасности эти ловкие, крепкие парни никакого отношения не имели. Собственно говоря, никто у них и документов-то не спрашивал...

— Что бумажка? Может, она и написала, да ее, бумажку, просто выкинули,— сердито говорит Василий Митрофанович. Глядит на часы. Начинает складывать документы в папки.— Невежество наше. Как-то я был в Полесске, в бывшем замке "Лабиау", там сейчас завод какой-то. Начальник отдела кадров рассказывает: "Потолок ремонтировали. Отодрали несколько досок, а оттуда как водопад хлынул: сотни толстенных немецких папок, документами набитые". А вы — бумажка.

— И что это за документы? Где все это?

— Где-где... Вынесли все во двор и сожгли... Пора нам?

— Минутку! — Овсянов улыбается, довольно потирает руки: сейчас еще что-нибудь интересное скажет! — Итак: "выгорело все, что могло гореть", да? Я имею в виду пожар в замке "Вильденгоф". Но что сообщает о посещении замка наш "забывчивый, нерасторопный" профессор Александр Яковлевич Брюсов — его дневник? Не помните? Я вам напомню.— Авенир Петрович раскрывает свою папку, добывает несколько листков, просматривает их и, подняв палец, читает: — "Едем с okazji в "Вильденгоф". Замок кн. Шверинских совершенно разрушен до подвалов". Слышите? Не сгорел, а разру-

шен! И далее: "Следов вывезенных оттуда коллекций не найдено... но в трех комнатах подвала РАЗБРОСАН АРХИВ ШВЕРИНСКИХ — рукописи, переписка, деловые и судебные бумаги с XVI века. Все сброшюровано и пронумеровано"... Понимаете, не "груды теплого угля и пепла" были в подвале, а масса целых, не сгоревших бумаг графского архива! Нет, я и не о книге, о тех или иных в ней неточностях, а о том, что Роде и Кульженко успели все сокровища, вывезенные в "Вильденгоф", куда-то упрятать, отправить в другое место, или...— Овсянов выдерживает паузу: — Или если не все сокровища, то хотя бы часть их? И эта часть, а может, и все сокровища оказались в наших руках, но...

— Но как же так?

—...Но не вернулись вновь в музеи и государственные хранилища, а пополнили чьи-то частные коллекции? Пример? Пожалуйста. Пермский музей приобрел у одного гражданина картину итальянской школы. А эта картина, оказывается, из собраний киевских музеев, вывезенных, как и другие картины, Полиной Аркадьевной в Кенигсберг! Есть сведения, что и некоторые другие картины, которые якобы сгорели в замке "Вильденгоф", тоже "вынырнули" из небытия, из огня и пламени, и оказались в частных коллекциях. Как все это понять?

Да, многое знала Полина Аркадьевна, "одна очень образованная русская дама, историк-искусствовед", которую хорошо помнила, даже спустя тридцать лет, последняя владелица замка "Вильденгоф", уехавшая из него, когда он был еще совершенно цел, графиня фон Шверин. Да-да, это именно она, госпожа Кульженко, выполняя поручение самого Эриха Коха, привезла в замок обширное собрание киевских сокровищ, уложенных в 85 ящиков, 57 папок, и огромный, тяжеленный, укутанный в брезент рулон гравюр.

Сколько тайн, событий, странно, фантастически связанных друг с другом, с сокрытием или поиском невероятного количества сокровищ и Янтарной комнаты. Графы, бароны, доктора всевозможных наук, "госпожа Кульженко" и некий "Отто" или "Георг Рингель", таинственные фигуры, то и дело мелькающие там, где речь идет о картинах, драгоценностях, янтаре, полумифические фигуры, так волновавшие воображение мирного садовода из местечка Штелле (округ Гамбург).

"Пожар был. Все сгорело дотла. Иконы. Картины,— утверждала Полина Аркадьевна в суде.— Больше ничего не знаю. Больше ничего не скажу". Но пожара не было,

а все исчезло, как исчезли неоценимые в стоимостном выражении коллекции минералов и янтаря, о которых мы уже упоминали ранее, известное как "университетское собрание янтаря в Восточно-Прусском геологическом музее", размещенные в двух зданиях на Ланге Райе, 4. 0, это "Бернштайнзаммлунг" — 120 тысяч кусков янтаря с вкраплениями в золотистую окаменелую смолу инородных, замечательных крупинок древней природы нашей планеты: мелкими и крупными муравьишками, букашками, пестрыми мотыльками и стрекозами, в крылышках которых можно было пересчитать все жилки, доисторические козявки и паучки, которым 40 миллионов лет! Там был огромный, в несколько килограммов, янтарь и янтарь с кулак, прозрачный, что мед, из которого глядела своими любопытными глазами ящерка, попавшая в эту смолу так давно, глядевшая в наш мир оттуда, из такой невероятной временной дали! И листочки, травинки, цветы, грубый клочок дикой шерсти (может, саблезубый тигр, покряхтывая и скаля от удовольствия свои клыки-сабли, чесался о смолистый ствол дерева?), перышки каких-то птиц, голоса которых никогда не слышал современный человек, семена древних растений, которые, если бы их выплавить из янтаря, можно было посадить, и вдруг бы выросли фантастические древние травы, расцвели бы необыкновенные цветы? Десятки тысяч людей, побывавших в музее на улице Ланге Райе, с восхищением и трепетом заглядывали в прошлое нашей матери-Земли, всматривались в глаза янтарной ящерицы, будто пытались что-то понять, узнать нечто сокрытое в тысячелетиях... Но где теперь все это? Куда исчезло такое не сравнимое ни с чем богатство? Все исчезло! Крупнейшая в Европе коллекция минералов, самое крупное в мире собрание редкостного янтаря! Все погибло? Сгорело, как в замке "Вильденгоф"? Покоится на дне Балтики, и никто, никогда, нигде об этом не сообщил? Взять ту же Янтарную комнату: десятки людей хоть что-то, но сообщали и писали о ней, ее путь прослеживался вплоть до 5 апреля, а потом все как обрезало?

И тут как бы из небытия неких авантюр, легенд, фантазмагорий каких-то возникает еще одна уже знакомая нам фигура. Человек, который отлично знал Альфреда Роде, да и как не знать, если был его ближайшим помощником, сотрудником Восточно-прусского управления парков и музеев. Это — доктор Герхард Штраус. Удивительно, но как утверждал Арсений Владимирович Максимов, в его, Штрауса, лице в истории Янтарной комнаты вдруг появляется еще одна личность, страшная, величественная, этакое земное божество: сам "великий вождь народов" Иосиф Вис-

сарионович Сталин! Да-да, и такое было. В 1949 году в Берлине побывала группа ленинградских ученых, историков и искусствоведов, занимающихся поисками украденных в нашей стране культурных и исторических сокровищ. Они-то и "вычислили" доктора Штрауса, в ту пору сотрудника Министерства народного образования ГДР. В разговоре с ними немецкий ученый сказал, что он совершенно точно знает места в Кенигсберге, где спрятаны российские ценности, Янтарная комната и другие сокровища.

Такое сообщение! Человек знает, где надо искать. Но Калининград уже был так "запломбирован", что и Министерство культуры СССР не могло привезти в эту запретную, закрытую для всего мира область немца, хоть и был он не из Западной, а "нашей", Восточной Германии. Наверно, лишь один вождь мог дать разрешение на поездку Штрауса в Кенигсберг.

И ученые решились. Отважились! Написали Сталину. И тот, когда в его руки попало это послание, попыхивая душистым табачком "Герцеговина флор", резко начертал на бумаге резолюцию: "ДОСТАВИТЬ ДОКТОРА ШТРАУСА В КЕНИГСБЕРГ", поразмышлял немного, поковырял спичкой в трубке и приписал: "А ЯНТАРНУЮ КОМНАТУ — ПО НАЗНАЧЕНИЮ". Знал ли об этом Штраус? Знал не знал, но вскоре его доставили в Калининград. Взволнованный председатель Государственной комиссии по поиску Янтарной комнаты В. Д. Кролевский созывает своих сотрудников, а в ту пору в комиссию входили сам Кролевский, Кучумов, начальник областного отдела МПВО Якубович, генерал-майор Демин, полковник Федотов и бытописатель, внимательный и точный регистратор тех событий архитектор города А. В. Максимов.

Такое событие! Янтарная комната, которая наконец-то, как уже всем казалось, будет всенепременно найдена и "доставлена по назначению". Этот немецкий ученый, который всего несколько лет назад ходил на работу не в министерство народного образования, находящееся в Берлине, а в Кенигсбергский замок, где располагалось ведомство, в котором он трудился... Конечно же он знает все! Может, он и сам участвовал в эвакуации или захоронении тех или иных сокровищ? Вот он ткнет пальчиком: "Копайте здесь" — и порядок! И докладная дорогому и любимому Иосифу Виссарионовичу, что, мол, вот так-то и так... Ящики только надо быстренько готовить, много ящиков, чтобы Янтарная комната и прочие обнаруженные сокровища отправились туда, куда было указано вождем.

И что же? Целый месяц, как сообщает в своих записках Максимов, Штраус "мутил воду". Что ни день, то предлагал новые версии, указывал новые места, где надо искать, но — увы — ничего не обнаруживалось. Либо говорил: "Вот тут было, тут, но ведь вы тут все взорвали! Теперь здесь надо годы копать, чтобы разгрести все эти завалы!" Нервничал и людей нервировал. Когда Арсений Владимирович спросил у него: "А не могла ли Янтарная комната быть спрятанной во дворе замка?" — Штраус как-то очень зло ответил: "Ищите, если хотите! Но это напрасный труд. Вы без конца будете выкапывать остатки прежних фундаментов замка". Но так ли это? Максимов сообщает, что, когда Штраус уехал, он, использовав пожарников, вскрыл брусчатку во дворе замка, обратив внимание, что камни в том месте, где они рыли, были уложены неровно, будто кто-то заделывал тут прокоп, причем торопливо. На метровой глубине он вдруг обнаружил... кожаную, современного покроя, немецкую офицерскую перчатку! Значит, тут что-то прятали? И не так уж и давно — кожа-то еще совершенно крепкая, — может, в самые последние месяцы или дни войны? Надо тут искать! Но так случилось — пожарникам надо было где-то тушить пожар, их отозвали, а новые раскопки организовать не удалось.

Жаль, не правда ли? Может, именно там и находится тот "янтарный бункер", до которого не докопались — предгорисполкома Хорьков порвал "Свидетельство на проведение поисковых работ", о котором нам сообщил Н. А. Кор(...)ов. Будто чья-то могучая воля, некая стоящая выше человеческого сознания сила охраняет сокровища: на профессора Брюсова будто затмение нашло, не отметил на карте города то место, где был бункер с сокровищами, который ему показал Альфред Роде. Тут пожарных срочно вернули с раскопок, а солдат, которых обещали, не дали; там надо было копать на большую глубину, а ковыряли землю слабосильным коммунальщицким канавокопателем. И что-то вдруг случилось с ученым, который так много знал, который столько обещал! Да, в Калининграде много изменилось, но так ли уж все изменилось? Центр-то города остался почти таким, каким и был, с еще многочисленными засыпанными битым кирпичом пустырями и развалинами, как и в марте-апреле сорок пятого!

Что-то странное происходило с доктором Штраусом. Как тогда показалось Арсению Владимировичу, Герхард Штраус не столько хотел что-то показать, сколько убедиться в чем-то очень важном, может быть, в том, что те заветные места, о которых он "все-все знает", русскими не тронуты. И вот странность: его все время тянуло в район

медицинских клиник университета, многие из которых — массивные красные здания — сохранились. В задумчивости бродил он по Друммерштрассе, Коперникштрассе, по улице Вагнера, разглядывал руины новой Росгартенской кирхи и вновь выходил на Ланге Райе, где как бы оживлялся, все чаще и чаще останавливался, напряженно вглядывался в сохранившиеся дома, заглядывал в подворотни и дворики. Вот тут находилась знаменитая коллекция янтаря. Но вот, кажется, Штраус на что-то решился: на перекрестке двух узеньких улочек (Ланге Райе и Вагнерштрассе, видимо.— Ю. И.) показал перстом на хорошо сохранившуюся коробку с бетонными перекрытиями и сказал: "Вот в этом доме был Геологический музей". "Я в свою очередь отлично знал, где были все музеи и другие общественные здания города у немцев,— вспоминает о том дне Арсений Владимирович Максимов в своих записках.— А также знал, что угловой разрушенный дом-сосед и был "Янтарный музей" самого Роде; о чем почему-то Штраус промолчал. Я спросил: "А этот дом на углу был Янтарный музей?" Штрауса от этого моего вопроса даже передернуло как-то, он сразу не нашел что сказать, а потом как бы засмеялся и ответил: "Нет". Как — "нет"? А я в свою очередь настойчиво повторил, что именно этот дом и был Янтарным музеем. Штраус злобно, с раздражением обернулся к Кролевскому и сказал: "Кто лучше знает Кенигсберг, я или ваш русский архитектор?" Вечером, когда все члены комиссии собрались у Кролевского, я представил два плана города немецкого издания, где ясно и наглядно были показаны все городские общественные и административные здания под своими названиями. В том числе и Янтарный и Геологический музеи". Значит, Штраус соврал? Доктор, ученый, человек с именем? Значит, так надо было? Но кому это надо было?

Вскоре Штраус уехал. Ответственное поручение вождя выполнено не было. Некоторое время комиссия, и в особенности ее председатель, пребывали в смятении: ведь Янтарная комната не была доставлена "по назначению". Но, к счастью, в Кремле об этом не вспомнили, у вождя было много других забот: поднималась новая волна ожесточенной борьбы с "вредителями", "шпионами", "диверсантами", а лагеря были переполнены "русскими иностранцами" — солдатами и офицерами, воевавшими в бельгийских, французских, итальянских и норвежских отрядах Сопротивления. До Янтарной ли тут комнаты?

— "Здесь уместно напомнить, что двор Геологического и Янтарного музеев хотя и был расположен среди города, но полностью изолирован от постороннего взгляда,— читает

Овсянов "Версию" Максимова.— Так что во дворе можно было легко и скрытно работать. И еще одна особенность двора: она заключается в том, что тут находился гестаповский гараж, был глубокий подвал, в который по пандусам въезжали грузовые машины".— Закрывает папку.— Тут можно было свободно вести земляные работы, вывозя землю на грузовиках. Кстати, перед тем как покинуть Кенигсберг, гестаповцы загнали в гараж несколько грузовиков, груженных бочками с бензином, и подожгли. Может, тоже для маскировки каких-то ведущихся там тайных земляных, с подкопом под гараж и музеи, работ?

— Где же ты, Янтарная ящерка? — говорю я, глядя на Елену Евгеньевну. Та улыбается, пожимает плечами, потом будто что-то хочет сказать, но сдерживает себя.— Однако нам пора ехать. Может, в тайнике в Тарау если уж не Янтарная комната, то коллекции янтаря с Ланге Райе, 4?

— "В муках, в тоске, средь тревог и утрат Сила любви возрастет во сто крат,— глядя в окно, декламирует Василий Митрофанович.— Выдержав натиск несметных ветров, Крепнет деревьев зеленый покров". Интересно, а где она похоронена, Анке из Тарау? В Тарау? И, знаете, я слышал, будто бы ей где-то был памятник поставлен. Ей и Симону Даху, но где?

— Памятник был поставлен в Клайпеде. Разрушен как "не представляющий художественной и исторической ценности" сразу после войны. Друзья, едем. Что-то обнаружится в тайнике?

... До Владимирово, бывшего Тарау, по бывшему Фридландскому тракту всего полчаса езды. Миновав линию внешнего оборонительного обвода Кенигсберга с его огромными фортами, плотно, навеки вросшими в поля и перелески, сворачиваем на проселочную, ухабистую дорогу и вскоре видим зеленый, с вековыми деревьями холм, на котором возвышается красная башня кирхи Тарау. Пытаюсь представить себе, как триста с лишним лет назад пылила по этой дороге к тракту, чтобы дальше следовать в Кенигсберг, на встречу с поэтом, юная деревенская красавица. Известно, что Аннушка из Тарау несколько раз навещала Симона Даха в его древнем Кнайпхофе.

Песню, сразу сделавшую поэта и саму Аннушку знаменитыми, в Германии поют и сегодня на всех свадьбах.

"...Крепнет деревьев зеленый покров. Так и любовь, закаленная злом, Нас неразрывным связует узлом".

Но вот мы и приехали. Справа от кирхи виднеются палатки, и возле них молодые, среднего и пожилого возраста

люди: жажда приключений, поиска объединяет всех. Машины, бульдозер, буровая установка. Милиция в легкой летней форме, с желтыми символами поисковой экспедиции на рубашках, рижане и милицию свою привезли — как оказалось впоследствии, не напрасно. Напротив кирхи, на другом холме виднеется группка руководителей поисковой экспедиции, среди которых я вижу энергичного Виктора Александровича Парамонова, начальника всей этой шумной компании, и Володю Шулакова, сотрудника рижской газеты "Советская молодежь", представителей рижских промышленных организаций — спонсоров поиска. Шум, рык двигателей, голос, усиленный мегафоном: "Прошу всех посторонних не подходить к месту работ!", лай собак, мальчишеский крик: "Нашли! Нашли чегой-то!"

— Неожиданно натолкнулись на захоронение, — говорит Володя, когда мы поднимаемся на холм. — Никаких примет захоронения не было. Вернее, были разрытые могилы. Тут ведь уже все вычищено местными... а сейчас, прежде чем начнем вскрывать тайник, краткая информация о находках. Виктор, пожалуйста.

— Находок довольно много, и весьма интересных, — несколько возбужденно говорит Парамонов, крепкий, спортивного вида мужчина, майор милиции, между прочим. Потирает руки, прохаживается взад-вперед, то и дело бросая взгляды на кирху. — На чердаке одного из соседних с кирхой домов найдены письма к некоему Роде, присланные из Гамбурга, из города, где жили Альфред и Эльза Роде, знакомцы наши... Перевели? Да, перевели. И выяснили, что тарауские Роде были горными мастерами, понимаете?

— Если это и не родственники "нашего" Роде, то ведь именно они могли пригодиться ему при строительстве тут, под кирхой, бункера! — добавляет Володя Шулаков. — Разве это не логично? Далее: все более подозрительной и интересной становится фигура Пауля Болдта, кантора кирхи Тарау. Во-первых, найдена его сберегательная книжка с весьма внушительной суммой в марках, которая поступила на его счет в самом конце сорок четвертого года. Что это? Откуда такие деньги? Может быть, за какие-то очень важные услуги, за выполнение важного задания? Известно, например, что, когда из деревни выселили буквально всех, лишь только несколько человек были оставлены: кантор, староста и еще одно, пока неизвестное нам лицо. Какие услуги он оказал и кому? Представил, может быть, имевшиеся у него планы кирхи? И, далее, появляются подтверждения тому, что этот Пауль Болдт был связан родственными нитями с фамилией Роде. И вот еще один важный, наводящий на

некоторые думы штришок: в справочнике 1942 года по Кенигсбергу, в разделе "Церковные объединения", мы обнаруживаем... доктора Альфреда Роде как председателя городского объединения религиозной организации "Густав Адольф Штифтунг: Организация умиротворения". И это не все. Появились и другие невероятно интересные штришки, о которых я сообщу чуть позже, так как для этого надо кое на что взглянуть.

— Хорошо, Володя. Хочу напомнить вам вот о чем: если где-то в соборе хоть кирпич порушили, все восстановить как было, это во-первых; во-вторых, если натолкнулись на останки человеческие, чтобы нигде ни косточки не валялось, а сразу в ящик, с глаз долой, а то...

— Да местные уже раз пятьдесят все кладбище переворачивали! Это же их самое любимое дело, развлечение, приключение, работа: "Для дома, для семьи". Как вечер, так роют, то в одном, то в другом месте. Вот что они нам подбросили,— Володя достает из кармана конверт, вынимает листок бумаги. Читает: — "Если вы не уберетесь, мы вас всех тут закопаем. Это кладбище НАШЕ! Не мешайте нам жить!" — Убирает листок, показывает в сторону дежурных милиционеров: — Видите, один с бинтом на голове? Вчера ночью они тут дежурят, у палаток со снаряжением, сидят у костра, и вдруг — из темноты пятеро в черных масках, чулки женские на лицах, наскакивают. И один с саблей! Хорошо, все трое наших ребят — самбисты, один мастер спорта. Покидали нападавших, саблю отняли, сегодня в милицию сдали. А позавчера? Глубокой ночью слышится вдруг странный звук из кирхи. Плач детский! Луна. Черные тени. Волосы дыбом встанут от такого плача ночного! Пошли туда. Да, плач. Но откуда? Из шахты, которую мы ведем к бункеру, глубиной шесть метров. И свет там горит! Заглянули, а на дне шахты мужчина и женщина. Мужчина роет землю лопатой, женщина ребенка лет двух на руках держит...

— Взрывпредметы не попадаютсся? — спрашивает полковник.— Если обнаружится что-либо, хоть у вас и есть саперы, но не трогать ни в коем случае. Пускай этим занимаются штатные минеры, хорошо?

— Хорошо. А теперь пойдемте, кое-что покажу.

Мы спускаемся с холма, но идем почему-то не к кирхе, а мимо нее, к небольшой столовой, что расположена у подножья холма. Солнце. Жара. Пыль. Сонные, грязные куры в траве. Щенок с обрывком веревки на тоненькой шее. Володя Шулаков — он что, обедать нас ведет, вскрытие тайника откладывается? Володя подводит нас к столовой и останавливается на огромной плите, уложенной вместо

ступеньки. Берет какой-то драный веник, сметает с плиты пыль, говорит:

— Это могильная плита. Неплохая ступенька, не правда ли? Но смотрите, кто когда-то лежал под этой плитой. "Карл фон Грамацки ауф Тапиау, 1779 — 1842, унд Сюзанна фон Грамацки-Фроссарт". "Грамацки" вам, изучавшему дело Альфреда Роде, ничего не говорит? Его фамилия? А вот еще одна плита. Под ней покоем прах еще одного Грамацки, умершего в 1911 году, и "нетленный дух", как тут сказано, его очаровательной супруги Анны Кордулы Магдалены фон Борк.

— Минутку, что-то мне вспоминается. А, книга Альфреда Роде "Художники и лошади"!

— Более точный перевод: "Художники видят лошадей". Книга была издана в Кенигсберге в 1932 году и переиздана, когда уже вся Европа была в пожарищах войны. Так вот, та книга была написана Альфредом Роде в соавторстве с неким Ф. Грамацки. Что это? Еще одно совпадение? Или тот, последний из Грамацки, соавтор Роде, жил тут, и он, может быть, сказал ему, мол: "Мой друг, а почему бы тебе не взглянуть на кирху Тарау? Она стоит на горе. Грунт песчаный, рой сколько хочешь, на любую глубину..." Однако, время. Идемте. Взглянем на еще одну интересную нашу находку, а потом начнем вскрывать тайник.

Мы поднимаемся к кирхе, Володя входит в палатку и спустя некоторое время возвращается с матово сияющим щитом, на котором изображены стрела, крест и... куриная лапа. Это что за геральдика? Что означает?

— Обнаружили на глубине 4 метра. Это щит того рыцаря, что стоит в кирхе. Рыцаря "Печального образа". "СТРЕЛЫ, КРЕСТА И КУРИНОЙ ЛАПЫ"! Вы, когда были тут, как-то не обратили на него внимания, а он такой замечательный. Мы его почистили слегка, и рыцарь стоит, ну, будто живой!

— Да? Пойдемте взглянем, да давайте вскрывать тайник. Сил уже нет ждать! Рыцарь? Тот, что в стене?..

В узкие проемы окон врываются лучи солнца. Заброшенность, пустота. Где-то вверху, среди порушенных, выпиленных на дрова местными жителями балок, воркуют голуби. Вот, громко хлопнув крыльями, срываются и вылетают из кирхи. С одной из стен на нас печально и внимательно смотрит огромный закованный в доспехи рыцарь. Странный какой-то! Чуть наклоненная голова с хорошей, будто только что из парикмахерской, прической, пышные усы, курчавая бородка. В левой, прижатой к панцирю руке — кольцо, правая держит меч, но ни в этом мече, ни в руке, держащей его, нет никакой воинственности, угрозы. Так вольно

и непринужденно можно держать и трость, и зонтик. Шлем с пышными перьями стоит возле правой ноги, возле левой брошенная на пол рыцарская перчатка. Рыцарь изображен на массивной плите высотой метра в три. А по краю плиты надписи по-латыни, несколько стерты. 1509-й, нет, кажется 1609-й год; год, когда упокоился этот рыцарь. Милая Аннушка из Тарау его тут видела, а он вот так же печально глядел на нее. Может, Анна, когда приводила сюда поэта Симона Даха, говорила: "Глядите, какой странный, какой печальный рыцарь. Что за кольцо он держит в левой руке? Почему эта перчатка брошена на пол? Он ее бросил кому-то, ему ли ее бросили?"

Володя трогает меня за локоть. Мы выходим из полусумрака на яркое солнце. Синее небо. Белые, пухлые облака. Ярко-зеленые купы древних деревьев. Группка поисковиков с зубилами и кувалдами. Желтые каски. Желтые эмблемы на зеленых куртках. Все ждут сигнала. Парамонов кивает: давай, ребята.

Отходим чуть в сторону. Глухие удары. Хорошую кладку делали старые мастера! Такая выдержит века, такое здание не рухнет даже в самое сильное землетрясение. Кто составлял такие неподдающиеся острому зубилу растворы? Или все проще: никто из этого раствора ни грамма состава не брал себе?..

Из стены вылезает один кирпич, второй, третий. Отверстие расширяется, но толщина стены тайника очень большая. Проходит полчаса, час. И вот слышится голос:

— Стена пробита! Дайте фонарь!

— Расширьте еще,— говорит Парамонов. Он уже держит в руке фонарь.

Штабель вынутых из стены кирпичей быстро растет.

Еще несколько ударов. Отверстие становится шире. Тайник чем-то наполнен, что-то непонятное, странное виднеется. Еще удар, еще. И вдруг из пролома с сухим, странным стуком, как желтые шары, выкатываются... черепа. Они сыпятся и сыпятся. Видно, весь тайник до самого верха заполнен ими!

Аннушка из Тарау. "Если уйдешь ты однажды туда, Где даже солнца не ждут никогда, Я сквозь беду побреду за тобой..." Куда ушла она? * Дождалась ли своего возлюбленного, или тот сложил белокурую голову в каком-либо побоище между католиками и протестантами? Где ее могила? Плита с ее именем? Кто об ее надгробную плиту вытирает ноги, как вытирают ноги о ступеньку-плиту Карла фон Грамацки из Тапиау и его жены фон Грамацки,

* Анхен (Энхен) фон Тарау, девичья фамилия — Неандер (1615—1689). Похоронена в местечке Лаукишен (Саранское), могила не сохранилась.

урожденной Фроссарт, перед убогой столовкой? Кто развеет наш прах по ветру, перелопатит могилу в поисках золотых коронок и вытрет ноги о нашу надгробную плиту?

"Если уйдешь ты однажды туда..." Что это было — тайник, полный черепов и костей? Откуда все это? Какая скрывается тут тайна? Криминалисты определили: возраст этих печальных останков человеческих — несколько столетий. Почему — ни клочка одежды? Ни перстенька, хоть оловянного, ни цепочки или крестика? Может быть, это останки тех, кто был похоронен в подвалах кирхи? При рытье бункера нужно было куда-то убирать песок. Им-то и заполнили объемистые, вместительные подвалы. Захоронения уничтожали, останки замуровывали в тайник?

Так все печально. Жизнь. Смерть. Могильная плита вместо ступеньки. Яичная скорлупа на женском имени, осколки от бутылки "Жигулевского" — на мужском. "...Я сквозь беду побреду за тобой. Сквозь лед, сквозь железо, сквозь смертный бой: Иль ты мне жизни самой не родней, Анке из Тарау — свет моих дней?"

Поэзия. Проза. Бой судовых часов. Мои глупые, добрые собачонки уже мирно спят на диване, накрытые пледом, который весь в дырах, будто очередью из автоматической пушки прострелен, этот противный пес грызет все, что на зуб ни попадет. Ступенька скрипнула. Черный рыцарь, которым когда-то пугали маленького Вальтера Мюллера, начинает свой ночной обход. Поэзия. Маленькие и большие тайны... Эти черепа, в которых когда-то билась живая, добрая или злая мысль... Проза. Прошрое и настоящее... Судьбы человеческие; люди, которые были и которые есть, о которых мы еще помним, образы которых нет-нет да и всплывают в памяти... "Если уйдешь ты однажды туда..." "Куда именно ушла моя кенигсбергская подружка, Лотта, которой так была нужна справка о том, что она действительно работала в музее истории Пруссии в Кенигсбергском замке? Ей так был нужен господин Фосс, который бы сделал такую справку. Фосса мы так и не нашли, но обнаружили чистые бланки, а на других бланках были подписи господина Фосса, и в конце концов она сама написала на бланке, что ей было нужно, а я так красиво и точно расписался за господина Фосса, что сам великий Мегре не обнаружил бы подделки. Как-то сложилась судьба моей кенигсбергской подружки, что с ней, пригодилась ли справка, подписанная мной вместо господина Фосса? А тот декабрьский день, когда я волок ее, потерявшую сознание от голода, в каких кошмарных

снах он ей грезится? Так все странно. Какие и как мы выбираем дороги в жизни? Кто начертал мне мой извилистый путь из Ленинграда, с Петроградской стороны, с улицы Гребенцкой — вот в этот город, на немецкую "штрассе", к заснеженному особняку, возле которого рухнула Лотта?..

Звонок телефонный. Кто бы это еще?

— Елена Евгеньевна говорит,— слышу я.— Простите, что так поздно, но если сегодня не позвоню, завтра закручусь, забуду. Так вот: "Янтарную ящерицу" мог видеть и профессор Брюсов, а может, он ее и в руках держал. Да-да, и букашек, жучков, паучков, тех самых, в янтаре, с Ланге Райне, 4... Откуда я это знаю? Я вам потом все объясню, если в моих руках окажется один очень-очень важный документ, акт, в котором говорится о... Вот пока и все, что я хотела сказать, спокойной ночи.

Спокойной ночи — но как это понять: Брюсов мог держать в руках янтарь с ящерицей? Значит, что-то было найдено. Но почему об этом ничего не известно? Кстати, а что о музее янтара сказано самим Герхардом Штраусом? Когда я был в городе Пушкине, первый смотритель Янтарной комнаты Анатолий Михайлович Кучумов передал в дар нашему фонду культуры "Специальное сообщение" доктора Герхарда Штрауса об исторических зданиях и местах Кенигсберга и области, кирхах, соборах, замках, весьма обширное, двадцать страниц текста, с великолепными рисунками-схемами, составленное доктором, как он пишет, "по воспоминаниям", 15 декабря 1949 года. Так что тут? "Геологический и Янтарный музеи (смотрите схему). Здесь жил поэт Айхендорф"... Все по памяти, но как все точно, текст, схемы! Двадцать одна точная схема, кроме одной, той, где цифрой "8" помечен "Геологический институт (?) и Янтарный музей"...

Второй главный свидетель. Черный портфель

“... Вернемся теперь к главным свидетелям по “делу о Янтарной комнате”. Абсолютно все ясно с Альфредом Роде. Он все знал. И он унес тайну в могилу. Говорят, что и могила его исчезла, хотя имеет ли это значение? Остается еще два важнейших, главных свидетеля: Эрих Кох, который абсолютно все знает, и Отто Рингель, фигура, думаю все же, законспирированная, как это было принято в СС для людей, выполняющих особое задание. О Рингеле мы поговорим позже, а сейчас — об Эрихе Кохе. Польский журналист Юзеф Снечинский пишет: “Много-много лет спустя в польской тюрьме Кох вспомнит: “Как сегодня помню день, когда доктор Роде пригласил меня на торжественное открытие “Янтарной комнаты”. Мы очутились в каком-то сказочном мире. Стены зала до потолка были покрыты резным янтарем. Сверкали тысячами искр зеркала в хрустальных рамах, оправленных в янтарь. В янтарные панели вмонтированы были картины старых мастеров. Резьба по янтарю была настолько миниатюрна, что приходилось рассматривать ее в увеличительное стекло...” Какая память! Это я к тому, что потом он совершенно “забыл”, куда она подевалась! И далее, пишет Снечинский, основываясь на сведениях, полученных от Эриха Коха: “До осени 1944 года “Янтарная комната” находилась в резиденции самого Коха, хотя Розенберг жаловался на это Гитлеру. Но тот, учитывая заслуги партайгеноссе с нацистским членским билетом за номером 90, распорядился оставить “комнату” в ведении Коха...”

Как все это понять? С какого времени Янтарная комната находилась в резиденции Коха? Ведь ее же надо было размонтировать, чтобы вывезти из замка?! А может быть, в "резиденции" Коха находилась часть Янтарной комнаты? Ведь Роде сообщал, что помещение в замке было слишком маленьким, чтобы там можно было смонтировать всю комнату. И потом, что подразумевается под словом "резиденция"? Какое здание, замок? Из "главных свидетелей" жив лишь сам Кох. Если бы он заговорил! Если бы можно было с ним увидеться!

Ваш Г. Штайн".

"Уважаемый господин Юрий Иванов! Благодарим за соболезнование. Да, я, сын Георга Штайна, Гебхардт, много помогал отцу в его трудной и, надо сказать, небезопасной работе... Готов предоставить вам необходимую имеющуюся у меня информацию. Только дайте мне некоторое время, чтобы все осмыслить, обдумать, в том числе и смерть нашего отца. Много потрясений перенесла наша семья за короткий срок. Одолевают кредиторы, грозятся судом, а мы не в состоянии выплатить оставшиеся после отца долги...

Ваш Гебхардт (Боди) Штайн".

Из архива Г. Штайна.

"КОХ ЭРИХ — обергруппенфюрер СС, облеченный особым доверием Гитлера; на протяжении многих лет гауляйтер Восточной Пруссии; в 1941 году был назначен Гитлером рейхскомиссаром Украины, где проявил чудовищную жестокость; по его приказу на территории Польши были убиты сотни тысяч людей; после краха "третьего рейха" скрывался возле Гамбурга... В конце 1958 — начале 1959 года в Польше состоялся судебный процесс, Кох был приговорен к повешению".

Нюрнбергский процесс. Т. 7.

...Неизвестно, попытался ли Георг Штайн или кто-либо из редакции газеты "Ди Цайт" увидеться с Эрихом Кохом, крупнейшим в нацистском рейхе специалистом по расхищению наших отечественных сокровищ, активным деятелем "Операции Линц", но думаю, такая попытка была бы совершенно бесполезной. Даже крупные польские журналисты не смогли увидеть Коха в тюрьме, в начале Мокотовской, находящейся в Варшаве, а потом — в тюрьме небольшого городка

Барчево, под Ольштыном, куда Кох был препровожден из Варшавы 3 марта 1965 года. После судебного процесса, длившегося почти восемьдесят дней, и вынесения 9 марта 1959 года смертного приговора за спиной Эриха Коха с лязгом и грохотом захлопнулась железная дверь. И теперь уже с ним никто, кроме тюремщиков, врача и судебных исполнителей, не поговорит. Пробыв в этих двух тюрьмах 37 лет, перешагнув свои девяносто (!) лет, Эрих Кох умер, так и не дождавшись момента, когда палач затянет на его жилистой шее намазанную вонючим хозяйственным мылом веревку.

...Серый сумрак сочился в зарешеченное, под самым потолком, натянутое проволокой, чтобы на подоконник не садились птицы, окно. "Заключенный Кох, поднимайтесь!" — застучал в железную дверь тюремщик. Странно. Пора завтракать. Заключенный, помогающий тюремщику, стоял с черпаком в руке: обычно Кох уже высовывал из железного окошечка, что открывал тюремщик, свою тщательно вымытую миску. "Завтрак, Кох! — крикнул тюремщик, заглядывая в камеру. — Эй, папаша, в чем дело?"

Через десять минут запыхавшийся от бега начальник тюрьмы уже стоял над трупом "коричневого князя". Срочно был вызван тюремный врач, но и без него все было ясно: конец наступил еще ночью. Глаза закрыты. Лежит на спине. Руки скрещены на груди, видно, знал, что сегодня "кончится". "Кончился, кончился... — с облегчением думал начальник тюрьмы, отправляясь в свой кабинет, этот подлый фашист доставлял столько забот. — Кончился, слава тебе, Матка Боска Ченстоховска!.."

Кончился! Не дождался выполнения приговора суда, хотя ждал каждый день, каждый час, ведь Кох не знал — на сколько дней, недель, месяцев эта отсрочка. Умер, унося с собой в ад столько тайн! В том числе — и Янтарной комнаты. Да, многие журналисты, писатели хотели поговорить с ним, вызвать на откровенность или хотя бы просто увидеть Коха, но смогли это сделать лишь одиночки. Среди них был и я. Среди нескольких вопросов, которые я задал Коху, был вопрос и о Янтарной комнате, но об этом чуть ниже, а сейчас — немного о нем самом. Кто все же он такой? Как появился в Восточной Пруссии и стал тут гауляйтером, одним из высших представителей фашистской партии в "третьем рейхе"? Это во-первых, а во-вторых: сокровища, которые стекались в Кенигсберг,

которые он тянул отовсюду в Восточную Пруссию. Где они? Что он обо всем этом знает?

— Бандик, подвинься, мне нужна вон та папка с документами. Ну что ты ворчишь, господи, лапу я тебе отдал, что ли?..

Вот он, "железный вождь Пруссии", среди своих единомышленников, заместителей, помощников, районных и городских "вождей" восточной провинции Германии. Все в коричневом. В нарукавных, со свастикой, повязках. Пять десятков лиц, уставившихся в объектив; лиц холодных, самоуверенных, полных своего районного, городского и "всепрусского" величия. Вскинутые вверх подбородки, сощуренные глаза, скрещенные чуть ниже живота, как у нагого купальщика, выходящего из воды, руки в кожаных черных перчатках, высокие туфли фуражек с орлами. Кох — в центре. Массивная голова с массивным подбородком, фуражка в руке, напряженная, как у борца перед схваткой, кряжистая, полная силы фигура: боец! Фотография сделана за день до начала войны. С тыльной стороны Кенигсбергского "плаца имени Эриха Коха". Сейчас все они и группа генералов и старших офицеров рейхсвера через вход в центральной башне плаца выйдут на трибуны, и десятитысячная солдатская масса застынет на мгновение, а потом взревет: "Зиг хайль! Зиг хайль!! Зиг хайль!!!" И от этого крика будто шевельнется огромный бронзовый орел, венчающий башню. Кох подойдет к микрофону и, помедлив немного, произнесет: "Восточная Пруссия, смирно! Флаги и знамена — поднять!" Загрохочут боевые барабаны. Вскидывая ноги в надраенных до блеска сапогах, brave парни в касках внесут на плац знамена с черными орлами.

— Родина вверила вам оружие, солдаты! И вы знаете, для чего это сделано! Оттуда, — Кох машет рукой в сторону востока, — оттуда для всей нашей великой Германии веет опасностью! Оттуда грядет война и разрушение, если мы не встанем на ее пути стальной, несокрушимой силой! Пруссаки! Поклянитесь же в непоколебимой верности и тевтонской стойкости! Знамена — склонить! Прими клятву мужества, Восточная Пруссия!

Тысячи солдат и офицеров опускаются на одно колено. Железные головы, мощные подбородки, крепко сжатые губы. Еще никто ничего не знал, но все уже догадывались — что тут происходит. На "плацу Эриха Коха" были собраны представители всех взводов, рот и батальонов, полков и дивизий — а среди них и 217-й

Восточно-Прусской народной гренадерской дивизии,— входящих в 18-ю армию "Норд". Через час эти солдаты и офицеры отправятся в свои воинские части. Завтра, в четыре утра, они перейдут границу. Гитлер отправит германские войска туда, в сторону востока, а он, Эрих Кох, единственный из всей нацистской элиты, увидит, как на рассвете 22 июня германские орудия ударят прямой наводкой по казарме советских пограничников в Вирбалисе. Как там все страшно заполыхает! И, возвратясь в Кенигсберг, Кох позвонит Гитлеру: "Мой фюрер! Началось... Наши отважные ребята уже там..."

На суде в Варшаве он именовал себя "простым рабочим" и "чернорабочим партии". Скромным чиновником, оказавшимся во власти жестокой, неуправляемой стихии, в которую превратилась его родная "рабочая" партия, оказавшаяся в руках "берлинских заправил", "жадных вождей рейха", к которым он не имеет абсолютно никакого отношения. Вот что он говорит о себе сам.

— Я родился 19 июня 1896 года в Рейнской области, тихом, зеленом городке Эльберфельд, в семье потомственного рабочего Адольфа Коха, позднее ставшего мастером, но тем не менее не улучшившего материального положения нашей семьи. Нас, детей, было четверо... Земли у нас не было, а из живности — лишь один кролик да кошка. Да-да, постоянная нужда преследовала меня чуть ли не всю жизнь, я рос среди таких же небогатых детей, подростков, я с самого детства впитал в себя дух трудолюбия, доброты и любви к своему несчастному народу. Увы, в институт я, бедный ребенок бедных родителей-пролетариев, попасть не смог. С трудом устроился в торговую школу. Окончил ее, но не стал торговцем, мне это претило, я чувствовал себя рабочим и пошел в рабочий класс — работал в типографии. И жил просто, скромно. Я протестант, был воспитан моими матерью и отцом на важнейших, главенствующих для любого человека принципах: послушание, вера и любовь. Любовь к человеку.

При этих словах во время суда бывший "пролетарий" даже слегка всплакнул, прикрыл глаза руками, помолчал. И зал напряженно молчал. Молчали судьи, молчали свидетели, вздрагивающие и бледнеющие до сих пор при одном лишь слове "Кох", молчали те, кто еще помнил, как по улицам Кенигсберга маршировали штурмовики и орали: "Хох! Хох! Хох! Если вонючая польская кровь брызжет с ножа, то дело идет хорошо!", "Хох! Эй, еврей,

катись с дороги, прочь, когда идут СА!" Эти люди уже рассказывали суду о том, как по указанию Эриха Коха громилось все польское, что было в Восточной Пруссии: школы, Польский дом в Кенигсберге, магазины, принадлежащие полякам; как был убит Северин Пенежин, издатель выходящей в пруссии польской газеты "Глос Ольштынский"; о фактически полном уничтожении польского населения Кенигсберга в период с 1933 по 1939 год. А гибель тысяч поляков в Цеханувском уезде? "Поедете на Украину, Кох. Ведь украинцы почти что те же поляки,— распорядился Гитлер, лишь только началось вторжение немецких войск на территорию СССР.— А в отношениях с поляками у вас ведь уже есть большой и полезный опыт..." — "Да, мой фюрер! — отвечивал Кох.— Я готов. Я — солдат партии!"

Утерев слезы, прокашлявшись, Кох рассказывал о своем "честном, трагическом пути, весь смысл которого заключался лишь в одном: служении Родине".

— Господа, я отлично знаю, что такое война,— рассказывал бывший гауляйтер.— Как свистит пуля, пролетающая возле твоего виска. Свист российских пуль я слышал в первую мировую войну в семнадцатом году... Там, в гнилых вонючих окопах, голодный и холодный, я понял, за что должен бороться в этой жизни: за счастье простых людей; бороться против тех, кто вверху, кто захватил власть, против тех, кто во дворцах, кто кормит своих собак с серебра, когда мои товарищи по классу пухнут с голоду.

В 1925 году меня представляют Штрассеру, одному из основателей НСДАП, годом позже — Гитлеру, два года спустя Грегор Штрассер сказал мне: "Партия направляет вас, Кох, в Восточную Пруссию. Партия дает вам ответственнойшее задание: создать там восточное крыло нашего Движения..." С 30 марками в кармане я, со своей верной женой Кларой, приехал в чужой в ту пору для нас, холодный, враждебный Кенигсберг. Я знал лишь одно. Во-первых, что я должен был выполнить задание партии. И, во-вторых, что пруссак — человек медлительный, осторожный. Его трудно воодушевить, увлечь идеей, но уж если воодушевил, увлек, он сдвинется с места и поперет вперед, как танк!

И началось: сходки, митинги, собрания. То в конюшне, то в каком-то сыром подвале, то в сарае. Я приходил на митинги, где было две трети противников нашего Движения. Как меня били! Вышвыривали из здания, но

я поднимался и вновь шел туда, где верховодили социал-демократы и коммунисты. Я поднимался на трибуну, разворачивал знамя со свастикой, которое сшила Клара из своего красного праздничного платья. Домой меня вели под руки. Дома Клара "штопала" меня, забинтовывала, прикладывала к ссадинам и бурым шишкам примочки. На другой день я вновь отправлялся туда, где шла борьба за великое будущее Германии, за третий, тысячелетний рейх...

Он был стойким, упорным, убежденным в верности нацистских идеалов оратором. Его стали слушать. Появились соратники. Он обманул пруссаков, убедив, что с "Движением" их ждет лишь одно счастье, что впереди ослепительно сияют вершины всеобщего благополучия для всего германского народа и в том числе для Восточной Пруссии. Но для этого надо уничтожить своих врагов. Тех, кто на Западе, кто за проливом Ла-Манш, тех, кто на востоке. Тех, кто внутри страны. Ведь "Движение" — это борьба, это кровь! Кровь такая же красная, как красен цвет знамен, в центре которых сияет ослепительно белое солнце с черным символом "Движения" — свастикой... Пруссаки поверили. Те, кто сомневался, исчезли с горизонта истории. Пруссаки пошли за своим гауляйтером. Пошли, громя всех "неарийцев" и всех "не нацистов". "Мой фюрер. Восточное крыло нацизма налилось неиссякаемой силой, — докладывал Кох в Берлин. — Это крыло готово к любому полету, хоть до Урала..." — "Готовьтесь, — последовало из Берлина. — Полет предстоит большой". Это было в начале 1940-го. Кох отлично знал, что имел в виду Гитлер. Позади было "кровавое крещение", поверженная, униженная и растоптанная Польша, впереди была Россия.

Он многого добился, этот крепкий, широкоплечий, с тяжелым взглядом человек. Он выполнил то, что пообещал пруссакам. Он ликвидировал безработицу, создав десятки тысяч новых рабочих мест на военных предприятиях, возникших в Восточной Пруссии, на верфях "Шихау", строивших эсминцы и подводные лодки, на подземных патронных заводах и заводах по сборке бомбардировщиков "Фокке-Вульф". Он дал тем, кто хотел работать на земле, — землю. Он дал работу десяткам тысяч пруссаков на сооружении грандиозного "рейхсавтобана номер 1" Берлин — Эльбинг — Кенигсберг. "Путь Марса", как он его именовал, — великолепной автострады, ширина лишь одной полосы которой позволяла идти четырем грузовикам сразу или трем тяжелым танкам. Это была "дорога на Восток".

Ах, как все здорово, опьяняюще красиво, внушительно получалось! Какие грандиозные организовывались "праздники труда", когда в майские дни из каждого окна, каждого дома, как огонь, выплескивалось красное полотнище! Гремел марш "Хорст Вессель". "Зиг хайль! Зиг хайль!!" — скандировала площадь, и красные флажки, как всполохи будущего грандиозного пожара, взметывались над тысячами вскинутых рук. Да, они готовы идти туда, куда укажет фюрер в лице этого человека, гауляйтера Восточной Пруссии Эриха Коха. Он раскачал пруссака. Расшевелил. Он толкнул его, и пруссак теперь пойдет, теперь его никто и ничто не остановит! И вскоре он указал, куда им всем надо идти. И они пошли. "Вы дойдете до стен Петербурга! — провожал на Зюйдбанхоф Эрих Кох пруссаков, народных гренадеров 217-й Восточно-Прусской пехотной дивизии. — Вы придете на улицы этого города, чтобы превратить гнездо большевизма в прах!"

Они дошли до стен Ленинграда. Холодным декабрьским днем, когда город уже начал ощущать на себе смертельное дыхание голодной зимы, с серого неба вдруг посыпались яркие красно-белые бумажки. Как листья с невидимого дерева, которое кто-то сильно потряс, они сыпались на крыши домов, на завязшие в сугробах трамваи и троллейбусы, на пустынные улицы, перегороженные баррикадами, на площади, с которых уже давно никто не убирал снег, на застывшую Неву, всю в черных воронках прорубей, из которых ленинградцы брали воду, так как городской водопровод уже давно не работал, на молчаливые, у хлебных магазинов, очереди, в одной из которых стоял и я.

Мороз донимал. Голодному организму катастрофически не хватало калорий, и, кажется, никакая одежда уже не грела. На мне было два свитера, мамина кофта, теплое мамино нижнее белье, отцовская, обрезанная снизу шуба и шапка, повязанная сверху бабушкиным платком, но мороз донимал, я весь дрожал, сжимался в комочек под всем этим тряпьем, дергался, топал ногами в огромных отцовских валенках, стискивал зубы, чтобы не стучали, и просил, умолял кого-то: "Скорее!.. скорее!.. скорее!.." Но очередь двигалась еле-еле, и мне казалось, что сегодня я не выстою, сяду, как сел вон тот мужчина, прислонясь спиной к заиндевевшей загаженной стене дома, и закрою глаза в сладостной, блаженной истоме...

Красно-белые листки сыпались и сыпались. Я подобрал один, второй, третий: ведь они могли гореть в нашей "буржуйке"! Я все же выстоял. Получил глинистый, сырой

кусочек хлеба и, завернув его в тряпицу, сунул за отворот пальто, кофты, на грудь, к самому сердцу, чтобы не видно было, где лежит хлеб, чтобы если даже кто-то начал шарить по моему телу, то не нащупал бы этот кусочек, таящий в себе надежду на жизнь... Потом, подождав, когда собралось еще несколько человек, идущих в "мою сторону", двинулся за ними следом и время от времени подбирал пестрые листовки. Дома, у печурки, приблизив лицо к огню, я прочитал: "Прусский солдат пришел под стены вашего города. К чему бесполезные жертвы? Прекратите ваше безумное сопротивление. Ради ваших детей. Ради вашего будущего!" — призывал Эрих Кох. Его широкое лицо с усиками, как у Гитлера, было изображено в белом кружочке на красном фоне. К тем негодям, что мучили меня, всех нас в Ленинграде — Гитлеру, Герингу и Геббельсу, я причислил теперь и Эриха Коха, человека, которого мне предстояло увидеть собственными глазами спустя три десятилетия после того декабрьского ледяного, голодного дня.

...Судовые часы отбивают склянки. Бандик похрапывает за моей спиной, порой я поднимаюсь и хожу по дому и вновь размышляю о том, как странно, сложно пересекаются человеческие судьбы. Ленинград, Германия, Восточная Пруссия, Кенигсберг, Эрих Кох, Франц Фердинанд Мюллер и его сыновья, Отто, погибший под Ленинградом, и Вальтер, который, может быть, вот так же, как и я сейчас, ходит по своей квартире, останавливается перед окном, глядит на сырые деревья, улицу, яркие рекламные афиши, "оппели" и "мерседесы", бегущие по чистой, красивой улице, но видит тихую, зеленую окраину своего родного города, дом с кованым, фигурного железа фонарем и двумя цифрами, номер, который сохранил этот дом до сих пор. Как все странно и сложно! Что у них было вот в этой большой комнате? Столовая? А в той, где мой кабинет? "Мы, дети, спали наверху, — в одном из писем сообщил мне Вальтер Мюллер, — а родители — внизу. Мама наша, Марта, поднималась к нам и говорила: "Дети, закрывайте глаза, слышите, Черный Рыцарь, основатель Кенигсберга Поппо фон Остерн *, уже ходит по дому, проверяет, все ли спят?" И мы закрывали глаза, прислушивались, да, все так, вот же скрипнула четвертая ступенька под тяжелой ногой..."

---

* Гохмейстер Тевтонского ордена, он же — граф фон Верт Вертгайнге. "Поппо Восточный" — прозвище графа.

Звонок телефона. "Алло, слушаю... Да-да, помню, обязательно приду, а кто еще будет? Да-да, я знаю этот дом, угловой, на бывшей Врангельштрассе. До встречи". Кладу трубку. Бандик, перестань чесаться. Габка, опять роешься в плеле? В особняке на бывшей Врангельштрассе в подвале, когда заменяли старый, прогоревший угольный котел на новый, под толстым слоем бетона обнаружился залитый бетоном же ящик. Сегодня его будут вскрывать. Что там? Какие вещи или бумаги спрятаны? Документы, сокровища?.. Бандик вдруг со страшным лаем срывается с кресла и несется к двери, за ним Габка. Это почтальон пришел и что-то положил в почтовый ящик, собаки, тихо, сейчас мы пойдем и возьмем почту.

Господи, да что вы так лаете? Ну-ка, что в ящике? Газеты, бандероль и несколько писем, два из ФРГ, одно из Швейцарии — от кого бы это? — и одно из Польши, от моего друга и переводчика Болеслава. Читать, собаченции, будем потом, вечером, а ну-ка, марш домой... Да, судьбы людские, дороги, которые мы выбираем. "Ведут людей дороги через моря и вброд, одних скорее к дому, других — наоборот"... В какие края увели меня пути-дороги с тихой, пустынной улицы Гребецкой! Если бы мне кто-нибудь сказал в тот день, когда, посунувшись лицом к самой буржуйке, я сжег глянцевые листки с одутловатой физиономией Эриха Коха, что окажусь в том городе, где они, эти листовки, печатались! И что пройдет не так уж и много времени, и я буду жить в немецком доме возле канала Ландграбен... Если отправиться вдоль этого канала, а потом, свернув влево по Окружной улице, бывшей Рингхауссе, пройти мимо древних стен кирхи Юдиттен, то от нее рукой подать до имения "Фридрихсберг", загородного дома Эриха Коха.

... В те дни, когда я и тысячи таких, как я, погибали в Ленинграде, Эрих Кох властвовал на Украине. Он знал, зачем туда его послал фюрер: промышленности Германии нужны были рабочие, много рабочих.

Кох, со всей его невероятной энергией, страстно и непоколебимо выполнял волю фюрера. "...Мы являемся расой господ, и мы должны управлять жестоко, но справедливо. Я извлеку все возможное из этой страны,— заявил он на одном из совещаний национал-социалистской партии в Киеве.— Я пришел сюда, чтобы помочь фюреру, и население должно работать, работать и еще раз работать..."

Насчет "справедливости", это он, конечно, подзагнул — какая может быть справедливость, если: "Мы раса господ и должны помнить, что даже самый плохой

германский рабочий в биологическом отношении и с расовой точки зрения в тысячу раз лучше, чем данное местное население...”

Этот человек был невероятно жесток, он был настолько жесток, что даже такой жестокий человек, как Альфред Розенберг, не любивший Эриха Коха, конфликтовавший с ним, тем не менее порекомендовал Коха Гитлеру на пост рейхскомиссара Москвы именно потому, что тот выделялся среди многих других руководителей рейха своей “абсолютной безжалостностью”. Вон куда от имени “Фридрихсберг” на окраине Кенигсберга лежал путь выдвиженца фюрера в самое сердце России, в Москву, в Кремль!

Ах, эти пути-дороги! Оставив на Украине разоренные города и деревни, рвы Бабьего Яра и тысячи менее известных, не оплаканных в прозе и стихах, наполненных трупами рвов, осенью сорок четвертого года Кох вновь оказывается в Кенигсберге.

Вначале как “специальный уполномоченный фюрера по использованию местных ресурсов в занятых войсками Центрального фронта районах имперского комиссариата Остлянд”, где “...все германские и местные административные власти подчинялись распоряжениям гауляйтера Коха”, а спустя всего месяц, когда весь этот “имперский комиссариат Остлянд” прекратил свое существование и Красная Армия, прорвав мощные оборонительные линии, ворвалась на территорию Восточной провинции Германии, назначается фюрером “рейхскомиссаром обороны Пруссии”.

Как он “оборонял” прибалтийский край, рассказывает в своих воспоминаниях уже хорошо нам знакомый бывший командир 217-й Восточно-Прусской дивизии, “герой Шлис-сельбурга”, побывавший во Львовском котле, вырвавшийся оттуда чудом, а теперь — комендант Кенигсберга генерал Бернгардт Отто Густав фон Ляш: “Уже в феврале Кох фактически скрылся из Кенигсберга на песчаную косу Фрише-Нерунг, в местечко Найтиф, откуда шлет бесконечные указания и грозные приказы: “разжалую”, “лишу всех званий”, “уничтожу”. И записи своих радиопризывов к горожанам и солдатам, защитникам города. “Мои дорогие кенигсбержцы! Я вместе с вами! Я не пощажу своей жизни, чтобы... Мы все, как один!” — то и дело разносился его хриплый голос из рупоров громкоговорителей над лежащим в развалинах и снегу городом. Во время блокады Кенигсберга он отправлял свои личные донесения фюреру по радио через находившегося в крепости крейслайтера Вагнера, так что у Гитлера должно было создаться впечатление, будто

Кох тоже сидит в осажденной крепости за какой-нибудь баррикадой с фауст-патроном в руках. Когда каждый кирпич, каждый килограмм цемента был на учете, посланцы гауляйтера, множество строителей и военнопленных занимались оборудованием его имения "Фридрихсберг". Один только раз он, кажется, заскочил на несколько часов в Кенигсберг, да и то вечером или ночью. Он, наверно, боялся показываться жителям Кенигсберга после того, как бросил нас своим позорным бегством на произвол судьбы".

Бросил. Сбежал. Отплыл из Найтифа на ледоколе "Восточная Пруссия", предварительно загрузив его трюмы тяжелыми ящиками, содержание которых было никому, кроме самых его близких людей, не известно, продуктами и ящиками с винами из ресторана "Блютгерихт". Сбежал в Данию. Отчалил от туманных берегов Земландского полуострова имперским комиссаром обороны Эрихом Кохом, а высадился в Дании... майором вермахта Рольфом Бергером. Что он увез с собой? Какие сокровища? Да и были ли они в его имении "Фридрихсберг"? И вот что еще: какие вызывающие раздражение генерала Отто Ляша обширные строительные работы проводились в этом его имении, когда русские уже были на самых окраинах Кенигсберга? Что нам на это ответит наш упорный частный исследователь из Штелле Георг Штайн?

Помните, с чего началось его, Георга Штайна, увлечение поисками "Бернштайнциммер"? С того, что он вспомнил морозный январский день сорок пятого года, брошенные грузовики, в которых лежали ящики, наполненные янтарем. Но при чем тут имение "Фридрихсберг"? Дело все в том, что, как считает Георг Штайн, она, Янтарная комната, либо ее часть, да и другие царскосельские сокровища до этого находились в имении Коха и именно оттуда отправились в рискованное путешествие по Земландскому полуострову! "Движение "Я. К." и многих прочих ценностей следующее,— пишет он в одном из своих посланий графине Марион Дёнхофф.— 15 августа 1942 г.— февраль 1943 г. "Я. К." в Королевском замке. Февраль 1943 г.— июнь 1944 г.— в хранилищах филиала Имперского банка в Кенигсберге. С июля 1944 г.— в имении Эриха Коха "Фридрихсберг" в пригороде Кенигсберга Модиттене". Но так ли это? Есть ли свидетели? Есть. "12 июля 1944 года Альфред Хайн, директор городского архива, лично видел "Я. К." (или ее часть) в "Фридрихсберге", о чем позднее, после войны, сам рассказывал. 26 января 1945 года по приказу Эриха Коха предпринимается попытка вывезти "Я. К." из "Фридрихс-

берга” вместе со старинными русскими иконами и прочими ценностями на Земландский полуостров, чтобы оттуда, из рыбацкого порта Нойкурэн, отправить ее на каком-либо из судов в Данциг или еще дальше, в Гамбург или Киль...”

Но как же так? Ведь по иным, и многим, свидетельствам Янтарная комната еще очень долго, чуть ли не до 5 апреля, находилась либо в подвалах замка, либо в его дворе! И тут Георг Штайн делает следующее пояснение: “Когда я сопровождал найденные ящики с ценностями из Царского Села в Фишхаузен, чтобы потом переправить их в подвалы замка ”Лохштедт”, я сам видел собственными глазами сопроводительные документы, которые были подписаны Фердинандом Блунком и доктором Дзюбба. Из документов следовало, что среди сокровищ Царского Села находились и ЧАСТИ Янтарной комнаты, по крайней мере три поля Янтарной комнаты”...

Значит, не вся Янтарная комната, а только какая-то ее часть?

Но почему, это во-первых, и во-вторых, как и где в имении можно спрятать такое огромное количество ценностей, для перевозки которых потребовалось шесть армейских грузовиков?

И тут выясняется следующее: подозрительное это было местечко, имение ”Фридрихсберг” Эриха Коха! Когда в 1954 году тут проводились работы по проектированию теплично-парникового комбината, то главный агроном совхоза, расположенного на территории бывшего имения, рассказывал о том, что очень странно вели себя немцы-хуторяне, которые буквально толпами бродили по территории имения и что-то изучали, а местами и начинали копать глубокие ямы. Они что-то искали, но что? По рассказам некоторых из них, в последние месяцы войны на территории имения Эриха Коха велись очень большие строительные работы силами советских военнопленных. И якобы по окончании этих работ все они были расстреляны. Будто были убиты и немецкие инженеры, руководившие работами. И еще: раньше немцы-хуторяне могли, сокращая путь, идти из пригорода в Кенигсберг напрямую, через имение гауляйтера, но, когда начались работы, там были выставлены посты и солдаты заставляли их делать приличный круг в несколько километров. Какие там велись работы? Причем обширные! Ведь почти каждый день сюда, в имение, шли эшелоны со строительными материалами и машины с готовым бетонным раствором. И что же было построено, возведено? А ничего, кроме каменного забора со стороны шоссе, возведенного явно для

маскировки, но зато территория имения увеличилась вдвое, а охрану его во время тех таинственных работ вели солдаты войск СС.

И вот что еще: одним из первых директоров совхоза в имении Эриха Коха был майор, который настойчиво выспрашивал у немцев, что же тут происходило в самом конце войны. И вдруг его неожиданная гибель! Возвращался из города в совхоз, мчал на мотоцикле и не заметил проволоку, натянутую через дорогу. Да, вот еще какая странность: в парке были обнаружены старые деревья, которые были посажены... совершенно недавно! В конце войны. Обкопав одно из деревьев, увидели, что главные корни были аккуратно заанкарены железом, с войлочной прокладкой, это железо удерживало дерево, пока оно само не укрепилось в почве новыми корнями.

Сколько тайн. Сколько неясностей. Не все чисто было в том чертовом имении. Вот заявление гражданки польского происхождения, которая работала в имении Коха. Однажды, как она пишет, в самом конце войны, она делала уборку в доме. На кухне. А в кабинете Коха шло совещание. Там было человек двадцать. Началась воздушная тревога. Кох сказал, чтобы все шли в бомбоубежище. И все ушли. А он остался, он не проходил, как все, мимо кухни, а по-другому и нельзя было пройти, но когда она заглянула в кабинет, там его... не было! Озадаченная, она ушла в свою комнату и глядела в окно. Как только прозвучал отбой воздушной тревоги, она увидела, что из бомбоубежища выходят военные, те, кто был на совещании, и... что такое? И Кох с ними! Значит, он прошел в бомбоубежище каким-то потайным ходом? Но может, тот потайной, прямо из кабинета ход ведет еще в какие-нибудь тайные подземелья, те, что сооружались в имении?

Так, что тут есть еще в досье Коха? "Объявил "священную народную войну против большевизма", "организовал батальоны "фольксштурма", в которые записывались и мальчишки, и старики"... И на следствии, и позже отрицал, что знает что-либо о судьбе Янтарной комнаты, но 3 февраля 1977 года Кох, обращаясь в высшие польские инстанции с просьбой о помиловании, пишет, что он готов, в случае его освобождения, прежде чем уехать в свою родную Германию, отправиться в Калининград, где предпримет все возможное, чтобы Янтарная комната была найдена... Значит, знал, где она? Или обманывал? Да, вот еще один документ. Гражданин, не подписавшийся своим полным именем и фамилией, сообщает о том, что он "был знаком с одной женщиной-

искусствоведом, специалистом по янтарю, которая была направлена из Кенигсберга в район БЕЛОСТОКА, в замок "ТИХЕНАУ", принадлежавший Эриху Коху, для того чтобы быть консультантом по строительству "ОСОБОГО ОБЪЕКТА" в этом замке. Оказывается, в замке, в одном из обширнейших его помещений, сооружалась ЯНТАРНАЯ КОМНАТА! Туда было завезено большое количество янтаря, и уже смонтированы ЯНТАРНЫЕ ПАНЕЛИ, украшенные изящными янтарными изделиями. Не исключено, что среди вновь изготовленного янтаря, и в том числе янтарных панелей, могли быть и подлинные панели из Екатерининского дворца...".

Это интересное сообщение из газеты "Остпройсенблат" заставляет задуматься и вспомнить о тех янтарных панелях, вывозимых из имения Коха "Фридрихсберг", которые Георг Штайн видел своими собственными глазами. Значит, там, в ящиках, могла быть и вся Янтарная комната, но могла быть и лишь часть ее, которую Кох пытался прибрать к рукам?

..."Рольф Бергер", пробыв не очень долго в английском плену как бывший офицер вермахта, вскоре вернулся в Германию, поселился в пригороде Гамбурга и устроился совсем неплохо, правда, одно обстоятельство портило ему жизнь: его верная, любимая жена Клара жила в другой части города, ведь если Кох изменил свое лицо, сделав небольшую пластическую операцию, то Клара не могла этого проделать со своим несколько увядшим, но по-прежнему красивым лицом. И, кроме того, она была выше его на голову. Такая улика! И встречаться супругам приходилось крайне редко: в день рождения Клары, в его день рождения и день рождения Адольфа Гитлера. Якобы эта высокая красивая женщина и эти даты и позволили в конце концов английской разведке выйти на след "кровавого Эриха", и в 1949 году он был схвачен.

...Об Эрихе Кохе, о страшных блокадных днях, о той странности, что я теперь живу в городе, который назывался Кенигсбергом, о том, что так люблю этот город, я размышлял во время небольших торжеств, связанных с окончанием моей внучкой Мариной учебного курса музыкальной школы имени Глиэра. Было шумно, весело, девочки и мальчики были такими красивыми, так было приятно глядеть в их раскрасневшиеся, взволнованные лица. И вот, когда уже все кончилось, в уютном, в темно-коричневых дубовых панелях, зале вдруг зазвучала лучшая, пожалуй, музыка из всего того, что сочинил на берегах Невы

Рейнгольд Глиэр — "Гимн великому городу". Все смолкло. Все встали. Гимн моему городу, его и моим страданиям. И я вдруг вновь увидел себя там, одинокого, голодного мальчика с Петроградской стороны, влачащего с Невы тяжеленный бидон с водой. Как такое можно было перенести, как можно было там выжить?! Сердце мое забилося еще учащеннее, спазм перехватил горло... Я обвел глазами эти дубовые золотисто-коричневые стены: ведь все это происходило в ГОРОДСКОМ ДОМЕ ЭРИХА КОХА, в его бывшем огромном кабинете. Вон там когда-то стоял огромный стол, за которым он восседал! Кабинет, в котором бывали и Геринг, и Гиммлер, и его самые близкие, еще с молодости, друзья: Рудольф Гесс и Мартин Борман. И в этих вот стенах шла речь о войне с Россией и о том, что фюрер прав: Ленинград должен быть весь, до основания, разбомблен, а потом рассыпан на кирпичи, чтобы было легче его сравнять с землей.

...Захлопываю папку. Бандик, ты меня совсем вытеснил из кресла! Когда мне позвонили из Ольштына и произнесли лишь одну фразу: "Приезжайте. Вы сможете побывать "там" — ты, Бандик, был вот таким маленьким, желтым горячим комочком, ты, дурошлеп, постоянно мерз, и я засовывал тебя себе на грудь, под свитер, который ты, подлец, так преступно прогрыз. Помню, как я волновался, как размышлял, какие же вопросы задам ему, Коху, знал, что встреча будет очень короткой, что никакого права на эту встречу я не имею, и тот, кто мне ее организовал, просил: "Пока я занимаю этот пост, нигде о встрече ни строчки"...

И вот — Польша. Город Ольштын.

...Резкий телефонный звонок. Я открываю глаза: без четверти четыре. Кажется, я так и не заснул. Допоздна бродил по древним узким улочкам старинного города, разглядывал темные, массивные стены готических соборов, острые шпили, будто вонзившиеся в лунное небо. А потом бродил по номеру отеля "Корморан", размышлял о человеке, с которым мне предстоит встретиться.

Поглядывая на часы, быстро одеваюсь. Так, блокнот, авторучка. Повторяю про себя те вопросы по-немецки, которые я задам ему. Когда-то я знал немецкий почти прилично, но нет практики, многое подзабылось. Главное, все точно и ясно понять, ответы, которые я должен услышать, всего три вопроса и три ответа, на большее времени не будет.

Стук в дверь. Шурша прорезиненным плащом, входит начальник второго (особо опасные преступления)отдела криминальной полиции пан Стась, из-за его плеча кивает мне лечащий врач Эриха Коха пан Анджей. Пан Стась ощупывает меня, проверяет карманы, его широкие ладони прокатываются по моей спине, ногам, проверяет каждую складку одежды. Все в порядке. Можно ехать. Мы быстро спускаемся вниз, садимся в полицейский джип и несемся в темноту по узким улочкам старинного польского города.

Молчим. Гудят и повизгивают на поворотах шины. Мне еще не верится, что эта встреча может состояться. По существующим законам преступник, приговоренный к смертной казни, не может общаться с кем бы то ни было, кроме лиц, в чьих руках находится его судьба. И никакие просьбы самых высших инстанций не дали бы надежд на эту поездку, если бы не знакомство с секретарем краевого комитета ПОРП, взявшим на себя эту сложную операцию.

Выезжаем за город. Лунный проблеск в низком, черном небе. Яркий отсвет в мелькнувшем справа озере. Черные, угловатые контуры костела. Брусчатка мостовой, поворот. Шлагбаум. Приехали. Яркий свет фонаря в мое лицо. Тихий говор: "Пан лечащий врач и его помощник. Да, новый помощник, специалист по нервам. Вот документы". Короткий отрезок бетонной дороги. Зубчатая стена. Массивные железные ворота. Скрежет тяжелых створок. Низкие своды. Еще одни ворота. Узкий двор. Зарешеченные окна. Нам сюда? Да, пожалуйста. Лестница, гулкий топот ног. Решетки и стальная сетка на окнах. Кабинет начальника тюрьмы. Плотный, лысоватый мужчина здоровается, кивает на стулья: "Присядьте, панове. По чашечке кавы?" Вот это кстати.

— На посещение — полчаса,— говорит начальник тюрьмы.— Вопросы ко мне есть?

— В какой он камере сидит?

— В самой обыкновенной. Кто-то болтал, будто у него там ванная, цветной телевизор, бар с алкоголем. Все это глупости.

— Он работает?

— При тюрьме есть небольшой заводик по производству деталей для радиоаппаратуры. Раньше он работал. Причем отлично. Даже имел свое клеймо. После него детали не проверялись.— Начальник тюрьмы усмехается. — Он ведь из рабочих. План перевыполнял. И от уголов-

ников поступило требование, мол, не уберете этого "ударника" — зарежем.

— Питание? Поступают ли ему какие средства из-за рубежа?

— Питание обыкновенное. Хлеб, каша, постный суп, мясо и рыба раз в неделю. Деньги из-за рубежа, в основном из Западной Германии, поступают, и много, от разных организаций. Раньше он получал некоторые суммы для покупки продуктов в тюремном ларьке, но теперь эти суммы ограничены объемом валюты, которая выдается иностранному туристу.— Начальник тюрьмы тянется к полке, достает какую-то бумагу.— Вот заявление написал: "Я не иностранный турист, а военный преступник. Поэтому прошу увеличить мне сумму денежных вспомоществований". Однако, время. Отправляйтесь, панове.

Пан Анджей помогает мне надеть белый халат и колпак.

Да, кажется, теперь-то эта встреча действительно состоится. Сопровождаемые двумя тюремщиками, мы идем по узким, длинным и холодным коридорам. Справа забранные решетками окна, слева черед железных дверей, узкая, с зарешеченными пролетами лестница. Гулкие звуки, запах хлорки. Камень, железо, бетон. Еще один коридор. Еще одна лестница. Но вот, кажется, мы пришли.

Останавливаемся у одной из дверей. Тюремщик смотрит в глазок, гремит ключами. Лязгает засов. В нос ударяет тяжелым, спертым воздухом. Входим. Вначале я ничего не вижу — тусклый свет раннего утра едва сочится в маленькое, под самым потолком, окно. С тяжким грохотом за нашими спинами захлопывается дверь.

В углу камеры стоит и кланяется нам низенький, широкоплечий человек... Это — Эрих Кох?! Вытягивается. Руки по швам. Маленькие, в коричневых складках глазки впиваются в наши лица. Обширная лысина. Седые, почти до плеч, волосы, бурно растущие по краям массивной головы. Густые, длинные усы. Мясистые, в седой шерсти уши.

— Заключенный, военный преступник Эрих Кох! — выкрикивает "коричневый князь", награжденный Гитлером за особые заслуги золотым значком партии.— Камера прибрана, но не проветрена, в связи с моим самочувствием.

— Подойдите сюда, заключенный,— говорит пан Анджей.— Повернитесь спиной.— Кох подходит к врачу, вновь становится по стойке "смирно", разворачивается, как солдат, резким движением задирает полосатую куртку и нижнюю рубашку, стягивает их через голову. На предплечье выколот номер "90" в красном кружочке. Это

номер его партийного билета. Случись, попади он в руки немецких врачей в бессознательном состоянии в те, гитлеровские еще, времена,— взглянув на этот номер, они предприняли бы все возможное, чтобы спасти этого человека. У всех нацистов, до сотого номера, есть такой знак. И рядом еще одна цифра: группа крови.— Так, заключенный, дышите... Не дышите. Как себя чувствуете?

— Слабеет зрение. Надо заменить очки.

— В следующий раз привезу с собой окулиста.— Врач слушает Коха, постукивает пальцами по его широкой спине, говорит: — Вот этот человек, что приехал со мной, журналист. Он из Калининграда.

— Из Кенигсберга! — резко произносит Кох.

— Стойте спокойно. Не поворачивайтесь. Этот человек хочет спросить у вас о...

— Я уже все понял. О Янтарной комнате! Где она, не так ли? — Кох поворачивается, с усмешкой глядит в мое лицо.— Наверно, уже человек сто меня об этом спрашивали...

— Выше...

— Что? Ах, да...— Кох приподнимает руки, врач вслушивается в стуки его сердца. Я с напряжением вглядываюсь в старческое лицо, пытаюсь уловить сходство с тем Кохом, которого знал по фотоснимкам, по его изображению на глянцевой бумаге листовки. Врач кивает: можете надеть рубаху. Кох вталкивает ее в серые, с продольными светлыми полосами арестантские штаны. Говорит: — На этот раз я отвечу. Она вот тут! — Кох хлопает себя рукой по изборозженному морщинами лбу.— Она вот тут!! Целехонька! Вы хотите получить ее? Получайте. Но где именно, я скажу не полякам и не вам, господин из несуществующего города Калининграда.

— А кому же? — спрашивает врач, убирая в футляр стетоскоп.

— Только очень крупным, обладающим большой властью людям из Москвы! Тем, кто согласится со мной: глупо держать меня в этих стенах, понимаете?

— В обмен на Янтарную комнату?..— Врач достает сигарету, закуривает, протягивает пачку Коху, но тот отрицательно мотает головой, он никогда не курил, никогда не употреблял спиртное.— Этот человек хочет задать вам еще несколько вопросов...

— Хорошо, но не могли бы вы, господин врач, перевести меня хоть на недельку в лечебный стационар? Я целый день дрожу от холода, ведь я старик, господин врач.

— Слушайте, о чем вас будут спрашивать, Кох.

— Я готов.

— Что вы можете сказать о коменданте города Отто Ляше? — спрашиваю я. — Не изменили вы своего к нему отношения?

— Никогда не изменю! — яростно выкрикивает Кох. — Я совершил величайшую ошибку, что не вздернул этого полицейского на первом же дереве Каштанен Аллее, где он жил! Военная бездарность, трус, подлец — вот в чьих руках оказалась судьба Кенигсберга!

— Второй вопрос: в чем, вы считаете, состояла главной ошибкой во время боев за Восточную Пруссию?

— Во-первых, я не смог уговорить фюрера остаться в его штаб-квартире, в "Вольфшанце", под Растенбургом. Останься он там, мы бы удержали нашу древнюю восточную провинцию. Во-вторых, я не смог убедить фюрера отдать русским Курляндию и все войска из Курляндского котла перевести в Пруссию. Тридцать дивизий жрали картошку со свининой и спали с толстозадными латышками, когда мы обливались кровью на восточных границах рейха!

— И последнее: почему вы запретили эвакуацию местного населения? В марте сорок пятого года сотни тысяч женщин и детей, прорвав заслоны, ринулись в Германию по льду залива Фришес-Гафф. Слабый весенний лед проваливался под массой людей и повозок. Тонули люди, кони...

— Туда им и дорога. — Глаза Коха сверкают, он шумно втягивает воздух широкими ноздрями. — Смяли заслоны?! Черта с два. Нет такой силы, которая бы могла смять заслоны из бойцов восточно-прусской полевой жандармерии. Это по моему приказу они отступили, пропустили поток беженцев, дезертиров, всякой сволочи на лед! — Кох задохнулся, под правым глазом забились синие жилки. — Эта масса народа должна была биться с русскими до последнего патрона, лечь с гранатами под русские танки, защищая родину, а они?!

— Не волнуйтесь, заключенный. — Врач глядит на часы, кивает мне: наше время истекло. Говорит бывшему гауляйтеру: — Я вам выпишу лекарства. На неделю вас переведут в тюремный стационар. Там вас навестит окулист. Все поняли, заключенный Кох?

— Так есть! — отвечает Кох, отступая в угол камеры. Стоит по стойке "смирно". Это — Кох? Человек, который распоряжался судьбами миллионов людей... Сам стрелявший поляков и украинцев? Сейчас ему ужасно

хочется попасть на недельку в теплый госпитальный стационар. Тюрьма есть тюрьма. В камере, действительно, холодно и сыро, мы совсем немного пробыли тут, но я уже чувствую озноб. Кох еще более вытягивается и повторяет хрипло, простуженно: — Так есть, пан доктор!

Скрежещет замок. Грохочет дверь. Оглядываюсь: железный стол, железный табурет, вцементированный в пол, железная койка, параша в углу, человек, кланяющийся нам в спину в углу темного, мрачного помещения. Дверь захлопывается. Тюремщик закрывает ее на ключ. Идет прочь, и мы следом. Мы идем, все убыстряя шаги, вдыхаем мерзостный, пахнувший дерьмом и хлоркой, какой-то застоявшийся, кислый воздух гулких, плохо освещенных помещений. Хоть бы начальник тюрьмы вновь предложил нам по чашечке "кавы"!

— Почему приговор до сих пор не приведен в исполнение? — Начальник задумался, поднялся из-за стола, запер дверь, вынул из сейфа три стакана, а пан Анджей извлек из своей сумки бутылку со спиртом. Мы закусили старым, пахнущим носками сыром, который был обнаружен в том же сейфе, и, еще немного поразмышляв, начальник тюрьмы сказал: — Тут, как мне кажется, есть некоторые важные обстоятельства, о которых я ничего не знаю, а если бы и знал, то не сказал бы, но! — Он поднял толстый волосатый палец. — Но, панове, мы, тюремщики, все большие философы, так вот, есть одно, как мне лично... — начальник тюрьмы вновь поднял указательный палец, — понимаете, как мне лично кажется, обстоятельство, так сказать, морально-этического смысла. На совести этого коричневого подонка сотни тысяч жизней поляков, украинцев, русских, немцев. Так вот, панове, приговоренный к смерти Кох не знает, когда приговор будет приведен в исполнение. И, засыпая, он, мертвея от ужаса, думает: "А вдруг — завтра?" И, заслышав утром, что дверь в его камеру открывается, он весь содрогается от ужаса: "Неужели — сегодня? Вот сейчас?!" И он почти что умирает от страха. И так каждый день, понимаете? Он уже тысячу раз умирал, панове. Сколько по его приказу убито женщин, детей, мужчин, понимаете? Панове, может это и есть высшая и наиболее страшная мера наказания такому негодяю? — Подумал немного, усмехнулся. — И вот еще что удивительно, панове. Эта тюрьма построена по его личному указанию в начале сорокового года. Столько было заключенных поляков, что их негде было содержать. Как-то он мне говорил об этом. И о том, что на чертежах тюрьмы написал: "Окошки

сделать так высоко, чтобы заключенный любого, самого высокого роста не мог дотянуться до них. И второе: кроме решеток, на окнах укрепить плотные металлические сетки. Чтобы птицы не садились на подоконник". Построил тюрьму себе самому, панове, это ли не перст божий, указавший на негодая?..

Господи, что же это я? Уже четверть пятого, а там, в подвале особняка на бывшей Врангельштрассе, наверно, уже вскрыли бетонный ящик! Галстук, где мой галстук? А, черт с ним... Бандик, свинья ты этакая, это ты сожрал шнурок у кеда? А где же ключи от машины?..

Опоздал! Ящик уже вскрыт. Несколько мощных ламп освещают серые стены, угольный котел, груды разбитого бетона. Резкие, угловатые тени, белые лица собравшихся. Крышку отодвигают в сторону, что там? В ящике лежат тесно прижавшиеся друг к другу два иссохшихся трупа. Мужчина и женщина. Наверно, тут было очень сухо, в этом подвале, да и воздух не проникал сквозь бетон, и трупы не разложились, не рассыпались в прах. Тихий говор. Кто-то показывает мне истлевшую красную ткань: красное знамя, которым были покрыты мертвецы. И вот это еще было в ящике — листовки, желтые, сухо шуршащие листки... "АРБАЙТЕР ФРОНТ", написано сверху. "Прочитайте и передайте дальше!" "Вот перевод", — слышу я, и мне подают листок, торопливо, неровно исписанный шариковой ручкой. "Убийство рабочих без конца? 16 тысяч самоубийств, мотив которых — непонятная смерть" — 8809 случаев в одном году! ЭТО КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА УБИЛА ИХ! Рейхстаг 48 параграфом жестоко задавил трудовой народ невыносимыми налогообложениями! Трудящиеся Хаберберга, пригорода и Розенау! 14 сентября вы пойдете на выборы. Кого вы хотите выбрать? Ответ вы дадите в пятницу, 22 августа, в 9.30 в Луна-парке в Розенау на публичном выборном собрании. НИ ЕДИНОГО ГОЛОСА ВРАГАМ РАБОЧЕГО КЛАССА. Долой фашистов!

ДОЛОЙ ЭРИХА КОХА! Все трудящиеся, выбирайте коммунистов, лист 4! Поддержите и обеспечьте выборный фонд КПП! Да здравствует боевой союз с Советской Россией! Читайте газету "ЭХО ВОСТОКА"! Приходите все!

КПП. Первый городской район Кенигсберга".

Кто эти люди? Почему в одном гробу-ящике? Почему мужчина и женщина? Муж и жена? Влюбленные? Люди,

никогда не знавшие в жизни друг друга, убитые и уложенные тайно, вдвоем, в этот ящик?.. Красная ткань опускается на их тела. Со скрежетом надвигается тяжелая, в бетоне, крышка. Прощайте, товарищи.

Поздно вечером, пододвинув к себе словари, читаю письма. Вот очень коротенькое из Мюнхена от Вальтера Мюллера. "Рад узнать, что кирха Юдиттен уже под крышей. Мы каждое воскресенье всей семьей ходили туда по Рингхаусс и дальше, напрямик, через лесной парк Теодор—Кроне... И вот что еще: если в подвале появится вода, то пойдите на ручей, который течет из озера Фюрстентайх, мимо корчмы "Коперникус", вдоль канала Ландграбен, и поглядите, не замусорен ли ручей. От каждого дома района Штеффек проложены к ручью осушительные трубки... Ваш Вальтер Мюллер".

Ручей, что течет вдоль канала? Вот в чем дело! Но что это такое "корчма "Каперникус", уж не наш ли поселковый магазин, чья черепичная крыша так красиво отражается в темной воде канала? Но почему эта корчма, видимо, бывший постоянный двор, так называется? Надо будет спросить об этом у своего "содомника" Вальтера Мюллера.

Так, что тут еще?

Одно письмо из Польши. Вот что пишет мне мой друг и переводчик моих книг из Ольштына Болеслав: "Недавно мне удалось поговорить с Леонардом Нувелем, старшим офицером криминальной полиции из следственного отделения управления внутренних дел нашего Ольштынского воеводства. В последние месяцы жизни Эриха Коха он очень часто встречался с ним и вел долгие разговоры. Вот что он мне сказал, показав большой, туго набитый документами черный портфель: "Здесь столько сенсаций, столько тайн, которые теперь перестанут быть тайнами". И, помедлив немного, добавил: "В том числе и тайна Янтарной комнаты. Сейчас я переписываю свои торопливые записи, потом надо будет все перепечатать, но времени мало, тут столько всего, что и десяток человек за год не разберутся..." Многие журналисты пытались вывести, что там у него, в этих бумагах, но Леонард Нувель лишь таинственно улыбается... Приезжай, может быть, он хоть что-нибудь расскажет?.."

Кони замка Георгенбург

”...О СУДЬБЕ РУССКИХ МУЗЕЕВ, которые были вручены мне для сохранения и под мою ответственность, докладываю следующее. Осенью 1941 года мне был передан музей из Минска, состоящий: 1) Из исторического отделения, в большинстве своем изображения XVIII века. 2) Из отделения позднейшего времени, отчасти очень больших картин, рамы которых остались в Минске. Эти картины были созданы по заказу русского правительства, означая рост изобразительного искусства при советском строе. 3) Из отделения, оставшегося в наследство от царского строя: различная мебель, берлинский фарфор, а также русского, петербургского производства. Все эти вещи были размещены в Кенигсбергском замке и, к сожалению, стали жертвой англо-американского налета в августе 1944 года.

Альфред Роде, директор”.

”КАЛИНИНГРАД. ФОНД КУЛЬТУРЫ. Высылаем в ваш адрес копии документов, которые свидетельствуют о вывезенных фашистами из Белоруссии материальных и культурных ценностях: а) телеграмму Розенберга о вывозе в Германию ценностей Минского краеведческого музея, б) опись музейных ценностей, увезенных гитлеровцами. К этим документам прилагается копия карты ”урезанной” Белоруссии, какой она оказалась во время фашистской оккупации. Как видно из этой карты, большая территория республики была включена оккупантами в другие регионы, в т.ч. присоединена к Восточной Пруссии. Мы просили бы учесть этот фактор при разработке

архивов Георга Штайна, так как многие документы, связанные с Белоруссией, могли направляться в то время вот по этому "новому", противоестественному административному делению...

Ваш Иван Чигринов, председатель БСФК".

"СОКРОВИЩА СТЕКЛЯННЫХ ЯЩИКОВ меня увлекают все больше и больше. Речь идет о громадном скоплении старорусских церковных предметов, имеющих огромную историческую и материальную ценность: иконы с окладами из золота, украшенные драгоценными камнями, церковные головные уборы и шитые золотом торжественные наряды священников, чаши и прочее, и прочее. Все это хранилось в одном из российских соборов и было обнаружено "знатоками искусства" из 1-й роты батальона специального назначения барона Кюнсберга, но попало не в ведомство Риббентропа, а в айнзатцштаб рейхсляйтера Альфреда Розенберга, в Ригу, а оттуда перекочевало то ли в Саксонию и было упрятано в шахты, то ли в какой-то небольшой замок на юго-западе Германии... Все неясно, туманно, неопределенно. Ну, а теперь к делу. Мы довольно подробно разобрались с "кенигсбергской версией", которая, как считаю, является **ГЛАВЕНСТВУЮЩЕЙ**, и хотя абсолютных доказательств нет, но я уверен, что Янтарная комната, или часть ее, или исчезнувший, как и сама комната, фриз (верхняя, приращенная в Екатеринском дворце часть комнаты) — все это находится на территории нынешней Калининградской области! Далее, мы с вами "разобрались" с двумя первыми, главными "свидетелями", доктором Альфредом Роде и гауляйтером Эрихом Кохом. Они нам ничего не сказали! Они все на что-то намекают, но молчат. И теперь они будут молчать всегда, так как ни того, ни другого уже нет в живых. Теперь мы должны разобраться с последним свидетелем: неким Отто Рингелем, на след которого я, кажется, напал... Заканчиваю на этом свое краткое послание. И вновь восклицаю: стеклянные ящики, сокровища, хранящиеся в них! Неужели они ускользнут из наших рук? Если я их добуду, то кроме морального я получу — я в этом уверен — и значительное материальное возмещение, ведь по примерной оценке эти сокровища оцениваются в сумму, превышающую миллион долларов. Вы меня знаете. Деньги мне нужны лишь для двух целей. Для продолжения поисковых работ и для того, чтобы хоть немного восстановить

свое расстроенное хозяйство. На днях у меня состоялся разговор с одним из посольских господ из "Советов", и он мне сказал, что в случае отыскания этих сокровищ я получу достаточное вознаграждение.

*Ваш Георг Штайн".
Из архива Г. Штайна*

"ЛЮКИ НА АДОЛЬФ ГИТЛЕР-ПЛАЦ, вот еще на что надо обратить внимание. Я, участник войны, был в штурме Кенигсберга. Уже после боев ликвидировал группу немцев—"оборотней", которые засели на Центральной площади, в канализационных сетях, связанных с какими-то подземными сооружениями. Они не сдавались, ожесточенно отстреливались. Тогда все это засыпали военными бульдозерами. Ссыпали в горловину люка камни, мрамор и разбитые, а то и целые памятники.

Волков Эрик. Ленинград".

"КАНЦЛЕР ПРУССОВ ШЛЕТ ВАМ СВОЙ ПРИВЕТ. Уважаемый председатель, извещаем вас, что в Литве создано общество "ПРУССЫ", Великим Магистром которого избран академик В. Мажюлис, а канцлером — старший научный сотрудник Вильнюсского госуниверситета, кандидат филологических наук Л. Палмайтис. Просим вас по всем вопросам "МАЛОЙ ЛИТВЫ" (часть бывшей Восточной Пруссии от Немана до реки Дейма), а также по истории, культуре и филологии пруссов иметь дело только с нами и ни с кем более...

КВИСУС (Канцлер) ПРУССОВ Левис Палмайтис".

Скоро у меня голова пойдет кругом и я перестану что-либо соображать. О каких "стеклянных ящиках" писал Георг Штайн? Почему — стеклянные? Возможно, что это какие-то коллекции, которые хранились в стеклянных витринах какого-то музея, но какого?

Эти подземелья Кенигсберга! О них я не только слышал, но некоторые из них и видел, когда ездил с отцом в поисках архива Фромборкского капитула, а потом, летом сорок шестого года, вместе со своими друзьями лазал по разрушенному городу, по гулким подвалам старинных зданий. Клады искали. Все, наверно, в детстве, да и в юности, ищут клады. Да и как их было не искать в этом огромном городе, о котором сложено столько легенд? Мол, еще пруссы, разбойничая в лесах, на реках и озерах, на море и заливах, совершая набеги в соседние

земли, возвращаясь оттуда с богатой добычей, прятали в таинственных подземных пещерах несметные сокровища. А потом тевтонские рыцари, отыскав их, в свою очередь создали огромные хранилища золота и серебра.

Люки на Адольф Гитлер-плац... Какие "целые памятники" туда сброшены? И еще этот "канцлер" Шуткал? Или — всерьез? Как-то все странно... Помню, что в конце пятидесятых некие доктора наук опубликовали в местной газете обширную статью, доказывая, что на землях бывшей Восточной Пруссии обитали славянские племена, что чуть ли не отсюда пошла вся наша великая Россия-матушка, а теперь, выходит, большая часть Восточной Пруссии принадлежала Литве? Что это такое — "Малая Литва"? Что стоит за этим сообщением? Может быть, они, наши добрые соседи, пожелают воссоединить Малую Литву с Большой, Великой Литвой, которая когда-то была "от одного до другого моря"?

"Литва! Литва!!" Смотрю в окно автобуса на мелькающие мимо пейзажи, черепичные крыши, галок, собирающих вдоль дороги какой-то сор, а вижу обширный, наполненный людьми зал вильнюсского Дворца спорта, огромное табло, на котором горят слова: "За нашу и вашу свободу". Вижу, как к маленькой трибуне на фоне огромного трехцветного знамени подходит поэт Юстинас Марцинкявичус, делегаты съезда "Саюдиса" поднимаются, размахивают штандартами, на которых изображены кабаны, короны, лебеди, мечи, витязь на белом коне с мечом, занесенным над головой, и все утопает в громогласном скандировании: "Литва! Литва!! Литва!!!" Позади меня, через три ряда, стоит первый секретарь Центрального Комитета Литовской компартии Альгирдас Бразаускас, крупный, широкоплечий светловолосый мужчина с плечами тяжелоатлета, и его мощный голос вливается в полторы тысячи голосов: "Литва! Литва!!" Юстинас Марцинкявичус поднимает руку, просит тишины, голоса стихают. Тишина. Напряженность. "Земля, которую мы унаследовали от своих предков, это наша земля...— произносит Марцинкявичус.— Зовем мы ее Литвой и хотим, чтобы это слово не исчезло с географической карты, из языков разных народов. История, которая служит нам опорой,— это наша история. Пусть луч света и правды озарит ее трагические и героические, кровоточащие и мрачные страницы, старые и новые памятники ее культуры. Язык, на котором мы говорим и которым гордимся,— это наш язык. В нем достаточно

слов для любви и ненависти, радости и печали. Он никому не угрожает и никого не отвергает. Как и все другие языки, он хочет жить... Мы приветствуем перестройку, освобождающую дух, мысль, труд, творчество, и под ее знаменами — знаменами гласности и демократии — выступаем за обновление, возрождение человека и нации". Он складывает листок. Объявляет учредительный съезд литовского движения за перестройку открытым. Предоставляется слово первому секретарю ЦК компартии Литвы Альгирдасу Бразаускасу. Зал снова встает. Огромный Бразаускас быстро направляется к трибуне. "Литва! Литва!! Литва-аа!!!" — скандирует весь зал.

Литва... Сейчас мы едем по "Малой Литве", которая, как утверждает канцлер пруссов Л. Палмайтис, некогда простиралась от Немана до реки Дейма; земля, где каждая речка, холм, лес несут в своем старом наименовании прусское происхождение, как и многие поселки и города, где жило много литовцев. Малая Литва, где были города Лабува ("а не "Лабиау", как варварски изменили название тевтоны, и, естественно, не "Полесск", как придумали вы, русские, пришедшие в сорок пятом году в эти края!"), город Тильже ("не "Тильзит" и не "Советск", а именно — Тильже!"), Каралаячай ("конечно же не "Кенигсберг", а тем более — не "Калининград"). Да, хотя этот город и не входил в состав Малой Литвы, но назывался он по-литовски!..

Господи, сколько возникает неожиданных проблем. Немецкая, польская, литовская, российская запутанная История. Веками складывающаяся тут культура, свой сложный жизненный уклад и обычаи! Войны. Сорок пятый год, переселенцы из разоренных войной смоленских и псковских деревень, из Мордовии и Чувашии, из-под соломенных крыш — в особняки под черепицей, с глиняных полов — на паркет, в дома с каминами и ваннами...

Все перемешалось. Старые корни ушли в эту землю на семисотлетнюю глубину, и мы пытаемся пустить тут свои корни, врасти в эту землю, утвердиться тут навсегда... "Литва! Литва!! Литва!!!" "...Мы вернемся на свои земли! Мы вернемся в Малую Литву!" — кричал мне в лицо во время перерыва один из деятелей "Лиги свободной Литвы". С одной стороны, с Запада, нет-нет да и слышатся голоса о том, что Потсдамские соглашения, по которым бывшая Восточная Пруссия стала частью Российской Федерации, не имеют юридической, правовой силы; с другой — "Пруссы" и активисты "Лиги свобод-

ной Литвы” с их лозунгами объединить Малую Литву с Великой Литвой... И еще — поляки, которых тут тоже до тридцать девятого года было немало, которые были либо загнаны боевиками Эриха Коха в концлагеря, либо изгнаны из Восточной Пруссии, а теперь хотели бы вернуться в свои родные края. И еще этот Вальтер Мюллер.

Дорога. Движение. Оно успокаивает и тревожит. Отвлекаясь мыслями от ”Саюдиса”, вспоминаю строчки одного из трепетных стихотворений Саломеи Нерис: ”Пусть черный ветер ветви гложет, растает снег, и зацветет сирень, в сирени соловей не петь не может...” Вот и расцвела сирень, и мы, калининградские и литовские писатели и поэты, артисты и музыканты и просто любители поэзии, вновь отправляемся в один из красивейших уголков области, местечко, что исстари называлось Тольминкемис. Замечательный, редкостной силы духа, веры, любви к людям, к работающим литовским крестьянкам-бурасам жил тут, по штату Шталлупенского (ныне Нестеровского) уезда пастор, по призванию поэт и гражданин, защитник народный — по своей человеческой, духовной сути, основоположник литовской художественной литературы Кристионас Донелайтис.

Слышны звуки гитары, молодые голоса. Девчата и парни из хора сгрудились в ”корме” автобуса, то и дело все вдруг громко смеются. ”Икарус”, мягко приседая на тугих рессорах, мчит по шоссе. Мелькают высаженные вдоль дороги старые, в обхват толщиной липы, вязы и каштаны. Зеленые открываются взору поля, а чуть дальше крутые взгорбки холмов, перелески, группки могучих, посаженных неизвестно кем деревьев. Вот ярко сверкнула озерная гладь, а там речка змеисто изогнулась, прорезала собой землю, катит куда-то свои, хочется верить, еще не замутненные воды. Все так, все тот же мир, которым любовался и Кристионас Донелайтис, как он описывал его в своей знаменитой поэме ”Времена года”: ”Здравствуй, светлый мир, ты справил праздник весенний, Здравствуй и ты, человек, дождавшийся милого лета!..” Под мягкий гул мотора и эти приглушенные голоса молодых людей так хорошо думается, вспоминается... Если бы мы весной сорок пятого года, когда искали Фромборкские архивы, знали о существовании поэмы ”Времена года”, мы бы уже тогда могли найти ее, но ничего мы не знали ни о поэме, ни вообще о Кристионасе Донелайтисе. Мы искали одно, а рядом, в том же замке ”Лохштедт”, находились другие

ценнейшие документы и бумаги! Так и милый забывчивый профессор Брюсов, разыскивая картины киевских музеев и утварь дворцов из пригородов Ленинграда, вначале и в голову не брал, что он находится рядом с Янтарной комнатой.

Дорога дальняя, и я взял с собой, чтобы почитать в пути, некоторые документы и письма, только что поступившие в фонд. Вот обширнейший список картин, вывезенных немцами из Государственной белорусской картинной галереи. "Живопись. А. П. Антропов, "Мужской портрет", стоимость 25 тысяч рублей. Ф. Рокотов, "Портреты Загряжской и императрицы Марии Федоровны". Д. Левицкий, "Портрет графа Санти", оцененный в 60 тысяч рублей, и его же картина "Екатерина-Законодательница" такой же стоимости. Карл Брюллов, "Восход солнца". Картины В. Боровиковского, Дж. Лау, В. Тропинина, А. Орловского, С. Щедрина... О. Кипренский и вновь Брюллов, картины яркого, плодovitого и всегда желанного для любой выставки, любой галереи И. Айвазовского и его ученика Л. Лагорио. Малые и большие картины А. Боголюбова, К. Маковского, В. Якоби, и конечно же Ивана Шишкина, его всегда любимое, всегда прекрасно исполненное, российское: "Лес", "Опушка леса", "Сосны". Картины А. Саврасова, И. Прянишникова, И. Левитана. Репин, Врубель! Двести с лишним великолепных картин отечественных художников, богатейшая коллекция, не вывезенная вовремя из Минска. По халатности ли?.. Но это не все, куда там! Сотни картин западноевропейской живописи, художники фламандской, голландской и французской школ, итальянцы и немцы, художники всех стран и народов из собраний В. Набокова, П. Бенкендорфа, А. Фаберже. И еще — тысяча картин из запасников. Иконы, 794 гравюры, офорты, литографии. А какая скульптура! Жилле — "Мужской портрет", Растрелли — "Бронзовая маска Петра Первого", П. Клодт — "Этюд головы лошади", бронза. Бах — бюст Ф. Достоевского. С. Коненков, М. Козловский, А. Голубкина, Раух: бюст Николая Первого и бюст Александры Федоровны... "Наш" Раух, чью фигуру Иммануила Канта мы ищем? Имя в списке не поставлено, но время, название этих бюстов совпадают с годами творчества этого замечательного кенигсбержца.

И еще 69 скульптур, хранившихся в запасниках, а также мебель, переданная в галерею из Эрмитажа, да какая мебель! "Дверь в черной деревянной раме, с черными резными украшениями, разделенная на три поля; в сред-

нем, большом, фигура Посейдона. На верхнем поле: голова Медузы и две полуфигуры Амуров среди растительного орнамента. Золочение, резные украшения..." Шкафы, полушкафы черного и красного дерева, шкафчики с бронзой, наборной мозаикой, "птицы на ветке с ягодами", "фрукты и цветы в вазах", "медальоны" на дверках, кресла и диваны, пуфики, столы, стулья и кушетки, скамейки для ног опять же из черного, благородного дерева, да и табурет не какой-нибудь, а "золоченого дерева, стоимостью две тысячи". Еще бы! Все дворцовое, из "Синей спальни" Александра Второго, что была в одном из флигелей Зимнего дворца.

И еще, и еще. И еще! "Шкаф данцигской работы", очень большой и очень дорогой (200 тысяч!). Комплект мебели эпохи Людовика XIV, четырнадцать предметов, на общую сумму 120 тысяч, коллекция часов, мелодичный звон которых слушали многие российские цари. Две пары ваз "очень большого размера, китайского фарфора", "восемь кавказских ковров очень большого размера" (естественно, у царей были огромные комнаты). "Гобелен французский XVIII века", оцененный в 200 тысяч рублей, посуда, сервизы и прочее на сумму почти 9 миллионов рублей, но что эти миллионы, когда речь идет о таких вещах?..

Что же получается? Картины, мебель, скульптура. Их так много, что всеми этими богатствами можно было до отказа забить не только одно из не очень-то обширных помещений замковой башни, а сплошь все его коридоры, залы и зальчики. И неужели что-либо из этих богатств не приглянулось "культуртрегерам" в форме оберштурмбанфюреров, эмиссарам "любителей искусства" Гитлера, Геринга, Гимmlера, Розенберга, Риббентропа, "активистам" "операции Линц"? Нет, не может быть, чтобы все это погибло, сгорело, исчезло от наших взоров навсегда! И потом, вот же радиограмма Розенберга: "Все собрания музеев Минска НЕМЕДЛЕННО НАДЛЕЖИТ ОТПРАВИТЬ В РЕЙХ ДЛЯ РАЗМЕЩЕНИЯ В ЗАМКЕ "ХОЕШТЕДТ". Радиограмма отправлена 20 марта 1944 года. Касалось ли это еще тех музейных ценностей, что оставались в Минске? Или вообще всего того, что было вывезено из Белоруссии, в том числе и в Кенигсберг? Отправили? Спрятали? Сгорело все дотла? И что это за замок "ХОЕШТЕДТ"? Ведь такого, судя по справочникам, в Германии нет. Ошибка? Не "Хоештедт", а "Лохштедт"?

Гвардейск, бывший Тапиау, проезжаем. Справа, через реку, виднеются массивные стены и башни древнего, постройки XIV века, Тапиауского замка. В 1541 году тут, страшно замерзая в огромных помещениях, несколько суток пробыл польский астроном Николай Коперник. Он был не только великим "звездочетом", но и умелым лекарем, и ехал он в Кенигсберг, откликнувшись на зов герцога Албрехта Гогенцоллерна, лечить страдающего "падучей болезнью" приближенного герцога — фон Кунгейма. Теперь в замке тюрьма, холодная, как утверждают ее многочисленные обитатели, как и во времена прусского герцогства. Гулкий мост. Свинцовая, в серебристой кольчуге под свежим ветром, река Дейма. Залитые весенней водой поля. Парочка лебедей, у одного крылья приподняты "парусом", цапля, застывшая столбиком, выглядывает в холодной воде вялых, едва отошедших от зимней спячке лягушек, прошлогодние тростники. Трогательная картинка живой еще Природы.

О чем-то переговаривается с соседом директор историко-художественного музея, милицейский полковник в отставке, высокий, седовласый красавец, шумный, улыбающийся. Я прислушался к его голосу, и в памяти всплыли строчки из книги о Янтарной комнате, вложенные авторами в уста Ангелины Павловны Руденко, о том, что "на должности директоров музеев большевики назначали людей, далеких от искусства". Назначали раньше, назначают и сейчас. И не только милицевских или армейских полковников и подполковников, но и адмиралов в отставке — на должность секретарей творческих союзов, писателей например. Кстати, Обществом охраны памятников истории и культуры в нашей области руководит военный моряк, капитан первого ранга в отставке, тоже очень симпатичный и старательный человек. У милицкого полковника, даже если он и улыбается, взгляд такой пристальный, как бы просвечивающий тебя, что невольно хочется вытянуться, как по команде "смирно", бормоча при этом: "нет-нет, я совершенно не виноват" (или, может быть, такое чувство возникает лишь у меня, страшная блокадная память мальчишки-рыночника, оказавшегося в руках "мильтона"? "Если ты, щ-щенок, еще раз попадешься мне с твоими тремя "картинками", душу с тебя вытряхну!") А куда мне деваться, когда эти три помятые карты, "три картинки", выданные мне моим подвальным хозяином и покровителем, "героическим моряком" Петром Лукичем Ракитиным, спасали меня от

голодной смерти, да и не только меня, в те страшные, отчаянные дни?).

А памятные "знаки", которые сооружаются ведомством бывшего "кап-один", все эти бетонные "символы" и стелы, если на них посмотреть издали, отчего-то ужасно напоминают серые, угловатые контуры боевых, стремительно скользящих по соленой воде кораблей. Фигуру Шиллера вот недавно черной краской "подновили". Блестит теперь классик мировой поэзии, будто киселем облитый. Известно, что военные моряки очень любят красить все, что из железа. Правда, памятник изваян не из железа, а из бронзы, и можно было бы его "надраить", как дряхлят медяшку на любом из судов нашего замечательного дважды Краснознаменного Балтийского флота, где прошла большая часть жизни нашего симпатичного охранителя старины, но общество не боевой корабль, где столько народу для драйки отыщешь? Грустно, не правда ли?

Но вот и половина пути позади, подъезжаем к Черняховску, бывшему Инстербургу, именуемого по-литовски "Исрутис", потому что так называли реку, над которой расположился город, древние пруссы... Весной сорок пятого года наша небольшая экспедиция, "виллис" под брезентовым тентом и "доджик-три четверти" с солдатами охранения, катила среди вот этих, в те дни заваленных искореженной боевой техникой, полей. Было очень тепло. Казалось, что воздух над полями шевелится. Приторно и горько пахло дымом и мертвечиной, все было, как в стихах Саломеи Нерис, сочиненных ею в том далеком году: "Пусть запах пороха в полях пустых, И запах тления нам сердце ранит..." Из машины были видны костры — военнопленные сжигали какой-то древесный и матерчатый, собранный в этих заброшенных хлеботорбами полях, хлам: ящики из-под патронов, рваные, в бурых пятнах, шинели, разодранные пестрые брезенты, маскировочные сети, измазанные глиной и кровью доски из опалубки залитых водой окопов. Вчерашние солдаты бродили по изрытой воронками земле, сидели у костров, что-то варили в котелках, жарили, нанизав на винтовочные шомполы, кусочки хлеба, стянув с себя серые рубахи, давили вшей, стирали в наполненных водой воронках, кто-то спал на ящике из-под мин шестиствольных минометов, а другие рыли огромные ямы-могилы, сносили в определенные места, где, пристроившись в тени, "забивали козла" красноармейцы, брошенные винтовки,

”шмайсеры”, пулеметные ленты и никогда не отказывающие пулеметы ”МГ-34”.

Жаворонок пел! Пел так громко, что рокот двигателя не заглушал его голос из яркой синевы неба. Жизнь! И смерть... То тут, то там возле могил виднелись груды убитых. И эти груды росли на глазах. Одних несли, других волокли веревками, темные борозды вились за трупами. Улыбаясь, Людка подставляла солнцу и теплому ветру свое хорошенькое, подзагоревшее за время нашей поездки личико. Федя Рыбин что-то шептал ей в розовое ушко, и Людка фыркала, как рассерженная кошка, говорила негромко: ”Как не стыдно? Отстань...” — и хмурила свои красивые серые глаза, завивала пальцем золотую прядку, волосы ее всплескивались, хмурость быстро сходила с ее лица, и Федя вновь плотнее пододвигался к ней, опять начинал что-то шептать, я завидовал Феде и ненавидел его, он был настоящим мужчиной, разведчиком, а я всего лишь ”подростком”, как, кривя свои пухлые губы, порой называла меня Люда.

”Товарищ полковник, я внимательно изучил карту, — отодвинувшись от Людки и наклоняясь вперед, проговорил Федя, когда мы въехали на окраину Инстербурга. — Так вот, сразу за мостом, напротив кирхи, нам надо повернуть влево. И мимо Инстербургского замка ехать три километра. Там и будет замок ”Георгенбург”. Достать карту?” Отец кивнул, Федя добыл из своей кожаной, с компасом, сумки карту, подал, и отец расстелил ее на коленях...

Да, вот и тот мостик, брусчатка, небольшая площадь. Вон там возвышалась каменная громада Инстербургского собора. Возвышалась, потому что теперь на его месте нет ничего, пустота. Зброшенный, разграбленный собор простоял лет двадцать, а потом вдруг сгорел. Каменный остов его был разобран, и остались от величественного здания вон те каменные, под черепицей ворота, которые вели во двор собора. Ворота есть, собора нет. Ворота, как и три ступеньки разрушенного дома Саломеи Нерис, — ведущие в никуда.

...Наш ”Икарус” сворачивает направо, а мы в сорок пятом повернули влево и поехали вниз, мимо огромных стен Инстербургской крепости, ее массивных, нависших над городом башен. Стены сохранились до сих пор, а башен нет. И вот то, тоже огромное, красное, готического стиля здание уцелело с тех пор, не знаю, что там было раньше, но что сейчас, знаю хорошо: психиатричес-

кая больница МВД. Как-то, лет десять — двенадцать назад, мне довелось там встречаться с читателями, нет, не с психами, а с рабочим персоналом, врачами, медсестрами, еще какой-то гражданской публикой. Было много вопросов, часа два продолжался разговор, а потом один из начальников этого психучреждения, полный, вальяжный полковник медицинской службы, пригласил меня к себе в кабинет на чашку чая. Спросил, когда мы начали пить чай, слышал ли я что-либо про генерала Григоренко? Помедлив, я сказал, что слышал. Ну да, о нем тогда много вещал "Голос Америки", голос, слушать который было опасно, потому-то я и помедлил, прежде чем ответить, все же я находился в стенах учреждения МВД. "Очень интересный человек, — сказал полковник. — Мы тут с ним часами беседуем. Знаете, какие-то у нас психи подобрались, ну, дураки, а генерал, знаете, невероятно интересный человек. — И, повернувшись, построжав голосом, проговорил в микрофон: — Приведите сюда Григоренко Петра Григорьевича, генерала, так сказать".

Пришел генерал, кивнул полковнику, мне, сел в одно из кресел так привычно и просто, что я тотчас поверил: да, тут он бывает часто, а полковник тоже кивнул генералу в полосатой пижаме, ну же, пожалуйста, говорите! Григоренко пожал плечами, посмотрел на полковника, мол, простите, о чем говорить-то? "Ну об этом, господа, неужели не понимаете?" — усмехнулся полковник и четыре раза похлопал себя ладонью по левой стороне груди. "А, об этом болтуне из Кремля? — засмеялся генерал. — Да что о нем говорить-то? Это вам, полковник, надо ехать туда и забирать его, ну какой же нормальный человек может навешать на себя столько железок?.."

...В тот день, когда мы ехали к замку "Георгенбург", это огромное здание было забито пленными немецкими офицерами павшего Кенигсберга, среди которых были и Отто Ляш со своим верным ординарцем Францем, начальником своего штаба полковником Зускиндом-Швенди, начальником артиллерии полковником Хефкером, многими командирами дивизий и полков, оборонявших Кенигсберг. Спустя некоторое время, после окончания допросов в штабе фронта, Отто Ляшу, сотрудникам его штаба и старшим командирам разгромленного гарнизона предстоял полет на американском "дугласе" в Москву, где вместо "лагеря санаторного типа", как им было обещано командованием 3-го Белорусского фронта, они оказались в тесной, вонючей и сырой тюрьме "Бутырки",

с рыбным супом, который, как писал в своих воспоминаниях Отто Ляш, он запомнил на всю жизнь. Но уж тут ничего не поделаешь, тюрьма есть тюрьма! Несколько позже, в конце мая, когда все пленные немцы кто самолетами, кто в "коровниках", а кто и "пешедралом" отправились в Россию, это огромное и мрачное здание наполнилось другими временными постояльцами, русскими, кто оказался в немецком плену, был освобожден Красной Армией из многочисленных прусских "шта-лагов" и перемещен сюда для "чистки" суровыми и про-ницательными следователями "Смерша". Увы, мало кому удалось "очиститься"! И в Россию покатили новые составы "теплушек", плотно набитых русскими, выжи-вшими в немецком аду и теперь отправляемыми в свой родной ад, на рудники и каменоломни Кузбасса, лесопо-вал Сибири, в "ледяные", на вечной мерзлоте, лагеря Колымы и Воркуты...

Спуск. Поворот. Взгорок. Замок, вознесшийся своими белыми стенами и башнями над обрывистой кручей и до-рогой, вьющейся у его подножья, показывается. Наши машины, ревя моторами, вкатываются в крутую горку, к воротам замка, над аркой которых укреплен позелене-вший рог лося с тремя отростками. В длинной, нелепой шинели, подпоясанной брезентовым ремнем, у ворот тор-чит маленький, худощавый красноармеец. С винтовкой в руках. Завидя полковника, вытягивается по стойке "смирно", а потом, оглянувшись и шмыгнув носом, берет винтовку на изготовку и выкрикивает тонким голосом: "Стой! Кто идет? Кто такие?" Не дожидаясь ответа, кричит: "Товарищ старшина! Тут прибыли какие-то!" Ловко спрыгнув на каменные плиты, Федя отодвигает его в сторону, оглядывает двор и машет рукой: "Заезжайте!" Мы вкатываемся в небольшой, вымощенный брусчаткой двор замка.

Низенький, краснолицый, прибегает старшина. По-правляет гимнастерку, вылезшую из-под ремня, одутло-ватое его лицо пышет жаром, маленькие глаза заплыли, будто от длительного сна. "Старшина Володин! — док-ладывает он. — Несу охранение этого замка, в составе меня и пятерых бойцов!" И, после команды "вольно", осторожно спрашивает: "А вы кто будете, товарищ пол-ковник? По делу какому иль просто так, полюбопыт-ствовать? Тут у нас много бывает разных любопытству-ющих". — "По делу. Из штаба фронта", — говорит отец, показав старшине бумагу, но тот и не смотрит в нее,

кивает: вас понял, хорошо, пожалуйста, будете осматривать замок? — А это что? — спрашивает отец. В углу двора, прикрытые брезентом, стоят три огромных... коня. Из-под брезента торчат их головы и ноги. Черный жеребец, белый и рыжий. А чуть в стороне виднеются прислоненные к стене рыцарские доспехи. Тускло блестит вороненая, с гравировкой, сталь. "Это музейные, так сказать, экспонаты!" — весело и торопливо произносит старшина, спешит к коням, стаскивает с них сырой брезент. Кони оседланы и тоже закованы в железо. Из "доджика" шумно, кто матерится — "твою так, прямо в лужу хряпнулся", кто смеется, — выскакивают солдаты, разминаются, закуривают, топчут ногами, и дворик замка наполняется тревожным гулом. Лейтенант Саша Лобов, командир этих парней, подходит; поправляет шинель, ремни, фуражку. Высокий, подтянутый, розоволицый, очень строгий. Людка выпрыгивает из "виллиса", подбегает к муляжам, гладит сырую морду черного коня. Федя Рыбин, что-то крикнув, ловко вскакивает в седло рыжего коня, натягивает узду, свистит: "А ну, мила-ай, аллюр три креста-а-а!"

"Откуда это?" — спрашивает старшину отец. Закуривает, осматривает коней. Старшина спешит, он подбегает к рыцарям, поднимает забрало одного из них, а там... лицо человеческое! Крупный нос, серые глаза, золотистые пышные усы. Старшина с лязгом захлопывает забрало, поясняет: "Так сказал же я, товарищ полковник: экспонаты, стало быть, музейные. Тут в замке музей был конный, так сказать, вон там... — старшина взмахивает рукой. — За стеной, там завод конный, старинный очень, лошадей какой-то породы особенной. Ну, приказано было: выселить коней и рыцарей конных с музея на улицу. Кто-то их забрать должно, вермитаж какой-то... Да что я все толкую? Тут немец есть, с замку, он тут работал, его и держат специально, чтоб всем, кому надо, ну, начальству военному, чтоб все что надо рассказывал. Ковалев, а ну, одна нога сюда, другая туда, быстро Фрица Ивановича доставь!"

Федя соскочил с коня. Шофер Костя Шурыгин, мрачно усмехаясь, пинал ногой колеса "виллиса", присев, скептически осматривал их и качал головой: нет, на таких покрышках далеко не укажишь!.. Худосочный, белолицый красноармеец со своей длинной винтовкой пробежал мимо, скрылся в замке, а спустя несколько минут прибежал, гоня впереди себя высокого, седого, с пушистыми

и отвислыми усами, как у рыцаря, закованного в железо, Фрица Ивановича, одетого в какую-то нелепую бархатную, со шнурами на груди, куртку.

"Отвечай, что спрашивают! — прикрикнул на него старшина. — Вот, полковнику! Про замок и рыцарей спрашивают, понял?" Старик вытянулся, пристукнул каблуками о камни и бодро гаркнул: "Так есть, пан комендант! Что угодно вам высказывать, пан полковник?" Отец закурил, протянул пачку с папиросами старику, мол, вольно, спросил: "Поляк?" Старик закурил, расслабился, кивнул: "Так есть, пан полковник. Служил тут. В замке. Специалист я, по коням. И — охоте. Тут гротсфельдмаршал Херман Херинг иногда, пан полковник, бывал. Охоту ему мы тут устраивать делали. — Курил он с наслаждением, глубоко затягиваясь, жмурясь. Пояснил: — Когда немцы бежали, пан полковник, я тут остался. При конях. А мой дом, с семья, в Растенбурге, пан полковник. Остался я тут, чтобы присматривал, да? — за то, что брошено тут. За кони и музей!" Отец подошел к одному из рыцарей, поднял ему забрало, заглянул в железный котел шлема. Спросил: "Откуда русский знаете?" Поляк, шедший следом, охотно, будто с нетерпением дожидался этого вопроса, пояснил: "В плену был. Еще в гражданскую войну, в двадцатом году, к русским попал. В двадцать пятом меня отпустили". "А почему Фриц Иванович?" Поляк пожал плечами: "А кто его знает, пан полковник. Говорю: меня звать Яцек, а мне: какой ты Яцек? Ты Фриц, раз тут живешь!" "Древний? — Отец кивнул на башни замка: — Который век?" "О, пан полковник, бардзо древний. В еден тыщца два сто шость-десят четвертом году построен... Раньше епископату Земландскому принадлежал, а году так с тыщца пятисотого — во владение герцога Альбрехта перешел".

Вскрикнула Людка. Федя легко поднял ее и посадил в седло музейного коня. Людка натягивала юбку, но она никак не натягивалась. Отец нахмурился, спросил: "Что это за замок? Расскажите немного". И, повернувшись, прикрикнул: "Что тут происходит? Рыбин! Прекратите немедленно!" Федя ловко-небрежно козырнул: "Есть, товарищ полковник!" Костя Шургин еще раз пнул одно из колес, усмехнулся, мол, черта с два далеко уедешь с такими покрышками, а Федя подошел к муляжному коню, и Людка, проказливо ахнув, кинулась в его протянутые руки.

"Да, тот замок один из древний в Пруссии, — продолжил Яцек — Фриц Иванович. — Очень знаменитый свой история в разных война, и свой конный завод. О, тут

выводилась конь для боевая конница, знаменитый тракененский порода. Был такой еще один конзавод в Бавария. Там символ: лосий рог с семь отросток, а здесь — с тремя. Вот, глядите. — Он подошел к одному из коней и, приподняв на крупе металлическую сетку, показал: — Видите? Тут, на круп, выжигался этот лосий клейм". Отец кивнул, бросил окурок, сказал: "Старшина Володин, мы тут останемся на два дня. Покажите, где можно разместиться бойцам и нам".

Мы пробыли в замке три дня. Облазали его снизу доверху. В его мрачноватом зале все стены были увешаны картинами в тяжелых золоченых рамах. Портреты. Но это были портреты не людей, а лошадей знаменитой тракененской породы. И были картины со сценами знаменитых битв, в которых участвовали рыцари на конях из-под Инстербурга. Вот Грюнвальдская битва. Рыцари тяжелым, бронированно-конным клином врезаются в ряды польско-литовско-русского войска. Битва под Фридляндом: на французских гусар, тяжело содрагая землю, мчит косяк тяжелых прусских кирасир в блестящих панцирях. Кровавое побоище под Танненбергом, август четырнадцатого, прусская конница рубит бегущих по болотистому полю русских солдат армии генерала Самсонова...

"Нет, ни о каком архиве, как вы сказали, товарищ полковник? Фромборкского капитула? Сто двенадцать ящиков с документами? Нет, товарищ полковник, об этом я ничего не знаю, — говорил старшина извиняющимся тоном, разводя при этом короткими, лапастыми руками. — Вот книг тут много. Сами видели!"

Сколько же тут оказалось книг! Наверно, это была одна из самых крупных в Европе библиотек по коневодству. Огромные старинные книги с желтой, толстой бумагой и смешными гравюрами: кони, кони, кони. И книги с цветными рисунками, с фотографиями. "Атласы конские", как их назвал старшина, выволакивая с полок тяжелые фолианты: кони, кони, кони. Какие-то рукописные книги, тоненькие, толстые, переплетенные в кожу, в деревянные, с тиснением, обложки. А еще тут хранилось множество большущих папок с ворохом дипломов и грамот, перечнем наград, полученных георгенбургским конезаводом на различных международных выставках. И сами награды. Их старшина Володин выволок из темной кладовки — обитый сундучок, полный больших и малых медалей. "Вот, поглядите, какие! Жаль, не золотые! Золотые да серебряные, наверно, фрицы все ж успели вывезти". А вот об ящиках с архивом, этого, ну как его... В общем,

капитула, он ничего не знает, уж простите, товарищ полковник. Да, но вот о чем вам интересно узнать: недалеко от замка стоит памятник какому-то русскому генералу.

Какой еще может быть тут русский генерал?

Однако что это?

— Тридцать минут остановка! — возвращает меня из прошлого в настоящее голос шофера. — Кому надо... г-м, по своим делам, то г-м... это учреждение во-он там, за памятником Черняховскому.

Какой это был красивый город. Крутые черепичные крыши матово блестели.

Невысокие, со сложным рисунком фасадов дома. Сложные переплеты окон. Вычурный выгиб дверных проемов. Цветники. Розы. Острые шпильки кирпич. Конечно, кое-что и сейчас сохранилось, но в эту череду старинных домов, как и в Калининграде, словно неповоротливые грубые носороги, влезли серые, бетонные, с голыми и пустыми, как душа их создателей, фасадами пятиэтажки. В одной из кирпич — спортзал, в другой, пожалуй, самой красивой в этом краю, легкой, изящной, устремленной своим острым шпилем в небо кирпиче — склад военного имущества. Груды заплесневелых ботинок и сапог, шинелей, ремней, ящики с каким-то еще, видимо, невероятно важным армейским имуществом, если для его хранения отдано такое прекрасное здание. Жаль, время не щадит! Если в доме никто не живет, он быстро разрушается. И эта кирпич гибнет. Часть обшивки со шпильки сорвана, зияют черные дубовые балки. Сколько они продержатся? Уже множество раз различные общественные организации обращались к местным властям, в горсовет, здание которого находится как раз напротив кирпичи, но в ответ лишь одно молчание. Что же за люди там, руководители городские? Ничего не видят? Не свое, мол, чужое? Или начисто лишены понимания красоты, гибнущей на их глазах? А вот "корнет Александров", он же "кавалерист-девица" Надежда Дурова, служившая в Восточной Пруссии, в Литовском уланском инстербургском полку, восхищалась этой кирпичой.

— Все сели? Никто не отстал? Поехали!

Мягкий гул колес. Всколыхивание, покачивание огромного железного корпуса. Молодые голоса студенток музыкального училища, собравшихся вновь в корме "Икаруса", чей-то неторопливый ломкий юношеский басок, звуки гитары...

— Пан полковник, я не только немец-поляк, но я еще и литовец! Да, так есть, пан полковник, — откровенничал вечером в замке Яцек — Фриц Иванович. — Мой дед был литовцем, пан полковник, так уж все сложилось. Но плохо ли это? Я весь — сплошнявый, да? — "интернационал"!..

Он проводил нас на территорию конезавода, огромные, светлые конюшни которого занимал сейчас хозяйственный взвод пехотной дивизии, расквартированной в Инстербурге. В центре огромного четырехугольного двора был розарий. Памятник стоял бронзовый — конь, легко скачущий, один, без седока, с развевающейся гривой и длинным, взметнувшимся на ветру хвостом. Двери конюшен, украшенные искусной резьбой, выходили на этот плац, но сами конюшни оказались пустыми; почти всех лошадей вывезли отсюда еще в октябре сорок четвертого года, лишь трех коней, самых дорогих производителей, элиту, как пояснил Яцек — Фриц Иванович, оставили. Ждали какой-то специальный транспорт. А потом наступила зима. А потом Пруссия была отрезана от Германии войсками Красной Армии, вышедшими к Балтийскому морю, а вслед за этим как-то неожиданно "красные" очутились и здесь.

Вместо коней в уютных стойлах обитали бойцы хозяйства. На тюки сена были набросаны матрацы, одеяла, полосатые, видимо из соседних домов, перины. В одном углу истоптанного, продавленного колесами плаца дымила полевая кухня. Слышался стук молота о наковальню и чей-то яростный крик доносился: "Держи крепче, заснул, что ли?!" Старик немец в шляпчонке, надвинутой на глаза, брел навстречу. Тщательно выбритое худое, с опавшими щеками лицо его было несчастным. Он что-то торопливо говорил, показывая нам еще издали уздечку, которую зачем-то держал в руках. И вдруг рухнул на колени, заговорил страстно, просяще, быстро: "Герр оберст, герр оберст!" Больше ничего сказать он не мог. Яцек — Фриц Иванович поднял его, подтолкнул: иди-иди! И немец, сгорбившись, волоча ноги, пошел прочь. "За своих коней, пан полковник, переживает, — тяжело вздохнув, сказал Яцек — Фриц Иванович. — И у меня, прошу прощения, духовная моя внутренность тоже бардзо болит. — Отец остановился. Закурили. И Фриц Иванович продолжал свой рассказ: — Коней-то тех, элитных, породу которых многие ста годов выводили, их в фуры запрягли, понимаете? И возят на них убитых, да оружие с полей. А они ж, пан полковник, сотни тысяч золотом стоят. Эти кони, пан полковник, простите меня, пожалуйста,

дороже всего вашего Фромборкского архива. Вы уж, пан, прошу вас, вы скажите там, в старшем вашем командовании, а?"

Наши бойцы из "доджика" вместе с лейтенантом Сашей Лобовым устроились на ночь на первом этаже замка в трех заставленных старинной мебелью комнатах. Отец, я и Федя Рыбин — в графской спальне, где посередине комнаты стояла обширная, под балдахином, кровать, а Людка Шилова поселилась в соседней, маленькой, как ее называл Фриц Иванович, "будуарной" комнатке, там графиня "приводила себя в красоту", как он нам пояснил, прежде чем прийти в постель к графу.

"Фриц Иванович просил йоду и бинтов,— сказала мне вечером Людка. — Коней лечить. Пойдем, сходим на конезавод, а?" Мне хотелось ей нагрубить, мол, иди со своим Федей, к которому ты все жмешься, но я смолчал, сердце мое учащенно забилося, и я как-то поспешно согласился. Людка взяла свою тяжелую санитарную сумку, я — автомат, и мы вышли из замка. "Твой папочка с Федей на чердаке шарятся", — как бы объясняя мне, почему она позвала именно меня, а не Федю, сказала Люда — мы переходили по бревнышку лужу, — вскрикнула "Ай!", качнулась, и я успел схватить ее за руку, поддержать, шагнув прямо в лужу. Рядом со своим лицом я увидел ее прищуренные глаза, ресницы кольнули мне щеку, все это длилось лишь мгновение. Людка пожала мои пальцы своими, холодными, а я их задержал в своей руке. Просто так. Невольно. Я ни о чем в этот момент не думал. Людка остановилась, чуть отодвинулась и посмотрела в мое лицо расширившимися глазами. Улыбнулась, я отпустил ее пальцы и зачем-то вдруг кинулся вперед, засвистел. Людка засмеялась и, придерживая сумку, побежала следом. Солнце опускалось к горизонту. Над круглой башней замка кружили, будто привязанные к ней незримой нитью, несколько голубей. С полевых работ возвращались зеленые огромные фуры, в которые были запряжены три красавца — черный, белый и рыжий. Из ворот конезавода бежал к ним навстречу старый немец. Лицо его было несчастным.

Ужин нам Яцек — Фриц Иванович и комендант замка старшина Володин устроили в графской столовой. На огромном столе лежала шитая золотом, с вензелями, скатерть. Графское фамильное серебро куда-то исчезло, нет, немцы его вывезти не успели, это он, Фриц Иванович, знает точно: огромный ящик с серебром стоял в главном зале еще за двое суток до прихода "красных". Оно где-то

здесь, видно, тут, в замке, есть секретные подземелья, надо, пан полковник, как следует поискать. Но и сейчас посуда была на столе великолепная. Тарелки, чашки и бокалы с гербами, коронами и мечами, скрещенными на фоне подковы. Людка вышла к ужину в длинном парчовом платье с распущенными по плечам волосами. Мы все обомлели, когда она вошла, нет, не вошла — вплыла в столовую, освещенную свечами. Федя вскочил из-за стола, но "пан полковник" остановил его, мол, сиди, поднялся, пошел Людке навстречу, протянул ей свою руку. И Людка ему подала свою, с какой-то странной улыбкой поглядела в его лицо. "С-сука, сука!" — прошептал сидящий рядом со мной Федя, а лейтенант Саша Лобов засмеялся, встал, отодвинул стул от стола, поклонился: "Садитесь, графиня!"

За столом Яцек — Фриц Иванович рассказывал, что этот немец, старик с конезавода, — известнейший в Германии коневод и его отец и дедушка были знаменитыми коневодами. Родился он тут, в конском стойле, на сене, так заведено у настоящих коневодов: перед родами женщина из семейства коневодов уходит в конюшню. И что на различных международных выставках он награжден множеством медалей. За своих коней. Всю семью он отправил в Германию еще в октябре, вместе с лошадьми, а сам остался, не мог бросить тут этих троих коней. "Ползал в грязи. Ползал на коленях. Смазывал мазью и йодом ноги коней, бинтовал... — добавила Людка. — Плакал. — Она повернулась к моему отцу, строго сказала: — Коля, ты там, в штабе, скажи..." — Она поперхнулась, как-то деланно засмеялась, мы с Федей посмотрели на нее, на "пана полковника". Шофер Костя Шурыгин усмехнулся и потянулся к бутылке. Людка поправилась: "Вы, товарищ полковник, поговорите там, а?!!" "Нех жие пшиязнь прусска-поляцка!" — спасая положение, выкрикнул Яцек — Фриц Иванович. Федя захотел, а потом, сделав свирепое лицо, потянулся к автомату. Немец-поляк-литовец побелел и сорвавшимся голосом воскликнул: "То шютка, прошу панове, шютка! Не прусска-поляцка, а польско-радецка, панове!.."

Ночь была беспокойной. Где-то стреляли. Ветер поднялся, завывал, попискивал в неплотно прикрытых окнах. Посреди ночи вдруг страшно закричала Людка, выбежала из своей "будуарной", кинулась к нашей огромной кровати, где мы спали втроем. "Там! Там!! — кричала она. — Там мертвые!" Туалет она искала, сунулась в какую-то комнатку, а там мертвые, мужчина и женщина, закиданные коврами, четыре ноги из-под ковров торчат.

Ничего себе, "светский" ужин возле мертвецов. "Где стол был яств, там гроб стоит..." Оказалось, не мертвые, а манекены, мужчина и женщина, кирасир и амазонка, когда-то вместе с конными рыцарями украшавшие, видимо, главный зал. Какой тут после этого события сон? Пили крепкий, с привкусом табака (в пакете с чаем у Феди Рыбина хранились и папиросы "Беломорканал" россыпью) чай. Закопченный чайник стоял посреди на столе в хрустальном блюде.

Перед отъездом из замка "Георгенбург" мы в сопровождении Яцека — Фрица Ивановича побывали в соседнем, километрах в трех от замка, местечке Гесветен*, где действительно оказался совершенно целый, не поврежденный никем памятник "русскому генералу", да еще какому: крупнейшему российскому полководцу, сподвижнику М. И. Кутузова, Михаилу Богдановичу Барклаю-де-Толли, умершему, как выяснилось из надписи, по-русски и по-немецки, на памятнике, вот тут, в небольшом имении его сестры 25 мая 1818 года. Как пояснил нам Яцек — Фриц Иванович, ехал он, российский фельдмаршал, куда-то на лечение в Южную Германию из Курляндии, из своего родового поместья, да занемог, а потом и помер тут, сердце, говорят, не выдержало. И тело его двое суток находилось в замке. Народ приходил, смотрел.

Мы с удивлением и почтением рассматривали этот великолепный, с орлами и военными символами, отлитый по велению прусского короля памятник. "Князь... российский фельдмаршал, главнокомандующий русскою армиею... — читал Саша Лобов громко и приподнято, читал, поглядывая на нас, — Член государственного совета, кавалер орденов российских Андрея Первозванного, святой Анны, святого Александра Невского... орденов короля прусского Черного и Красного Орла; императрицы австрийской Марии Терезии командор..." — обернулся, не дочитав, пожал своими широкими плечами: — Как это понять, товарищ полковник? Немцы, вечные враги наши, поставили памятник российскому фельдмаршалу? Почему? И не разрушили его. Ни в четырнадцатом году, ни во время вот этой, нашей войны. И посмотрите, как тут чисто, подметено... Это ты, Фриц Иванович, постарался?" — "Что вы, панове! — испугался наш гид, съежился, втянул голову в поднятый воротник своей охотничьей куртки. — Хиер есть тут завсегда ауфреумен... — от волнения он слепил какую-то чудовищную фразу.

---

* Гесветен — ныне Нагорное Черняховского района.

— Прошу панов... тут есть всегда уборщик. И разный был экскурсий. Так принято в цивилизованный мир, панове... — Передохнул. — Тут лежат его внутренний орган, а тело в Эстонии, а памятник сбудоване... построен, да? — в Кенигсберг, за 25 тысяч талеров”.

...”Растает снег, и зацветет сирень...” Миновали Гусев, бывший Гумбиннен.

Через час будем на месте. В поселке Чистые Пруды, некогда именовавшемся Тольминкемисом, там, где жил и нес свою возвышенную духовную службу, сочинял свою великолепную поэму настоятель небольшого собора Кристионас Донелайтис.

”Литва! Литва!! Литва!!!” — Я будто вновь возвращаюсь в Вильнюс, в огромный зал Дворца спорта. ”Это дикость! Варварство. Какие там еще ”Чистые Пруды”?! Не пруды, а пруд. И не чистый, а грязный, запущенный! — внушал мне деятель ”Лиги свободной Литвы” во время перерыва. — Тольминкемис! Вот как называется поселок! Мы требуем, слышите, требуем переименования поселка. Вначале по указанию Гитлера поселки в Восточной Пруссии, имевшие литовские и прусские названия, были переименованы на немецкий лад, а после сорок пятого года по указанию Сталина бывшие литовские названия были вновь переименованы, но теперь уже на российские понятия. Чистые Пруды! А Тильзит — в Советск?! Что ж, теперь Тильзитский мир прикажете называть Советским миром?.. А Калининград?! Город носит имя человека, который подписал самые страшные правительственные указы! О палаческих ОСО, тройках бериевских, о расстреле детей, уличенных в воровстве колосков! Как вы можете жить в городе с таким именем?..” Вита, жена Эдуарда Йонушеса, моего куршского друга, красивая, стройная, ходила по залу и размахивала трехцветным флагом... ”Вы что, совсем с ума сошли? — звонили мне из Клайпеды. — Мы, русские, члены интерфронта, видели, как вы выступали в Вильнюсе на вечере, посвященном Донелайтису, говорили о необходимости и возможности переименования поселка Чистые Пруды в Тольминкемис. Как вы могли?! Нас тут притесняют, с нами не разговаривают по-русски, а вы с ними в одну дуду дудите? И этим занимаетесь ваш Фонд культуры?!” Голова кругом!

”Алло, это канцлер пруссов! — слышу я голос Л. Палмайтиса. Он мне звонит почти каждую неделю. — Итак, вот наши предложения. Во-первых, переименование Чистых Прудов в Тольминкемис. Во-вторых,

непременное сохранение Побеттенской кирхи, где в XVI веке священник Абель Виль создал удивительное творение мирового значения, немецко-прусский словарь, и перевел на прусский катехизис. Затем — Мажвидас, увековечение его имени. Имени человека, который создал первый в Литве букварь на литовском языке. Он жил в Восточной Пруссии, в городе Рагайне (испорченном немцем в Рагнит, в нынешнем так называемом городе Немане), затем...” Спасибо, канцлер, благодарю. Будем контактировать, сотрудничать. ”Литва! Литва!!” ”...в сирени соловей не петть не может”.

А, приехали. Вновь в этот край пришли и весна, и лето, и звонкие молодые голоса. Здравствуй, край Кристионаса Донелайтиса, его мир, куда мы вновь и вновь приезжаем, чтобы читать и слушать сочиненные им поэтические строки, старинную музыку и песни. И стихи, посвященные тебе, Донелайтис, твоей матери-родине Литве. Из подкатившего автобуса с номерными знаками Литвы выходят люди. Кто из знакомых литовских поэтов и писателей приехал на этот раз? Оне Балюконите? Альгис Чекуолис — мы с ним, оба моряки, познакомились когда-то на Кубе? Суровый критик, публицист Пятрас Браженас? Мудрый, хитроватый литовский Сократ — Юозас Балтушис, описавший всю свою удивительную жизнь от мальчика-батрачка до крупнейшего писателя Литвы в романе ”Пуд соли”?

Судьбы человеческие. Сколько образов разных, с такими сложными судьбами людей припомнились мне сегодня, во время этой поездки, и вот еще одна судьба: Кристионас Донелайтис, о котором мы так мало знаем, внешний облик которого удалось восстановить лишь по его черепу, но в этом ли дело? Главное, что ты, Донелайтис, существовал, что ты так прочно, правдиво и любовно рассказал в своей поэме о людях, которых любил и защищал от жадных германских помещиков, чей труд воспел в своих тяжеловатых, кажется, пахнущих землей, потом и навозом, трудностями крестьянского бытия стихах.

Судьбы человеческие, будто выплывающие из небытия... В конце шестидесятых годов я оказался тут в составе небольшой комиссии, целью которой было выяснить: возможно ли восстановить разрушенную в конце войны кирху, где читал свои проповеди Донелайтис? Погода была скверная, осенняя. Дождь мелкий, гриппозный сеялся. На сыром, осклизлом холме мрачно громоздились развалины. Ни одной целой стены. И тишина,

нарушаемая лишь карканьем потревоженного воронья. Запустение и тоска! Трудно было поверить, что могут отыскаться силы и возможности для воссоздания из праха и тлена кирпичи, в которой когда-то звучал голос поэта. "Уж и не помню, сколько кабинетов обошел, в скольких приемных сидел в томлении: примет высокий областной или столичный чиновник, не примет?" — как-то рассказывал Эдуардас Межелайтис, один из тех, кто мужественно, настойчиво добивался в различных инстанциях в Вильнюсе, Москве и Калининграде разрешения на восстановление кирпичи. А потом — добывание средств, материалов, проклятых лимитов, сколько он сил положил, оставив поэзию, на это благородное дело. "Сила, что всякий труд играючи одолевает, Есть величайший дар, ниспосланный господом богом..." — как тут не вспомнить эти слова Донелайтиса из главки "Летние труды"? Одно лишь следует подчеркнуть: не играючи одолевались косность, бюрократизм, элементарное невежество и непонимание некоторыми "ответственными" людьми значения Кристинонаса Донелайтиса не только для литовской, но и всей нашей отечественной и мировой литературы. Увы, все ли это его значение и всем ли понятно и сейчас?

Звучат высокие детские голоса. Свершилось. Храм воздвигнут. Белые каменные стены, узкие, с витражами, окна, башня, с высоты которой открывается такой впечатляющий вид. Поет свою звучную мелодию скрипка. Солнечный луч косо упал в окно. Жизнь! Поэзия, чья животворная нить не порвется никогда — ни в голод, ни в чуму, ни в грохоте войны. Кирха полна людей. Литовцев и русских. Напряженные лица, ловящие музыку и слово. Такое чудо! Такая находка, ценою выше многих кладов, это здание, это слово, музыка, эта память. А в широко распахнутую дверь на холме, что против кирпичи, виднеется дом поэта, и он уже восстановлен, матово светится под лучами солнца свежая черепица. Тут будет своеобразный, редкостный по красоте и значению уголок старинного Тольминкемиса, все, кажется, идет к этому.

Судьбы человеческие, судьбы старинных зданий, картин, литературных произведений. Как-то в Вильнюсе мне показали рукопись поэмы "Времена года", что была с величайшей осторожностью извлечена из сейфа небольшой железной комнаты. Сколько раз ветер Истории мог смахнуть в небытие великое творение неизвестного крестьянского поэта! И вот ведь трагизм жизни поэта: он не увидел сочинение изданным, ушел из жизни просто человеком,

пастором, ушел, не ведая, что в будущем случится с его "Временами года".

Великие творения не погибают. Рукописи не горят! В судьбу поэта вплелись судьбы других людей. Односельчанина Иоганна Готфрида Иордана, попросившего у вдовы Донелайтиса Анны Регины оставшиеся от мужа бумаги. Судьба профессора Кенигсбергского университета Людвикаса Резы, заинтересовавшегося творениями пастора из Тольминкемиса. И еще одного пастора — Иоганна Фридриха Гольдфальдта, у которого оказались переписанные им две части поэмы — "Блага осени" и "Зимние заботы", подлинники-то этих глав погибли во время нашествия Наполеона. И вновь — Людвикас Реза, бывший рыбак с Куршской косы, ставший крупнейшим германским ученым, переведший на немецкий язык и издавший поэму Донелайтиса на свои деньги в Кенигсберге. И переводчик Д. Бродский, благодаря которому мы, русские, смогли прочесть множество раз изданную в нашей стране поэму сурового, немногословного, но живущего добротой и для добра литовца.

Звучали литовские и русские песни. С печальным юмором, с усмешечкой рассказывал о своем трудном детстве, о нелегком житье-бытье мудрый Балтушис, вспоминал, как в сорок четвертом году, еще во время войны, в Москве отмечался юбилей великого поэта. Читала свои новые, горькие стихи Оне Балюконите — на фоне узкого окна она будто картина, врезанная в солнечную раму, вся в черном, черные волосы, черные горящие глаза... Тишина в зале. "Колыбельная" Моцарта. Исполнители — студенты Калининградского музыкального училища..."

Итак, как быть? Тольминкемис? Чистые Пруды? Когда мы произносим "Ясная Поляна", то подразумеваем: великий Толстой. Когда говорим — "Михайловское", то знаем — тут жил, создавал свои великие творения Пушкин. Также и название "Тольминкемис" накрепко, исторически слилось с именем Кристионаса Донелайтиса. А что же стоит за названием Чистые Пруды? Многое стоит тоже! "Многие из нас тут прожили всю свою жизнь. Тут у нас родились наши дети, у них тоже родились дети, наши внуки, — письмо вот такого содержания пришло в Фонд культуры. — И мы все привыкли к этому названию: "Чистые Пруды". Признавая гений Донелайтиса, мы тем не менее категорически против переименования поселка!"

Что же делать? Не надо торопиться. Не следует подгонять время, не будем обвинять друг друга в непонимании, невежестве, неуважительности. Будем терпеливыми

и терпимыми, такими, какими должны быть все люди, о которых ведет речь в своей поэме Кристионас Донелайтис, не надо все с наскока, с ходу, нужно подождать, чтобы эта идея вызрела и тут, в среде живущих на этой земле крестьян.

— Почистили колодец, из которого брал воду Кристионас Донелайтис, — говорит мне один из реставраторов дома поэта. — Попробуйте, какая вкусная, живая вода.

Удивительно. Засыпанный, забытый людьми колодец сберег для нас, литовцев и русских, для немцев, украинцев, латышей и белорусов — для всех, кто помнит, чтит Донелайтиса, его творчество, кто верит в то, что поэзия не разъединяет, а накрепко объединяет, сдруживает народы — чистую, живительную воду! Давайте же будем пить эту воду.

— Рукопись Кристионаса Донелайтиса была найдена в горящем замке "Лохштедт", — говорю я Эдуарду Йонушесу. Мы стоим с ним на высокой Желтой дюне, с которой видны и море, и залив, и черепичные крыши небольшой, в прошлом рыбацкой, деревни Пярвалки, на Куршской косе, где когда-то жил Людвикас Реза. Юношей ушел он из этих пустынных мест в Кенигсберг, чтобы спустя годы стать ученым, известным деятелем литовской культуры, профессором Кенигсбергского университета. Вот он стоит за нашими спинами: суровое, с жесткими чертами лицо, сырые, тяжелые пряди волос, отброшенные ветром. Эдуард вырубил его из золотисто-коричневого ствола дуба. — Рукописи настоящих, великих произведений, как ты, Эдуард, конечно, знаешь, не горят. Она была зажата в руке убитого офицера...

— Это ты придумал, да? Почему в руке офицера?

— Разве такое придумаешь? Как-нибудь я прочитаю тебе краткий отчет академика Покарклиса, который занимался поисками рукописи поэмы "Времена года" Кристионаса Донелайтиса сразу после завершения боев в Восточной Пруссии. Смотри, чайки с моря летят на залив. Будет шторм, да?

— А что с теми конями? Из замка "Георгенбург"?

— Отец докладывал в штабе фронта о ценности тех коней, но что с ними стало, не знаю. Куда-то увезли. Сейчас на конезаводе выводят новую породу коней. За одну лошадку в прошлом году на ярмарке американцы заплатили тысячи долларов, но жаль: сами здания конезавода запущены, рушатся. Денег, даже

валюты, зарабатывают на конезаводе много, но все уплывает в Москву, на ремонт денег нет. Замок? А он сейчас ничейный! Да, представь себе, никому не принадлежит. Живут там с десятков семей, а замок разрушается. Башня рассыпалась, крыши проваливаются, со старинного балкона, с которого открывается великолепный вид на поля, леса, долину бывшего поместья сестры Баркляя-де-Толли, где он умер, обитатели замка прямо вниз, в бывший роскошный сад, сливают помои и выбрасывают мусор... Сейчас мы ведем переговоры с областным управлением по туризму. Если бы весь этот замок восстановить, то ради того, чтобы хоть одну ночку провести в самом настоящем замке, туристы приезжали бы из Владивостока! Кстати, на конезаводе бывают бракованные лошади: пожалуйста, их бы можно было купить. И организовать поездки верхом по красивейшим местам, где когда-то Гинденбург проводил свои боевые учения. Там еще и башни Гинденбурга сохранились; и поля, леса, озера...

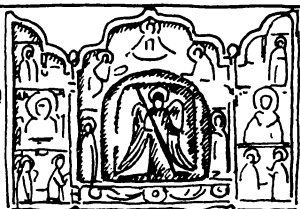
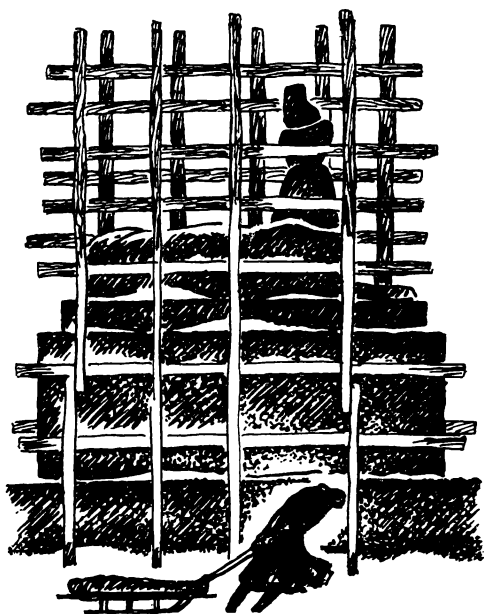
— А что с тем немцем? Коневодом?

— Когда коней увозили, он умолял: "Возьмите и меня. я для них что отец, они для меня дороже детей!" Не взяли. Ведь иностранец! И как только коней свели из конюшен, он повесился...

Ветер поднимается. Чайки летят над дюнами с моря на залив. Значит, будет шторм, это верная примета. Ветер треплет длинные седые волосы Эдуарда. Он гладит твердой от топора ладонью сырое основание памятника, говорит:

— Начинаю новую работу: Иисус Христос, распятый на кресте. Он будет стоять на самой высокой дюне Куршской косы и будет виден с суши, моря и залива... Как символ страданий человеческих, символ Стойкости и Веры. Это будет памятник всем загубленным, убитым и в мирное и в военное время, погибшим в лагерях и застенках на Западе и на Востоке, на Севере и Юге. Памятник людям. Мужчинам и женщинам, взрослым и детям, тем, кто погиб от голода в Ленинграде и Кенигсберге... В этом памятнике будет и частичка твоего несчастного Инстербургского коневода... Огромный ствол дуба уже лежит возле мастерской. Топоры наточены. Если хочешь, можешь помочь срубить лишнюю древесину...

Последнее плавание ”Вильгельма Густлова”

“...Итак, подведем некоторые итоги наших многотрудных поисков. Получив, разобрав и рассортировав тысячи бумаг, документов, справок, запросов, различных “свидетельств” множества заявителей, мы имеем достаточно стройную систему “главных версий”. ИХ ЧЕТЫРЕ. 1. “Кенигсбергская”: комната осталась в Кенигсберге, как и огромное количество прочих исторических и культурных ценностей. 2. “Морская”: Янтарная комната “уплыла” из Кенигсберга, но не доплыла, или ее часть — до Данцига, Киля, Гамбурга либо какого иного германского порта. Утонула вместе с судном, на котором плыла. И янтарь вернулся туда, откуда его когда-то добыли люди... 3. “Шахтная” версия: “Бернштайнциммер” благополучно, по суши ли, морем ли, но добралась до Германии и была помещена в саксонских рудниках, в шахтах, которые были взорваны. И — 4. “Заморская”: Янтарная комната, миновав Балтийское море, прибыла в один из портов Германии, была перехвачена американцами и отправилась в свое заокеанское плавание... Вот они, четыре главнейшие версии, и, как мне кажется, еще какой-то, пятой, БЫТЬ НЕ МОЖЕТ! Что же, с новыми силами примемся за работу! Что же касается “сокровищ стеклянных ящиков”, то тот звук, о котором я раньше вам сообщал, становится все более громким, устойчивым. Как вы, дорогая графиня, знаете, я в прошлом — солдат-сапер, минер. Сколько мин я разминировал! И вот сейчас будто с миноискателем иду. И уже слышу отчетливо и ясно звук, голос предмета, который ищу...

Ваш Георг Штайн”.

“Уважаемый Георг Штайн! По Вашей просьбе сообщаю все, что известно по поводу оберштурмбанфюрера СС Рингеля. Вот текст его радиограммы: “Янтарная комната взята под охрану и помещена в определенное место, известное как “Б. Ш.”. Верхние части защиты повреждены взрывом. Небольшие потери от вражеских рук.

Ухожу к заранее согласованному месту. Ожидаю дальнейших указаний. Отто Рингель, оберштурмбанфюрер СС”. Дано в русской интерпретации 29—30 января 1945 г.

Ваша Е. Стороженко”.

“Операция “СПАСЕНИЕ”. Весьма уважаемая Елена Стороженко! Благодарю Вас за сведения по Отто Рингелю. Вы пишете о ненадежности источника (комиссия Кролевского), но у меня на этот счет есть свои соображения. Поскольку мы договорились об обмене информации, сообщаю Вам, что радиограмма, как мне удалось выяснить, могла быть получена на радиостанции СС... в Северной Баварии, поскольку оттуда имелась прямая радиосвязь с Фрибургом близ Берна, в Швейцарии, где работала специальная оперативная группа СС по переправке нацистских ценностей в Швейцарию. Одновременно с этим пересылаю Вам несколько интересных документов, в частности “ДОКЛАД” по операции “СПАСЕНИЕ”.

Ваш Георг Штайн”.

“ОПЕРАТИВНЫЙ ШТАБ РЕЙХСЛЯЙТЕРА РОЗЕНБЕРГА для оккупированных территорий. 28. 4. 1944 г. Рига. ул. Вильгельма Пурвитиса, 62. Тел. 2-99-76.

ДОКЛАД о спасенных сокровищах искусства в оперативной зоне ГА “СЕВЕР”.

Офицером по искусству группы армий “СЕВЕР”, ротмистром графом Золмсом с полного согласия оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга из оперативной зоны ГА “Север” с целью СПАСЕНИЯ вывезены следующие ценности искусства: 1. Сотни весьма ценных икон XIV—XVII веков из соборов Новгорода и Пскова. 2. Оборудование (мебель, фарфор, картины) — из царских дворцов ГАТЧИНЫ, ПАВЛОВСКА и ЦАРСКОГО СЕЛА. По заключению эксперта-искусствоведа Роскампа, это весьма ценные предметы искусства, которые, по его мнению, вообще должны быть вывезены из России для их СПАСЕНИЯ. В настоящее время они передаются на

хранение в эти инстанции и три различных места хранения: 1. Минимальная часть размещается в Бреслау в здании выставки группы армий "Север". 2. Около 30 икон и оборудование трех кабинетов из царских дворцов размещаются на выставке ГА "Север", проводимой в рамках войскового обслуживания в Риге. 3. Около 650 икон, 18 ящиков с фарфором, 16 ящиков с люстрами, 25 единиц мебели размещает в Лееберге оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга. (Вывоз около 4 вагонов произведений искусств из Риги в Лееберг предположительно будет завершен в начале мая.) Предметы искусств, находящиеся в настоящее время на выставках в Бреслау и Риге, проводимых ГА "Север", в соответствии с пожеланиями передаются в распоряжение командования ГА "Север" и, вероятно, для оборудования МУЗЕЯ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК в ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ. Распределение спасенных произведений искусства по вышеназванным инстанциям и местам их размещения является умышленным. При этом нарушена закономерность комплектации предметов мебели из гарнитура или изъяты различные предметы из царских комплектов Новгородского Севера.

Начальник участка штаба Розенберга, д-р Нерлинг".

"СПЕЦИАЛЬНЫЙ ГРУЗ!" В дирекцию Хапаг-Ллойд, А.О. Баллиндамм, 25, ГАМБУРГ.

Весьма почтенные дамы и господа! В ходе проведения исследовательской работы по поиску исчезнувшей ЯНТАРНОЙ КОМНАТЫ и прочих сокровищ из дворца Царского Села я натолкнулся на принадлежащее вашему пароходству судно "Патриа". 22 января это судно немецких военно-морских сил находилось в ПИЛЛАУ и использовалось в качестве командного пункта и жилого помещения. 24 — 26 января 1945 года на него были перегружены с легкого крейсера "ЭМДЕН" САРКОФАГИ генерал-фельдмаршала фон ГИНДЕНБУРГА и его супруги вместе с еще не установленным СПЕЦИАЛЬНЫМ ГРУЗОМ. Это быстроходное судно вашего пароходства, построенное в 1938-1939 годах, взяло курс на СВИНЕМЮНДЕ — ШТЕТТИН. Далее гробы были перевезены через ПОТСДАМ в БЕРНТЕРОДЕ — ЭЙХСФЕЛЬД, а СПЕЦИАЛЬНЫЙ ТРАНСПОРТ — "СОКРОВИЩА ИСКУССТВА" — поступил туда не в полном составе, не установлено, куда делась остальная его часть. Прошу незамедлительно предоставить мне для изучения все имеющиеся в вашем распоряжении документы на это судно

и его тогдашний экипаж, а также прошу поскорее выдать мне списки оставшихся в живых офицеров и членов экипажа. Я готов в любое время вступить в контакт с вашими представителями как по телефону, так и лично для выяснения данного вопроса.

*С большим приветом к вам — всегда ваш
Георг Штайн.
Штелле, 5 августа 1984 г."*

"Калининград, Фонд культуры.

В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ я напишу Вам подробное письмо о всех наших невеселых делах, а пока могу сказать, что в последние несколько лет наш отец, Георг Штайн, становился все более нервным, нетерпимым, характер его менялся на глазах. То он был весел, распевал песни и как-то шумно, неестественно смеялся по любому случаю, то мрачнел, грубил, швырялся мебелью и посудой и пил до бесчувствия, запершись у себя в комнате.

Ваш Гебхардт".

"НАША ВСТРЕЧА ПРОИЗОЙДЕТ В ГДАНЬСКЕ! Рад, что Вы нашли возможность приехать в Польшу. Как только Вы окажетесь в Гданьске, тотчас опустите открытку "до востребования", с указанием Вашего отеля. Я сообщу Вам все, что мне известно по пароходу "ПАТРИА", "ГУСТАВУ ГУСТЛОВУ", "ГЕНЕРАЛУ ШТОЙБЕНУ", а также о том, как проходила экспедиция под кодовым названием "АКУЛА". Вы же мне предоставляете ВСЕ ИМЕЮЩИЕСЯ МАТЕРИАЛЫ по затопленным в Балтийском море немецким судам. Если будете что-либо писать о нашей встрече и переговорах, то мое имя МАРЕК. Со своей стороны я тоже гарантирую, что не буду Вас именовать Вашим подлинным именем, если буду давать какую-либо информацию о нашей встрече в Гданьске.

Итак: Ваш МАРЕК, до встречи в Гданьске..."

Поезд трогается, серый, продутый сырым зимним ветром перрон плавно откатывается назад. Кто-то машет рукой, кто-то куда-то бежит, носильщики катят пустые тележки, лица у них серые, раздраженные. Сыплет пушистый сырой снег, поезд набирает скорость, и перрон, Белорусский вокзал, Москва — все остается позади, за плотной стеной усиливающегося снегопада. Иностранная комиссия нашего писательского союза наконец-то

откликнулась на мою просьбу, оказала серьезную поддержку, и вот я еду в Польшу. Вначале в Варшаву, где я хочу добыть чертежи "копилок", стоящих на площадях, в вокзалах и отелях, изучать технологию их обслуживания и охраны, потом — в "Город Марии" Мариенбург, называемый ныне Мальборк, в крупнейший замок Европы, мальборкский, в гнездо Тевтонского ордена, где несколько лет Великим Магистром ордена был, так сказать, "наш" человек, Ульрих фон Юнгинген, проходивший в начале XV века боевую практику в качестве комтура (коменданта, командира) замка "Бальга". Затем — поездка в Олыштын, где я надеюсь увидеться с подполковником Нувелом, о котором мне писал Болеслав. И — в Гданьск. На встречу с "Мареком".

Мы, трое пассажиров, ворочаемся в тесном купе, пытаемся куда-нибудь рассовать наш небольшой багаж. Все же отечественные вагоны попросторнее, чем эти спальные, польские. Ну вот, кое-как устроились. "Панове желают хорбаты?" — предлагает проводник. Панове желают. Проводник, принеся стаканы с чаем, просит тотчас рассчитаться: "Нет, прошу бардзо панов, хорбаты стоит не 5 копеек, это уже не Россия, панове, а 50. Дзякую бардзо, если кто еще пожелает, прошу бардзо постучаться в дверь. В любое время суток, панове, но ночью хорбаты будет стоить рубль стакан, да-да, ночью двойная цена, панове, так живет вся Европа..."

Быстро темнеет. Поезд катит в Брест. Все устали, а потому решаем, что лучше лежать, чем сидеть, и после некоторого изучения рычагов, пружин и широких ремней устанавливаем еще две, одна над другой, полки, а вскоре и устраиваемся на них. Я, как самый легкий, вскарабкиваюсь наверх, а мои соседи вталкиваются на свои лежаки с некоторыми трудностями, оба люди крупные, рыхлые.

Устраиваюсь поудобнее, зажигаю над головой лампочку и выволакиваю из папки грудку бумаг. Почитаю перед сном. Путь дальний. Надо освежить в памяти все, что я уже знаю по второй, "морской" версии Георга Штайна. Какие-то блеклые огни мелькают за окном. Мне надо на запад, но вместо этого я вначале ехал на восток, в Москву... Я уже двое суток в пути, еще сутки мне предстоит провести в этом тесном, душном вагоне. Как все глупо! Если из Калининграда ехать на машине, то на весь путь до Гданьска ушло бы всего два часа! Тридцать километров до границы и там, кажется, шестьдесят. Два часа — и трое суток! Я побывал у нескольких областных

руководителей, просил: дайте разрешение ехать на своей машине, ну какой смысл тратить на дорогу, туда — сюда, шесть суток вместо четырех-пяти часов? Увы, нельзя. Но почему "нельзя"? — Нельзя, потому что — нельзя, вот и все. Ладно, черт с ним, еду поездом, но почему десятки тысяч тонн грузов из Польши, ГДР и других стран Европы для Прибалтики везут вот таким "колесом", через Брест, когда можно было все это транспортировать напрямую, через Калининград? "Нельзя!" Говорят: "Скупой платит дважды", а неразумный — не трижды ли? Да черт с ними, этими майорами, полковниками, секретарями, председателями, штабами, управлениями, запрещать — это суть их жизни, деятельности: разреши, так и окажется, что масса людей вообще не нужна, я же попытаюсь все же вернуться не через Москву, а напрямую. Попрошу, чтобы мои польские друзья подвезли меня к границе, документы у меня в порядке, может, и пропустят домой, почему бы и не попробовать?

Однако что нам уже известно по этой второй, очень важной "морской" версии Георга Штайна?

"ХАПАГ-ЛЛОЙД, Акционерное общество.

Весьма почтенный господин Штайн. Мы приняли к сведению Ваше письмо от 5-го сего месяца, в котором вы запрашиваете разрешение на ознакомление с делом судна "ПАТРИА", а также адреса еще живущих офицеров и членов экипажа. По известным причинам и принимая во внимание закон о защите прав человека, мы не можем выдавать конфиденциальные дела посторонним лицам, тем более пересылать их... Исследуемый Вами случай нам, к сожалению, мало известен, тем более что он связан с периодом третьей империи, и, не зная личностей, тем более за указанный период, мы не можем дать никаких справок. Рекомендуем вам обратиться во Фрейбург, в военно-морской архив, к господину Форрвику.

С дружеским приветом Отто И. Зайлер".

Вот так "дружеский привет"! Представляю, с каким нетерпением дожидался Георг Штайн вестей из Хапага. И какую он испытал досаду, открыв конверт. И тотчас отправил в Хапаг новое послание.

"Весьма почтенные господа! Мне не встречались еще люди подобные г-ну Зайлеру, которые бы так нагло поступали... Своим письмом от 23 августа 1984 года вы осрамили себя с ног до головы.

С дружеским приветом — Г. Штайн".

Судя по всему, больше никаких сообщений из

ллойдовского акционерного общества он не получил. Да, что-то с ним происходило. Все чаще в архиве попадаются письма, написанные будто бы и не им, добропорядочным, наделенным юмором и большим терпением Георгом Штайном. В письмах звучит досада, раздражение. Собственно говоря, тут все понятно: кто-то что-то знает, но скрывает, утаивает такие важные — нет, не только для него, а для всего человечества — сведения! Все засекречено, запечатано, заштамповано черными грифами: "Совершенно секретно", "Без права информации"! Да, он получает ответы из множества ведомств, архивов, институтов, порой подробные и вежливые, но какие-то зыбкие, неясные: намеки на сведения, но не сами сведения! Время уходит. Сил все меньше. Долги, которые все растут, нервы не выдерживают...

Обругав господина Зайлера, Георг Штайн все же не погнушался его советом и теперь отправляет послание в город Фрейбург, начальнику военно-морского архива.

"Многоуважаемый господин Форрвик! В настоящее время меня интересует корабль "БРАНДЕНБУРГ", оперировавший в северной части Балтийского моря. 12 октября 1944 года он покинул ЛИБАВУ (Лиепая) и взял курс в западную часть Балтийского моря. Корабль был приспособлен для перевозки личного состава войск и под военный плавгоспиталь. Есть ли в вашем отделе документы об этом корабле? В каком направлении пошел далее этот корабль после ПИЛЛАУ, СВИНЕМЮНДЕ или КИЛЯ?"

Ответил ли ему доктор Форрвик? Пока в архиве Штайна мы ответного письма не обнаружили, а Георг Штайн пишет вновь во Фрейбург. Теперь его интересуют "ВИЛЬГЕЛЬМ ГУСТЛОВ", пароходы "ГЕНЕРАЛ ФОН ШТОЙБЕН" и "МОНА РОЗА". Все они уходили из Пиллау в январе сорок пятого года. Перегруженные сверх меры, как пишет Штайн господину Форрвику: "Свидетели утверждают, что не только множество людей увозили эти суда из пылающей Пруссии, но и огромное количество грузов. На пирс, где были ошвартованы суда, подходили и подходили грузовые машины. В основном их сопровождали и охраняли солдаты войск СС. Выгружали из машин и погружали на суда множество очень крепких, отлично изготовленных р а з л и ч н о й величины ящиков! (Может быть, это именно те ящики, о которых писал Мартин Борман? Для специальных грузов, а имен-

но различных музейных сокровищ? — Ю. И.) Что в них? Пирсы были заполнены толпами людей. Раненые солдаты, женщины, дети. Их не пускали на суда, а ящики грузили! Если бы это было оружие, то ящики были бы все одинаковые, обычного зеленого или серого цвета, с характерными, черного цвета, пометками. Свидетели утверждают, что суда отваливали от пирса, нагруженные так, что иллюминаторы нижней линии уходили в воду. Не имеются ли в архиве коносаменты с этих судов? Примите мои заверения. *Всегда Ваш в надежде на Ваши сообщения...*

И вот еще документ, так или иначе связанный с "морской" версией Георга Штайна, заявление некоего Ержи Ястребски из местечка Балчи. "В силу определенных обстоятельств некоторое время находясь в Кенигсберге в составе войск специального назначения СС, а затем — гестапо, я был откомандирован в музейные мастерские при Управлении Кенигсбергских музеев, которыми руководил д-р Альфред Роде. В апреле 1945 года, не помню точного числа, но всего за несколько дней до штурма Кенигсберга, я получил приказ доставить в порт ПИЛЛАУ (в настоящее время русский порт БАЛТИЙСК) семь грузовиков с таинственным грузом, о характере которого мне совершенно ничего не известно. Груз был упакован в специальные, разных размеров, хорошо сделанные ящики и сопровождался специальной охраной во главе с офицером гестапо. В мою задачу входило проследить, чтобы ящики не кантовались, чтобы их не бросали, в общем, чтобы с ними обращались с аккуратностью. С большими сложностями, буквально продираясь через толпы беженцев, мимо взорванных грузовиков, бронемашин и танков, съезжая порой с шоссе, попадая под обстрелы, мы добрались в горящий, запруженный ранеными, женщинами, лошадьми, повозками порт Пиллау, но оказалось, что ни одного готового выйти в море судна на этот день нет. Был получен приказ возвращаться. И мы с такими же сложностями и трудностями, попав под несколько бомбежек, добрались до готовящегося к обороне Кенигсберга. Грузы были доставлены туда, где нами были получены, — к ТЮРЬМЕ. Спустя три дня, за день до начала штурма города русскими, груз был помещен в БУНКЕР под одной из стен тюрьмы, и вход в него, вместе с частью тюрьмы, был взорван".

Господи, сколько всяких сообщений, версий! Кажется, в своей жизни я никогда не читал столько писем и документов. Они лежат дома на моем столе пачками. И еще

— этот Ержи Ястребски, который сам, водителем и экспедитором, таскался по дороге Кенигсберг — Пиллау с таинственными ящиками. У какой тюрьмы их, эти ящики, сгрузили? У следственной, той, что на бывшей Бернекерштрассе, ныне действующей? Или той огромной тюрьмы, в районе университета, кажется, на Паульферштрассе? Сейчас в ней какие-то кабельные сети расположились. Где адрес этого Ержи Ястребски? Может, о нем что-нибудь знает Марек, с которым мне предстоит встретиться в Гданьске? А, тут еще есть приписка: "В 1973 году Эрих Кох сообщил судебным исполнителям, что Янтарная комната по его распоряжению специальной группой особо ответственных исполнителей, которыми командовал "О. Р." (приписка Георга Штайна: "Это Отто Рингель?! А кто-то утверждал, что он просто литературный герой!"), была эвакуирована из Кенигсберга в Данциг (Гданьск) и там погружена на транспортное судно, для отправки в один из портов Германии (приписка Георга Штайна: "На какое судно? Этот болван мог сообщить, на какое именно? Эти судебные исполнители, польские, могли вытянуть из Коха признание: достигла "Бернштайн-циммер" точки своего конечного пути? В Саксонию она "уплыла"? В какое-то другое место?")".

Как ужасно храпит этот пассажир, что лежит этажом ниже!..

— Вы копилку уже осмотрели? — спрашивает меня директор Варшавского Королевского замка профессор Александр Гейстор.

Да, конечно. Не только осмотрел, но и сфотографировал во всех ракурсах, возможно, мы будем делать именно такую.

— Эта идея, поставить копилку для сбора средств на восстановление разрушенного во время войны замка, возникла в 1970 году. В следующем она уже стояла. Сколько собрано денег? Минуточку... — Профессор достает из стола объемистый журнал. Он худощав, тщательно одет, свежая белизна рубашки, умело завязанный узел галстука. Прекрасная русская речь, но профессор знает не только русский — и английский, немецкий, может говорить по-испански и по-французски. Листает. — Знаете, у нас нет полных данных, сколько денег собрано через копилку на сегодняшний день, но, например, с 1971 года по 1984-й пожертвования составили... м-м-м... сумму в один миллиард пятнадцать миллионов четыре-

ста двадцать одну тысячу девяносто три злотых... — Смотрит на меня. — Хотя у злотого и не очень высокая покупательная способность, инфляция, но все же: миллиард! — Вновь смотрит в журнал. — Да, и еще — миллион восемьсот двадцать одна тысяча двести двадцать шесть долларов.

Отодвигает журнал. Поясняет:

— Надо сказать, что больше всего денег поступило тогда, когда мы только начали их собирать. Когда поляки и гости Варшавы видели руины Королевского замка. Как только появились стены, крыша, засверкали стекла в окнах — приток денег поубавился.

— Замок весь построен именно на эти пожертвования?

— Нет. Этого бы нам никогда не хватило. Много денег в строительство вложило государство. Как сейчас? В год поступает четыре-пять миллионов злотых, волна как бы откатывается, но тем не менее... Как копилка охраняется? Никак. Нет никакой охраны. Нет какой-либо сигнализации. Нет, нападений на копилку не было. Попытки хищения денег? Нет, что вы. Разве такое возможно?... Как производится съем денег? Уже многие годы этим занимается группа пожилых людей, ветеранов войны, обычно раз в квартал. Комиссия из девяти человек. Деньги складываются в мешок, их несут вот в ту комнатку, высыпают на столы, и ведется подсчет, составляется акт и деньги отправляют в банк. — Снимает очки, дует на стекла, протирает их замшей. — Да, денежная волна схлынула, а эксплуатация замка стоит так дорого, да и реставрация множества его залов, вы уже осмотрели замок?

— Это просто чудо...

— Все так дорого! Ценные породы дерева для паркета, зеркала, мрамор, мебель, позолота, шпалеры, а в банке у нас сегодня на счету копейки. 160 тысяч долларов — на эти деньги мы покупаем совершенную американскую отопительную систему, и, смешно сказать — четверть миллиона злотых! Вот думаем, — стучит себя пальцем в лоб, — соображаем, как бы еще добыть денег? Сейчас создаем Общество друзей замка, каждый, кто желает войти в состав друзей, внесет ту или иную сумму, но и льгота: каждый такой друг замка сможет прийти в него в любой день и час. Вы видели, какая очередь у касс замка? 500 тысяч туристов в год! Чтобы попасть в замок, варшавянину приходится покупать билет за месяц вперед. — Надевает очки, быстро взглядывает на

часы, и я понимаю, что наше время истекло. Говорит: — Ставьте у себя копилку. Испокон веков люди хотят хоть чем-то, хоть небольшой суммой, но помочь истории, сохранению того или иного памятника, но знаете, идти на почту и посылать нам 200 — 300 злотых — это примерно рубль — немножко смешно, правда? Да и как-то стыдно, да? А на почте к тому же очередь, да и пыль, порыв пропал, ведь так? А тут увидел замок, копилку, полную денег, взял да и опустил туда бумажку с "Каролем Сверчевским" или "Людвиком Варыньским".

— Спасибо. Попробуем. Если нам разрешат.

— А кто может такое запретить? — Снимает очки, протирает глаза. — Хочу у вас вот о чем спросить. Знаете ли вы, что в Кенигсберге до тридцать девятого года жило много поляков?

— Конечно. Была польская кирха, польская гимназия, "Польский дом", своеобразный культурный центр; выходила польская газета.

— Тогда вы, конечно, знаете и то, что во время "кровавого крещения" в тридцать девятом году почти все поляки, жившие в Кенигсберге, были либо выселены, изгнаны из своих квартир, домов, загнаны в концентрационные лагеря, либо уничтожены. Газета разгромлена, и "Польский дом", и гимназия...

— Вы что-то хотите предложить?

— Не мог бы ваш Фонд культуры поставить скромный памятник полякам, когда-то жившим в Кенигсберге? Это мог бы быть всего-навсего каменный крест с польским орлом и лишь одной цифрой: "1939". Знаете, тридцать девятый год — такой сложный год в советско-польских отношениях! Надеюсь, вы все понимаете правильно?

— Конечно. Мы уже об этом думали, но и нам нужна помощь: письма одной-двух польских общественных организаций с таким вот предложением. Когда я по этому поводу обращался к своему начальству, то мне сказали: "Вы беспокоитесь, а почему поляки молчат? Поступят от них такие просьбы, что ж, будем думать". Надеюсь, что вы тоже меня правильно поняли?

— Спасибо. Такие письма придут. Успеха! И ставьте не одну, а две-три копилки. Пройдитесь еще по нашему замку, хорошо?

Иду из зала в зал. Тихий говор, мягкий топот множества ног. Какие залы! Тронный, приемный, кавалергардский. Бронза, хрусталь, картины. А вот пейзажи и "наше-

го” художника, кенигсбержца Ловиса Коринта, о котором Альфред Роде сочинил книгу “Юный Коринт” и из картин которого создал галерею в замке. Этот художник был настолько знаменит, что кенигсбергский же скульптор Станислав Кауер изваял его голову наряду со скульптурными портретами великого астронома Николая Коперника, не менее великого философа Иммануила Канта, ученого и мыслителя Гердера. Эти четыре головы из серого камня были укреплены над входом в “Бургшуле”, в которой я учился в сорок пятом и сорок шестом годах. А что же картины Ловиса Коринта? В январе сорок пятого года они были упакованы в ящики и тоже исчезли! Где-то у меня есть сообщение гражданина ФРГ Густава Менда, служащего замка, что картины были спрятаны в саркофаге Альбрехта Бранденбургского, похороненного в Кенигсбергском кафедральном соборе. Когда там велись раскопки, вскрывали саркофаг Альбрехта? Надо об этом узнать у Елены Евгеньевны Стороженко или у Инны Ивановны Мирончук.

Да, какое это чудо, Королевский замок! Таким бы мог быть и наш Георгенбургский замок, и замок Кенигсбергский, если бы его не взорвали в конце пятидесятих годов, и многие другие замки и соборы, стены которых еще и сейчас высятся по всей нашей такой красивой, зеленой, озерной, морской, и такой запущенной области.

Выйдя из замка, опускаю в копилку две бумажки — пятьдесят золотых с портретом генерала Кароля Сверчевского, легендарного “Вальтера” периода испанской войны, и сто — Людвига Варыньского, крупного общественного деятеля конца прошлого века, чьи дни трагически закончились в Шлиссельбургской крепости. Копилка полна денег. Я еще раз внимательно осматриваю ее, какая-то она зыбковатая, со стенками из стекла. Стукни, и деньги посыплются. Да что стучать? Ее же можно просто целиком погрузить в автомашину. Думаю, что нам такая копилка не подойдет.

...Ханна, переводчица, которая сопровождает меня в Польше, окликает меня, говорит, что билеты до Гданьска куплены, что номер в отеле заказан, что сейчас мы собираемся и поедem, чтобы переночевать уже в по-морье.

Вскоре мы мчимся в поезде “Нептун” в Гданьск. Купе на шесть человек. Кресла, в которых можно и спать. Я делаю какие-то записи, Ханна дремлет, уютно укутавшись своей меховой шубкой; милая, добрая, очень

заботливая полька со своими квартирными, бытовыми и сердечными заботами, вся жизнь которой в бесконечных поездках, экскурсиях, отелях, ресторанах, гостях из России, которые порой считают, что иностранная комиссия оплатила не только дорогу, отели и питание, но и прочие услуги вот этой хорошенькой женщины, и которым надо очень тактично, но твердо объяснить, что все это совершенно не так и что на те командировочные, что они имеют с собой, даже если потратить их сразу, в один вечер, причем в не очень богатом ресторане, просто невозможно "хорошо посидеть", как они предлагают. Поезд то и дело замедляет бег. Сквозь дремоту улавливаю название станции "Вайхерово". Судно с таким именем, когда мы на "Седове" входили в Копенгаген, приветствовало нас длинными, хриплыми гудками, а потом моряки с него, поляки, приходили к нам в гости. Об этом я написал в одной из своих книг о плаваниях под парусами, но целый кусочек с этим эпизодом был выкинут: слишком неблагозвучным показалось цензору название судна.

Газета "Пшегляд Католицкий" падает с колен Ханны на пол. Поднимаю, просматриваю. На последней страничке занятая информация: сейчас в Варшаве 122 костела и строятся еще 34. Тут же и фотографии и описания: костел в Старом Мясте, "Милосердия божьего", костелы "Матки Боски", "Марии Магдалины", "Апостолов Яна и Павла"... Так, что-то я еще не сделал? Да, открыточку надо написать Мареку и бросить на вокзале, как только приедем в Гданьск.

...Но что же пан Marek? Не пошутил ли он надо мной? Пошли вторые сутки, как мы приехали с Ханной в Гданьск, и все другие дела, которые предстояло мне сделать, — книга у меня, "Вечное возвращение", в местном издательстве "МОЖЕ" вышла в свет, издается другая, и я уже побывал в издательстве, — все иное, кроме встречи с Марек, тут сделано, а он никак не дает о себе знать.

С высоты десятого этажа отеля "Хивелиус" открывается впечатляющий вид на древний польский город, несколько раз, в силу сложных политических обстоятельств, из Гданьска превращавшийся в немецкий "свободный город Данциг". У меня даже монета есть такая, добытая в тот замечательный лов рыбным сачком на берегу реки Прегель из сопящей, булькающей, рычащей

трубы, выбрасывающей грязный речной ил. Да, какой вид! Острые, кажущиеся сейчас черными черепичные крыши, красные угловатые стены, башни, шпили. С моря подул теплый, занесенный с Гольфстрима ветер, снег слинял с крыш, и они обнажились своей чешуей. Еще нет и восьми, а уже почти темно, уже зажигаются фонари, освещающие узенькие улочки и красные, старинного кирпича фасады зданий. Поближе к "Хивелиусу" виднеется огромная крыша "морского" костела св. Бригитты, чуть дальше возвышается, как скала в бурлящем, вставшем острыми волнами море, костел Девы Марии, и еще чуть вглубь — тонкая, изящная башня магистрата, а если взглянуть влево, то можно увидеть корпуса, краны, трубы и здания верфи имени Ленина, колыбели "Солидарности", и чуть ближе — три огромных, стянутых цепями креста-якоря, поставленных на месте гибели рабочих верфи во время разгона одной из демонстраций.

Но где же Марек? Черт знает что! Ждать? Или уезжать? "В последний год войны самые большие задачи выпали на долю военно-морского флота на Балтийском море. Морские операции определялись здесь обстановкой на суше. В отдаленных от берега районах русские продвигались всегда быстрее, чем на побережье, отрезая отдельные участки фронта, которые флоту приходилось затем снабжать, а также эвакуировать... — Устроившись в кресле у окна, я читаю очерк Калининградского литератора Виктора Геманова "Подвиг, равного которому нет" о подводной лодке С-13, которой командовал Александр Маринеско, потопивший лайнер "Вильгельм Густлов". — 20 января в ставке Гитлера состоялось совещание. Его решением было: в кратчайший срок собрать в Данциге максимальное количество транспортных судов, погрузить на них наиболее ценные кадры и в охране военных кораблей перевезти их в западные порты Европы. Как потом выяснилось, была и вторая сторона этого решения, тщательно скрываема даже от представителей армейского командования. Но об этом — позже. Во исполнение приказа Ставки уже через четыре дня в порту Данцига началась погрузка... Причальная линия опоясана двойной цепью солдат. Возле огромного теплохода "Вильгельм Густлов" охраны еще больше. К его трапам сплошным потоком идут легковые машины. Из них выходят фюреры разных рангов, генералы и офицеры. Прибывают затянутые в черные кожаные пальто крейслайтеры Восточной Пруссии и Померании.

За каждым солдаты несут чемоданы, ящики, тюки. Наверняка там "боевые трофеи" — картины, золотые украшения, драгоценные камни, меха и фарфоровые сервизы..."

Звонок телефона. Марек? Снимаю трубку.

— Вечур добры, — слышится в трубке приятный женский голос. — Пан русский желает сегодня приятно провести вечур? Пан слышит, да?

— Да-да, пан слышит. Что вы предлагаете?

— Пан первый раз в Гданьске?

— Нет, не первый, я уже бывал тут.

— Но пан, видимо, еще не знает, что в нашем отеле, внизу, с ночи работает секс-шоу-бар, где пан может с интересом провести время. Администрация и артисты бара будут рады видеть вас! Прошу бардзо вас до нас гостювать...

Ту-ту-ту... Неужели и сегодня Марек не появится? "Прибывают затянутые в черные кожаные пальто крейслайтеры Восточной Пруссии и Померании". Это Виктор Геманов просто придумал или где-то нашел об этом? Эрих Кох был очень дружен с гауляйтером Померании, но враждовал с партийными комиссарами Данцига. Если он сюда приезжал, то зачем? Отправлял свои личные вещи? Или — Янтарную комнату?... "Уже на второй день в двух- и четырехместные каюты стали подселять дополнительных пассажиров. Приходилось урезать удобства больших господ. Что поделаешь?"

Слишком много оказалось желающих бежать. Им пришлось располагаться в театральном и гимнастическом залах, кинозале и зимнем саду, в выгородках шестой и девятой палуб, в трюмах, коридорах, в осушенном плавательном бассейне и на верхней палубе. Погрузка не прекращалась ни на минуту... на борт лайнера было принято намного больше пассажиров, чем предусмотрено тактико-техническими условиями. это уже нарушение, грозящее остойчивости и непотопляемости судна..."

Вздрагиваю от телефонного звонка. Срываю трубку.

— Алло, я слушаю.

— Юрий, это Ханна, как вы насчет ужина? Цо вы на то?

— Ханна, спасибо, милая. Жду одного человека.

"...Грозящее остойчивости и непотопляемости..." Однако прежде чем мы вернемся к тем последним дням и часам "Вильгельма Густлова", нужно сказать, что это было лучшее пассажирское судно Германии, судно — си-

мвол "всеобщего, всегерманского единства", символ "прекрасного будущего "третьего рейха". Судно было построено и спущено на воду 15 мая 1937 года. Бутылку шампанского разбила о его борт вдова Вильгельма Густлова, лидера швейцарских нацистов, убитого в феврале 1936 года Давидом Франкфуртером, назвавшимся "курьером из Югославии". Когда его пропустили в кабинет ярого сторонника и пропагандиста идей Гитлера, юный "курьер" всадил в фашиста пять пуль из своего пистолета. Хоронили Густлова так же пышно, как и героя первой мировой войны генерал-фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга. "Дорогой друг, твоя смерть была не напрасной, — сказал на похоронах Гитлер. — А твоих убийц — евреев, виновных во всех несчастьях, что выпали на долю нашей родины начиная с 1918 года, настигнет жестокое возмездие..." И еще Гитлер говорил, что все, что есть в Германии, — все для народа! Автомобили "фольксваген" — для народа, новая всенародная организация "Сила через радость", ведающая туризмом, лагерями отдыха и круизами, — для тебя, простой немец. И это прекрасное судно "не для больших шишек, но для кузнеца из Нюрнберга, почтальона из Кельна, гардеробщицы из Бремена". И именно поэтому на судне не было кают "люкс", каюты не разделялись на классы, все были одинаковыми.

Судно проплавало лишь один год. В 1939 году "Вильгельм Густлов" пришел в польский порт Гдыню, переименованный нацистами в Готенхафен, и был превращен в казарму для моряков-подводников. Так он и простоял все годы войны у пирса, пока в конце января 1945 года на его борт не поступила радиограмма, содержащая лишь одно слово: "Ганнибал". То был условный сигнал из Киля, от gross-адмирала Карла Деница, означавший приказ о немедленной эвакуации всех школ подводников, размещавшихся на пассажирских лайнерах "Гамбург", "Ганза", "Германия" и "Вильгельм Густлов"... Итак, что же было дальше? "Наступили четвертые сутки. С утра иссяк поток автомашин. Погрузка закончена? Оказывается, нет. Просто была небольшая передышка. В портовые ворота вливается огромная темная колонна. Ритмично грохочут подкованные ботинки по каменной набережной. Ветер распахивает полы черных шинелей. Сверкают серебряные шевроны на рукавах и витые шнуры, свисающие с плеч. Сытые, краснощекие крепыши четко держат равнение в рядах. Идут любимцы gross-адмирала Карла

Деница, главнокомандующего военно-морским флотом рейха. Подводники! Те, которым благоволил сам фюрер. Корсаров глубин еще в первую мировую войну отмечали особыми почестями: когда они входили в театры и кино, рестораны и бары, все присутствующие должны были вставать. Они вносили огромный вклад в победы Германии. Топили подряд боевые корабли и транспорты, санитарные, рыбацкие и пассажирские суда. 3700 подводников, весь личный состав училища подводного плавания, возвратился на "Вильгельм Густлов". Конечно, теперь придется потесниться: кубрики и мастерские, лаборатории и учебные классы уже заполнены пассажирами. Однако это не беда. Идти лайнеру недалеко — до Киля или Вильгельмсхафена, всего несколько часов. Эвакуация подводников, поднимавшихся на лайнер по всем трем трапам сразу, в этом заключался главный смысл миссии "Вильгельма Густлова": перевезенные из Данцига в западные базы страны, они должны были составить..."

Кто-то идет по коридору. Останавливается, снова идет, будто ищет нужный номер, может, это Марек без телефонного звонка? Вот останавливается у двери моего номера. Какое-то шуршание, я поднимаюсь из кресла и вижу, как под дверь вползает листок бумаги, сложенный вдвое. Поднимаю. Открываю дверь. Какой-то мужчина быстро уходит. Я захлопываю дверь и, вернувшись в кресло, разворачиваю листок. "СОЛИДАРНОСТЬ!" — большими красными буквами напечатано наверху. И короткий, черными буквами, текст ниже. Я не очень хорошо знаю польский, но что тут напечатано, прочитываю и перевожу легко.

"ПОЛЯКИ! Готовьтесь к новым лишениям! Вы уже прочитали в газетах об издевательском решении правительства?! Нас хотят заставить еще туже подтянуть пояса! С завтрашнего дня предстоит новое повышение цен на все виды продуктов и бытовых услуг! Сегодня, после богослужения в честь Матки Боски Ченстоховской, в десять вечера — все как один выйдем на улицы нашего города с протестом!

Гданьское отделение "Солидарность".

Этого еще только не хватало! Ночное шествие? Но где же Марек? Минутку, что-то меня еще беспокоило, а, вот что: сегодня ведь 30 января, очередная годовщина гибели "Вильгельма Густлова". Но Марек?! "...Они должны были составить экипажи новейших подводных лодок рейха. Тотальная подводная война — их предназначение. Пред-

полагалось действовать сначала против Великобритании. По расчетам Ставки, те не выдержат длительной блокады: своего сырья у англичан нет. Месяц-два, и Великобритания станет на колени. Потом наступит черед Соединенных Штатов. Современные подводные лодки с новейшими бесследными торпедами, с шнорхелем — приспособлением для подзарядки аккумуляторных батарей без всплытия, с чувствительной гидроакустикой и большой автономностью плавания надолго закроют путь американским транспортам в Европу... Вот она — особая миссия "Вильгельма Густлова": он спасет спасителей рейха!"

Что это за богослужение сегодня?

Становится совсем темно. Звоню Ханне. Она уже поужинала.

— Что за богослужение? В Гданьске кардинал Глемб. Икона Матки Боски Ченстоховской путешествует по всей стране. Сегодня она тут, в Гданьске. Основные торжества в костеле святой Марии. А перед этим — шествие по улицам города... Пойдете?

Мне Марек нужен, а не торжества... Что же делать? Уезжать, так и не увидев его? Как красив этот древний город в темноте. Подсвеченная прожекторами, будто сияет в ночи башня магистрата, множество огней зажигается в окнах домов, нет, не сами окна, окна темны, а выставлены в них освещенные маленькими лампочками иконы. Наверно, Матки Боски из Ченстохова... А 44 года назад "Вильгельм Густлов" уже вышел в море. На его борту кроме подводников адмирала Деница, партийных чиновников, были и раненые немецкие солдаты, беженцы. Несколько раньше командир подводной лодки С-13 А. Маринеско получил радиошифровку. "Связи наступлением Красной Армии Восточной Пруссии предполагается усиление движения вражеских транспортов Кенигсберга, Пиллау, Данцига. Вам надлежит блокировать район Данцига". Шторм. Мороз. Где-то в темноте — Данциг, маяк Риксгефт, потушенный, конечно. И вдруг: вспышка! Значит, кто-то или входит, или выходит из бухты. Выходил, в охранении боевых кораблей, "Вильгельм Густлов". Вахтенный офицер подводной лодки Лев Петрович Ефременов вызывает на мостик "Тринадцатой" — лодка была в надводном положении — командира. Да-да, какие-то суда выходят из порта! "Боевая тревога! Готовиться к торпедной атаке!" — приказывает командир. До "атаки века" оставались считанные минуты.

Звонок. Наверно, из ресторана. Приглашение в секс-бар.

— Марек говорит, — слышу я низкий, басовитый голос. — Простите, был в отъезде. Только что с вокзала. Встретимся у Каплицы Крулевской в десять. Берите с собой все, что у вас есть. Держите газету в правой руке. У меня будет газета в левой... ту-ту-ту...

— У какой Каплицы Крулевской? — кричу я. — Где она?

Черт знает что! Может, Ханна знает? Номер Ханны не отвечает. Наверно, уже ушла, что ж, значит и мне надо идти, искать эту Каплицу. Что ж, в дорогу.

Влажный снег сыплет. Улицы все в снегу. Люди спешат. "Год Матки Боски Ченстоховской" — горит подсвеченная лампами афиша. "Идет борьба за душу человеческую, — читаю я на полотнище, дергающемся в порывах ветра над улицей, — борьба между девой Марией и дьяволом. Поможем Деве Марии!" "Вы много потеряете, если не побываете на фильме "Лук Эроса" — вызывает глянцевого плакат, — первом порнофильме, сделанном руками польских мастеров!" Люди идут. Толпы густеют. У некоторых — свечи. Их прикрывают руками, и руки розово светятся насквозь. "Аве-е, аве, дева Мария!" — звучит из черных динамиков. В ярко освещенной витрине огромная цветная фотография: хорошенькая блондинка снимает лифчик. "Шоу с раздеванием! Наша Януська делает это лучше всех! Цена за вход две тысячи злотых!" "Аве, аве-е-е, Мария..." Оказывается, я спутал. Это не костел Бригитты, что виднеется из окна отеля, а морской костел святого Якоба-апостола, построенный в 1415 году. Моряки вносили свои деньги, строили, тут они и жили, старые, одинокие скитальцы морей, грехи свои портовые замаливали. В 1807 году здесь, в костеле, превращенном в тюрьму, томились плененные французами прусские и русские солдаты. "Где Каплица Крулевска? Да тутой, все туда идут..."

Господи, да где же тут отыскать человека с газетой в левой руке?!

И почему все идут на улицу "Вельки Млын", "Большая мельница"?

Я не найду Марека!

Вдоль улицы Большая Мельница, к Каплице Крулевской, стоят две плотные шеренги людей. Молодые мужчины в зеленых шапочках и красно-белых повязках на рукавах наводят порядок. Мне не пройти к Каплице.

Сейчас по этой улице прошествует кардинал Глемб, и только тогда можно будет подойти к Каплице. Какое-то движение зарождается в мутной, зыбкой тьме улицы. "Чисто сердце Божьей матки, даруй мне, даруй мне!" — разносится из динамиков детский хор. Дети, в церковных одеждах, толпятся на возвышении под красивым балдахином...

"Пеленг сто восемьдесят. Впереди миноносец. За ним — лайнер!" — уточняет вызванный на мостик командир отделения сигнальщиков Александр Волков. Снежные заряды. Но вот вроде продуло. И Маринеско увидел огромный теплоход. Чуть дальше и позади угадывались силуэты судов боевого охранения. Подлодка Маринеско оказалась между берегом и лайнером, в то время как боевые суда прикрывали движение судна со стороны моря. "Атаковать! Топить!" — решает командир "тринадцатой". "Торпедировать из надводного положения. Нырнешь в воду — лайнер уйдет". Подводная лодка легла на боевой курс. Старпом Ефременков принял к прицелу ночного видения, ловя огромный силуэт судна в визирную линейку. Вот! Аппараты, пли! Последний день января, четверг, 23 часа 08 минут... Из 8 тысяч человек спаслось лишь 987. В Германии был объявлен траур...

Что же это я? Забыл взять газету! Вытаскиваю из мусорного ящика смятую газету.

По улице к Каплице движется масса людей.

Колышутся золоченые хоругви, молодые люди в черном несут свечи и фонари, несколько человек вздымают над толпой освещенную икону. Догадываюсь, что это икона, которая путешествует в этом году по всей стране, икона Матки Боски Ченстоховской. Церковные сановники в высоких головных уборах и белых, с золотым шитьем одеждах, среди них выделяется один — сухощавый, остроглазый, суровый. Это Глемб? Он то и дело осеняет стоящих вдоль дороги крестным знамением, и те, поджидая благословения, опускаются на колени. Все теперь стоят на коленях, вся улица! Я вижу вдруг Ханну, она тоже стоит на коленях. Замечаю, что лишь только я торчу, как столб, но тут же две руки опускаются на мои плечи, двое парней с повязками, один справа, другой слева, оказываются возле меня, и я после некоторого, чисто условного, сопротивления тоже опускаюсь на колени. Мы все трое так и стоим, их руки так и лежат на моих плечах. Икона приближается. Это сам кардинал Глемб идет перед ней? "Мария, крулева польска, я с вами, я ваш,

моя душа и сердце с вами, крулева польска! — возносятся к зимнему небу детские голоса. — Дай силу тем, кто страдает во имя веры!”

...Увез “Вильгельм Густлов” все же Янтарную комнату или нет? И где Марек? Парни отпускают меня. Я поднимаюсь; черт, коленями в грязь. Отряхиваюсь, толпа густо катит мимо, толчая у дверей Каплицы.

Мужчина помахивает передо мной зажатой в левой руке газетой, глядит на меня в упор. Чего это он? А! Это вы, Марек? И я помахиваю измятой, испачканной в грязи газетой, стиснутой в моей правой руке.

Марек берет меня за локоть, и мы выбираемся из толпы, спешим какими-то узенькими улочками и вскоре выходим на самую красивую, самую таинственную улицу древнего города Гданьска, на Мариацкую, тут я уже бывал, но днем, а сейчас она кажется мне еще более фантастической.

Узкая, вся каменная, ни деревца, с громадой самого большого в Польше, кажется, и в Европе, костела Святой Девы Марии. Каменные ступени старинных магазинчиков, ресторанчиков, кафе. Каменные драконы, какие-то чудовищные каменные рыбы, каменные, под всеми парусами, корабли, сложные каменные вязи, узоры, черные литые решетки. Куда он ведет меня, этот высокий, в черном берете, с черным шарфом на шее Марек? Пустынно. Ни души. Все сейчас там, где в Каплице произносит свою проповедь кардинал Глемб. Его голос, усиленный невидимыми динамиками, доносится и в эту каменную древность. “Думайте не о богатстве, а о душе; праведно трудитесь для родины своей и во благо Святой Девы Марии и не искушайте себя бессмысленным приобретательством...”

— Сюда, — говорит Марек. — Тут тихо, без музыки.

“Пивница” — начертано на боку тяжелого бочонка, раскачивающегося на цепях над входом. Звякает колокольчик. Хозяин, могучий мужчина в свитере, кивает: проходите, что будем пить, есть? Марек на ходу поднимает два пальца, показывает мне на массивный, из дубовых темных досок стол с тяжелыми креслами: вот сюда. Над стойкой вмонтированы в стены три, донышками в сторону зала, бочки. На донышках фрегаты, корветы, клиперы. Все это очень напоминает кенигсбергский ресторан “Блютгерихт”, там точно вот такие были бочки.

— Что вы привезли? — спрашивает Марек. Хозяин ставит на стол массивные кружки с пивом и какую-то еду в керамической тарелке. — То, что обещали?

— Да. Названия судов, вышедших из Пиллау в конце сорок четвертого и начале сорок пятого годов. Названия потопленных судов. Глубины. Предполагаемый груз, который был в трюмах этих судов. Письмо нашего Фонда культуры с предложением о совместной разработке "морской" версии.

— Чем вы еще располагаете?

— Имеются координаты гибели почти пяти десятков судов. Вот, например: "Транспортное судно "Варнемюнде" вышло из порта Пиллау 20 января сорок пятого года, водоизмещение 8 тысяч тонн, потоплено на другой день в 40 милях к северу от косы Фрише-Нерунг..."

— Разве это координаты?

— Есть подробные, точные координаты. Широта, долгота. Предполагаемый груз: двигатели для подводных лодок—"малюток" и "неизвестный груз в тяжелых ящиках, стандартных, одного размера". Далее: парусно-моторная шхуна "Глория", водоизмещением 3 тысячи тонн, частное, с людьми и многими грузами судно, предположительно — с домашними, наиболее ценными вещами. Транспорт "Х-29", водоизмещением 11 тысяч тонн, длина 126 метров, ширина 16 метров. Вышел в море 12 февраля, потоплен ударом пикировщиков на другой день, опять же в районе Фрише-Нерунг, вот тут есть широта и долгота, глубина 90 метров. Есть вот такое сообщение: "Днем 13 февраля военным патрулем пиллауского оборонительного района подобран человек, назвавшийся моряком, мотористом потопленного русскими самолетами транспорта "Х-29". В частности, он заявил, что в трюмы погибшего транспорта были погружены имущество газеты "Кенигсбергише альгемайне цайтунг", книжного издательства "Грефе", станки с подземных патронных заводов, а также несколько десятков длинных плоских ящиков, которые были поставлены в отдельный отсек и возле которых постоянно находились трое мужчин. Среди команды был слух, будто это сокровища самого гауляйтера Эриха Коха". Уже этот краткий перечень говорит о том, сколько еще богатств таит море.

— "Думайте не о богатствах, а о душе..." — усмехается Марек.

— Вот тут еще различные сообщения о затопленных судах.

— Каковы ваши возможности? Для организации экспедиции?

— Возможности большие. Нам готов помочь Институт океанологии имени Ширшова, его отделение в Калининграде. У института есть большой поисковый флот. Одно судно постоянно работает на Балтике. Оно оборудовано самой современной аппаратурой. Кроме того, у института имеется два глубоководных самодвижущихся аппарата "ПАЙСИС", есть и специалисты по поисковым работам.

— Что же сами-то не ищете?

— Нас интересуют сейчас наиболее крупные суда, затопленные на Балтике, в первую очередь "Вильгельм Густлов" и "Генерал Штойбен", потопленные Александром Маринеско в конце января сорок пятого года. Эти суда находятся в вашей зоне. Кроме того, у нас нет карт, да и ваши аквалангисты там, на "Густлове", уже побывали, могут дать полезную информацию.

— И на "Штойбене" побывали тоже... А подъемные механизмы?

— В Калининграде находится "Нефтеморегазразведка", имеющая мощный плавучий кран, который может поднять на поверхность небольшое судно целиком. И если что-то найдем, то есть возможность это найденное извлечь со дна моря, однако что это все я рассказываю?... А вы?

— Позвольте-ка мне взглянуть на ваши бумаги. Простите, но в графе "Координаты" — пустота. Как это понять?

— С какой стати мы должны вам сейчас сообщить самое главное? Вот когда договоримся, встретимся не в пивнице, а, предположим, в "Корабельном зале" вашего, как вы мне писали, Морского музея, вы ведь там работаете? И уж тогда... Ясно?

— Хорошо. Во-первых, вот документ, который вам пригодится.

Ксерокс. Тут по-немецки, но я прочитаю по-русски. "А. ШМИДТ, Фелькенштрассе, 3, АМЕРДИГЕН, — это город в Западной Германии, — 20 апреля 1987 года. О поисках Янтарной комнаты. В начале июля 1944 года я был мобилизован в морской флот в Киле. 20 июля 1944 года (эту дату я хорошо запомнил, так как в этот день произошло покушение на Гитлера) была создана КОМАНДА СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ, в которую меня и направили. Морем мы отправились в ПИЛЛАУ, где наша группа была включена в специальную, опять

же, команду. Вблизи от Пиллау, северо-восточнее порта, в направлении на Кенигсберг, на лесистом холме находился мощный, огромной вместимости бункер глубиной более 30 метров. Там постоянно дежурили и охраняли бункер примерно 20 человек. Эти люди занимались тем, что изымали из бункера различные материалы военного назначения: малые, на одного человека, подводные лодки, морские мины, ракеты "ФАУ-1", "ФАУ-2", всевозможные взрыватели и т. д. Все это грузилось на автомашины и вывозилось. В начале августа на грузовиках привезли тяжелые ящики, которые мы сгружали и на маленьких вагонетках переправляли в глубину бункера. На ящиках было написано "СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО". Все это очень строго охранялось. После этого местность была закрыта в широкой округности... Что было в ящиках, никто не знал. И сколько было ящиков, я тоже не знаю, по крайней мере несколько десятков. Кажется, все это было взорвано. А. ШМИДТ". Ну как? Хорошая бумага? Стоит ваших "координат"?

— Стоит. Если и у бункера будут точные координаты. Что еще? По "Вильгельму Густлову" и "Генералу фон Штойбену"? Грузо-пассажирскому судну общества "Сила через радость" "Лей"? Судам "Патриа" и "Бранденбург"? Теплоходам "Ганза" и "Геттинген", которые вышли из Данцига 2 и 3 февраля сорок пятого года?..

— Минутку. Вот сообщение некоего А. Хильке. "Не смотря на мой пожилой возраст, я, житель Данцига, был мобилизован в середине сорок четвертого года в армию. Как водитель по профессии, возил различные грузы на машинах "Шкода" и "Бюссинг", а в конце сорок четвертого и начале сорок пятого работал на тягаче марки "ПИНГВИН" в порту, на погрузках. За три дня до выхода "ВИЛЬГЕЛЬМА ГУСТЛОВА" в море на набережной, где было ошвартовано судно, появилась группа гражданских лиц во главе со старшим офицером в форме гестапо, который приказал всем присутствующим на пристани покинуть ее территорию. При помощи солдат войск СС вся территория была очищена от посторонних, люди, которые уже находились на судне, загнаны во внутренние помещения, все иллюминаторы, выходящие на пирс, задраены. После этого на пирс приехали грузовики, и с них при помощи портального крана были подняты на борт, а потом погружены в один из трюмов довольно большие, обитые железом и, видимо, очень

прочные ящики. Я помогал при погрузке, сгружал ящики с грузовиков на пирс. И вот на что обратил внимание. Размер ящиков был большой, около 2 метров длиной и 1,5 метра высотой, но при этом они были весьма легкими по весу. И вот что еще. Мне показалось, что "Густлов" специально дожидался этого груза. Сразу после погрузки на его борт поднялись подводники, и "Густлов" отдал швартовы..."

— Так. Отлично. Значит, "золото Балтики" оказалось в трюмах "Густлова"? Скажите, Марек, а что — Эрих Кох был в этот момент в Данциге?

— Минутку, по поводу янтаря. Вот другое сообщение. Некий Томашек В. сообщает: "Я был свидетелем, как в порт прибыл транспорт из восьми или десяти грузовиков, в сопровождении нескольких легковых автомашин и двух бронетранспортеров. Все машины были страшно забрызганы грязью, будто они совершили дальний переход. Я работал на путях. Мы убирали портовый кран "ГАНЦ", который рухнул неделю назад, после какой-то диверсии. Когда нас всех погнали с пирса, мы ушли в "бытовку", где нас и заперли, но в окошко было видно, что происходило на пирсе. Из грузовиков стали выгружать ящики и поднимать их на судно, но потом вдруг погрузка прекратилась. Какие-то военные о чем-то спорили. Один из них был низким, коренастым, кто-то из наших воскликнул: "Это Эрих Кох! А красивая женщина в легковой машине — это его жена Клара!" Погрузка была прекращена. Груз на судно был поднят лишь из двух машин. Вскоре все уехали. Нас выпустили. Прибыли грузовики с подводниками, а часть пришла своим ходом, колонной, человек двести..."

— Чем больше документов, тем все сложнее... Что еще?

— А вот что еще. Сообщение пенсионера Августа Бендика репортеру газеты "Курир": "В конце января сорок пятого года я, работник порта, был назначен на погрузочные работы на "Вильгельм Густлов". Мы очень много погрузили на него. Станки. Двигатели для самолетов, видимо, с разбитых заводов, очень много личного имущества, уложенного в контейнеры различной величины и веса. Под вечер 29 января в порт прибыла колонна грузовиков. Машин 8—12. Из них под охраной войск СС выгружались ящики, несколько ящиков..."

— Несколько?

— Да. Тут сказано именно "несколько ящиков". Дальше? "Вскоре, перед убытием корабля из порта, старший боцман "Вильгельма Густлова" Эрих Виттер, с которым я был знаком, так как мы с ним лежали в одном военном госпитале, наши койки стояли рядом, и там мы с ним сдружились, сказал мне тайком: "В ящиках на "Густлов" были погружены огромные сокровища". Этот боцман — выходец из Лотарингии. Он ненавидел фашистов, потому что они зверски убили его брата. Еще боцман сказал, что эти ценности — из каких-то русских дворцов..." Пригодится?

— Что вы там, на "Густлове", увидели сами?— Феликс, еще два пива! — окликнул Марек бармена, снял берет, причесал пятерней седые жесткие волосы. И лицо у него было жестким, резко очерченным. Выпирающие скулы, выдающийся вперед подбородок, лохматые седые брови, светло-серые небольшие глаза. На запястье правой руки выколот синий якорь, на левой имя: "Мария". Бармен принес пиво. Марек размотал и бросил в кресло свой черный шарф. Одет он был в черную рубаху, траур какой-то соблюдает? Пододвинул мне кружку.— Пейте. Это настоящее баварское пиво, в запломбированных бочках привозят.— Приложился к кружке, облизнул узкие губы. Добыл из кармана рубахи выкуренную наполовину сигару, щелкнул зажигалкой, сказал, щуря глаза от дыма: — Мы организовались десять лет назад. Искатели приключений, авантюристы, любители острых ощущений. Как там у вас в песне поется: "Пьем за яростных, за непохожих", да? "За презревших грошевой уют..." Сколотил нас всех в подводно-поисковый клуб магистр, инженер Ежи Янкович, на общем собрании придумали название: "Рекин" — "Акула". Добыли кое-какое снаряжение, деньги, карты, посудину. Военные нам помогли, историки, ученые, "корабелы" с технического факультета университета Гданьского, оттуда мы получили строительные чертежи "Вильгельма Густлова". Из морского института Гданьска нам дали карты морского дна банки Штольпе. Было установлено, что "Вильгельм Густлов" был разбит ударами нескольких торпед и при потоплении разломился на три части...— На какой глубине лежат обломки?

— Шестьдесят метров. Видимость скверная, ил, огромный разломанный корпус ушел в него на добрый десяток метров. В общем-то подготовились мы к работам неплохо, но Балтика приготовилась еще лучше.

Будто дьявол, а точнее царь морской, мешал нам. Лишь выйдем в море — он своим трезубцем в глубинах шуровать начинает. Дождь. Холодина. Вода ледяная. Одевались тепло, но через полчаса пребывания под водой сил не было. Да и глубина-то какая! Шестьдесят метров.

— Вы, Марек, на дно ходили? Что там?

— Несколько раз спускался. Представьте себе громадину в десятиэтажный дом, вот что такое один из обломков "Густлова"! Ржавое, перекореженное железо. Трапы, вставшие торчком, шлюпки, висящие на кран-балках, огромная труба, торчащая из ила, чуть в стороне носовая часть — лежит на боку, трудно ориентироваться, все на боку. Двери в каютах заклинены, одну вскрыли, оттуда какой-то мусор плавно так посыпался и какие-то большие и маленькие шары, я вначале и не понял, что это такое, а это черепа человеческие... — Он замолкает, поднимает над головой два пальца, — Феликс, еще пару кружек, берет шарф, наматывает на шею. — Но нас интересует конечный результат? Он нулевой. За все время выхода в море мы в общей сложности и десятка часов не пробыли на "Густлове", а что за это время можно выяснить? Лишь одно: кто-то там уже... побывал до нас. Чья-то тайная, ведь об этом никто ничего не писал, экспедиция. Но экспедиция отлично оборудованная. Во многих местах корпус судна взрезан, это для того чтобы можно было проникнуть в трюмы не с палубы, а со стороны борта...

— Выходит, что "Густлов" разграблен?

— Разграблен? Несомненно, что его хорошо "почистили", но все ли успели и смогли вычистить? Судно такое огромное, что нужны многие месяцы чтобы осмотреть все его трюмы. Мы, например, обнаружили два помещения, в которых еще никто не побывал... Так, давайте ваши бумаги, вот мои. Мы вам напишем. Договоримся, где встретимся, хорошо? Да, насчет "Геттингена" и "Ганзы" у нас каких-либо подробностей нет, а "Генерал фон Штойбен" лежит недалеко от "Густлова", и там же еще один громадный пароход — "Гойя". О нем вам что-нибудь известно?

— Грузился в Пиллау трое суток. Ушел, кажется, в марте... — Простите, вы в трауре?

— Да. Пожалуйста, подайте мой берет. Судоверфь имени Ленина, на которой я сейчас работаю, закрывают. Нерентабельная оказалась, как и две сотни других пред-

приятый Польши. И нас всех, двенадцать тысяч работников, хотят рассовать по другим предприятиям, представляете? — Он допивает пиво, надвигает берет на лоб.— Рассовать! А я хочу жить в моем Гданьске и работать на моей верфи!

— Землю — крестьянам, заводы — рабочим?

— Вот именно. Мы так и решили. Организован комитет по сохранению верфи. "Солидарность" забирает ее в свои руки. И верфь станет рентабельной, когда мы выпроводим за ворота тысячу "командиров", которые командуют нами.

— Наверно, про таких наш древний российский литератор Сумароков сказал: "Они работают, а вы их труд ядите"?

— Вот именно, наш труд пожирают, а что и делают, так на каждом собрании призывают совершенствовать нашу социалистическую экономику. А что это такое, скажите вы мне, "социалистическая экономика"? Нечто неясное, как морская свинка, которая и не морская и вообще не свинка. В общем, все сложно. Одни, кто поумелее, разъезжают на "мерседесах" и живут в особняках с бассейнами, их ругают во всех газетах, критикуют, но кто же их тронет, тех, кто добывает для Польши, например, из Штатов компьютеры? Кто же будет резать кур, несущих золотые яйца?.. Да, по поводу "Лея". Пароход вышел из Пиллау тоже с каким-то очень ценным грузом и благополучно прибыл в порт Бремерхафен, где и был накрыт бомбовым налетом английской авиации. Успели с него снять груз или нет, об этом нам ничего не известно.

— Минутку еще, а про "черный портфель" подполковника криминальной полиции Нувеля из Ольштына вы что-нибудь слышали?

— Наслышаны и мы про этот таинственный портфель, в котором якобы записи сенсационных сообщений Эриха Коха, но вот что странно: ребята из нашей группы ездили в Ольштын, пытались встретиться с подполковником Нувелем, причем очень настойчиво пытались, но ничего не получилось. Он будто бы есть, а будто бы его и нет вовсе. Какая-то мистическая, а может, и фантастическая фигура этот подполковник.— Марек поднимается.— Может, кто-то другой, в силу особой значимости документов, полученных от Коха, скрывается под этой фамилией "Нувель"?

— Меня это тоже очень интересует. В Ольштыне у меня есть друзья, завтра еду туда, попытаюсь что-

нибудь выяснить. Вы уходите? А я еще посижу тут немно-го. Довидзенья!

Я ушел тотчас, как только за Мареком закрылась дверь. Просто мне хотелось еще разок одному, чтобы никто не мешал с разговорами, пройти по этому удивительному городу, городу совершенно нереальному, городу БОЛЬШОЙ СКАЗКИ, городу-чуду. Утихший было снег снова посыпал, добавляя красоты и таинственности всем этим высоким, с плетеными рамами окон, домам, замершим каменным фигурам, морским дьяволам, разинувшим свои каменные пасти. Колокола вдруг забили в Марицком костеле, им отозвались другие колокола, звон разнесся по всему городу. Невозможно поверить, что на месте этой сказочной архитектурной фантазии всего 40 лет назад громоздились безобразные развалины, все было засыпано горами кирпичного крошева, там и сям торчали не дома, а их остовы, скелеты. То был страшный "ГОРОД МЕРТВЫХ", такой же страшный, каким был и Кенигсберг.

Нет, невозможно это представить, что люди могли осмелиться на подобное: полностью восстановить абсолютно весь Гданьск! Завидую. Таких людей, таких руководителей не нашлось в нашем городе, хотя нет, был один, как рассказывают старожилы области, первый по счету секретарь обкома Иванов. Он считал, что если уж и не весь абсолютно, но центр города, Кнайпхоф с Кафедральным собором, с другими кирхами и Королевским замком восстановить следует всенепременно, восстановить, чего бы это ни стоило. Какими силами? Предположим, при помощи немцев Поволжья — все ж земля-то немецкая! С этой идеей он и отправился в Москву. В два часа ночи его привезли в Кремль. Сталин выслушал Иванова. Неизвестно, что он ему сказал, но в гостиницу "Москва" Иванов вернулся под утро постаревшим на десяток лет. Он молчал, не отвечал на вопросы, а когда приехал в Калининград, вызвал второго секретаря, передал ему бумаги, уехал домой и застрелился.

А снег-то какой, все занесет! Глемб, видимо, завершил свое выступление в Королевской Каплице. Группками и поодиночке люди спешили в сторону городского вокзала, некоторые несли какие-то лозунги, свернутые на древках. Обширный продуктовый, с отделом промышленных товаров, магазин недалеко от вокзала

был еще открыт. Возле него колыхалась быстро разрастающаяся толпа. В магазине было светопре-
ставление, гам, крики, толчея. Скупали все, что
попадалось на глаза.

Не хотелось разочаровывать администрацию ночного
секс-шоу-бара, и, возвратясь в отель, я купил входной
билет за тысячу злотых, передохнул немного и в две-
надцать ночи спустился в бар. Там было полупустынно.
Пяток далеко не молодого, примерно как я, возраста
мужчин и десятков дам, сидящих кто поодиночке, кто
вдвоем за столиками. Дамы пили кока-колу. Все, как
по команде, глянули в мою сторону, но, видимо, сразу
сообразили, что ни для одной из них я не представляю
никакого интереса, хотя вот одна улыбнулась мне, вот
вторая даже кивнула. И я чуть не кивнул! А на небольшой
эстрадке парень в пестром трико изрыгал из своего
горла столбы огня... Значит, Кох был в Данциге. С Клар-
рой? Хотел отправить ее из Кенигсберга? Что удержало
его от этого? Какое-то особое чувство? Что вывозил
он из Восточной Пруссии?.. Бармен поставил на столик
бокал с водкой на два пальца и бутылку кока-колы.
Повел глазами в сторону той, что кивнула мне. Тут
велосипедист выкатился на одноколесном велосипеде
и начал кружить по эстрадке... Что вернулось, кроме
Клары, назад, в Кенигсберг? Что отправилось в то
страшное плавание?.. А что было в трюмах "Лея",
"Генерала фон Штойбена"? Кто промышлял на "Гу-
стлове"?..

Потом пожилая, сильно накрашенная женщина пела
низким, басовитым голосом, а после нее парень в смокин-
ге танцевал с совершенно нагой, невероятно красивой
девушкой, хотя нет, что это я, не совершенно нагой,
отнюдь — она была в черных чулках и черных туфельках,
но от этого ее нагота казалась еще более вызывающей,
а белое ее тело казалось просто невероятно белым, такой
белизны я никогда не видел...

Ну, ладно, а что с "черным портфелем" подполков-
ника Нувеля? Прошел уже год после смерти Коха, что
в тех бумагах, какие-то очень важные, да-да, государст-
венной важности секреты? Но ведь Болеслав писал, что
подполковник Нувель намекал: мол, и о Янтарной ком-
нате теперь будет известно все-все?! Бармен подплыл,
наклонился, вежливо держа одну руку согнутой за спи-
ной, низким голосом предложил: "Не желает ли пан
танцевать с той очаровательной дамой? — Он повел

подкрашенными глазами в сторону белотелой, прикрытой длинными черными волосами женщины.— Это будет стоять суший пустяк, две тысячи злотых, если, конечно, пан не пожелает еще что-нибудь...” Я выложил две тысячи злотых и попросил еще водки. Бармен принес. Лысый как колено толстяк направился к длинноволосой нагой красавице, видимо наплевав на СПИД, решил раскошелиться, а я поднялся к себе в номер.

...Утром поездом "Карморан" мы уехали с Ханной в Ольштын. Там я узнал, что подполковник криминальной полиции Нувель погиб в автомобильной катастрофе. Якобы разобрав все бумаги, свои записи бесед с Кохом и перепечатав их на машинке, он со своим черным, разбухшим еще больше портфелем отправился в Варшаву докладывать высокому начальству о беседах с Кохом. На автостраде в "полонез" подполковника врезался "мерседес". Подполковник был убит на месте, черный портфель с документами исчез.

Мои ольштынские друзья свозили меня в Барчево, на кладбище, где похоронен долгосрочный тюремный сиделец, бывший гауляйтер Восточной Пруссии. В одном из дальних углов кладбища мне показали площадку, на которой возвышалось десять холмиков, в каждый из которых был вкопан бетонный столбик с жестянкой, на которой виднелись лишь две буквы: "NN" — такие пометки делаются на могилах преступников, трупы которых не забрали родственники. Но где же лежит Кох? Никто этого не знает. Когда умершего привезли на кладбище, тут было вырыто десять могил. В какую яму его опустили? Кто его хоронил? Нет, никто этого не знает.

В Доме творчества в Ольштыне, куда мы под вечер приехали из Барчево, было полно творческих работников. В бильярдной первого этажа гроыхали шары, шла игра на пиво, в ресторане стоял нестройный гул, облака синего дыма тучей клубились под потолком, и лица людей казались желтыми дынями. На других этажах в секциях композиторов, художников, рецензентов и критиков, тесно сдвинувшись за столами, громко, нетрезво, перебивая друг друга, говорили длинноволосые, бородатые и лысые "духовики", "смычки", рисовальщики "актов", портретисты, пейзажисты и начинающие литераторы. И в секции писателей стол уже был заставлен

едой и бутылками. Все бурно обсуждали повышение цен на продукты, транспорт, уголь, пся крев — на уголь! Он и так-то был невероятно дорог, а тут еще повысили вдвое! Ругали чиновников, партийцев и бюрократов — они-то что, выкарабкаются, мол, "нет в мире петуха, который бы позволил вырвать из своего хвоста перья!", однако во всей этой нестройной, нервной шумности улавливалась одна всеобщая оценка: "А, вшистка едно!"

Да, вот что еще. Я все же решил вернуться домой не дальним окружным путем через Варшаву — Брест — Москву — Вильнюс, а коротким, по автострате № 51, которая своим концом упирается прямо в нашу область на Мамоновском погранучастке. Рано утром к дверям отеля, где я остановился в последний день польской командировки, подкатил маленький синий "фиатик", за рулем которого был мой друг. Ханна помахала нам рукой, движок "фиатика", несмотря на свою малость, взревел, как мотор "КАМАЗа", машина дернулась и ринулась в путь... Через 40 минут мы были на границе. Польский пограничник, полный, розовощекий здоровяк, пил кофе в маленькой будке и смотрел телевизор. Мы быстро познакомились, объяснили ситуацию, пограничник все понял, посмотрел мой паспорт, сказал, что с его, польской, стороны "нет никаких проблем", пускай пан писатель идет к себе домой, выволок из кармана связку ключей и среди ключей квартирных, от машины, гаража и еще каких-то, больших и маленьких, отыскал нужный ему ключ от границы, которым он и отпер большой, амбарного вида замок, тяжело висящий на шлагбауме.

До моей Родины было всего девять шагов! Еще один шлагбаум, парень в зеленой фуражке, настороженно поглядывающий в нашу сторону, там стоял, красный, выцветший флаг на флагштоке виднелся и большой, видно, недавно подновленный транспарант: "РОДИНА ПРИВЕТСТВУЕТ ВАС!"

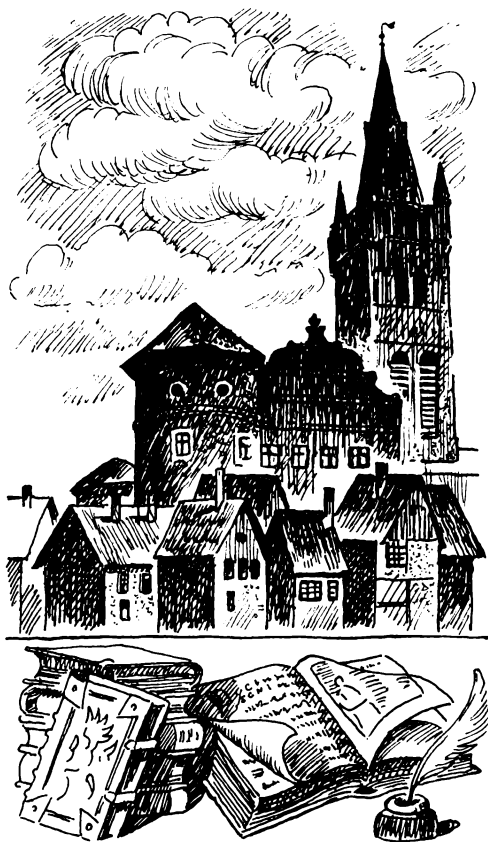
Такая торжественная минута. Еще несколько шагов, и можно опуститься на колени, сказав при этом со слезами на глазах: "Родина! Вот я и вернулся!" Зеленая фуражка, российское, "нашенское", так сказать, простецкое лицо. Лицо напряглось, встревожилось, парень громко приказал: "Стой! Назад!" — "Мне домой, тут рядом, тридцать километров!" — крикнул я, держа над головой

свой раскрытый "молоткастый" паспорт, которому, как известно по Маяковскому, должны завидовать во всем мире. "Назад!" — грозно, успокаиваясь, проговорила "зеленая фуражка", и я понял, что да, надо поворачивать оглобли: графиню Марион Дёнхофф не выпустили, меня не впускают!

...Трое суток спустя я вышел на шумный, заснеженный, затоптанный перрон Белорусского вокзала Москвы. Опускаться на колени не хотелось.

Очень старая комната. Казна второй армии

”Уважаемый господин Штайн! Бывший сотрудник группы особого назначения СС ”ОСТ-КЕНИГСБЕРГ”, фамилию которого Вы отыскиали в британском архиве, еще не решил, встретится он с Вами или нет, но просил меня передать Вам следующее. Во-первых, вот суть зашифрованных букв радиограммы: ”ОПЕРАЦИЯ ”ЯНТАРНАЯ КОМНАТА” ЗАКОНЧЕНА. ЕЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ: ”B.S.W.F.”. Эти сокращения расшифровываются как ”БЕРНШТАЙНЦИММЕР — ШАХТА — ВИТТЕКИНД — ФОЛЛЬПРИХАУЗЕН”. Он ручается, что в этом месте, Фолльприхаузене, были спрятаны многочисленные сокровища, награбленные во время войны. Совсем недавно в подвалах университета г. Геттингена были найдены дорогостоящие коллекции янтаря, принадлежавшие университету Кенигсберга. Эти сокровища... были перевезены сюда из Фолльприхаузена, после чего шахта осенью 1945 года была взорвана и затоплена...

Юр. Ш-ц.”

”ДОЧЬ РОДЕ ПРИПОМИНАЕТ, ЧТО ЯЩИКИ С СОКРОВИЩАМИ БЫЛИ ВЫНЕСЕНЫ ИЗ ПОДВАЛОВ ЗАМКА И ОТВЕЗЕНЫ НА ВОКЗАЛ, НО ПОСЛЕДНИЙ ПОЕЗД УЖЕ УШЕЛ”.

”Один бюргер, бывший военнослужащий из ВЕЙМАРА, сообщает, что спецгруппа, в которой он служил в начале 1945 года, получила приказ от крупного военного чина ШТАДЕЛЬМАННА оборудовать грузовое судно, с тем чтобы вблизи острова БАРНХОЛЬМ принять

ящики с борта "ВИЛЬГЕЛЬМА ГУСТЛОВА". Общий вес этого груза составлял примерно полторы тонны. Ящики якобы содержали в себе некий "ЯНТАРНЫЙ АЛТАРЬ ИЛИ КОМНАТУ".

"ЯНТАРНУЮ КОМНАТУ и другие огромные ценности отправили в январе 45-го санным обозом по маршруту Кенигсберг — Хайлигенбайль, или Бальга, и далее по льду в направлении на ЭЛЬБИНГ..."

"СОКРОВИЩА КЕНИГСБЕРГСКОГО МУЗЕЯ ЯНТАРЯ, примерно 90 тысяч экспонатов, до апреля сорок пятого года находились в подвалах музея. Это мне сообщила перед смертью моя подруга, Элизабет Мюллер, бывшая сотрудница этого музея. Ищите. Копайте глубже, вот что она еще говорила.

Шарлотта Вайс, пенсионерка, г. Киль".

(Из различных сообщений архива Георга Штайна)

— Алло! Говорит майор. Кассу будем брать завтра, в 7 утра, пока на улицах еще мало народа. Вы готовы? Мешок под валюту сшит? Надо, чтобы он был крепким, из плотной ткани, так как сумма может быть весьма значительной.— Да. У нас все готово. Мешок и другие емкости. Прикроете?

— Будет обеспечено. Двое вооруженных парней. До завтра. Итак, все готово. Люди "прикрытия", транспорт, помещение для "валюты". Вряд ли кому в голову придет, что мешок с деньгами будет доставлен в Кукольный театр. Интересно, сколько же мы "возьмем"?

...Без четверти семь припарковав машину у Дома художников, отправляюсь к городскому парку, перед входом в который стоит "Копилка Памяти" нашего отделения Фонда культуры. Надо сказать, что она значительно отличается от копилки в Старом Мясте в Варшаве. Во-первых, она весит почти тонну. Подъемный кран нужен, чтобы ее похитить. Во-вторых, деньги можно извлечь, лишь подняв ее краном, именно тогда в дне открывается хитроумно устроенная дверка. В-третьих, копилка — под сигнализацией, и, в-четвертых, она освещается прожектором. Кроме того, нашу копилку охраняет местное отделение милиции, ночные патрули обязательно проверяют, все ли тут в порядке.

Увы, мои опасения не оказались напрасными! Уже два раза были совершены попытки "очистить" копилку, но

наша милиция сработала великолепно, хотя в конструкцию пришлось внести и некоторое дополнение в виде стальной решетки на пуленепробиваемом стекле. Оказывается, если со всей силы трахнуть по этому стеклу кувалдой, то и оно не выдерживает. Однако вот и майор, молодой человек в синем спортивном пиджачке, и его "парни", которые становятся по разным краям площадки, зорко поглядывают во все стороны. Мой верный помощник в "культурфронтовых" делах, Нина Петровна, высокая, симпатичная женщина, спешит, несет полосатый мешок для "кассы". Подкатывает машина с краном. Кран вздергивает копилку на тросах, на ее основание, как торбу на морду лошади, натягиваем мешок. Поворот секретной задвижки, и в мешок с глухим шумом и звоном сыпается "валюта". На всю операцию уходит 15 минут. "Парни" из группы майора помогают нам донести деньги в одну из комнаток Кукольного театра, бывшей кирхи Луизы. Гипсовый Калинин, огромная, с козлиной бородкой, крашенная шаровой краской голова в очках, стоящая на том самом месте, где некогда стояла св. Дева Мария, провожает нас сощуренным, дьявольски внимательным взглядом.

Итак, за дело. Нина Петровна расставляет на длинном столе десяток синих пластмассовых тазиков. С помощью милиции мы громоздим мешок на стол и вываливаем содержимое в эти тазики. Жмоты, думаю я, глядя, как тазики заполняются "медяками" и "серебрухой", пожалели денег на Кафедральный собор, реставрацию домика Канта, бюст Пушкина, на памятник "афганцам", а именно на эти цели собираем мы деньги. Но вот в тазики посыпались и рубли, трояки, "красненькие".

Стук монет, мелькание желтых и серебряных кружочков. Вот так же когда-то и мы, бездомные ленинградские дети, считали нашу добычу в ледяном подвале "стекляшки", сгоревшего и расплавившегося в сентябре сорок первого года "Стекланного", что был в Госнардоме, театра. Мы обитали там коммуной или "толпой", как нас называл наш "старшина" и наш "отец", огромный, бородатый — одни глаза из бородищи торчат — "матрос с героического крейсера "Варяг", за коего он себя выдавал, одноногий, на скрипучей деревяге Петр Лукич Раки-тин. Он насобирав нас, оставшихся без родителей мальчишек и девчонок, "столпил", как он выражался, вот тут, в этом подвале, на стенах которого кустился черный от копоти лохматый иней, а посреди жарко гудела огнем

раскаленная, вся в золотых искрах печка-буржуйка. "Толпа! Слушай старого матроса! — часто говорил нам "героический моряк". — Чтобы выжить, надо работать. Кто не работает, тот околеваает!" Мы "работали" на Сытном рынке. "Сшибали" там, что могли. Кто воровал, кто пел, кто играл в "три картинки" и "ремешок с петелькой", девчонки изображали цыганок, а кто попрошайничал: "Мамочка моя померла-а-а от голода-а-а... Сестренка дома помира-а-ат... Братишка ножки отморози-и-и-л..." И Петр Лукич Ракитин пел. Стоял, опираясь на костыль. В бескозырке с надписью старинными буквами "ВА-РЯГЪ" и золотыми якорями на лентах. Чтобы уши не отмерзли, голова его была замотана черной тряпкой, бескозырка нахлобучена сверху, полушубок распахнут, виднелась там тельняшка, ее синие-белые полосы. "Н-на-верх вы, товарищи!.. — не пел, а хрипло, выдыхая облака пара, орал Петр Лукич. — Все по м-местам, п-последний п-парад н-наступа-ает!" Время от времени он хватал кого-нибудь из толпы, притягивал к себе и не отпускал, пока тот не бросал в медный котелок, тоже с надписью "ВАРЯГЪ", привязанный к ремню с бляхой, помятый трояк или рублевку. А когда темнело, голодные, полуживые от холода и усталости, мы сползались в свой подвал. "Р-ряк, р-ряк!" — скрипел протез Петра Ракитина. Чем сильнее был мороз, тем громче скрипел его протез. "Р-ряк, р-ряк!" А в подвале уже вовсю пылали поленья в "буржуйке", дежурные готовились к встрече, уже булькало в огромной черной кастрюле, там варилась похлебка из жмыха, но, прежде чем взяться за ложки, мы высыпали свою добычу на огромный стол — медяки, "серебруху", "бумажки". "Толпа! — хрипло говорил Петр Лукич. — Плохо работаем! Мало души в дело вкладываем! Ну-ка, вот ты, — он тыкал в меня толстым, грязным пальцем. — Как ты формально "рыдал" сегодня, а? "Ма-ама померла!" Надо рыдать так, чтобы слезы с глаз сыпались, а ты?.." "Тут тысяча, вот еще тысяча..." — слышался голос очкастого Левки Горбунова, "студента философических наук", как он себя называл, прибившегося к нам и взявшего на себя заботы о подсчете денег, которые он потом сдавал Петру Лукичу...

"Тут сто, — слышу я голос нашей бухгалтерской "половинки" Любы, которая работает в Фонде на полставки, — кладите вот сюда". Прав оказался директор Королевского замка пан доктор Александр Гейстер: после первого, довольно значительного "съема" почти

в 4 тысячи рублей, волна пожертвований схлынула, и денег в копилку стало падать меньше, но уж сколько есть, столько и есть. Мог ли я предположить, что спустя столько лет буду вновь собирать медяки? Теперь для деятельности Фонда культуры? Однако подсчет денег — дело долгое, а у меня сегодня будут гости — барон и баронесса фон цур Мюлен, и надо подготовиться к их приему, времени в обрез...

Да, времени в обрез! Элегантный, розоволицый, весь пышущий здоровьем и устойчивым благополучием, барон Бенгт фон цур Мюлен то и дело поглядывает на часы и снимает, снимает, снимает. Время от времени он коротко и быстро говорит, а его очаровательная жена держит в руке диктофон, делает запись, дополняя барона и своими наблюдениями. Барон — владелец фирмы "ХРО-НОС ФИЛЬМ", находящейся в Западном Берлине. Журналист, публицист, кинооператор и режиссер фирмы, а его жена Ирмагарт — сотрудница и сценарист его фильмов, монтажер и художник, общественный, как и барон, деятель. Снимают они сейчас обширный, кажется двадцатичастевый, фильм "Двадцатый век". Они первые кинематографисты Западного Берлина, путем невероятных усилий и хитроумных ухищрений "пробившиеся" в Калининград, чтобы сделать видеофильм о прошлом и настоящем нашего города.

Времени в обрез. Срок приезда в этот наш "таинственный" для западного человека край, в своеобразную "тера инкогнита", крайне мал, а хочется увидеть так много. Барон! Вы современный первооткрыватель, вы Колумб, ваш фильм будут смотреть с таким же интересом, а может быть и большим, чем фильм о посещении каких-нибудь индейцев-"змееловов", обнаруженных в самых неизученных глубинах таинственной, непонятной и страшной страны Амазонии!

Мчим по улицам и площадям города. Барон не выпускает из рук видеокамеру, снимает все подряд: дома, магазины, трамвайные остановки, ржавые, переполненные мусором ящики, киоски, толпы куда-то спешащих, втискивающихся в трамваи людей. Машина то и дело ужасно сотрясается. Как ни старается шофер, но колеса нет-нет да и попадают в асфальтовые дыры, в которых виднеется серая, ровная, матово поблескивающая брусчатка. Барон удивленно пожимает плечами, думает, наверно: "Как это понять? Куда смотрят местные власти? Они что, не ездят по городу? На вертолетах летают?"

Случись такое, хоть одна вот такая дыра, в Западном Берлине, наверняка бы мэр города потерял свое кресло!" Так ли он думает или нет, но спрашивает меня, зачем брусчатку, этот привезенный из Швеции или Норвегии гранит, залили асфальтом? Простите, но ведь это... гм, ну, к примеру, то же самое, что раму настоящего красного дерева покрыть серебрином. Ведь квадратный метр брусчатки стоит примерно столько же, сколько несколько сот квадратных метров асфальта!.. Господи, что я ему могу ответить? Этот вопрос уже давным-давно мучает и меня: зачем? Тем более что и для новых-то улиц гудрона не хватает, вот, пожалуйста, дыры заляпать нечем. А вот это, смотрите, отвлекаю я его, бывший Зюйд-банхоф, он совершенно такой, какой и был всегда.

Барон быстро взглядывает на часы и снимает, снимает. Снимает серые бетонные пятиэтажки, всю эту унылую, плоскофасадную, глазу не за что зацепиться, убогость, нашу центральную, несоразмерно широкую и от этого производящую еще более удручающее впечатление улицу, бывший Штайндам, ныне Ленинский проспект. "Но почему, простите, "Ленинский"?! — искренне удивляется барон.— Простите еще раз, но эта улица с домами... гм, такого барачного типа, это что, символ ленинизма?! Я совершенно ничего не понимаю, или это ваш, простите, восточный советский юмор?.." Барон, я тоже ни черта не понимаю, какие там мысли клубились в головах наших местных руководителей, когда этой дерьмовой улице давали такое наименование. А что касается архитектуры, так вся страна застроена подобными пятиэтажками, с торчащими кое-где унылыми девятиэтажками, но, знаете, тут было все разбито, раздолбано, английская авиация в сорок четвертом году постаралась, да и наши во время штурма добавили. Пустыня была сплошная! Лунный, так сказать, в больших и малых воронках, пейзаж. И столько было трудностей, полстраны лежало в руинах, до красоты ли?!

Глаза бы мои не смотрели на этот проспект, кто ни придет, гость ли издалека, московский ли знакомый, все об одном и том же, а другой дорогой в центр не попадешь. И вот ведь что интересно: есть отличные проекты реконструкции проспекта, но... но разве за эти годы мы стали богаче?.. Однако, барон, и вы, милая Ирмагарт, посмотрите, это бывшая кирха Святого семейства, не правда ли, как великолепно восстановлено здание? А это, справа,— бывшая Биржа. И тоже отлично восстановлена,

и огромные львы при входе держат огромные геральдические щиты, да, на них были гербы Кенигсберга. Почему сейчас нет? Был у нас тут один руководитель, "знаток геральдики", приказал стесать, да, такая досада, он же приказал снести и самое красивое здание города, Лютеранскую кирху,— этого я барону не говорю, думаю с горечью про себя. Был у нас такой секретарь обкома, который мечтал из этого древнего, с редчайшей, во многом сохранившейся архитектурой сделать "показательный российский город". И сделал бы, если бы другие люди, правда, рангом пониже, не сопротивлялись. И в открытую, и скрытно... Барон снимает. Ирмгардт записывает его краткие высказывания или, отложив диктофон, шуршит картой Кенигсберга, изданной в ФРГ в издательстве "Г. Раутенберг" в минувшем году, да-да, мы еще потом, завтра, побываем у собора, снимайте пока отсюда, сверху, с огромного моста-эстакады, перекинувшегося через старый и новый Прегель... Коля, сбавь скорость.

Внизу под нами зеленый остров, на котором когда-то был один из трех, слившихся в единый Кенигсберг, городов — Кнайпхов. Когда в Калининграде как-то побывал Брежнев, он, завидя собор, пробурчал через плечо "главному хозяину" нашей области: "А это еще что за гнилой зуб минувшей войны? Снести! А тут, знаете, постройте что-нибудь эдакое...— пошевелил толстыми пальцами.— В духе нашего великого времени, нашего созданного нами... э-э-э, развитого социализма? Что вы сказали? В списке редчайших памятников архитектуры? Я скажу кому надо. Вычеркнут из списка".

Иногда я думаю о том, что условно людей можно разделить не только на умных и глупых, гордых и, так сказать, простых, на злых и добрых, но еще по сути своей,— на созидателей и разрушителей. И это слово "созидатель" может относиться не только к художникам, поэтам, скульпторам, архитекторам, нет, именно ко всем. Руководитель любого ранга может быть либо созидателем, либо разрушителем. Наш "главный хозяин" считал себя созидателем. Он хотел, чтобы все тут было, как в России. Все огромное, бетонное, плоское, без всяких "украшательских штучек". Главный вокзал Кенигсберга, Зюдбанхоф, уцелел, но было приказано: разработать проект, чтобы он не выглядел по-немецки. "Созидая" новый, социалистический город, "хозяин" требовал, чтобы тут ничего не было от прошлого, он мыслил себя

строителем некоего нового, созвучного нашему "прогрессивному, бурному времени". И в сохранившиеся от прошлого районы Старого города вползали бетонные чудовища, с крыш была ссыпана черепица, их покрыли шифером. Или, как и везде, крыши делали плоскими (и сейчас делают). Это тут-то, в приморском краю, с глубокими, сырыми снегами, с ливнями и дождями! Каждое лето в городе можно увидеть одну и ту же картину: по плоским крышам бродят мужики, кроют матом горсовет, а кровлю рубероидом и заливают его жидким гудроном. Каждое лето! В эти крыши столько вколочено средств, что можно было на эти деньги сделать крыши из меди!

Наш "главный хозяин" не любил соседей-литовцев, потому что с таких же земель, как у нас, они снимали урожаи значительно более высокие, чем в наших убогих колхозах и совхозах, что, въезжая со стороны Литвы в нашу область, можно было и не спрашивать, кончилась ли уже Литва, началась ли уже Калининградская область, потому что сразу бросались в глаза и разбитая дорога, и осыпающиеся крыши бывших роскошных усадеб и ферм, облупленные стены, бурьян вдоль дороги. Он не любил поляков, потому что те, еще более бедные чем мы, пашущие на лошадках, умудрились в своей, перешедшей к ним после войны, Западной Пруссии, нынешних Ольштынском и Эльблонгском воеводствах, восстановить все замки, дворцы и многочисленные кирхи, построить при помощи французов первоклассные, для иностранных гостей, отели и содержать автострады и города в отличном, европейском состоянии.

Этот кусочек нашей земли, промытый зябкими и горькими балтийскими ветрами и прогретый теплым дыханием Гольфстрима, был когда-то своеобразной Меккой и для литовцев, и для поляков. Тысячами они шли из своих бедных, под соломенными крышами деревень в этот огромный, современный — ведь один из первых трамваев в Европе пошел в Кенигсберге — и ученый город. Сюда, "к нам", когда-то шли и ехали соседи, чтобы набраться ума-разума, издать тут газеты, журналы и учебники на литовском языке, заработать деньги, приобрести редкие у себя товары и отличные, дешевые продукты. Однако, простите, да-да, сейчас мы приехали в самый центр города, вон то здание — бывший Нордбанхоф, а вон то, красное, — Полицияпрезидиум. Что сейчас в нем? М-мм, тоже полицейское управление, а вот то здание — бывший Дворец правосудия, а вот это, где

внизу магазины, бывший Новый магистрат. Посмотрите, барон, я взял фотографию, старую открытку, видите, все, как было. Англичане в основном бомбили центр и юго-восток города, где мы только что были, да и самые жестокие бои происходили там, а вот здесь, в северо-западной части, город почти не пострадал. И знаете, хоть и трудно было, но удалось множество зданий восстановить, и некоторые немцы, старые кенигсбержцы, говорили мне: "Боже, как будто все как и было!"

Что там за очередь? Жуткая толпища возбужденного народа клубится у основания "магистрата". Милиционеры кого-то выдергивают из очереди. Видны красные, озлобленные лица. Чуть дальше виднеется огромный ангар кинотеатра, который конечно же называется "Россия", и барон говорит: "Какое-то необыкновенно интересное кино? Билеты так трудно достать?" — это что, черный западный юмор? — "А,— догадывается барон,— очередь за мясом". Барон, когда мясо продавалось в наших магазинах?! Но что мы тут застряли? Ах, красный свет... Прямо к нашей машине вываливается вдруг из толпы растерзанный, в расстегнутой до пупа рубашке парень с бутылкой "бормотухи" в руке. Да поехали же!

Эту сцену барон не снимает. Сидит в грустной задумчивости. Ну вот, поехали... Это площадь Победы, бывшая Трех маршалов, бывшая Адольф Гитлер-плац, бывшая Ханза-плац. Да-да, я уже говорил, Дворец правосудия, тут в 1913 году проходил знаменитый "искровский" процесс, Карл Либкнехт тут выступал, а эти бронзовые борющиеся быки скульптора Августа Гауля стоят, как будто они тут стояли всегда.

Барон просит притормозить машину, он не обратил внимания на эту мою фразу— "как будто", иначе мне бы пришлось объяснять, что я подразумевал. "Как будто" потому, что сразу после войны эти замечательные быки, поставленные тут в ноябре 1912 года, были сняты с постамента и установлены перед зданием бывшего Управления финансов Восточной Пруссии, где разместился штаб особого военного округа и его политуправление. Они красовались там несколько лет, хотя злые военные языки утверждали, что эти быки символизируют не борьбу зла и добра, а борьбу между штабом и политуправлением. Когда округ ликвидировали и в прекрасно сохранившемся, среди вековых каштанов, здании поселились обком КПСС и облисполком, кто-то зловредно утверждал, что теперь они, эти могучие, налитые силой животные,

намекают на противостояние между обкомом и облисполкомом. Но это глупость, ерунда, противостояния не было, какой это облисполком может противостоять обкому. И тем не менее быков убрали, но не на свое привычное место, а... в зоопарк, к живым его обитателям, в компанию к двум бронзовым же лосям, один из которых стоял когда-то перед известным в Европе книжным издательством "Унцер унд ГрEFE"...

А перед обкомом и облисполкомом появилась новая композиция: Ленин и Сталин сидят на скамеечке, беседуют. Регулярно, обычно к майским и ноябрьским праздникам, вождей подправляли серебряной краской, как-то сам видел — кисточкой по усам! — и они блестели как новенькие. Постамент же быков пустовал. И довольно долго, хотя от горожан и поступали предложения вернуть сюда быков, но что-то неприличное виделось нашим руководителям, чтобы вот так, запросто, прямо на центральной улице, появились какие-то быки! Символ борьбы добра и зла? Какого зла? Какого добра? И вдобавок чуть дальше, на площади, — Сталин Иосиф Виссарионович в бронзовой шинели и бронзовых сапогах стоит, а тут — быки?! Как все это воспримется в центре?

Потом в одну из ночей Иосиф Виссарионович перекочевал на другую площадь, чуть дальше, уступив свой серый, мавзолейного облика пьедестал Владимиру Ильичу Ленину. Те, кто жил в домах у площади, говорили, будто слышали его тяжкие бронзовые шаги. Правда, развенчанный вождь не очень долго возвышался напротив универмага "Маяк". Как пришел, так и ушел в одну из черных, дождливых ночей. Куда направлялся? Кто пригрел или припрятал его? Этого сейчас никто сказать с точностью не может, но некоторое время огромный и страшный вождь лежал в хоздворе винного магазина, что напротив и чуть наискосок от опустевшего постамента, и коротал время с местными выпивохами, которые, рассевшись на его бронзовой груди, кокали яйца о могучий нос "вождя всех времен и народов" и били бутылки о его голову, все тут было усыпано яичной шелухой и острыми зелеными осколками. Сколько кроется за этим небольшим, но впечатляющим сюжетом! Сам он, его страшная жизнь, сталинщина, его странная смерть, обращения в правительство местных, "маленьких вождей" с просьбами о сооружении ему памятника в Калининграде, нервные художественные советы: "Кажется, что-то тут с усами не очень похоже, не слишком ли длинна

шинель?" И благоприятное решение, восторги местной прессы: да, памятнику быть! И указание сверху: "Металл изыскать на месте". И опять трудно сказать с полной уверенностью, но якобы в эту многометровую фигуру, голову, руки, сапоги "влились" "изысканные на месте" бронзовая обнаженная женщина со снопом — символ плодородия и благополучия — что возвышалась над входом в Восточно-Прусский сельскохозяйственный банк, который размещался на углу бывшей Штреземан и Бетховенштрассе, а также скульптурная группа под названием "Мир", скульптура Вальтера Розенберга и фигура "Немецкий Михель", что стояла у форта "Врангель". Исчез Сталин и со скамейки, на которой он несколько лет восседал с Владимиром Ильичем. И что замечательно: Сталин исчез, а Ленин остался, сидит, как и сидел, а вместо "верного соратника" — пустота, воздушность!..

Ну, вот, кажется, барон возвращается, отснял быков, которые появились тут, на привычном для них, родном месте тоже в одну из черных августовских ночей с приходом в горсовет нового председателя Виктора Васильевича Денисова. Получив на свое предложение вернуть быков на место ответы — мол, а как на это посмотрит общественность? а что скажут "там"? В общем, надо хорошо подумать, посоветоваться, посоветоваться,— Денисов, больше ни у кого ничего не спрашивая, ни с кем более не советуясь, ночью, чтобы не привлекать внимания, поставил быков туда, где они простояли 33 года. Какие красавцы! Вода журчит, изливаясь из двух каменных раковин в обширный бассейн, в котором отражаются напрягшиеся, налитые силой тела. Каждую весну на Пасху студенты Рыбвтуза, разместившиеся ныне в бывшем Дворце правосудия, шалят, красят суриком или белилами мощные шары между задних ног быков. Ректорат издает грозные приказы, организует ночные дежурства, кого-то, кажется, даже из института за эти проделки исключили, но традиция есть традиция, и студенты уже двадцать пять лет не отступают от нее.

Время, время! Едем дальше? Да-да, вон там был старый немецкий театр, он сгорел, теперь вот, видите, новый, да, он несколько похож на Большой театр, а это — памятник Шиллеру, изваянный Станиславом Кауером в 1910 году. Как стоял тут до войны, так и стоит. Между прочим, мне внук скульптора, Кристоф Бальтцер, письмо прислал, просил сообщить, не сохрани-

лись ли в городе еще какие-нибудь его скульптуры? А что же? Обнаружилась замечательная обнаженная фигура, белый мрамор, называется "Перед купанием", потом отыскалась скульптура "Мать и дитя", сейчас она на реставрации, потом великолепный рельеф "Геркулес", а также — "Летящие нимфы" на фасаде бывшей Восточно-Прусской академии искусств, там теперь школа. Кстати, в ней учился космонавт Алексей Леонов, ведь, между прочим, он хороший художник и когда-то рисовал тех нимф. Может, они и позвали его в космос? И великолепный, изваянный Станиславом Кауером фонтан "Путеенбрунен" нашелся. Прекрасный белый камень. Правда, кто-то его покрасил, и вода не течет, но это дело поправимое, не правда ли?

Барон снимает, Лена, симпатичная интуристовская переводчица, переводит наши разговоры, Ирмгардт то посматривает в карту, то проверяет, крутится ли пленка в диктофоне. Вот справа сейчас — стадион "Балтика", бывший плац имени Эриха Коха, а слева — Тиргартен. Во время штурма Кенигсберга все животные погибли, один бегемот Ганс уцелел, хотя и был весь изрешечен пулями, но это, барон, особая история, а вот там, видите — золотая птица на шпиле? Это бывшая кирха Луизы, ее хотели взорвать, но, помните, я говорил про мэра города Денисова? Он отстоял кирху, уж и не знаю, как уговорил высокое начальство и здесь и в Москве, добыл материалы, медь на шпиль, деньги, и это великолепное здание уцелело. Теперь там детский кукольный театр... да-да, понимаю вас, но лучше уж кукольный театр, чем груда развалин!

А теперь мы въезжаем в самый уютный уголок города, в бывший район Амалиенау, тут все почти как и было: старые каштаны, зеленые газоны, эти красивые, своеобразной архитектуры дома. Вы спрашиваете, какая это улица? Улица Пушкина, ах, как называлась раньше? Это бывшая улица Гёте. Барон опускает камеру. Оборачивается. Он не может и слова вымолвить, господи, конечно, это какая-то чушь собачья, театр абсурда, уж сколько об этом говорено-переговорено, сколько возмущенных писем приходит и в наш Фонд культуры: почему бывшая улица Бетховена стала улицей Кирова, улица Моцарта переименована в улицу Репина, Баха — в улицу Георгия Димитрова? Улица имени великого художника А. Дюрера стала Лесопарковой, а Гофмана — Эпроновской. Тут мне пришлось

попытаться объяснить и барону, и Ирмгардт, что же это такое: "Эпроновская"? Попытался и не смог. Помню, что-то с водолазными работами связано, но как расшифровать слово "эпрон"?

— Поверьте, уважаемые гости, это и наша боль, мы же ведь не в Стране дураков живем, но, во-первых, как бы это помягче выразиться, среди нас еще столько неумных людей, в том числе и среди тех, кто вот такое навывдумывал, правда, не сегодня и не вчера, а тогда, когда город только поднимался из руин. Может, они и слышать-то не слышали о Бетховене, Бахе, Моцарте, а уж тем более о Дюрере и Гофмане? А во-вторых, я сказал: "Наша боль", но это и не совсем так, еще и сегодня очень многие считают, что так и должно быть, вот же как-то в нашей областной газете один капитан первого ранга в отставке написал: "Никак нельзя согласиться с тем, что великий немецкий поэт и мыслитель И. В. Гете для русского человека дороже имени гениального русского поэта А. С. Пушкина..." Этому человеку не понятно, что великое есть великое, что смешно и глупо считать своего, русского более великим, выше другого великого человека, если тот немец! Культура не может быть "моей" или "твоей", "своей" или "чужой", культура — или она есть, или ее просто нет. По-русски это называется "квасной патриотизм", а что касается величия Александра Сергеевича Пушкина, то думаю, что ему было бы очень горько узнать, что кто-то пытается измерить его и любимого им Гёте, с тем чтобы определить: кто выше?

Однако простите, теперь мы едем по бывшей Хуфеналее ко мне на улицу лейтенанта Катина, бывшую Штеффекштрассе. Карл Штеффек был замечательным художником-анималистом и портретистом, президентом Кунстакадемии. Вот мы уже и на моей улице, кстати, мы как-то оставили в стороне тему Янтарной комнаты, так вот видите озера, что справа и слева от дороги? Вот это озеро — Хаммер Тейх, в одном из документов Георг Штайн писал, что тут надо как следует поискать, якобы какие-то металлические ящики были утоплены либо тут, либо в озере Фюрстентейх, оно вон там, чуть севернее, за теми деревьями. Дело в том, что весь этот район, а называется он Ландграбен, все эти земли как бы принадлежали Эриху Коху, он тут охотился на зайцев и уток, а чуть севернее находится его имение "Фридрихсберг", и якобы именно оттуда были вывезены какие-то ценности, упакованные в водонепроницаемые ящики, и утоп-

лены в этих озерах. Хаммер Тейх как-то спускали, но, увы, кроме винтовок в его иле ничего обнаружить не удалось, а в озере Фюрстентейх поисковые работы еще не проводились... Но вот мы и приехали. Не бойтесь, эти мои таксы только ужасно лают, но не кусаются. Дом? Я тут живу уже долгие годы, номер у него такой, какой и был, тут жила семья Франца Фердинанда Мюллера, кажется, я вам об этом говорил. Вот сюда, устраивайтесь, сейчас жена что-нибудь приготовит, а мы пока поговорим, а, все уже готово, тогда за столом поговорим.

— О-о-о, русская водка? А говорят, что в России ее совсем нет.— Две бутылки этой "сивухи", банку растворимого кофе и палку копченой колбасы мне, за мои, конечно, деньги, презентовал все тот же мой хороший знакомый, председатель райисполкома. Пока ко мне в гости будут ездить бароны и графини, я не пропаду.— Лгут, значит, "западные голоса", что у вас тут ничего нет?

— "Страна наша богата и обильна, но порядка в ней нет", барон, так говаривали в старину. Вашу рюмку. Поехали.

— Как "поехали"? У нас ведь еще есть немного времени. Ах зо, "поехаль"!

Поехали. Барон пока и внимания не обратил, что он ест с тарелки из ресторана "Блютгерихт". Замок на ней кенигсбергский изображен, прусский орел и написано: "Historische Weinstuben Blutgericht". И вилкой он ест уникальной. На ее черенке гравировка "АН", что означает "А. Hitler". Тарелку мне подарил бульдозерист, разгребавший обломки замка, а вилку — моя сестренка Женя. В шестнадцать лет став медсестрой, она, уже будучи лейтенантом медицинской службы, дошла до самого Берлина, но вилку эту она добыла там не сама, а ее будущий муж, отчаянный разведчик, преподнесший это "фюрерское серебро" в качестве свадебного подарка.

Барон рассказывает о своей фирме:

— "Хронос-фильм" создана 24 года назад. Наша студия располагает самым большим в Европе количеством кинодокументов, связанных со второй мировой войной. Ими пользуются очень многие документалисты мира, в том числе и в СССР, вот поэтому я и оказался здесь... О-о, какие соленые огурцы, а, вы их сами делали, это — "писательские" огурцы?.. Мы сделали фильмы "Аушвиц", "Освобождение Освенцима", потом "Краснодарский процесс", "Майданек", "Москва во время войны".

Это страшные кадры, свидетельства тех страшных событий. У нас маленькая семейная корпорация, мы двое работаем почти за всех. Я директор, администратор, оператор, финансист, организатор проката наших фильмов, а Ирмгардт — мой сценарист, она сделала уже 30 сценариев, она еще и писательница, и художник, ее картины бывают на престижных выставках...

— И еще: жена, мама двух дочерей, хозяйка дома, покупательница продуктов, воспитательница... Я раб кино! — Ирмгардт улыбается, она очаровательна. — Я пишу по одному сценарию в месяц и порой так устаю, что жить не хочется. Это только звучит красиво: баронесса. И он тоже раб кино.

— Вы, барон, второй барон, которого я знал в жизни. Первый — это знаменитый барон Мюнхаузен.

— О, это хорошо! Это так. Я действительно немножко Мюнхаузен, вот, нафантазировал, что попаду в Калининград, — и попал. Снимаю фильм. И знаете, я доволен. Очень боялся, что увижу совершенно ужасный, страшный город, тем более, я отлично знаю, каким он был после войны. Ведь у меня есть немецкая хроника... Да, конечно, это не Кенигсберг, и это, увы, не западный, сверкающий витринами, хвастающийся богатством, вымытый, вылизанный город. Да, тут много отвратительных зданий, этих "пятиэтажков", да? — но это город. Огромный! Живой. И в чем-то весьма привлекательный. Вы знаете, я не люблю мазать розовым, но я и не очернитель. Таким я и покажу этот город западному зрителю, этот древний город, ставший городом социалистическим...

— И каково же ваше отношение к социализму?

— О, я очень люблю социализм, да-да, но предпочитаю жить в капиталистическом обществе. Почему? Вот маленький пример. Вчера мы ужинали, поели, а жена говорит: "Мороженого хочу". Я подзываю официанта, а он не принимает заказ, хотя мороженое и есть, говорит: "Что же вы раньше-то не заказывали?" Но мы раньше не хотели! Но это так, мелочь, а главное вот что: вы все строите, строите, создаете... То просто социализм, потом "развитой социализм", коммунизм, а надо строить просто жизнь. Нормальную. Хорошую, обеспеченную, спокойную, понимаете... И что это вы все какие-то опыты над собой проводите? То "великие стройки", то "дорога века", то "завороты рек", то еще что-нибудь. Не надо над собой экспериментировать. Ведь есть многовековой человеческий опыт. Опыт Европы, мы ведь живем так, что

нам не нужно никакого коммунизма. О-о, еще раз "поехаль"? Гут... Что? Нет, меня не очень интересует Янтарная комната. Эта земля, ее природа, ее древняя история, разрушенные замки и соборы — вот главное богатство этой, так сказать, комнаты вашего огромного российского дома, но вот что мне интересно: ваши отношения с господином Вальтером Мюллером, я видел небольшой фильм "Письмо", и вы там о нем рассказывали. Он вам еще пишет?

— Минутку... Вот его последнее письмо. Подвал у меня был затоплен, и я спрашивал у него, в чем дело. И он посоветовал мне вычистить ручей, что течет вдоль канала Ландграбен. Я ручей прочистил. Обнаружил трубки в земле. И их прочистил. Оказывается, это и есть старая осушительная система. И теперь в подвале сухо... Мюллер хочет приехать, посмотреть на "свой" дом.

— Вот уж действительно: "поехаль". М-м-м, значит, это ваш дом, но как бы и не ваш. И что же?

— Пишет во все инстанции, просит визу, но ему не дают: ведь наша область — закрытая.

— Никак не могу понять: что это есть "закрытая зона"? Кто вас тут закрывает? Разве такое есть в Советской Конституции — "закрытые зоны"? Закрытые города, области? Ведь это — незаконно, я просто этого понять не могу, ну кто бы решился в нашей Германии закрыть какой-то город, область? Правительство бы немедленно было заменено, случись такое! — Барон помедлил немного. — М-м-м... этот дом... эта... гм-м, земля? У вас нет чувства, что вы как бы взяли себе то, что принадлежит другим людям?

— У меня такого чувства нет, дорогой барон. В феврале сорок второго года мой дом в Ленинграде сгорел. В него попало несколько зажигательных бомб. Тушить было некому, пожарные почти все умерли от голода, да и воды не было, ведь водопровод был разрушен... Знаете, мы там все страшно мерзли. И лишь в ту ночь мы с мамой как следует согрелись. Мы стояли на улице, глядели, как горит наш старинный пятиэтажный дом, и мама тянула руки к огню, говорила: "Как хорошо, как тепло..." Знаете, у нее от голода что-то с головой случилось, лишь год спустя у нее это прошло. Все там сгорело! Наша квартира, кое-какие вещи. Я говорю "кое-какие", потому что все, что можно было продать, было продано, все, что можно было сжечь в печурке-буржуйке, было сожжено.

— Это ужасно. Да, я вас понял. Простите.

— Но это не все. Отто Мюллер, старший брат Вальтера, был стрелком-радистом боевого самолета "Юнкерс-87", и его "авиакрыло" базировалось на аэродроме города Гатчина. Оттуда до Ленинграда — 5—8 минут полета. Его самолет был подбит в сорок втором году во время ночного налета на город. Конечно, разве можно себе представить, что именно бомбы с его самолета упали на мой дом, но ведь могло и такое быть, правда? Хотя — так ли уж это важно! И, как вы считаете, разве не по справедливости я занял вот этот дом, потому что враг сжег мой дом? Я так и написал господину Вальтеру Мюллеру. И он согласился. Ну что: "поехаль"?

— Да, нам пора, но у меня еще есть один... нет, два вопроса, можно? Вы ведь тут с сорок пятого года? Конечно, мы знаем, как тут было трудно, тяжело немцам. Был страшный голод. В одном из сообщений кенигсбергских очевидцев есть такие факты, что в городе поубивали всех кошек и собак для еды, что на рынке продавали фрикадельки из человеческого мяса... Что вы знаете об этом?

— Есть же русская поговорка: "Голод не тетка"... Был ли голод? Умирили ли от него местные жители? Конечно. На всех кенигсбергских кладбищах, как в Ленинграде во время блокады, лежали сотни трупов, завернутые в простыни, тряпки, мешки и обвязанные, как кули с картошкой, веревками, какими-то проводами. Время-то было какое! Сотни городов в руинах, карточная система для всей страны, голод в самой России... Но так ли уж совсем было брошено на произвол судьбы местное население? Недавно я получил в областном архиве документы о тех тяжелых годах...

— Да, между прочим, я тоже там получил кое-какие бумаги. Вот. "В соответствии с приказом военного коменданта города от 3 июня 1945 года для питания немецкого населения было выдано 50 тонн свежего мяса, 90 тонн сушеного картофеля, 200 тонн ржи и 50 тонн крупы, также 50 коров". В другом приказе около 100 тысяч жителей Кенигсберга были разделены на три категории, а именно: 45 тысяч — больные, дети и неработающие — получали по 200 граммов хлеба... По 200 граммов! А вы, в блокаде?

— Я получал 125 граммов.

— "35 тысяч — чернорабочие — по 400 граммов. Для 20 тысяч квалифицированных рабочих — 600 граммов... Несколькими распоряжениями создавались и обеспечивались больницы и сиротские дома, назначалось улучшенное питание и обслуживание, в одном из приказов от 30

марта 1946 года говорилось о создании детского сада на 200 коек для детей-сирот". Но было ли так на самом деле?

— Вы знаете, ведь и нам тут было жить нелегко, но мы, как могли, помогали немецким детям. У нас в доме жила девушка, Лотта, и вот она как-то привела мальчика лет семи, говорит: "Это мой племянник. Можно, он будет приходить, я буду делиться с ним тем, что у меня в тарелке?" А потом привела "племянницу", затем сына своей подруги, потом еще двух девочек, живших с бабушкой. Иногда на кухне у нас собиралось шесть-восемь детей... Однако глянем, что там еще в бумагах?

Барон читает:

— "Летом 1946 года советская администрация приказом № 325 обязует немцев, Временное гражданское управление создать в каждом районе Дома культуры..." Голод, нищета — и "Дома культуры"? "...15 ноября была сформирована камерная концертная группа для обслуживания немецкого населения концертами, эстрадой и цирковыми представлениями..." Есть показания местных жителей, что цирковые представления давались и в церкви, а также эта ваша "эстрада", то есть "варьете". Так ли это? "Приказом № 302 в Кенигсберге создавались немецкие школы, 10 октября 1946 года было открыто 40 младших и 10 средних школ с привлечением немецких учителей". Но директора были русские... "Издавались две немецкоязычные газеты — "Нойе цайт" и "Теглихе рундшау"... Вы их видели, эти газеты?

— Господи, барон, до газет ли было?

— Но сколько все же погибло немцев в Кенигсберге от голода? По данным немецкого автора Штарлингера, во время капитуляции Кенигсберга в нем еще было примерно 100 тысяч человек, а вывезено в Германию, в период с 1946 по 1948 годы, всего 25 тысяч человек. Выходит, что 75 тысяч погибли от голода и слабости, так?

— По данным, что я имею, в Германию уехало 40 тысяч...

— Значит, все же погибло — 60?! Это ужасно! Как понять такое? Кого винить, как вы считаете?

— В Ленинграде умерло от голода более миллиона человек? Кого винить, барон? Где искать истоки? Может, стоит припомнить тот знаменитый, "великий" в истории германского фашизма "Дер таг фон Потсдам", когда старый, полуглухой "герой" первой мировой войны Пауль фон Гинденбург передал полномочия рейхспрезидента Адольфу Гитлеру? Или вспомним "Историческое

факельное шествие” 30 января 1933 года? Сколько факелов! Сколько огня, от которого вскоре вспыхнет и скорчится, обуглится в пожарище второй мировой войны почти вся Европа?!

— Да, это так, я согласен, как это по-русски: ”Гляди в корень”, да? И тогда уж самый последний вопросик. Вернемся к нашим сокровищам. Что в Тарау? Будете ли вы разрабатывать версию ”Понарт”? И вот что еще я слышал, что вы сейчас куда-то ездили, нашли под Даркеменом какие-то сокровища, да? Можно об этом узнать?

—...В Тарау, на глубине девяти метров, обнаружился крепкий бетонный свод какого-то сооружения. Нельзя сказать с уверенностью, что это потолок именно того секретного бункера, который мы ищем, но в следующем году мы все узнаем. Дело в том, что в шахту стала поступать вода, и мощный насос не справляется с ней... Версию ”Понарт” мы изучаем. Не исключено, что вот-вот и начнем там поисковые работы, а в Озерск, бывший Даркемен, я ездил для того, чтобы осмотреть обнаруженное там кладбище немецких и русских солдат, погибших в 1914 году, во время первой мировой войны.

— Мой двоюродный дедушка там воевал,— говорит баронесса.

— И мой дальний родственник, дядя бабушки,— говорит барон. — И?.. — Кладбище? По правую руку — каменные кресты с немецкими фамилиями, по левую — русские кресты. Мы сделали план кладбища, схему, переписали фамилии. Мы — я имею в виду наш Фонд культуры — хотим отыскать все захоронения первой мировой войны, чтобы взять их на свой учет и охрану...

— А сокровища?

— Ну как в наших делах, дорогой барон, без сокровищ? Пограничники задержали там двух людей. Они что-то искали у озера. Когда стали выяснять, кто такие, откуда, зачем они тут, оказалось, что это два литовца с картами и схемами, которые ищут клад — казну армии генерала Самсонова. Версия такова. Дед одного из искателей приключений перед смертью сказал, что он был в составе маленькой ”особой группы” штаба армии. Когда германское командование, Пауль Гинденбург и Людендорф, разработали план разгрома русских армий генерала Самсонова и генерала барона Ренненкампа и блестяще осуществили этот план, то, как гласит легенда, Александр Васильевич Самсонов, перед тем как пустить себе пулю в висок, якобы приказал начальнику штаба армии: ”Во что

бы то ни стало нужно вынести в Литву и дальше, в Россию. документы, ордена, золото и реликвии армии. Соберите небольшую мобильную группу". И такую группу, человек в сорок, создали. Вся казна поместилась в два ящика из-под винтовок: жалованье офицеров, знамена, снятые с древков, секретные бумаги и приказы. Группа ушла. До границы с Литвой оставалось всего 30 километров, когда ее настигли. И где-то между двумя озерами группа была почти вся уничтожена, но до того, как стих бой, эти два ящика оказались в земле. Лишь трое или четверо, тяжело раненные, среди которых был и тот литовец, попали в руки к немцам. Никто не выдал тайну!

— Но где все это? И вы эту тайну не выдадите?

— Отчего же? Ящики зарыты между озерами, в 100 шагах от северного угла кузницы, направлением на север. Там стоит большое дерево. И от него 25 шагов на юг. Пожалуйста!

— О-о-о ...но почему вы так это говорите? Не шутите?

— Все так, как я и говорю, но найти ящики не так-то просто. Во-первых, нет уже той кузницы, а деревья там теперь все большие, да и погранзона рядом. Думаю, что, изучив местность получше, мы там начнем поиск в следующем году.

— Вы сказали: Ренненкампф. Это и есть мой дальний родственник, дядя бабушки. Его поместье — это мое поместье, в Тарту. Мы туда ездим. Иногда.

— А Людендорф Эрих, начальник штаба Восточного фронта,— мой двоюродный дедушка,— засмеявшись, говорит баронесса. Они оба смотрят друг на друга, смеются, баронесса разводит руками.— Нам как-то это и в голову не приходило, что наши дальние родственники такие известные в истории люди, воевали друг против друга! Простите, но и у меня тоже есть еще один самый последний вопрос: что будет с Кафедральным собором? Будет ли он восстанавливаться? Ведь у его стены — мавзолей Канта!

— Здание законсервировано, стены, башня. Это стоило городу уже более 2 миллионов рублей. Сейчас в горсовете рассматривается вопрос о его восстановлении, по крайней мере — внешнего вида, башни, фасадов, сооружении крыши. Там разместится музей Канта, городской читальный зал, может быть, и знаменитая библиотека графа Валленрода будет восстановлена, есть надежда, что исчезнувшие в конце войны ценнейшие книги из этой библиотеки отыщутся. Но на все это требуются огромные деньги, а где их взять? Я от имени нашего "Культурфонда" обратился в газету "Ди Цайт", к графине Марион

Дёнхофф, с просьбой посодействовать нам в создании в Западной Германии некоего комитета, который бы помог в этих наших заботах, в сборе средств на восстановление собора... Однако поехали в последний раз?

Прощаемся. Барон говорит, что он надеется, пройдет совсем немного времени, и наша "закрытая область" станет доступной для всех, если Горбачев действительно готовится построить "Общий европейский дом". Пускай же здесь будет дверь в этот дом, открытая, распахнутая, а не запертая на огромные, железные, в колючей проволоке, засовы. Ах да, мы не поговорили о замке "Лохштедт", где-то он читал, что именно там надо искать янтарные и прочие другие сокровища, что там? Но время, время, еще столько встреч, еще столько надо успеть заснять, а вы, когда будете в Западном Берлине, непременно приходите в гости, только, если возьмете с собой и собачек, то не забудьте ветеринарные справки, что все прививки сделаны. Я киваю: да, конечно! Всенепременно! Вот разгребу свои дела, сядем с женой и внуками в "жигуленок", собак, конечно, заберем тоже и отправимся в Западный Берлин, действительно, только бы про справки не забыть...

Поздний вечер. Все в доме стихает. Звезды. Лунный серпик. Время размышлений: "Звездный небосвод над головой... нравственный закон во мне..." Люди-творцы, созидатели, и люди-разрушители. Я видел, как в Ленинграде, на бывшей Сенной площади, так ярко описанной Крестовским в его романе "Петербургские трущобы", ломали великолепный, совершенно целый собор. Как стойко держалось старое, крепкое, воздвигнутое на века, без воровства и приписок, здание. С каким жутким ревом дергались танки (башни у них были сняты), тянули напрягшиеся струнами стальные тросы. Со стонами, каким-то живым скрежетом рушились башни и стены... И этот район города опустел: собор как бы "держал" окружающее пространство, даже мертвый, заколоченный, он тем не менее жил своей необъяснимой тайной жизнью, возвышался над домами и улицами, притягивал к себе взгляд. Конечно же, никакого необычного "современного, в духе нашего бурного, жизнеутверждающего времени" сооружения, как обещали газеты, на месте собора построено не было, если не считать уродливой стекляннo-алюминиевой коробки метрополитена.

Не забыть, как рушили Кенигсбергский замок. Вначале была взорвана его огромная башня. Раздался неслы-

шимый вначале взрыв, башня качнулась и, окутываясь рыжим облаком, "легла" (так мне сказал один из подрывников) точно в обширнейший замковый двор. Наверно, с год грузовики вывозили оттуда кирпичное крошево, которое, увы, было совершенно не годно для нового строительства: кирпич был нестандартным, большемерным, к тому же раствор такой крепкий, что разбить обломки на отдельные кирпичины было просто невозможно. Потом, одна за другой, были разрушены стены и остальные башни. Молодой архитектор Володя Осипов тайно снял любительским киноаппаратом гибель замка и на первом в нашем городе вечере только что созданного "Клуба творческой интеллигенции" показал свой маленький фильмик. Предложил написать письмо в Центральный Комитет партии, ведь еще оставалась почти целой, лишь без крыши, западная часть замка, где когда-то был самый крупный в Европе замковый зал, "Московитский", где в один из дней 1813 года было так шумно и весело: "Наполеон побежден!" Гремел бал, и молодые российские офицеры танцевали с хорошенькими кенигсбергскими девушками...

Текст был составлен. Среди многих подписей расписались и мы, два писателя, я, "свеженький", только что принятый в союзную литературскую стаю, и писатель-фантаст, мой строгий учитель Сергей Снегов.

Какими мы были наивными! Письмо, по-видимому, и не добралось до Москвы, пленку у Володи конфисковали сотрудники КГБ, а всех нас, "подписантов", начали вызывать для "бесед" в разные инстанции. У меня был в кармане морской паспорт, мне надо было лететь на Кубу, где стоял в ремонте мой тунцелов, а со мной день за днем "беседовали". "Как вы, блокадник, воспитанник армии, могли?! — внушали мне. — Вы столько страдали от немцев, и подписали это письмо?! Ведь замок — это символ милитаризма, пруссачества, вечной угрозы нашей миролюбивой стране!.. Что, вам на Кубу надо? Пока не снимете свою подпись, никаких вам морей-океанов не будет. Сегодня же сдайте морской паспорт в отдел кадров".

Господи, как я хотел на Кубу! Туда, где пальмы, коралловые рифы, у которых я собирался нырять, если выдастся денек свободного времени; там — карнавал, красавицы мулатки, там, лишь только минуешь скалы с мрачным замком Морро, — бескрайний океан, к которому я, ставший моряком, уже привык, который, что ни

ночь, видел в снах... Прошел месяц, второй. Не знаю, как я выстоял, но я не снял своей подписи. "На Кубу-то собираетесь? — как-то услышал я в телефонной трубке жесткий, с железными звонами, голос из отдела кадров.— Немедленно быть в конторе. Получите паспорт, билет и завтра отправляйтесь". А замок взорвали! И мы, "Клуб творческой интеллигенции", больше никогда не собирались, тот скандальный вечер был в нашем городе первым и последним.

Творцы. Разрушители... Если бы не бывший председатель горисполкома Денисов, был бы взорван и Кафедральный собор. Благодаря его невероятной энергии, его любви к этому городу, появились троллейбусы, кинотеатры, были сооружены 4 теплоэлектростанции, в город была проведена газомагистраль, но главное, что любил Денисов, без чего не видел будущего города,— это культурные центры. Ведь там, где нет культуры, там пустота, бездуховность... Центры, которые, по его идее, должны были возникнуть в старых, используемых пока под склады, полуразрушенных или приговоренных к уничтожению зданиях, в фортах, соборах, кирках.

"Тебе надо жильем заниматься, а ты?! — негодовал "главный хозяин", узнав о новых замыслах Денисова.— Не смей этого!"

Запрещаю! Денисов выслушивал. Молчал. Кивал: "Да, понял". И продолжал свое. Приводил в порядок, восстанавливал башни и казематы старого форта, втайне от высшего областного руководства заказывал на том или ином заводе кованые ворота для входа, добывал дуб для дверей, медь, бронзу. И мрачный форт "Дер Дона" вдруг превратился в крупнейший в мире, великолепный музей янтаря! И уже возникла идея сооружения в Калининграде небольшой, в одну пятую натуральной величины, Янтарной комнаты, а там возникает новая идея: Органный зал в полуразрушенной, с разбитой башней кирхе Святого семейства, но где, как, каким образом добыть на это строительство деньги? Как произвести расчеты за выполненные работы через банк, в котором так тщательно следят за тем, чтобы ни копейки не ушло "на сторону", на не запланированные и не утвержденные в "верхах" объекты?

Гарри Гротберг! Бах! А еще надо было добыть деньги на орган, и еще нужно было договориться в министерстве культуры, чтобы оно, министерство, этот орган заказало у одной из известнейших в Европе фирм по изготовлению

органов! И еще надо было улучшить момент, чтобы сказать "главному хозяину" о том, как нужен этот Органный зал городу, но сказать тогда, когда большинство работ там уже будет произведено, если, конечно, до этого он сам не прослышит, но надо надеяться, что если и прослышит, то не поймет, о чем идет речь, ведь по официальной версии в помещении бывшей кирхи Святого семейства ведутся лишь профилактические работы, чтобы "ветхое здание" не рухнуло на соседние жилые дома.

"Главный хозяин" все же прослышал. И все понял. Во всем разобрался. Стучал кулаком по столу, тыкал пальцем в постановление ЦК о запрещении строительства зданий культурного назначения: музеев, выставочных и концертных залов, картинных галерей. Он еще не знал, что на берегу бывшего пруда "Шлосстайх", в чудом уцелевших стенах огромного кенигсбергского городского концертного зала "Штадтхалле" уже работают архитекторы и проектировщики. Здесь, как предполагал Денисов, после полного, в старой архитектуре, восстановления разместится историко-художественный музей, а на Московском проспекте уже строится огромная, площадью почти 11 тысяч квадратных метров, картинная галерея, "проходящая" пока как будущий "магазин-салон" мебели. И что группа проектировщиков готовит документацию для сооружения в бывшем форте "Врангель" океанариума, что ведутся переговоры с Академией наук о принятии в Калининград для вечной приписки знаменитого, приговоренного "на распил" научно-исследовательского судна "Витязь", чтобы на нем создать музей Мирового океана, что для этого уже на реке Прегеле строится специальный пирс в самом центре города...

Судовые часы с крейсера "Эмден" бьют полные склянки, что, уже полночь? В чьей каюте они были? Кто и когда их вынес с судна? Забулдыга-матрос, укравший их в кают-компании, а может, они были в починке, да так и остались на берегу, когда "Эмден", ремонтировавшийся на верфи "Шихау", вдруг получил приказ самого гросс-адмирала Деница: срочно выйти морским каналом в Пиллау и, забрав специальный груз, немедленно покинуть Восточную Пруссию?..

В ночь с 22 на 23 января сорок пятого года командир корабля "Эмден" прочитал приказ Деница и чертыхнулся: срочно выйти в Пиллау?! Как? Каким образом? Легкий крейсер стоял в ремонте, одна машина разобрана, ее

огромные части лежат на заснеженной палубе. "Приказ должен быть выполнен..." Приказ?! Может, команде взять в руки весла?... Но приказ есть приказ. При помощи ледокола и буксиров "Эмден" отправился по морскому каналу в Пиллау, где и ошвартовался у одного из пирсов в ожидании неизвестно чего. Командир корабля не мог знать, что в эти несколько дней из местечка Танненберг, что в 40 километрах от Алленштайна, пробивался к Кенигсбергу небольшой отряд — несколько грузовиков и две бронемшины, которым командовал внук Пауля Гинденбурга, Оскар фон Гинденбург. Он вез прах своего деда и бабки, которые были похоронены в "Мемориале Гинденбурга", там, где были разгромлены русские войска генерала Самсонова в августе четырнадцатого года. Два саркофага, несколько ящиков с военными реликвиями и 30 ящиков, содержание которых Оскару фон Гинденбургу было неизвестно, их везли в двух грузовиках, примкнувших к колонне в Кенигсберге.

В ночь с 23 на 24 января на заснеженном пирсе у борта "Эмдена" появились грузовики. На бетон выпрыгивали замерзшие солдаты охраны. Весь груз был переправлен на крейсер, команда которого уже собрала машину, а командир получил новый приказ гросс-адмирала: "Получив груз, немедленно выйти в море. Порт назначения: Киль". И тут же последовало новое предписание: полученный груз переправить на судно "Претория", лайнер, который когда-то ходил в Африку за бананами, а теперь использовался в Пиллау как жилье для военных моряков и курсантов учебного дивизиона подводных лодок. Приказ был исполнен. Лайнер "Претория" в эту же ночь покинул Пиллау и вскоре благополучно прибыл в порт Свинемюнде. Спустя несколько суток, имея на борту 900 беженцев, вышел в море и "Эмден". Рейс был авантюрным. На ручном управлении, с большим креном на левый борт и скоростью 6 узлов крейсер все же сумел дойти до Киля, где и попал под страшный бомбовый удар английской авиации, превративший "Эмден" в груды железного лома. "Не все было перегружено с "Эмдена" на "Преторию", — сообщал мне из Гамбурга некий Эдвард Рунге. — Ящики, полученные в Кенигсберге, остались на "Эмдене", что было в них? Якобы их успели сгрузить до налета англичан..."

Так, что тут еще среди моих бумаг? "Корчма "Коперникус", что возле нашего дома, на канале Ландграбен, называлась так потому, что будто бы в ней останавливался великий астроном Коперник. Он приезжал в Кенигсберг лечить кого-то из приближенных Альбрехта Бран-

денбургского,— пишет мне Вальтер Мюллер.— Такая вот есть легенда. В Алленштайне Коперник полюбил свою экономку, очаровательную пруссачку Агнесс, за что был осужден церковным судом, а Агнесс, якобы шпионка Альбрехта, была выслана в Кенигсберг и жила на окраине города, вот в этой корчме. И уже пожилой астроном пробыл там двое суток. Так ли это, но еще мой дедушка говорил, что люди помнят, как польский астроном, очень старый и седой, весь в черном, гулял вдоль канала с уже далеко не молодой, но по-прежнему очаровательной Агнесс”...

“Возле нашего дома”. Кажется, я начинаю привыкать к этим строчкам из письма своего “совладельца”.

...А денег в копилку стало попадать все меньше. На этот раз всего 2300 рублей — вот отчет комиссии: все больше мелкая, медная и серебряная монета. Казалось бы, что человеку полтинник, рубль?.. “Если бы каждый, кто приходит на рынок, отдал нам хоть по 10 копеек, мы бы, ребяташки, выжили до весны...” — говорил нам “героический моряк” Петр Лукич Ракитин, но люди жались, жмотничали, хотя что рубль, когда пайка хлеба стоила тысячу? Не знаю, дожили бы мы до весны, если бы не попали в облаву. Ловили-то, собственно говоря, не нас, а банду из соседнего подвального отсека, “трупников”, которые студнем из человечины торговали. Нас, дико орущих, визжащих, царапающихся, военные моряки, проводившие облаву, загнали в угол, Петр Лукич отбивался костылем, и командир “облавщиков” выстрелил из пистолета ему прямо в лоб...

Звонок телефонный.

Вздрагиваю. Уже ночь.

— Юра, прости, что так поздно, Федя Рыбин говорит.— Господи, Рыбин, лихой ординарец моего отца! Видимся мы с ним редко, раз-два в году.— Ты не забыл, что мы 12 апреля встречаемся на кладбище? Люда придет, и Вадим, он только что с морей вернулся. Слушай, что творится? В магазинах — хоть шаром покати. А ты помнишь: базар немецкий в Даркемене, а? Трудно поверить, а?..

...В Озерск, бывший Даркемен, городок в юго-западной части области, я ездил не только по поводу кладбищ русских и немецких солдат и не только по поводу казны армии Самсонова. Дело в том, что в Фонд пришло письмо, в котором местный житель Петров В. А. сообщал: в Даркемене был великолепный музей античного изобразительного искусства, созданный местным богачом, владельцем мукомольной фабрики, который много

путешествовал. И из каждой поездки привозил в Даркемен бронзовые и мраморные фигурки, амфоры, красные, расписанные черным лаком вазы, старинные греческие украшения, а также "голых, из белого камня, богинь и богов". Коллекции его музея можно было осмотреть в субботний день, а "голые богини и боги" стояли в парке его поместья, недалеко от Даркемена. Петров писал, что еще и сейчас там можно найти "ихние ноги и руки", а у одного "местного землероба имеется каменная, правда безногая, голова, грудь богинева, и богов, каменный, такой небольшой, будто детский, членчик".

О том музее античных ценностей нам говорил настоящий местной кирхи Готлиб. Фамилии не помню, но имя отчего-то врезалось в память: "Готлиб".

...Наша маленькая экспедиция въехала в уютный, чистенький, зеленый городок рано утром. И первое, что мы увидели, это заполненную множеством огромных фур рыночную площадь. Почти все городки в Восточной Пруссии, как в общем-то и во всей Германии, имели рынок — в самом центре. Так и тут. По сторонам огромной, выложенной брусчаткой площади лепились один к одному старинные, под черепицей, великолепно сохранившиеся, будто только сегодня построенные дома; балконы с цветами и цветы вдоль тротуаров, а посередине — шум, гам, лай собак, ржание огромных, рыжих с золотыми гривами, битюгов, масса повозок, телег; масса народа, немецкая и русская речь. Отыскать комендатуру не составило труда. Молодой комендант города, кажется, капитан по званию, сказал, что тут каждое воскресенье собирается чуть ли не весь район. Взгляните, сколько тут всякой всячины, но на бумажные деньги ничего купить нельзя. Продукты — в обмен на товар. Крестьяне берут все. Серебро, посуду, фарфор, картины, вещи, ткани, люстры. Да что мы торчим в комендатуре? Идемте, взглянем на базар. Архив Фромборкского капитула? Нет, ничего такого не слышал, но потом мы сходим в кирху, к настоятелю, может, он что-нибудь знает?

Да, чего только тут не было, на этом послевоенном районном фермерском рынке, кажется, я никогда больше в жизни не видел такого обилия продуктов. В телегах, в сене или соломе лежали свиные туши, их тут же рубили, развешивали мясо на крючьях. Бурыми гроздьями висели колбаски, длинные копченые колбасы и толстенные, тяжелые, как снаряды, колбасищи. А ветчина какая! Ветчинный запах улавливался сквозь массу других рыночных

запахов: сена, лошадиных "яблок", мужского пота, овчин. Кули с картофелем. Квашеная капуста. Соленые огурцы. Сушеные грибы. Соленья и варенья в аккуратных, со стеклянной крышкой на какой-то особой железной пружине, банках. Вяленая рыба, лещи, матово желтеющие своей крупной чешуей. Гогочущие гуси. Куры, утки. Яблоки такие свежие, будто были сняты не в минувшую осень, когда наши войска уже подошли к границам Пруссии, а лишь вчера. И лица, лица. Красные, тщательно выбритые; золотистые пряди волос из-под фетровых шляп; кожаные, украшенные шитьем, куртки, меховые жилетки, полосатые, видно, из домашней шерстяной тканины, штаны.

Да, бумажки никто брать не хотел, кому они нужны, бумажки? Комендант говорил, что крестьяне увозят в деревни даже пианино, да вон, поглядите, грузят на телегу. И комод. И зеркало в резной, красного дерева, раме. Ах, сколько тут было всего! Это не наш "сухой паек". Конечно, насчет пайка я это просто так, с нами был Федя. С ним не пропадешь. Мы не пропали и тут. Крестьяне охотно брали серебряных "Гинденбургов", а у Феди и они были, эти массивные, тяжелые серебряные пятимарковые монеты. Вскоре он и еще двое солдат из охранения потащили к "виллису" колбасу, ветчину и свежий с поджаристой корочкой хлеб, а Людка хрупала яблоко и, слегка отворачиваясь от нас, рассматривала черный кружевной лифчик, который Федя добыл тут же, в этом гаме и суете.

А мы отправились в кирху. Настоятель Готлиб показал нам ее. Тяжко увенчавшую холм, красного кирпича, с высоченной башней, стоящую так, что видна из любого уголка Даркемена. Высокий, худой, с умным, бледным лицом, Готлиб, то и дело поправляя очки, спрашивал: "А что будет дальше? Не запретит ли командование проводить службы? Слухи разные идут, но разве можно у людей отнимать душу, бога? Ведь бог — это душа человеческая, как без нее?" Рассказывал, что кирху строили 40 лет. На деньги всей округи. Что колокол "ГЛОРΙΑ" — это подарок из Дрездена, там живет один даркемонец, владелец большого завода, простите, бывший владелец. Не поленитесь, поднимитесь, взгляните на колокол.

И мы поднялись по бесконечной, кажется, лестнице на башню. Да, это был колокол! Весь в какой-то фантастической бронзовой вязи: кажется, там и город Дрезден изображен. И витиеватая надпись, опоясывающая его

мощное бронзовое тело: "ГЛОРИЯ". "Стукни, отец, разок,— попросил догнавший нас Федя.— Звук надо послушать". Настоятель кирхи поднял руки вверх, потом погладил колокол. Что вы, господа офицеры? Нельзя. Просто так, шутя, разве можно? Федя вежливо оттолкнул его и ухватился за веревку, которая была привязана к языку колокола, подмигнул Людке, мол, ну сейчас и грохну! Но мой отец остановил его, и Федя, что-то пробурчав, сплюнув, побежал вниз. Людка, как козочка, запрыгала следом по ступенькам, и мы спустились вниз.

— Вот там лежат русские,— сказал Готлиб, показав на большой, сложенный из серых гранитных глыб, монумент.— Видите, на доске написано: "Тут лежат отважные русские герои, погибшие в 1914 году".

Лейтенант Саша Лобов пожал удивленно плечами, поглядел на отца, священника, лицо его, как и тогда, когда мы стояли возле памятника Барклаю-де-Толли, выражало недоумение: как так? Их похоронили немцы? Ну да, вот ведь написано по-немецки. Герои? Но почему герои, если они тут все погибли? И Готлиб объяснил: каждый, кто погиб на поле боя, перестает быть врагом, и его хоронят как героя. Так принято. Готлиб кашлянул и поправился: "Так было раньше принято".

Отец закурил, протянул пачку папирос священнику, и тот закурил. Отец сказал, что пусть не беспокоится, пусть все тут делает, как и делал, и молодой комендант Даркемена кивнул, да, и он так же считает, пускай проводит свои службы, а отец спросил насчет архива Фромборкского капитула. Немного поразмышляв, Готлиб ответил, что с документами того архива он знаком. Когда защищал диссертацию по истории Тевтонского ордена, то работал во Фромборке, это было в двадцатых годах, но что с этим архивом, он не знает... Покурив, поразмышляв еще, добавил:

— Но тут у нас был замечательный музей античных древностей.— Помедлил, покурил, поглядел вдаль, на город, рынок, сказал: — Известно, что господин,— я не запомнил фамилию, которая была названа,— упаковал все это в 10—12 ящиков, весь свой музей, но никто не видел, чтобы он эти ящики вывез из Даркемена, хотя сам уже три месяца назад исчез. Там очень большие исторические ценности. Может, более дорогие, чем архив.

Нам, а вернее отцу, нужен был архив, а не античные коллекции, он поблагодарил Готлиба, пожал ему руку, и мы ушли в небольшую гостиничку, которую для отряда

подыскал Федя Рыбин. Людка уже устроилась в одной из комнаток, чистенькой, уставленной бархатной мебелью, с кружевными занавесками, я толкнулся туда. Людка крикнула: "Нельзя, нельзя!" — но я, делая вид, что не услышал этого ее вскрика, все же вошел. Стоя у большого, в рост, зеркала, Людка примеряла лифчик. Усмехнулась, качнула матово-смуглыми плечами, сказала: "Ну что уставился, дурачок? Застегни..."

Что с тем настоятелем, с теми крестьянами? Кирха еще стоит, но внутри уже все разрушено, деревянные лестницы, хоры, балки — все выпилено на дрова. Подросток Коля, местный искатель сокровищ, который сопровождал меня, сказал, что он лазал в башню. Колокол там еще висит. Да, "Глория" написано на нем. А доску с памятника русским воинам украли, а может, и просто кто-то приказал снять. Мы потом подошли к памятнику. На одной его стороне было намалевано белилами "Гутя", на другой — известное по всей Европе словечко из трех букв с восклицательным знаком.

Было воскресенье. Было гибельно пустынно. По огромной площади ветер гнал пыль и семечковую шелуху. Справа виднелось здание райкома, чуть дальше — серые стены огромного, плоского кинотеатра конечно же с названием "Октябрь". Лишь две фигуры виднелись на площади: мужчина в великолепной кепке—"аэродроме", торговавший семечками, и Владимир Ильич на высоком постаменте, с вытянутой рукой. Пусто было в магазинах. Ни мяса, ни молока, ни масла. Я только что побывал в том брошенном поместье, где когда-то между деревьев виднелись белые каменные тела "голых богов и богинь". Конечно, ни одной античной фигуры в заросшем кустарником и крапивой парке уже давным-давно не было. "На побелку их расколотили,— сказал мне какой-то мужчина, когда я попытался отыскать человека, у которого были "груды богини".— С побелкой тут туго. Вот их и расколотили. Хорошая была побелка. А того мужика не ищите. Он все пропил. В том числе и этот... как его... предмет мужской, каменный. Ну да, не все были в гипсу, но и каменные, с мрамору, фигуры тут были. Да вон их осколки валяются".

Проходя к автобусному павильону по пустынной этой, усыпанной шелухой площади, глядя на кирху, трубу, из которой валил черный дым и повисал над городом, я думал о том, что, конечно, без души, в бездуховности жизнь невозможна, какими бы яркими и гулками лозунгами ее не пытались украсить...

Господи, еще кто-то звонит!

— Это я, Ольга! — слышалось сквозь треск и шорох.— Простите, что так поздно, но такая радость: я отыскала книги знаменитой библиотеки Валленрода, шесть мешков книг, фолианты редкостной ценности! Если сможете, встретьте, я одна, денег нет, продала свою шаль, поезд 29, вагон... ту-ту-ту...

"Дзинь-дзинь-дзинь" — отбивают часы полные склянки. Двенадцать ночи.

Телефон молчит. Наверно, у нее действительно нет больше ни копейки. Неужели книги Валленрода?! Исчезнувшие в пожарищах войны и вдруг "вынырнувшие" из прошлого, возникшие как бы из ничего?

...А барон есть барон! Пообещал, что сделает хороший добрый фильм, и даже — красивый фильм, и именно такой и сделал. Просто не верится, что этот город — Калининград, мой город, город, в котором я живу; фонтаны, цветники, зеленые, тенистые аллеи, вот Каштановая, но как он умудрился снять так, что не видно ни одного провала в асфальте? Кафедральный собор, мавзолей Канта, возле которого толпа притихших туристов, могучие, играющие мышцами бронзовые быки, голубь пьет воду из бассейна, дети бегут; полный зал в бывшей кирхе Святого семейства, звучит мощная, вечная музыка Иоганна Себастьяна Баха... Чего только ни делают цвет и желание видеть главное, что в этом городе сохранено, то великое, что тут было всегда,— память о людях, внесших вечный, непреходящий вклад в науку, искусство, в веру человечества в добро и мир...

Вскоре я получил и второй фильм. Там было много интервью, там была сложная и интересная жизнь нашего города. И еще барон Бенгт фон цур Мюлен опубликовал в одном из еженедельников подробный, жестко и реалистически написанный рассказ о своей поездке в наши края. Все было правдиво. И то, что мы столько сохранили, и то, что мы столько потеряли... Свой очерк барон назвал: "ОЧЕНЬ СТАРАЯ КОМНАТА ЕВРОПЕЙСКОГО ДОМА ГОРБАЧЕВА".

Сокровища стеклянных ящиков. Замок "Лохштедт"

”...Если ты что-то очень долго, очень настойчиво, вкладывая все силы, ищешь, то обязательно должен найти, иначе опускаются руки, над тобой начинают смеяться, и твоя великая ИДЕЯ становится ничего не значащим, пустым, никчемным звуком. Как Вы помните, главная ИДЕЯ моя, и затем и наша, была — поиск Янтарной комнаты, но потом поиск расширился, и вот торжество! Янтарная комната пока не обнаружена, но найдены СОКРОВИЩА СТЕКЛЯННЫХ ЯЩИКОВ! Однако я Вас немного помучаю, я ничего больше не буду писать об этом, я сам приеду и все расскажу, а пока вернемся к последним двум версиям, ”ШАХТНОЙ” и ”ЗАМОРСКОЙ”. Честно хочу сказать, эти версии для меня, если можно так выразиться, менее любимые. Или я уже Вам писал об этом? Менее любимые потому, что шахты взорваны, и над сокровищами такая толща земли, что нужны огромные средства, чтобы докопаться до них. Увы, федеральное правительство, вначале выразившее интерес к этой версии и даже будто бы пожелавшее вложить в исследование шахт свое внимание и средства, теперь категорически отвергло эту идею, указывая намеками на некоторое ухудшение отношений между ФРГ и Россией. Но при чем тут это?! Мне, откровенно, крайне неприятна и ”заморская” версия. Уж если янтарь уплыл ”туда”, то из Америки его никакими силами не вернешь обратно. Там не любят расставаться с ценностями. И умеют крепко хранить тайны. Итак, шахты! Вы помните радиогамму таинственного эсэсовца с буквами ”B.S.W.F.”? Я эти буквы расшифровал по-разному. И как намек на ”понартовскую версию” — две

первые буквы означают: "БИЕР-ШЕНБУШ", пивные заводы в Кенигсберге, куда якобы была отправлена Янтарная комната, и как "БЕРНШТАЙНЦИММЕР — ШАХТА — ВИТТЕКИНД — ФОЛЛЬПРИХАУЗЕН", т. е. янтарь находится в соляных шахтах ВИТТЕКИНД — ФОЛЛЬПРИХАУЗЕН. С тех пор как там раздались взрывы, там скопилось до тысячи кубических метров грязи и шлака, но уж если шахты были прорыты на огромную глубину, то разве нельзя вновь пробить шахтный ствол?

Ведь боковые штольни-хранилища могут быть свободными от грунта! Да, вот что еще: из дирекции Швейцарского государственного архива в Берне мне пришло сообщение, что группой "КРАСНАЯ ТРОЙКА" (что за группа? Мне пока не известно, разведка "Советов"?) в конце войны из Лондона в Москву был послан текст перехваченной немецкой радиограммы: "Объект охраны принят и складирован в известном вам "Б. Ш.", верхние части здания разрушены взрывом, направляю согласование, жду дальнейших указаний, СС-оберштурмбанфюрер..." Подпись неразборчива. Что это означает? Версия "ПОНАРТ"? "БИЕР-ШЕНБУШ" или "БЕРНШТАЙНЦИММЕР — ШЕНБУШ"? Теперь то, что касается д-ра Андре. Совсем недавно в подвалах университета г. Геттингена были найдены драгоценные коллекции янтаря, ранее принадлежавшие Кенигсбергскому университету. Сокровища эти лежали там, в подвале, с осени сорок пятого года. А привезены они были из тайников шахты ФОЛЛЬПРИХАУЗЕН! Но почему в Геттинген? И кем были привезены? Дело, я полагаю, тут вот в чем. Столетиями дружили Кенигсбергский и Геттингенский университеты. В последние перед войной годы в университете Геттингена работал доктор Андре. А потом он был переведен в Кенигсберг. Уж не он ли и переправлял кенигсбергские ценности вначале в шахты, а потом и в ГЕТТИНГЕН? Но что он туда отправил? Что вывез из Кенигсберга? Увез ли он и Янтарную комнату, и сокровища не только университета, но и минералогического и янтарного музеев Кенигсберга? Между прочим, во время войны он имел звание оберштурмфюрера СС.

Ваш, до скорой встречи, Георг Штайн".

"ПО ПОВОДУ ПРОФЕССОРА АНДРЕ. Весьма почтенный господин Штайн! ...Из статьи в газете "Ганноверишен альгемайне цайтунг" Вы могли узнать, что мой дядя, профессор АНДРЕ возглавлял музей янтаря

в Кенигсберге, а позже — ИНСТИТУТ ЯНТАРЯ в г. Геттингене. Он умер несколько лет назад, но я поговорю с его дочерью о янтаре и Янтарной комнате...

С дружеским приветом, Гельмут Бренске".

"ПОЛНОМОЧИЕ. Московская патриархия. Священный синод Русской Православной Церкви. ОТДЕЛ ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ СНОШЕНИЙ. Москва...

Настоящее полномочие выдано гражданину Федеративной Республики Германии г-ну ГЕОРГУ ШТАЙНУ в том, что Отдел внешних церковных сношений МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ поручает ему предпринимать от имени Русской Православной Церкви все необходимые действия перед должными государственными инстанциями ФРГ для возвращения законному владельцу — ПСКОВО-ПЕЧОРСКОМУ МОНАСТЫРЮ, расположенному на территории Союза ССР, принадлежащих ему священных реликвий: крестов, икон, окладов с икон, сосудов, панагий и других предметов, а также... священных одеяний, которые в марте 1944 года были вывезены из ризницы Псково-Печорского монастыря немецкими оккупационными властями и в настоящее время удерживаются на территории ФРГ ее соответствующими официальными учреждениями..."

"С ОТВРАЩЕНИЕМ все настоящие немцы наблюдают за глупостями, которые Вы, Штайн, продолжаете делать. Или Вы хотите уворованные "Советами" у православных христиан ценности вернуть в Россию? Туда, где остались невообразимые художественные сокровища из Шлезвига, ИНСТЕРБУРГА, ГУМБИННЕНА, КЕНИГСБЕРГА, всего немецкого ВОСТОКА? Из Восточного Берлина? И разве Вы, Штайн, не знаете, что голландцы сегодня еще задерживают частную собственность немецкого кайзера из замка ДОРН? Может, лучше туда направить Вам свои усилия? Я желаю Вам одного, того, что всегда случается с доносчиками, шпионами и предателями в дикарском государстве. Лучше поезжайте-ка в Россию и не возвращайтесь, диктаторские режимы любят таких дураков, но в то тоже время и презируют их, так как они могут стать опасными для них самих. После того как они сделали свое дело, их обычно "изымают из обращения". БЫТЬ МОЖЕТ, ВАМ ПОСЧАСТЛИВИТСЯ, И ВЫ ПОПАДЕТЕ В ДОМ УМАЛИШЕННЫХ. Это там ОБЫЧНОЕ ДЕЛО!..."

"ВЕРСИЯ "ПОНАРТ". В связи с созданием поискового отряда Калининградского отд. СФК, утверждением устава и состава отряда прошу рассмотреть нашу заявку на версию "ПОНАРТ". После тщательного изучения материалов есть много подтверждений, что именно сюда, в район ПОНАРТА, весной сорок пятого года прибыла колонна грузовиков, груженных большим количеством ящиков. Согласно документам, картам и схемам, выяснено, что на бывших пивных заводах "ШЕНБУШ" (пиво "ПОНАРТ-ЛЮКС") имеются обширные подземные помещения, в которых хранился лед для охлаждения и выдержки пива особо высокого качества. Ряд предприятий города выразил готовность оказать нам материальную поддержку в проведении поисковых работ.

Командир отряда Валерий Бирюков, корр. ТАСС".

"СЧЕТ В ГАМБУРГЕ ОТКРЫТ! Уважаемый господин Иванов. Мы решили продолжить дело, начатое ГЕОРГОМ ШТАЙНОМ, и поддержать Вашу просьбу по сбору средств в ФРГ на восстановление древних исторических зданий Кенигсберга, и в первую очередь КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА и домика лесничего ВОБЗЕРА. Создан комитет содействия работам калининградского Фонда культуры. Номер счета: 326305 в банке ВАРБУРГ, БРИНКМАН ФИРТЦ и К^о в ГАМБУРГЕ, Фердинандштрассе, 75, "КУЛЬТУРФРОНТ КЕНИГСБЕРГ — КАЛИНИНГРАД". Вклады, сделанные в ПРОШЛОЕ, не могут быть напрасными, они являются ИНВЕСТИЦИЕЙ в БУДУЩИЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ!

Марион ДЁНХОФФ".

"ДУШИ УБИТЫХ ВОПИЮТ К СПРАВЕДЛИВОСТИ! Вы ищете ценности, сокровища, а не хотели бы ямку с десятками тысяч трупов? Поезжайте в БАГРАТИОНОВСК, и вам там каждый покажет, где зарыты десятки тысяч трупов ребят из ШТАЛАГА № 8 "А". Может, расщедритесь, хоть столбик бетонный поставите на их ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ БРАТСКОЙ МОГИЛЕ, ведь там лежат русские, украинцы, белорусы, евреи, бельгийцы, поляки и французы!

Петров из Багратионовска".

...Солнце печет. Тишина. Голуби вдруг срываются с высокой белой стены и, громко хлопая крыльями, проносятся над обширным двором. "Послушники", молодые

бородатые парни, возводят у одной из стен лавры деревянные леса, наверно, стену будут белить. С одним из них я только что разговаривал. Зовут его Сергеем, рабочий из какого-то ленинградского СМУ. Он уже третье лето на весь свой отпуск приезжает сюда, в лавру, и работает безвозмездно, "во имя Христа Спасителя". Верит ли? А как жить без веры? И что значит "верить в бога"? У каждого свой бог. Не на иконе, не на стене, не на небе — в душе. Знаете, без веры нельзя. Будто дыра внутри тебя, если нет веры в нечто, что есть выше тебя, созданное тобой и над тобой же вознесенное, чтобы в трудную минуту ты мог обратиться к тому, кто выше тебя духовно, найти в этом обращении силы, укрепиться духом. Нет, тут все работы ведутся бесплатно, их лишь только кормят и дают ночлег в кельях. Знаете, это не описать: ночь в келье. В которой до тебя сто, двести, триста лет назад спали, жили, размышляли о смысле жизни многие-многие люди. Вот тот здоровый мужик — саксофонист из Оренбурга; рыжий, его зовут Николай Николаевич — лектор общества "Знание" из Смоленска, а тощий, сутулый — Федя, конструктор из какого-то "ящика". Почему не едут в Соловки? Знаете, бывали и там. Там все бестолково. Одно делают, другое рушится. Планы устанавливают: вот сделай за сегодня, за неделю, за две — столько-то! Противно, хоть и деньги платят. А тут никто не спросит — сколько ты сделал и хорошо ли. Кто работает не за деньги, а за совесть, у того всегда все хорошо получается.

Инок, с которым познакомил меня Серега, понес мои бумаги настоятелю. Письмо, просьба показать сокровища стеклянных ящиков. Господи, какая красота, эта Псково-Печорская лавра, мужской монастырь! Сколько веков пронеслось над этими стенами, башнями, флюгерами! Сколько событий, каких людей помнят эти могучие, неприступные стены! Кто только не побывал под ними! Сам великий польский король Стефан Баторий, размахивая саблей, гнал свои войска на стены лавры, кричал сорванным голосом: "В гору, жолнеже! Матка Боска с нами!" Два с половиной месяца длилась осада, ворвались все же поляки в лавру, да не смогли в ней удержаться, псковский воевода Юрий Нечаев выбил врагов и погнал прочь от белых этих, в те дни прокопченных, залитых смолой и кровью, стен... Тут побывали многие, покопаться бы у стен крепости-лавры, чего бы только не нашлось. Петр Великий жаловал лавру как крепость не-

приступную на западной российской границе золоченым российским гербом и "прапором", золоченым флюгером на главную башню — вон он матово сияет в солнечных лучах...

Но что же инок? Что настоятель? Какой-то мужчина стоит у стены на коленях, прислонившись к камням лбом, группа женщин с тючками и узелками толпится, тоже послушницы, ждут, когда им скажут, куда идти, где размещаться, толпа туристов возле навеса, под которым виднеется древняя карета. Кажется, Екатерина, императрица российская, приезжала в ней в лавру... Но что же настоятель? Очень занят? Не принимает инока с моими прошениями? Мне бы только взглянуть. Говорят, что настоятель чуть ли не полковник в отставке, боевой офицер, весь в орденах и шрамах, ушел лет двадцать назад от семьи, из миру, от телевизора, водки, партсобраний и городской бессмысленной суеты за три стены, простым послушником, потом — монахом, и вот возвысился. Или был такой раньше? Хотя какая разница... А, идет!

Инок еще издали отрицательно мотает головой, разводит руками: нет-нет, это невозможно, он ведь сразу мне сказал, что увидеть ценности вряд ли удастся, это ведь не музей, уж простите с богом, сейчас будет обед, если желаете, то пройдемте в трапезную. Пища тут простая, но сытная: горох с мясом, картофель и кисель клюквенный.

Кисель клюквенный? Простите?.. "Бог простит", я что, вот так от нечего делать, мчал сюда на своем "жигуленке" почти четыре сотни километров? Хотя, ладно, говорите — горох с мясом? Да, я иду с вами.

...Где, когда, при каких обстоятельствах Георг Штайн натолкнулся на исчезнувшие в конце второй мировой войны сокровища Псково-Печорской лавры? Кто ему подсказал? Намекнул: "Ищите вот там-то..." По документам это понять трудно, но так ли уж это важно? Может быть, что никто и не подсказал, никто не намекнул, просто он сам, работая в архиве, натолкнулся на те или иные бумаги, которые собрал в специальной папке, написав на обложке маняще и таинственно: "Сокровища стеклянных ящиков". Вот они, эти документы.

"Гебитскомиссариат г. ПЛЕСКОВ, 10.11.42 г. Прошу выдать господину доктору ФОЛЬБЕРГУ ключи к СТЕКЛЯННЫМ ЯЩИКАМ КОМНАТЫ СОКРОВИЩ с целью тщательного ознакомления и фотографирования.

Заверяю вас, что все эти предметы останутся принадлежностью Печорского монастыря, проводящаяся работа имеет отношение лишь к историко-художественной деятельности и ни в коей мере не угрожает сохранности предметов КОМНАТЫ СОКРОВИЩ монастыря.

Гебитскомиссар Воехинг".

КОМНАТА СОКРОВИЩ! Представляю себе, как, несколько раз прочитав этот документ из русского города "Плесков", Георг Штайн задумался, протер лоб, почувствовал, как сильнее забилося его сердце. Что за "стеклянные ящики"? Были простые, грубо, торопливо сколоченные из разных подвернувшихся под руку досок, именно в таких ящиках, как он уже знал, доставлялись в шахты картины, тончайший фарфор, хрусталь. Были отлично сработанные, из крепчайших дубовых досок, обшитые стальным листом, асбестом, просмоленные ящики, предназначенные к вывозке кенигсбергских ценностей; были бочки деревянные и железные, ящики из-под патронов и винтовок, и в них путешествовали сокровища, но что это за "стеклянные ящики" какой-то "комнаты сокровищ"? Что было в них? Где все это? Почему нигде за все долгие уже минувшие после войны годы, не "вынырнуло" из небытия на поверхность нашего времени на каких-либо выставках и аукционах? Может, отложив в сторону заботы о янтаре, попытаться отыскать следы этих ящиков? Хотя нет, надо все вести параллельно, да-да, эти ящики, господа, а вдруг тут повезет? Сколько же можно работать впустую? Так, надо составить план. Перечень архивов, лиц, кто, может быть, хоть что-нибудь знает об этом, но кто знает? Русская православная церковь в Германии? Русская церковь... м-м-м, что-то он слышал, как это называется? а, кажется, русский монастырь святого Петра... нет, не Петра, такое странное, редкое русское имя, а, Пантелеймона, в Греции, на какой-то горе Афон.

Писать. Обращаться во все инстанции! "Уважаемый господин Бок!", "Уважаемая госпожа", "Весьма почтенные господа..." Но, что же это он? Что это за "Плесков", что за монастырь? Надо сделать запросы в Россию, в Московскую патриархию.

И появляются новые документы, кажется, намек на звук начинает укрепляться, становится громче, устойчивее, но еще пока именно некий намек, нечто неясное, зыбкое... "Ключи доктору Фольбергу"! Как он и пред-

полагал, этот доктор представляет конечно же один из отделов штаба рейхсляйтера Альфреда Розенберга. "Ключи", "взглянуть, сфотографировать"... И потом эти фотографии просмотрит господин Поссе, это же сорок второй год, он личный порученец Адольфа Гитлера, еще жив-здоров и полон энергии в сборе коллекций для "Музея в Линце". И что же? Кто-то там, в монастыре, сопротивляется, говорит о каких-то очень ценных книгах, о целой монастырской библиотеке, на которую вот так же лишь взглянули, и теперь она исчезла. И гебитскомиссар Воехинг обещает: "О возвращении вам библиотеки я буду вести разговор в ближайшее время". "Вести разговор"! Но мало пока, так мало документов и какие-то все разрозненные. Вот какая-то квитанция о том, что по разрешению коменданта Плескова в КОМНАТЕ СОКРОВИЩ от некоего переводчика Арнольда Томашевского получены нижеперечисленные предметы для отправления религиозного обряда: "2 жезла епископских, 3 серебряных подноса, одна серебряная, в золоте, тарелка, серебряный старинный чайник для святой воды, крест серебряный, в золоте и камнях, для целования. Павел Горшков подписался и обязался все вернуть тотчас назад, по прошествии праздника". Значит, все это уже не в руках монастыря, а в чьих-то других, при ком служит переводчиком и хранителем сокровищ некий Арнольд Томашевский? Но все же, что там за ценности? Что за ящики? Получил ли ключи от них господин доктор Фольберг?

Кажется, получил, сфотографировал, может, он же и поделился своими впечатлениями от посещения "комнаты сокровищ"? "После длительных и странных проволок, под массивованным нажимом господина гебитскомиссара Воехинга, я наконец-то оказался в святая святых этого огромного, мрачного, кажущегося неприступным монастыря-крепости. Гулкий звук шагов. Тяжкое хлопанье массивных, оббитых железом дверей. Лязг и скрежет замков, проверка печатей, и вот меня вводят в одну из комнат. Низкие каменные своды, сухой, какой-то, как мне показалось, древний воздух, пахнувший горящим воском. Свет высоко поднятых свечей. Матовый блеск стеклянных ящиков. Темный бархат, из глубины которого засверкали всеми своими многочисленными гранями драгоценные камни, вставленные в массивную золотую тяжесть крестов, цепей, прочих предметов русского православного религиозного культа. Мне показалось, что у меня пол поплыл из-под ног. Сколько же

тут сокровищ! Глаза разбегаются. И все это почти рядом, в нескольких часах езды от Риги! И все это еще находится здесь?!"

Кто это писал? Почему текст не закончен? Штайну дали лишь взглянуть на эту бумагу, не позволили сделать копию, и он торопливо переписал главное? Воспроизвел по памяти?

Вскоре Штайн располагает еще несколькими документами, да он нисколько не сомневался, что такие документы существуют, и не сомневался он совершенно, что штаб Розенберга не оставит без внимания эти замечательные, полные золота, драгоценных камней и серебра стеклянные ящики. Машина заработала, все в ней тщательно продумано, отлажено, машина пришла в действие и тут, чтобы поглотить эти сокровища. Кто там не давал ключей? Кто там сопротивлялся? Куда теперь непослушник исчез?..

"Протокол-передача. Господину генералкомиссару в Ревеле, отдел культуры. При этом направляем Вам протоколы передачи сокровищ монастыря г. ПЕЧОРЫ активному штабу (?) Розенберга канцелярией экзархата в Риге...

*Заведующий канцелярией экзархата В. Родзвилл.
Май 1944 г."*

Два года усилий все же ушло на это, но как красиво получилось — нет, они, в штабе, все это не взяли, а им отдали, высшая церковная власть передала сокровища стеклянных ящиков своим защитникам в лице господина рейхсминистра Розенберга! А, вот и знакомая фамилия вновь возникает из тех, давно минувших, дней: господин Нерлинг, активнейший деятель штаба Розенберга, приложил к этому делу свои усилия.

"Х. А. Г. Рига, 14.4.44 г. Вильгельмштрассе, 6. Тел. 29976+31607. Настоящим высылаю Вам протокол передачи и перечень сокровищ православного греческого монастыря ПЕЧОРЫ, взятых во временное пользование штабом Розенберга, вывезенных в Ригу... с целью их реквизиции и отправки в другое место или в ИМПЕРИЮ.

*Зав. отделом "Восток", начальник штаба
НЕРЛИНГ".*

О, Нерлинг! Знаток подобных операций. Видно, никто и ничего не передавал. Люди Нерлинга приехали в Печо-

ры, все забрали, выгребли из "комнаты сокровищ" и просто прикрылись пустыми бумажонками. А вот еще одна: "ХАУПТАРБАЙТГРУППЕ (вот что означают буквы "Х. А. Г." — "Главная рабочая группа".— Ю. И.) ОСТЛАНД. Ризница остается собственностью монастыря. При БЛАГОПРИЯТНЫХ условиях ("Это что означает? Победа в войне? Смешно такое писать в сорок четвертом году".— *Пометка Г. Штайна*) она будет возвращена. При опасности — отправлена значительно дальше от фронта ("Или уже отправлена?" — *Опять Г. Штайн, его рука...*"). И подпись: "Х. А. Г. ОСТЛАНД, д-р НЕРЛИНГ".

Какие-то, без начала и конца, бумажки, записки, фамилии. Почерк такой, что наш Василий Митрофанович, великолепно знающий немецкий язык, с трудом продирался через эти завалы покосившихся букв. "Вам следует торопиться, а то "ящики" уплывут", "Пожалуйста, срочно сообщите, что было в исчезнувшей ризнице", "Отчего молчит Московская патриархия? Они-то знают, что там было? Где список сокровищ? Почему молчит Афон?", "Я знаю, господин Штайн, где надо искать, но я этого просто так не скажу, лишь одно сообщу: это стоит не менее 10 миллионов, пять процентов от найденного — мне, так что решайтесь, согласны ли Вы на мои условия?" Кто это пишет, жирно лепит слово к слову на каком-то глянцево-м листе бумаги? А вот еще: "Если все это возвратится благодаря мне туда, на какое, хоть самое минимальное, вознаграждение можно рассчитывать? Мне бы только погасить долги. Боже, помоги мне".

Но вот и Московская патриархия отозвалась. "Глубокоуважаемый господин Штейн, воистину дорогой во ХРИСТЕ брат! В эти радостные дни, когда мы торжественно воспоминаем явление БОГА во плоти, прошу принять мое сердечное приветствие с благословенным праздником Рождества Христова. Вместе с волхвами мы склоняемся мысленно у Вифлеемских яслей и стремимся принести ему ДАРЫ сердца нашего — молитву, дела любви и милосердия. Как много говорит нам преисполненный глубокой веры и надежды призыв св. Иоанна Златоуста: "Придите, совместно все прославим торжество настоящего праздника, ибо ныне разрушена смерть, отверзен рай, изглажена клятва, побежден грех, и слово Божие начало разливаться по миру... Христос Бог наш да сохранит и умножит СИЛЫ ВАШИ, да дарует нам мир Свой, "который превыше всякого ума"..."

Сил уже нет, нет денег, долги давят, дома — ад, недовольство, попреки, правда, старший сын, Гебхардт, помогает, поддерживает, ночами рисует картины на заказ, делает копии разным толстосумам, пытается отсрочить выплату долгов, нарастающих, как снежный ком, да что ком, лавина, которая вот-вот и погребет тебя, Штайн, погребет в своих глубинах, задавит, удушит...

"Финансовое управление г. Винзен-Луэ, налоговая карточка № 50/343/05929. При запросе ссылайтесь на этот номер. Господину Георгу Штайну.

Установлено: непогашенные суммы, подоходный налог: 129246,00 марок, церковный налог: 8624,60 марок. Обращаем Ваше внимание..."

Господи, помоги. Дай выкарабкаться, когда все время, все силы, последние марки уходят на этот безумный поиск, жуткую погоню за сокровищами. Сколько все же их? Какова общая их стоимость? Какую все же сумму возместит в случае их, сокровищ, обнаружения православная церковь? С кем же иметь дело? С Русской православной церковью? Или больше надежд на Афон? Наконец-то и от них пришло послание: "Русский Монастырь Св. Пантелеймона на Афоне, ГРЕЦИЯ. Полномочие ГЕОРГУ ШТАЙНУ. Настоящее наше заверенное священной ВЕЛИКОЙ ПЕЧАТЬЮ и подписанное игуменом ПОЛНОМОЧИЕ в том, что он имеет право от имени нашего... Как достоверно известно... были забраны и увезены в Западную Германию. Об этом свидетельствуют под присягой приехавшие оттуда к нам сюда и теперь живущие в нашей Святой Обители три (3) Иеромонаха, а в самом монастыре Печоры еще есть в живых старый человек Иеромона Серафим, который лично присутствовал при открытии там священного хранилища по приказу немецких военных властей, взятии и увезении в Западную Германию, где до сих пор их удерживает и хранит Германское Правительство. Мы, русская братия на Святой Афонской горе, просим... чтобы в случае отыскания все эти церковно освященные предметы не были допущены в светские мирские музеи Германии или Советского Союза (СССР), но чтобы они были возвращены Монастырю. Отдача в музей церковной святыни может оскорбить Христианские чувства каждого верующего человека... в противном случае чтобы все эти вещи были отданы на хранение сюда в наш Русский Монастырь на Св. Афон. Мы верим, что эта наша проблема будет решена в Христианско-Евангельском духе..."

"Найти, вернуть, не отдать, передать, не осквернить" — но никто не интересуется, а какие за этим стоят расходы? Эти бесконечные, из города в город, поездки, ночевки в отелях, поезда, самолеты, автобусы, такси?! Эта его изнурительная, каждодневная, безумная работа, она что, ничего не стоит, никем не оплачивается? Поиск людей, кто хоть что-то знает; странные, сложные переговоры, да, кто-то что-то действительно знает, но крепко держит язык за зубами, чертит на листке бумаги многозначные цифры вознаграждений за те или иные сведения, а он уже продал все, что можно продать, заложил все, что можно заложить, доходов никаких, одни бесконечные расходы и одни бесконечные заверения в любви, благословения, заверения в признательности ("мы молимся за Вас, Георг Штейн", он сколько раз писал: "Штайн", а не "Штейн"!)). Нет-нет, тот человек, который явно знает, где хранятся сокровища, запрашивает такую сумму, что надо продать все свое поместье, ферму, чтобы рассчитаться с ним, да и как продать то, что уже заложено, что находится под зорким оком налогового управления? "Господин все получит потом, когда сокровища будут обнаружены, доставлены в СССР, откуда придет достойное вознаграждение. Хорошо, ну давайте же договоримся, господин N.N.". Нет. Так господин "N.N." договариваться не хочет. Господин не доверяет русским! Но ведь не просто русским, советским, а церкви?! Нет, господин "N.N." не хочет рисковать, русские есть русские, хоть и церковники... Хоть бы оттуда, из Москвы, пришли подробные списки ценностей и еще какие-нибудь бумаги, подтверждающие факт хищения сокровищ!

Пришли! Огромный, на многих страницах, с важнейшими подробностями список. О-о-о, сколько тут всего! "Листе дер Клостершютце фон Петшоры". ("И перевод на немецкий сделан!" — *Пометка Г. Штайна.*) "Перечень предметов Комнаты Сокровищ". Серебряные, с золотом кружки, бокалы... сосуды... ложки... кружки... блюда. И блюда старого серебра с золотым узором, чаши, серебряные, тяжелые "святые тарелки"... Картины: "Ефросинья Полоцкая", "Святая Мария", "Иисус Христос"... Уникальная коллекция серебряных талеров с 1723 по 1840 год... Четырехгранный бриллиант, 9х10 мм... Оклад и цепь со многими камнями. Монеты и медали разного металла и достоинства, шестьдесят пять килограммов! И иконы, книги в серебряных окладах, священные облачения и украшенные драгоценными камнями старинные уборы, и прочее, прочее, прочее...

Новые документы, а также вот оно, такое долгожданное,— вызов на переговоры в Москву: "Мы считаем вместе с Вами, что благоприятное решение этой проблемы является существенным вкладом в преодоление недобрых последствий второй мировой войны и в укрепление дружеских отношений между ФРГ и Советским Союзом. Испытывая признательность лично к Вам, дорогой г-н ШТЕЙН, мы хотим воздать Вам должное и с этой целью приглашаем Вас, Вашу супругу и детей прибыть в Москву 8 июня и быть нашими..."

Дело пошло. Переговоры состоялись ("Вы Георг Штайн, получите Княжеское вознаграждение, соответствующее стоимости сокровищ Монастыря..."). Теперь действовать, активно действовать!

Нужны сообщения, в газетах, да-да, ему уже так много известно! Когда похищено, кем похищено, что именно похищено. Из всего этого, из таких подробностей само собой возникает понимание читающими, что ему, Георгу Штайну, известно, и где находится похищенное. И что все это богатство должно быть возвращено в Россию, это естественно, разве германский народ то же самое, что вся эта подлая фашистская клика грабителей? И разве "Советы" не возвращали Германии отысканные русскими немецкие сокровища? Невероятной ценности картины той же Дрезденской галереи? И разве это не благородный акт: г-н Поссе, директор галереи, расхищал, увозил в Германию русские ценности, а русские вернули немецкие картины в Дрезден? И вот что еще. Ведь в документе, подписанном Нерлингом, говорится о том, что сокровища забираются из Печор во временное пользование. Пришло время возвращать!

Надо действовать, действовать, надо верить, надо биться до конца, не обращать внимания на все эти наскоки хулиганствующих молодчиков, да, опять его слегка побили, припугнули, приставив нож к горлу; пишут, пишут, но кто может испугать его, старого прусского солдата? Нельзя нашим народам, немецкому и русскому, без конца воевать, ненавидеть друг друга, надо победить грех, грех минувшей войны, ненависти, подозрений...

Ах, если бы еще налоговое управление оставило его хоть ненадолго в покое, все эти чиновники, бюрократы, бумагомараки. Он же объясняет, что расплатится, что ожидается "большой выигрыш", колоссальный гонорар, да-да, он уплатит все огромные налоги с того, будущего вознаграждения, господ, по секрету, ценности там не на

десять, но наверняка на все пять-шесть миллионов долларов, не марок, а долларов, господа налогодушители. И он с этого своего будущего гонорара уплатит все налоги, все до марки, пфеннига, но, пожалуйста, оставьте хоть на время в покое, сейчас ему надо побывать в Греции, в Афоне, потом вновь в Москве, потом... что? Суммы непогашенные растут? Уже под 200 тысяч?!

"В Афоне я встал на колени. Я молился. Я сказал: **БОГ МОЙ! Я загнан. Я затравлен. БОГ МОЙ, ты, всевидящий, всезнающий, ты видишь, что я никого не обманываю, я ищу эти сокровища, янтарь, картины, эти святые тарелки и прочие твои святые вещи не для личного обогащения, а ради спокойствия душевного, человечности, ради, БОГ МОЙ, справедливости — ОТНЯТОЕ СИЛОЙ ДОЛЖНО БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНО ОГРАБЛЕННЫМ**, ведь так, БОГ МОЙ?! Я разорен. Хозяйство пущено на ветер. Жена тяжело душевно больна. Боюсь, она может лишиться рассудка. БОГ МОЙ! Помоги! Я найду твои сокровища, я даже готов за них отдать свою жизнь, но помоги, не дай умереть мне в долговых преследованиях, не позволь семью мою обратить в нищенство".

Надежда и отчаяние. Прилив сил и упадок духа. Разрозненные мысли, слова на клочках бумаги, на квитанциях и оборотной стороне документов. И цифры, цифры. Сколько он должен этому проклятому дьявольскому управлению; стоимость сокровищ; возможная сумма гонорара, покрывающая его накопившиеся долги, и скромная, за многие месяцы поиска, оплата его труда, расходов по таким опасным, дорогим поездкам?

"Уважаемый", "Уважаемая", "Дорогой", "Весьма почтенный"...

Десятки адресов, сотни фамилий, но вот среди них начинают все чаще появляться несколько: Х. ЭМКЕ, д-р ДРЕГЕ, д-р БАММЕР и некая госпожа "№", секретарша д-ра Баммера. Как развивались события, предшествовавшие отысканию печорских сокровищ, сам Георг Штайн описал, как бы глядя на себя, на свои усилия, со стороны, делая при этом краткие, не совсем понятные пометки, бегло, торопливо, как бы с некоторым удивлением, что все же удалось. Удалось узнать: ГДЕ. Удалось отыскать!

"СООБЩЕНИЕ О НАХОДЯЩИХСЯ НА ХРАНИИ В ФРГ ЦЕРКОВНЫХ СОКРОВИЩАХ.

1. Господин Георг Штайн посетил министра Х. ЭМКЕ... (Пометка Штайна: *"Полная уверенность в знании:*

ГДЕ? Самоуверенность. Надежность информации. Держаться спокойно, весело, разговор о сокровищах вести как бы не о самом главном, как бы походя, небрежно").

2. Д-р ДРЕГЕ по поручению федерального канцлера сообщил о поступлении в его адрес письма (Штайна.— Ю.И.) от 20 августа и о том, что в федеральном архиве не содержатся документы на кенигсбергские сокровища искусства. (*"Найти, найти тех в ведомстве канцлера, кто много знает, кто видел сам те или иные важнейшие документы!"*)

3. 17 октября. Господин Георг Штайн запросил по телефону господина д-ра ДРЕГЕ, все ли использованы возможности, и указал Архив БЫВШЕГО ОТДЕЛА "ИНОСТРАННЫЕ ВОЙСКА "ВОСТОК". Г-н Дреге: этим вопросом занимается Отдел культуры МИДа под руководством д-ра БАММЕРА (!), сообщил номер его телефона. (*"Звук усиливается, будто вы вступаете на минное поле. Сейчас вы найдете первую, вторую мину, поймете систему минирования, а там и все поле ваше! Эту фамилию я уже слышал. Этот доктор знаток. Он все знает, но расскажет ли? Раскроется или заведет в лабиринт и подсунет мне такую мину, что я подорвусь на ней, и все закончится?"*)

4. На телефонный запрос ответили, что господин д-р БАММЕР находится в служебной командировке, лишь 27 октября возвратится в Бонн. (*"Говорила 2-жа секретарша, очень милый, доброжелательный голос. А она может знать то, что меня интересует?"*)

5. Господин Г. Штайн 28 октября соединился с д-ром БАММЕРОМ, который заявил: О ЯНТАРНОЙ КОМНАТЕ НИКАКИХ ДОКУМЕНТОВ НЕТ. (*"Хорошо! Пускай так, о Янтарной комнате потом!"*)

В ФЕДЕРАЛЬНОМ АРХИВЕ НАЙДЕН ДОКУМЕНТ: "Во время второй мировой войны в одной балтийской провинции В МОНАСТЫРЕ ХРАНИЛИСЬ ЦЕРКОВНЫЕ СОКРОВИЩА. СЕЙЧАС ОНИ ХРАНЯТСЯ В ОДНОМ МУЗЕЕ ФРГ". (*"Вот оно! Какой мощный сигнал, д-р БАММЕР что-то знает! Знает, потому что дальше сообщает следующее".*) Теперь правовому отделу МИДа предстоит выяснить, не принадлежит ли приоритетное право на эти сокровища эмигрантскому правительству в Лондоне или Нью-Йорке? (*"Знает все! Знает: ГДЕ! Если бы не знал, вряд ли бы обеспокоился этим сообщением о "приоритете".*)...

6. **29 декабря.** Господин Штайн информирует главного редактора газеты Марион Дёнхофф, предлагает по существу данного вопроса поставить в известность советское посольство. Графиня Дёнхофф ЛИЧНО устанавливает контакт с д-ром БАММЕРОМ...

8. **2 ноября.** Господин Штайн вторично вступил в контакт с д-ром БАММЕРОМ, который заявил: "Если господин Штайн сообщит в советское посольство суть данного вопроса о правовом наследии "Балтийского эмигрантского правительства", то это может вызвать необратимые политические осложнения, а чтобы этого не случилось, об этом нужно молчать. Церковные сокровища также имели в своем составе и свыше 800 икон. Нужно просто подождать, пока не закончится правовая экспертиза. (*"Теперь сомнений нет. Сокровища где-то здесь, рядом, но где, где, ГДЕ?"*) Господина Штайна об этом позже поставят в известность".

9. **12 декабря.** Господин Штайн в очень осторожной форме ставит в известность первого секретаря посольства СССР в Бонне господина Попова о НАХОДЯЩИХСЯ НА ХРАНЕНИИ В ФРГ 800 российских иконах.

10. Господин Штайн дополнительно информирует одного представителя иностранной прессы, который лично пытался до рождества получить сведения по данному вопросу, однако этого ему не удалось. (*"Госпожа секретарь господина доктора Баммера. Кажется, она хочет мне что-то сказать..."*)

11. **29 декабря.** Господин Штайн предпринимает попытку связаться с д-ром БАММЕРОМ, но он в командировке. И тут — о чудо! — госпожа секретарша д-ра БАММЕРА называет адрес НАХОЖДЕНИЯ БАЛТИЙСКИХ ЦЕРКОВНЫХ СОКРОВИЩ! Это МУЗЕЙ ИКОН в городе РЕКЛИНГХАУЗЕН (Вестфалия)".

Все. Победа. Виктория! Великий бог, ты услышал меня, мои молитвы. Эльза, чистую рубаху и галстук, тот, с крапинками, да-да, я не ношу галстуки, но тут особый случай, и брюки, брюки погладь! Что? Счета? Налоговое управление? Сколько там уже? Двести тысяч? Ничего, моя милая, нужно немного потерпеть, и эти бандиты из управления потерпят, скоро все разрешится, все, ты слышишь, Эльза? Все наши сложные проблемы! Победа! Я нашел то, что было украдено, я один победил целый штаб Альфреда Розенберга, со всеми его докторами-штурмбанфюрерами, да-да, в первую очередь

победа моральная, за которую я не против получить и русский орден, как было сказано там, в Москве, и некую сумму, которая спасет меня от долговой ямы!..

Спустя некоторое время Георг Штайн стоял в обширном, с низкими, в темных балках потолка мрачноватом помещении старинного здания. "Все здесь,— сказал ему хмурый, презрительно-вежливый музейный чиновник.— Вот перечень сокровищ". Сокровища стеклянных ящиков! Правда, именно стеклянных ящиков не было. Были обыкновенные, крепко сработанные еще во времена рейха в Риге по заказу заведующего отделом "Восток" Айнзатцштаба Розенберга Нерлинга, ящики. Каждый заперт. Каждый под пломбами. "Вот это вскройте",— говорит Георг Штайн со странным ощущением нереальности происходящего. Недолгая возня. Звяканье и постукивание металла. Скрип, петли заржавели? Но вот крышка поднята. В ящике лежит еще один, длинный, обшитый кожей плоский ящик. И тоже под пломбой, но вот вскрыт и он. На черном, кое-где побитом молью бархате — крупные, тяжелые на вид серебряные монеты. Талеры! Редкостная, может, единственная в мире по тщательности подбора, по годам, по сохранности и количеству коллекция старинных монет, которой, как говорится, цены нет! Господи, свершилось! Откройте и вот эту, обшитую кожей, коробку, что там? Коллекция древних наперсных крестов? Российские и польские ордена? Золотое, с драгоценными камнями, кольцо? Спасибо, да, я удовлетворен осмотром. Что вы сказали? Что? С чего вы взяли, что мои предки выходцы из России?! Я чистокровный пруссак, господа! Простите, где тут выход? Очень душно, сердце жмет. Да, бог не услышал ваши, но зато услышал мой молитвы!..

"Почта ФРГ, срочная телеграмма. Господину Георгу Штайну. Брат во Христе, приношу Вам огромную благодарность за все сделанное Вами для возврата Русской Православной Церкви ее сокровищ. О наших дальнейших действиях мы написали в нашем письме Вам. ДА ПОМОЖЕТ ВАМ БОГ..."

"...Мне кажется, было бы полезнее в данное время, если бы вы смогли приехать в Москву, и мы на личной встрече могли бы обсудить все ТЕКУЩИЕ ДЕЛА... Благодарю за любезность и взаимные добрые пожелания во славу бога..."

...”Дорогой наш друг и брат! Ждем Вас. Прошу Вас сообщить мне, когда Вы сможете приехать в Москву, назовите дату встречи. Благодарю Вас за любезность и взаимные добрые пожелания во славу бога...”

”Георг Штайн. Остановитесь, ПОКА НЕ ПОЗДНО! Вспомните свою Родину, свою поруганную ПРУССИЮ! Вспомните, что вы были немецким, а не русским солдатом, вспомните, как рядом с вами падали на землю товарищи, убитые русскими пулями. С кем вы связались, неразумный Штайн? НЕ ГЛУПИТЕ, ШТАЙН, это еще одно ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!

Истинный патриот Германии А. В., Гамбург”.

”...Из письма и приложенных к нему документов мы теперь узнали о точном местонахождении церковных сокровищ и о принятых вами мерах по их возвращению нашей Церкви. Еще раз приношу благодарность за действительно братские, Христианские усилия по возвращении нашей Русской Православной Церкви ее святых икон, предметов и рукописей...”

”...Благодарю Вас, Ваше Высокопреосвященство, за все. При этом примите мои документы по РАСЧЕТУ со мной вашего Отдела внешних церковных сношений Московской патриархии. Общие расходы за период моей деятельности в качестве Уполномоченного Русской Православной Церкви (31 месяц) составили 113 тысяч 219 марок 20 пфеннигов. Состав моих требований: 1. Выдать ОБЕЩАННУЮ МНЕ часть сокровищ или равноценно выплатить — валютой или другими ценностями.

2. Возместить понесенные мной расходы в указанной выше сумме с начислением процентов... ПОЛУЧИВ ВОЗВРАЩЕННЫЕ СОКРОВИЩА, Русская Православная Церковь вместе с тем и возвратила капитал в сумме около 25 миллионов рублей. Наряду с этим Русской Православной Церкви принадлежат церковные ценности на территории ФРГ, СТОИМОСТЬ КОТОРЫХ НАМНОГО ПРЕВЫШАЕТ СТОИМОСТЬ СОКРОВИЩ ПЕЧОРСКОГО МОНАСТЫРЯ. Получив возмещение своих усилий, я разыщу и другие (имею адреса, места хранения) сокровища, кроме меня этого не сделает никто...

Ваш Георг Штайн”.

...Человек должен стремиться к выполнению своих планов, замыслов, мечтаний, к воплощению своей ИДЕИ! Нельзя отступать. Нельзя предавать МЕЧТУ! И так важно, когда ты добился, когда ты нашел то, что искал. Я думаю о Штайне. Думаю об этом, глядя в порозовевшее, счастливое лицо Ольги Феодосьевны Крупной. Мы сидим с ней в маленьком, всего в один залик, музее мудрого Иммануила Канта у стола, заваленного книгами, от одного взгляда на которые сердце начинает биться учащенно: какая давность! История, чьи-то судьбы. Кто держал в руках эти огромные, пудовые фолианты, от которых пахнет старой, многовековой бумагой? Кто собирал их среди обломков рухнувших перекрытий Кафедрального собора? Книги знаменитой библиотеки Валленрода! Канцлер Мартин фон Валленрод (1570—1632) основал в 1629 году для своего потомства большую, с очень ценными старинными книгами библиотеку, завещал перед смертью, чтобы ее постоянно пополняли. И, выполняя это поручение, сын его Иоганн Эрнст пополнял библиотеку неустомимо. Изучивший в "Альбертине" юриспруденцию и древние языки, Иоганн фон Валленрод мало бывал в Кенигсберге и Тапиау, где находился родовой дом Валленродов, он много путешествовал, объездил почти всю Европу, Северную Африку. Повидав мир, увидев его огромность и мудрость, он вернулся в родные края, стал в Кенигсберге гофмейстером. О нем пишут как о мудром государственном деятеле. Да, все, что ему поручалось, исполнялось по совести, но в душе Иоганн фон Валленрод был не ответственным чиновником, а книжником, человеком, фанатично влюбленным в книги, ищущим редкие печатные издания, пополнявшим библиотеку отца все новыми и новыми редкими книгами, тратя на них значительные, очень значительные суммы.

Так возникла эта библиотека, разместившаяся в 1650 году в двух помещениях в южной башне Кафедрального собора вместе с привезенными из дальних стран сувенирами и разными занятными, волнующими воображение предметами: картинами, глобусами, географическими атласами, предметами быта африканских народов, оружием и одежаниями. Так возникла не только библиотека, но и редкостный музей, украшенный великолепной резьбой по дереву с позолотой, фигурами, пальмами, орнаментами. Тут было таинственно, в этой каменной башне, где многие часы проводил замечательный писатель, создатель страшноватых и мрачных, ярких и светлых литера-

турных фантасмагорий, Эрнст Теодор Амадей Гофман, поселивший даже своих героев вот в этих стенах... В 1673 году блестящее собрание уникальных инкунабул и фолиантов, Валленродская библиотека, было открыто для свободного посещения горожан, в 1721 году перешло под государственный контроль, а в 1908 году стало подчиняться королевской и государственной библиотекам. "Редкостное, известное всей цивилизованной Европе собрание книг,— сообщается в справочнике "Кенигсберг от А до Z",— прекратило свое существование, в страшные апрельские дни 1945 года ВСЕ БЫЛО СОЖЖЕНО. ВЕТЕР ИСТОРИИ И ЖЕСТОКОСТИ РАЗВЕЯЛ ПЕПЕЛ ДРЕВНИХ КНИГ..."

Но нет. Не сожжено, не развеяно по ветру.

— Вот посмотрите эту книгу, посмотрите! Видите, книжный знак Валленрода? — Ольга пододвигает мне огромную книжищу в кожаном переплете.— Посмотрите, это "Техника боя холодным оружием. Как уберечь себя и как повергнуть врага в смерть". Конечно, я перевожу совершенно неточно, примерно, это потом мы с переводчиком разберемся, но вы взгляните, какой ужас, правда?

Могучие бородатые мужчины рубятся мечами, сражаются — шпага в одной руке, кинжал в другой. Удар шпагой прямо в глаз, навывлет, через череп! Тут же подробно, увеличенно, показано, как надо держать шпагу, как выставить вперед ногу, присесть, направить острие клинка, чтобы он вошел именно в глаз противника. Удары снизу. В живот. В сердце. В верхнюю часть правой руки, если вы решили не убить, а пленить противника. В горло, в грудную клетку, в межреберье, насквозь. 1540 год. Тогда все так и было.

— А вот: "Организация рыцарских ристалищ", "Железное одяние рыцарских коней", "Как сварить пищу для благополучного потребления домашних и прочих", "Лекарственные травы для укрепления жизненной силы". Посмотрите, какие рисунки! — Шелестят желтоватые листы. Ольга поправляет прядку волос, она счастлива. Смеется.— Я думала умру с этими книгами! Шесть мешков! Кто-нибудь возьмет, отнимет и понесет в переулок... Погрузила в такси, шофер — бандит бандитом, злой, заросший щетиной, огромный. "Какого черта! Сама таскай эти мешки! Плевать мне на книги, я одну прочитал, "Мойдодыр", в далеком детстве! Платить, тетка, будешь двойную таксу, а то я какую из этих книг себе возьму. Вместо гнета на капусту, ха-ха!" Сижу

в машине, голодная, двое суток ничего не ела, а в кармане лишь билет на поезд и мелочь какая-то. Едем, и я ему все про эти книги рассказываю, он вначале хмыкал, плечами пожимал, а потом прислушался, стал вести машину тише. Тут я ему и призналась: "Коля,— а мы уже с ним познакомились,— Коля, у меня денег ни копейки, помоги, я тебе свой паспорт оставлю, все вышлю". Он на тормоза! Ну, думаю, сейчас и мои мешки с книгами, и я сама полетим из машины. Засмеялся. Помог! Сам бегал, оформлял, таскал в багажный вагон; потом мне пирожков в дорогу купил.— Отворачивается, достает из сумочки платок, криво улыбается: — Ну зачем, зачем он пытался вот таким, злым, грубым, казаться?.. А вот, господи, что тут написано: "Как безболезненно, легко и просто уйти из жизни. Сто приемов". Боже, и тогда, 500 лет назад, люди размышляли о таком?..

А вот, рукой писанная,— "Путешествие в Руссию. Обычаи и жизнь сурового народа". Какие великолепные рисунки, стихи. Какая тонкая вязь тушью!.. Кто же все это богатство вывез из Кенигсберга в Москву?

— Так никто этого толком и не знает,— говорит Ольга.— Вроде бы какой-то полковник медицинский. Увидел среди каменного мусора эти книги, собрал их, погрузил в "санитарку", машину с крестом красным. И когда эта его военно-медицинская часть уезжала из Кенигсберга в Москву, забрал и книги. Вот и лежали они, тысячи книг, эти да из разных других библиотек, в ветхой каменной часовенке на территории военно-медицинской части, на окраине Москвы. Тут 300 книг из библиотеки Валленрода, а 300 забрала Академия наук. Какая удача, правда? Что книги эти не сгорели, не пропали, что часть их вернулась на свою родину, правда? Да, вот что еще, Саша Новик — вы же знаете его? Такой симпатичный молодой человек, историк, краевед из музыкально-танцевального ансамбля "Латырь"... Он "Медведей" Альбрехта обнаружил!

— "Каменных медведей" Альбрехта?! Тех самых, что стояли на входной лестнице старого, в Кнайпхофе, магистрата? Проходя мимо которых Иммануил Кант всегда снимал шляпу и, такой суровый, строгий всегда, а им — улыбался?

— Да-да, нашел тех самых медведей! Стоят себе спокойненько в саду частного особнячка на улице Тельмана. Якобы какой-то полковник или генерал отставной там живет, он, кажется, и отыскал их среди руин Кнайпхофа,

но отдаст ли нам? Поедьте, взглянем, а? — Она захлопывает одну из книг, и вдруг из нее, из самой серединки, выпадает легкий, плоский засушенный цветок, ромашка белая, с золотистой сердцевинкой. Ольга осторожно, как снимает с осоки стрекозу, берет эту высушенную веками былинку. — Откуда это? Кто положил?..

Молодой крепкий мужчина, явно не полковник и не генерал рубил дрова. Взлетал над головой топор. Р-рях! — ударяло острое лезвие, и половинки дров разлетались в разные стороны. Рубщику было жарко, стоял он в дворике среди груд смолисто пахнущих поленьев распаренный, краснолицый — не простудился бы, но, видно, крепок, да это, в общем-то, его дело — рубить дрова, простужаться или нет, главное, что в небольшом саду, чуть в отдалении от дороги, среди черных, жестко растопырившихся кустов смородины, а может, крыжовника виднелись огромные каменные, вставшие на дыбы медведи. В лапах они держали геральдические щиты. На одном щите — герб древнего, непокорного островного Кнайпхофа, много раз восстававшего против всего города, на другом щите — герб самого Кенигсберга: три короны, два перевитых лентами рога, две звезды и крест. На голову одного из медведей была нахлобучена черная эсэсовская каска. Судя по тому, что вокруг медведя были рассыпаны битые, зеленые еще яблоки, кто-то из детей, живущих в этом доме, время от времени метал яблоками в эту скособочившуюся "кастрюлю". Куда ты, Оля? Потом, потом, надо продумать, как забрать этих медведей, главное, что они есть, это же такая редчайшая находка! Этим каменным зверюгам лет по 300. Поедем-ка теперь на остров, туда, где когда-то был древний город Кнайпхоф, побываем на могиле Иммануила Канта, поклонимся великому человеку, поразмышляем возле его надгробья о смысле бытия, о Жизни и Смерти...

Таких соборов, как вот этот наш, Кафедральный, построенный в XIII—XV веках в стиле северо-германской готики, всего несколько. И все — в охранных списках ЮНЕСКО как архитектурные памятники огромной ценности. В тех из них, что сохранились, что были восстановлены и отреставрированы, идут службы. Туристы. Молящиеся. Надгробья. Тяжкие, волнующие вздохи органа... В этом, нашем, — гулкая, пугающая пустота и вместо чешуйчатой, крутой и огромной, как Монблан, крыши — небо, а звуки органа заменяют крики воронья, крепко, кажется, навсегда поселившегося в круглой башне, на которой застыли стрелки часов...

Площадь собора — со стадион, длина почти 90 метров! В 1933 году собору исполнилось 600 лет. О том, что это именно так, я узнал летом сорок шестого года, когда мой приятель Толик Пеликанов вытащил во-он оттуда — видите, вроде бы как в стене дверь заштукатуренная, тайник там был, железная дверь в стене, которую мы нашли, — так вот, Толик вытащил массивную серебряную шкатулку, на крышке которой было выгравировано: "1333—1933 г. 600 лет. От Кенигсбергской организации НСДАП". Где-то я позже читал, что эту памятную юбилейную коробку преподнес собору сам Эрих Кох, только что ставший гауляйтером Восточной Пруссии. Толпы тут были народа, крестный ход, тяжелое колыхание хоругвей, свечи, фонари, красные, с белым кругом и черной свастикой, полотнища, вывешенные из окон старинных домов Кнайпхофа; зеленые, из еловой хвои, украшенные белыми и красными лентами гирлянды на мостах, соединявших когда-то островной Кнайпхоф с городом. Кстати, великий математик Леонард Эйлер, часто бывавший в Кенигсберге, заинтересовавшись этими мостами, предложил задачу: можно ли, выйдя из любой точки Кенигсберга, пройти по семи его мостам и вернуться в исходную точку, не побывав дважды на одном мосту? Тысячи людей то и дело отправлялись в путь, пытаясь разрешить эту задачу, но, увы, не получалось!

Пустынно. Тихо. Каменная громада собора. Серый гранит в виде огромного кремневого наконечника копья, воткнутого основанием в землю. Барельеф. Надпись по-немецки и по-русски: "Кто не живет согласно истине, которую он признает, сам опасный враг истины". Юлиус Рупп, философ, ученый, религиозный деятель, отошедший от официальной церкви, лежит под камнем, поставленным тут его внучкой, крупным европейским художником Кете Кольвиц. До сих пор поражают ее литографические листы "Восстание ткачей", "Голод", "Война". Ее плакат "Поможем России!", появившийся на улицах многих столиц Европы, помог собрать немало средств в помощь страдающей от неурожая в конце 20-х годов России. Она жила напротив собора, вон там, на возвышенности, часто бывала тут, в доме своего деда Юлиуса, а потом откупила участок земли и поставила этот памятник.

А чуть дальше — мавзолей Иммануила Канта... Подходит автобус, туристы кладут цветы на гранитный саркофаг. Экскурсовод говорит о том, что когда-то в одно и то же время вот тут, возле собора, появлялся Имману-

ил Кант. Он шел в "Альбертину", Кенигсбергский университет, который находился как раз напротив собора, на берегу Прегеля.

Прислушиваюсь к словам. Да, все так. Этот небольшой островок в центре города с появлением университета стал центром духовной, культурной и научной жизни не только Кенигсберга, но и Европы, ибо Кенигсбергский университет дал мировой науке столько блестящих имен! Основание его произошло 17 августа 1544 года по велению Альбрехта Гогенцоллерна в восточной части Доминзеле (так назывался остров), "Альбертус" — было вырублено в камне над входом. И появились студенты, вкушающие плоды просвещения в холодных, гулких аудиториях — "максимумах", мерзли они и в тесных, душных средневековых "общагах", а те, кто был рассеян, не внимал своим учителям или спорил с ними, — о, спорить тут было никак нельзя! — те еще более мерзли, зуб на зуб не попадал в двух темных, сырых карцерах, расположенных в подвалах. В них было так страшно провести хоть одну ночь! Какие-то жуткие и странные вздохи доносились откуда-то снизу, из сырых земных глубин. То ли роптали строптивые кнайпхофские обитатели, убитые во время восстания Кнайпхофа против владык ордена, то ли река подавала свой голос?.. Ректор Георг Сабинус и десять ординарных профессоров своей волей, эрудицией и тростями вбивали в головы 318 студентов те или иные науки...

Несколько позже, в 1569 году герцог Альбрехт Фридрих повелел построить новый "Альбертум" как раз напротив собора. И вот: лекции, занятия, радостный вопль студентов, вырвавшихся после лекций на "свободу", на Соборную площадь. Профессора со всей Европы! С 1619 года в университете, получившем наименование "Альбертина", уже читался курс "практической философии, анатомии и техники", а с появлением среди профессоров-преподавателей Симона Даха — курс "Практической поэзии". "Анке фон Тарау! Ист дие мир гемеелт!" — орали лохматые разновозрастные студиязусы, как только Симон Дах входил в аудиторию. Его песню уже пели по всей Пруссии: "Сердце мое! Честь и богатство, еда и питье!!" "Аве-е, Мари-ия-я-аа-а", — доносилось из собора. И рокочущие звуки органа. Воркование голубей. И натужные крики пришлых, то ли из Литвы, то ли из русских земель, рабочих, вздымавших канатами деревянную, обитую железом "бабу": "О-оох-х!" И: "бах!" Отпущенная с каната

”баба” гулко ударяла в деревянную сваю. Река подмывала остров. Шло укрепление его берегов.

Ректором университета были и Симон Дах, и Иммануил Кант. До 1734 года в одном из залов происходили бурные, с криками, швырянием посудой и опрокидыванием тяжелых скамей профессорские ”диспуты” с едой и вином, и ровно через каждые сто лет торжественно отмечались вековые юбилеи ”Альбертины”. С артиллерийской пальбой, иллюминациями, фейерверками, речами и танцами, катанием с фонарями по Прегелю, с гостями — выдающимися учеными Европы и королями, с памятными медалями и монетами. В 1854 году университет оценивался в 79 075 таллеров, он был независим, но все более нищал: не хватало денег на ремонт, на оплату труда профессоров, содержание студентов, бумагу и типографию. В 1875 году ”Альбертина” и богатейшая библиотека были куплены городом ”для всеобщего пользования, без ограничительной от ректората зависимости”...

Вот тут был университет, где мы сейчас стоим с Ольгой Феодосьевной. Какие люди учились, преподавали тут! ”Кант, выдающийся астроном Фридрих Вильгельм Бессель, физик Гельмгольц, да-да, тот самый, который изобрел ”глазное зеркало”, — слышится голос экскурсовода. — Да, вы правы, именно его именем названа центральная глазная больница в Москве. Памятник, могила? Увы, ничего не сохранилось... И Карл Бэр, тоже крупный ученый, основоположник науки эмбриологии, основатель зоологического музея в Петербурге... Тут учился будущий классик литовской литературы Кристионас Донелайтис и преподавал Людвикас Реза, издавший его поэму ”Времена года”. Тут учились не только немцы, но и поляки, литовцы. И русские. Каждый год из России приезжали на этот остров, в студенческое государство, 30—40 парней из далекой, такой еще темной России. Надо сказать, что Кенигсбергский университет дружил с Российской академией: трое из первых четырнадцати российских академиков были из Кенигсберга. Это Христиан Гольдбах, Теофил Зигфрид Байер и Иоганн Симон Бекенштейн... — то затихая, то усиливаясь, доносится голос экскурсовода. — Простите, я еще не сказала о том, что замечательный российский ученый Андрей Болотов слушал здесь лекции Иммануила Канта, читал, читал, читал тут книги, ночами не спал, тратил все свои деньги на книги... Что было дальше? ”Альбертина”, как и собор, была разрушена и сожжена в августе сорок четвертого

года, в результате налета английской авиации. Очевидцы сообщают, что лишь груды дымящихся кирпичей остались от "Альбертины", да и всего Кнайпхофа, и ничего более..."

Вот тут, между "Альбертиной" и собором, всего за 10 дней до того страшного "налета возмездия" был отмечен очередной юбилей, 400-летие основания университета. Что за грустное зрелище! Группка студентов и печальных профессоров, несколько представителей магистрата, Альфред Роде с женой Эльзой, строгий, весь в черном Герхард Штраус и молодая владелица поместья "Фридрихштайн" графиня Марион Дёнхофф, нервно поправляющая легким движением руки золотистые прядки, спадающие на лоб. Поприсутствовали на юбилее и широкоплечий, с тяжелым, будто обвислым к тугому воротнику лицом гауляйтер Эрих Кох, сбежавший уже из своей "украинской столицы" города Ровно, его заместитель Гроттгер и крейслайтер Кенигсберга Эрнст Вагнер. Ни музыки, ни песен. "...Светоч науки стоял здесь четыреста лет. Что ждет "Альбертину" в ближайшее столетие?" — говорил очередной оратор, глядя себе под ноги, на серый, отполированный веками гранит Соборной площади. "В ближайшее столетие"? На британских аэродромах уже готовилась к дальнему полету воздушная армада, уже командиры бомбардировщиков изучали карты полета...

Но не все было так, как только что говорила женщина-экскурсовод. Да, все здесь страшно горело, даже стекло плавилось и, как смола, стекало по стенам домов. Когда мы, школяры, "мотали" с уроков, то отправлялись либо в замок, либо сюда, и в памяти так крепко все запечатлелось. Все сгорело, но внешне дома были как бы целыми. Англичане не бросали фугасных бомб, они засыпали Кнайпхоф термитными, фосфорными и напалмовыми бомбами. Собор, "Альбертина", древние здания Кнайпхофа без крыш, с выгоревшим, черно-угольным нутром — таким был остров в 1945 году.

Ах, если бы по-хозяйски подойти к этому острову, этому сгоревшему городу, ведь почти все было цело! Мостовые, тротуары, каменные фонтаны и каменные скамьи на малюсеньких, уютных площадях! Увы, все разобрали на кирпич! Вон там, вдоль острова на Прегеле, стояли огромные пузатые баржи. Дома рушили и кирпич грузили в баржи. А вот там, у портика Канта, виднелась палатка, в которой жил странный человек со странным именем: "Алекс". Может быть, если бы не он, то и от

Кафедрального собора ничего бы не осталось: как поэт и пехотный офицер Лев Копелев охранял памятник Шиллеру, разъяснял всем, кто это такой, так "дядя Алекс" охранял Иммануила Канта, а с ним — и весь собор...

— Ольга, ты слышала о Вайнгардте?

— Три человека спасли собор, — говорит Ольга Федосьевна, — сам Кант, его дух, его имя; профессор Кенигсбергского университета Вайнгардт и упрямый, стоявший и перед Брежневым и перед другими великими чиновниками Денисов... А вы что, знали Вайнгардта?

— Разговаривал с ним несколько раз. Он всем-всем, кто только ни появлялся тут, рассказывал, кто такой был Кант. Ты думаешь, что я когда-то, до войны, хоть что-нибудь слышал о Канте? Вот и нам он рассказывал о нем, мне, Кольке Кузнецову и Толику Пеликанову. Мы, как все мальчишки, в те годы искали тут сокровища и оружие, вот и натолкнулись на "дядю Алекса". Плиты саркофага были кем-то разломаны, и он сам их пытался сдвинуть, уложить. Он так боялся, что их растащат! Страшный, худой, голодный. Он боялся отсюда отойти, и тот, кто слушал его рассказы, приносил ему потом что-нибудь поесть. Вот и мы на другой же день снесли ему что-то... Лишь недавно я кое-что узнал о нем. Ученый, философ и литературовед, знаток многих языков, коренной кенигсбержец, он не поладил с нацистами, бежал в Южную Америку, а в конце сорок пятого года сумел вернуться в родной город и тотчас кинулся сюда, к Канту, в которого был влюблен... Дом, где он жил, был разрушен, и он обитал то в брошенных квартирах, то в подвале каком-нибудь или на чердаке, но каждый день приходил сюда, к Канту. Наверно, он назвал себя "Александр", но мы просто не поняли?

— А что случилось потом, знаете? Как человека неопределенных занятий, его отправили куда-то очень и очень далеко. В Калининграде Вайнгардт появился уже после смерти Сталина. И опять что ни день, то появлялся вот тут, у портика Канта... Да, пенсию ему дали. Девять рублей...

...Да, весь древний островной город Кнайпхоф сгорел в ту страшную августовскую ночь. Жар был такой, что расплавился самый большой в Восточной Пруссии исторический колокол "Мариенглокке". Один мой хороший знакомый, Борис, подростком работавший в сорок восьмом году заготовителем цветного металла, рассказывал об этом, об огромной бронзовой глыбе, которую еле-еле,

при помощи танка, выволокли из собора, но вот что интересно: множество исторических ценностей, хранившихся в соборе, также и в глубоких подвалах "Альбертины", было вывезено в марте сорок пятого года куратором университета Фридрихом Хоффаном в Грайфсвальд, а позже в Геттинген. Известно и то, что после той страшной бомбежки кенигсбергский скульптор Кимриц собрал все, что сохранилось в соборе, множество прекрасных скульптур, и спрятал в склеп герцога Альбрехта. И вот что еще: в документах Георга Штайна я обнаружил сообщение о том, что якобы Альфред Роде спрятал туда же, в склеп Альбрехта, все картины Ловиса Коринта. Но увы, как мне поведала Инна Ивановна, когда был отыскан и вскрыт склеп Альбрехта, его супруги Доротеи и их шестерых умерших в малом возрасте детей, никаких скульптур и картин там не оказалось...

— Может есть еще какой-нибудь другой, тайный склеп? — говорит Ольга. — Ведь и такое случалось: мнимые и подлинные захоронения. И потом, ведь есть сведения, что из собора, под Прегелем, в замок был проложен тайный подземный ход. По нему из замковой тюрьмы приводили в собор на последнюю с богом беседу осужденных на казнь. Ведь не нашли того хода. Плохо искали?..

...А вот там был тайник, о котором я обмолвился чуть выше. Толик Пеликанов его обнаружил, массивную, грубо оштукатуренную железную дверь. Он обнаружил, это точно, а потому, когда мы делили находки, орал: "Я нашел, я и заберу что хочу!.." Мы очистили штукатурку, осмотрели дверь. Тезка мой, Юра Макаров, Мак, его спустя полгода на танцах из-за девчонки зарезали, достал из сумки небольшую, с пачку сигарет, толовую шашку, вставил в детонатор кусочек бикфордова шнура, хвостик такой зеленый, сантиметров в 20. Закурили. Юра подвесил шашку к двери и поджег шнур от сигареты. Мы — этот крикливый сквалыга Толик, Коля Кузнецов, Мак и я — отбежали, легли, глухо, тяжело рявкнуло, и дверь вылетела. Кирпичи тут сверху со стен посыпались, нас чуть не пришибло. Потом мы бросились к двери, отвалили ее в сторону и увидели железное, в метр, на толщину стены, помещение, заваленное какими-то свертками материи и блестящими, белого металла, предметами. Было в тайнике с десятков небольших, очень тонких, без всяких украшений, серебряных тарелочек, потом чаши серебряные для причастия, шкатулка, подаренная к 600-летию собора, огромная библия, в коже с серебром.

— Из "Серебряной библиотеки"?! — спрашивает Ольга.

— Нет. Ведь в "Серебряной библиотеке" были древние книги, а эта совсем не старая, с иллюстрациями Доре. Еще там оказался великолепный массивный кубок, он достался Юрке Макарову, бархатная материя и железный ящик с во-от такими большущими коваными гвоздями. Материя, что-то вроде скатертей, оказалась подгнившей, вода откуда-то сочилась; мы ее отдали дяде Алексу, я только одну забрал себе, на ней по краю было вышито — это Мак, хорошо знавший немецкий язык, перевел: "Цех кенигсбергских мастеров оружия". Да, и ваза, ну та, ты ее у меня видела, — севрский фарфор, с гербом Кенигсберга с одной стороны и зданием старого, кнайпхофского магистрата, медведями Альбрехта с другой. И книга дарений собора. Куда все подевалось? Коробку забрал Толик Пеликанов, да еще часть тарелок, подсвечники, да, там и подсвечники были. Мне досталась библия, я ее у Ципина, — помнишь, у нас такой краевед был? — на "Путеводитель по Кенигсбергу" обменял. Юрке — огромный, с крышкой, в каких-то медалях, серебряный кубок. Кстати, он сейчас в хранилище нашего музея оказался... Что еще мне? Тарелки, подсвечник, два кубка для причастия, я их снес в музей... Из серебряных тарелочек отец блесны понаделал, ну, что теперь поделаешь, многого мы в те годы не понимали. Да, вот что еще: те гвозди, как вычитал Юрка Макаров, были от креста, на котором распяли Иисуса Христа. И их дарили активистам собора в очень большие религиозные праздники. Где они? Что-то прибывал, но могу тебе выделить несколько, с десятков еще осталось... Пойдем? Мне еще в горсовет надо, на заседание комиссии по переименованию улиц...

Поздний вечер. Судовые часы с "Эмдена" отбивают полные склянки. В доме все стихает. Эль Бандито Длуги, по паспорту, а по-домашнему Бандик, устраивается у меня за спиной: это не очень-то удобно, в кресле с собакой, но поясница хорошо прогревается, болеть не будет. Слышно, как время от времени сама собой поскрипывает четвертая снизу ступенька лестницы, ведущей на второй этаж... "Ты еще не спишь, мой мальчик? Послушай свою маму, закрой глаза, хорошо? Слышишь, Черный Рыцарь по лестнице поднимается, проверяет, все ли дети спят?.." Вальтер Мюллер пишет, что ему так часто снится этот

его дом, мама Марта, лошадь Ханни и добрый пес Микки. И он просыпается со слезами на глазах. Порой и мне снится мой родной город на Неве, моя улица Гребенская, дом, квартира, в длинном коридоре которой я когда-то гонял на самокате. И я тоже просыпаюсь со слезами на глазах. Ах, эта война! Позавчера жена моя Тамара выкопала из-под старых кустов пионов немецкий карабин системы "маузер". Он был замотан в кусок просмоленного брезента, затвор вынут и тоже запеленут, видно, промасленными тряпками. Были там еще две обоймы патронов и значок "гитлерюгенд". Карабин отлично сохранился, я его почистил, смазал, но, чтобы милиция не отобрала, просверлил патронник. И теперь карабин из оружия превратился в музейный экспонат. Чей он? Папаши Франца Фердинанда Мюллера? Или — Вальтера? Ведь, как Вальтер писал на фронт своему брату Отто, еще в сорок втором году он вступил в "гитлерюгенд". И наверняка в сорок пятом ушел в фольксштурм...

Звон часов. Половина первого. Вы молодец, Георг Штайн, вы нашли сокровища стеклянных ящиков и вывели на них дипломатов, вы победили и должны получить свое. И вы, Штайн, правы: если что-то ищешь, то нельзя отступаться, падать духом, обращать внимание на насмешки, и так важно хоть что-то, но найти! Мы тоже нашли, тогда, весной сорок пятого, но не "что-то", а именно то, что искали, обширный архив Фромборкского капитула — документы Тевтонского ордена, рукописи Николая Коперника, церковные предметы из Фромборка и Эльбинга. В минувшую поездку в Польшу, когда я, разыскивая подполковника криминальной полиции Нувеля, побывал и в Ольштыне, Болеслав сводил меня в хранилище архива Вармийского капитула, куда, в связи с ликвидацией Фромборкского капитула, были переданы все фромборкские документы и некоторые исторические предметы. Со странным, несколько смятенным чувством держал я в руках листы, исписанные рукой Николая Коперника, думая о том, что мой отец когда-то разбирал их, складывал в ящики и сопровождал в Москву. И в памяти вставали вновь картины и сложные порой ситуации той поездки, милое, плутоватое личико Людки, замкнутое — моего отца, ухмыляющееся, отчаянное, счастливое — Феди Рыбина, сосредоточенное — лейтенанта Лобова, ему постоянно хотелось казаться солидным, строгим, он то и дело покрикивал на солдат охраны: "Быстрее,

ребята, быстрее! Эй, товарищ Семенов, почему ремень на самые колени сполз? Заправочку, красноармеец Семенов, заправочку гвардейскую!" — и поглядывал мельком на Людку, на ее круглые колени. И Людка, ловя его взгляды, как бы смущенно одергивала юбку, но она отчего-то не одергивалась. Людка уже была в машине, сидела рядом со мной на заднем сиденье "виллиса". Федя теснился к ней с другого бока, и я чувствовал горячую упругость ее бедра. Шофер Костя Шурыгин, криво ухмыляясь, пинал покрышки, солдаты лезли в "доджик", Лобов, стоя на подножке "доджика", ждал команды, вот и отец влезает в "виллис", коротко бросает: "Поехали"...

Поехали! Проколесив по Пруссии почти две недели, отец в один из дней связался по рации со штабом армии и, видимо, получив какие-то указания, сказал: "Едем под Фишхаузен. В замок "Лохштедт". Кажется, там что-то есть".

Уже с неделю вместе с нами путешествовал и прикомандированный к группе некий пан Ольшевский, какой-то ученый, работавший до "сентябрьской войны" в краковском университете, а последние три года "умиравший" каждый день в лагере обузовом "Штутгоф". Профессор был маленьким, тощим, с большими ушами на лысой голове; он постоянно мерз, кутался в огромную, неизвестной армии шинель и постоянно хотел есть. Когда мы останавливались, чтобы "подзаправиться", он ужасно нервничал, то и дело потирал руки, напряженно смотрел, приоткрыв большой, лягушачий рот, как Федя кромсал хлеб, сало и колбасу, как варил в ведре кашу с американской тушенкой. Получив котелок с едой, он отходил в сторонку, устраивался где-нибудь и быстро, с какими-то всхлипами пожирал все, что было в котелке. Мне его поведение было очень понятным. Не так уж давно таким же изголодавшимся был и я, когда в начале декабря сорок второго года меня, как и многих детей и подростков, везли из Ленинграда куда-то на восток, за уральский хребет. Как мне постоянно, ежеминутно хотелось есть! А много есть было нельзя, у нас желудки в блокаде стали с "кулачок", как говорила нам одна женщина: "Дети, вы умрете, если будете много есть!" И, чтобы мы много не ели, нам выдали специальные фанерины, на которых были написаны наши имена и фамилии. Мы надевали эти фанерки на себя, на веревочке, когда на той или иной станции подходили к раздаточной. И, выдав котелок с кашей или супом, нам на фанерке ставили пометку:

жирные синие кресты, это первое, и красный крест, если было второе... О лагере "Штутгоф" профессор почти ничего не рассказывал, кроме как то, что работал он там в какой-то "утилитаркоманде" и что ему нужно было, чтобы получить дневной паек, "утилизировать" в день 40 умерших, но что это означает, что он там делал с умершими, не пояснял. Подняв воротник сине-зеленой шинели, сосал, отвернувшись, сухарь беззубым — зубы все остались в "Штутгофе" — ртом. Пан профессор был знатоком древних документов, и это было замечательно, так как, отправляясь в поездку, как мне кажется, отец с трудом мог себе представить, что же это такое — архив Фромборкского капитула.

При подъезде к замку "Лохштедт" нас остановила группа автоматчиков в касках, и старший лейтенант после проверки документов сообщил отцу, что с неделю назад в замке был бой, группа немцев, человек 60, в основном "офицерье эсэсовское", скрывавшаяся до этого в лесу, пыталась пробиться к побережью, а потом укрылась в замке. Сдаваться отказались. Три дня тут все гроыхало, замок сгорел, видите, еще столбы дыма поднимаются. Немцы? Все убиты, трупы еще не убраны. Говорят, завтра пригонят фрицев пленных из Пиллау могилы рыть, но толком никто ничего не знает, да и хрен с ними, могли бы ведь и сдаться, правда, товарищ полковник? Книги и старинные предметы? Книг там, знаете, много, здоровенные такие, но бумага, между прочим, плохая, как говорят солдаты, толстая и плохо горит, на сигарки нельзя использовать, ими фрицы, книгами, окна закладывали, и предметы есть, эй, Федоров, притащи-ка тот урыльник, в котором я ноги парил!.. Вскоре мы обладали первым предметом из Фромборка — "малой купелью" XVI века, как пояснил пан профессор, подарком какого-то польского магната Фромборкскому капитулу.

Мощенная большими, плоскими камнями дорога вилась среди кустарников и деревьев. Все тут являло собой картину недавнего боя. Разбитые патронные ящики, окровавленные бинты, сгоревший "студебеккер", гильзы, снаряды, какие-то разбросанные вещи, поломанные деревья, смятые кустарники, тяжелый, сжимающий горло запах дыма и разложения.

Въездные ворота во двор замка были обрушены вместе с одним из столбов. Наверно, тут наша "сучка", самоходная установка "СУ-152" прогроыхала-

проколыхалась всем своим жутким, тяжким железом, все крушила, давила широченными гусеницами и была прямой наводкой по окнам замка. Там и сям в его стенах зияли огромные свежие дыры. Справа валялась раздавленная противотанковая немецкая пушка, которой конечно же не по зубам оказалась броня самоходки, а чуть вглубь двора виднелась гряда стрелкового оружия: карабины, автоматы, пулеметы, ленты патронные, гранаты-“колотушки”, ящики, сумки; рыжие, с крышками из конских шкур, выпотрошенные ранцы валялись по всему двору. С каким-то тонким, птичьим вскриком пан профессор извлек из глубокой, от танка, колеи книгу, торопливо начал рыться в карманах, достал очки, присел на патронный ящик и принялся листать страницы, а Федя уже тащил полную охапку больших и маленьких, толстых и тонких, почти все — в коже, книг, книжек и книжищ.

По засыпанной битым кирпичом, известкой и головешками — некоторые из них еще дымились, — главной лестнице мы вошли в гулкий и просторный замковый зал. Часть потолка в углу вместе с обгоревшими балками рухнула, штукатурка и кирпичи рассыпались по паркетному полу, опрокинутой, раздавленной балками мебели и множеству книг, разбросанных всюду. Теплый зловонный ветер прогуливался по обширному помещению, исписанные листки бумаги взметались и летели из одного конца зала в другой, шелестели страницы книг. Груды книг, сложенных стопками, виднелись возле стен, окон; ветер шевелил белые волосы убитого немца, лежащего за одной из книжных баррикад. Вскоре обнаружили и ящики, сундуки, набитые книгами, да и утварь церковная: канделябры, подсвечники, сосуды, тарелки, которые несколько успокоившийся профессор Ольшевский собирал, стаскивал на расстеленный в одном из углов зала гобелен. То и дело слышался смех Людки и воркующий басок Феди, они то появлялись: “Вот, глядите, какие мы еще книги нашли!” — то исчезали в соседних комнатах и помещениях замка, вдруг слышался вскрик Людки: “Ой, тут полно мертвых!”, и вновь — успокоительный басок Феди. Отец хмурился, курил, стоя у одного из окон, смотрел в замковый парк.

Вот, собственно говоря, и все. Федя куда-то “гонял” на “виллисе”. К вечеру, напряженно взрыкивая, вкатился во двор замка “студебеккер”, и солдаты нашего энергичного старательного лейтенанта Лобова принялись та-

скать в кузов связанные веревками, телефонными проводами и ремнями стопы книг, ящики и сундуки с книгами и рукописями, тюки с церковной утварью, все то, что из всех этих богатств отобрал пан профессор. Многое оставалось. Профессор нервничал, говорил, что необходимо ничего тут не оставлять, но, чтобы забрать все, нужен был еще один грузовик, и отец пообещал, вернувшись в Кенигсберг, доложить в штабе. Конечно же машину сюда пришлют, а что до охраны, о которой беспокоится пан профессор, то зачем она тут? Кому нужны эти книги? Мертвые тут все сохранят.

Не знаю, существует ли какая связь между докладной отца, направленной им в штаб по возвращении в Кенигсберг, и появлением в замке "Лохштедт" литовских ученых, но спустя много лет я узнал, что примерно в эти же дни, следом за нами, тут появилась еще одна специальная группа, разыскивающая рукописи Кристионаса Донелайтиса, его поэму "Времена года". Помню, как в маленькой "секретной комнатке" Литовской Публичной библиотеки показали мне извлеченную из сейфа рукопись поэмы и несколько листочков отчета о той экспедиции. И тут же, с листа, переводили мне на русский, а я записывал. Вот этот, с некоторым сокращением, текст.

"Отчет Повиласа Покаркиса о находке рукописи Кристионаса Донелайтиса "Времена года"...

Мне из всех членов делегации Кенигсберг был хорошо знаком — в 1927 году я жил там. Все выезды на поиски делались по моим планам. После поиска в ряде замков и оборонительных сооружений мы обратили внимание на замок "ЛОХШТЕДТ", который находится в 50 километрах от Кенигсберга. Замок находится на пути к ПИЛ-ЛАУ, и я пришел к выводу, что именно там надо искать — по-видимому, книги и рукописи вывозились из Кенигсберга морским путем, возможно, что они могли осесть в замке "Лохштедт". А шли еще отдельные бои с недобитыми фашистскими отрядами, была большая опасность на дорогах, пожары.

На подъездах к замку тоже остались следы боев, в полях множество разбитых танков, пушек и другого оружия. В толстой стене замка — громадные пробоины от тяжелых снарядов. Через одну из них мы и проникли внутрь. В большой зале мы нашли сделанную из бетона яму, которая была завалена разными рукописями и старинными книгами. Книги и рукописи валялись повсюду, даже снаружи замка. Тут же лежали еще не убранные

трупы немецких солдат, автоматы, винтовки, а в одной из темных комнат мы обнаружили двадцать отрезанных голов!..

Осмотрев все внутренние помещения замка, мы стали собирать и рассматривать рукописи. Вот немецко-литовский словарь, написанный Бродовским, весьма ценная книга, а вот и еще очень ценная находка, несколько рукописей профессора Кенигсбергского университета ЛЮДВИКАСА РЕЗЫ, создавшего первый букварь литовского языка. Он же первым издал "Времена года" Донелайтиса, чем спас великое творение от неизвестности и гибели...

Тот факт, что мы нашли эти книги и рукописи, говорил, что мы можем найти и нечто другое, не менее, а может, более ценное, в том числе и рукописи Кр. Донелайтиса. Мы продолжали поиски. Вползли через пролом в стене в небольшую комнатку, я зажег спичку и увидел в руке убитого немца... рукопись! Я осторожно освободил ее из закорючавших пальцев и выбрался из комнаты. Стал рассматривать, и сразу понял, что держу в руках... рукопись Донелайтиса "Времена года". Вскоре тут же я нашел несколько писем, написанных рукой Донелайтиса. Все найденные рукописи мы сложили в рюкзаки и ушли из замка. Рукописи Донелайтиса, ряд старопечатных книг и документов были добычей нашего путешествия в Кенигсберг. Вскоре были организованы новые выезды в Кенигсберг, Клайпеду и другие города для розыска ценных изданий на литовском языке.

Повилас Покарклис, Вильнюс, май-июнь 1945 г."

Эти отрезанные головы, эта рукопись, великое поэтическое творение в закорючавших пальцах трупа... Сколько тайн! Кто и кому отрезал головы? Кто был этот немецкий офицер, уползший с рукописями в маленькую комнатку? Что он хотел? Спасти рукописи в этом горящем, разваливающемся замке? Украсть, понимая, что спустя недолгие годы за древние листки Литва отдаст невероятные деньги? Мертвец спас рукопись, огонь пощадил ее, как тут не вспомнить Булгакова: "Рукописи не горят"?

Тайны, поиски, находки, радости и трагедии. Да, так важно отыскать то, что ты ищешь! Отважный ученый, литовский академик отыскал то, что мечтал отыскать, во что верил и не верил... В конце 50-х годов моего отца и Федю Рыбина вызвали в Москву и включили в не-

большую группу ответственных сотрудников Министерства культуры для поездки в Варшаву: наша страна возвращала Польше обнаруженные на пожарищах войны, в немецких городах, на складах и в тайных бункерах польские ценности, среди которых был и архив Фромборкского капитула. Как рассказывал мне отец, все было очень торжественно. Зал в картинах и коврах, речи, поздравления, банкет. Правда, отца и Федю почему-то на банкет не пригласили, но они не очень и огорчались: "Закатились с Николаем Александровичем в одну "пивницу", — уже после смерти отца рассказывал, понизив голос и поглядывая на "полковника", свою строгую жену, Федя. Мы сидели с ним на кухне, а "полковник" что-то делала, жарила картошку. — Закатились в "пивницу", попили там хорошо, повспоминали нашу боевую молодость... Милая, когда же ты нам подашь картошку?.."

И Георг Штайн нашел сокровища стеклянных ящиков, о которых мечтал точно так же, как о янтаре, о которых столько размышлял, выстраивая цепочку фактов, версий, догадок. В конце концов — после длительной переписки, выяснений, протестов эстонского эмигрантского правительства, то поддержки, то сопротивления иеромонахов со святой горы Афон — эти сокровища были доставлены в СССР. Штайн сопровождал их. И тоже все было так торжественно, значительно. Речи, аплодисменты, рукопожатия, орден, поездка по СССР, о которой он потом подробно сообщал графине Марион Дёнхофф. И ожидание предстоящего расчета церкви с ним, тех счастливых минут, когда наконец-то он выплатит налоговому управлению все до последнего пфеннига!

Увы, никаких денег он не получил. Ни копейки!

Архив хранит документы, свидетельства тех событий.

"Русский Санкт-Пантелеймоновский монастырь на св. горе Афон. Лично...

Наконец-то мне удалось вернуть сокровища Печорского монастыря, который вновь обрел свое драгоценное имущество. В качестве вознаграждения за мои старания по возвращению ценностей Русская Православная Церковь обещала мне: 1. Официальное честование с вручением ордена. 2. Пожизненно быть гостем Русской Православной Церкви во время поездок в Россию. 3. В качестве памятного дара: определенную часть

сокровищ Печорского монастыря по выбору... Условия Полномочия, выданного мне церковью, с моей стороны соблюдены и выполнены. Сокровища Печорского монастыря доставлены на место, откуда они были вывезены, и оценены экспертами в сумму около 800 миллионов немецких марок. Я неоднократно обращался с просьбой выплатить причитающуюся мне сумму... но так и не получил никакого ответа... Высокочтимый настоятель. Пожалуйста, напишите письмо о моих делах господину Патриарху... Намерен ли он соблюдать соглашение или нет?.. Да будет мир на земле!

Георг Штайн".

"Финансовое управление г. ВИНЗЕН настоятельно напоминает, что сумма Вашей задолженности по подоходному налогу с Вашей собственности в Штелле достигла 278 тысяч 490 марок и церковного налога — 24 тысяч 760 марок. Просим немедленно погасить указанные суммы, в противном случае будут применены самые жесткие, обусловленные законом меры".

"СССР, Москва, господину Генри С. РУБЕЖОВУ, адвокату-консультанту "ИНЮРКОЛЛЕГИИ".

Весьма почтенный господин Рубежов! Заверение о выдаче мне вознаграждения было дано ответственным лицом... Теперь стало ясно, что ответственные работники Русской Православной Церкви сознательно запутывают суть дела... сводя на нет проделанную мной громадную, нанесшую мне непоправимый материальный убыток работу...

Всегда Ваш Георг Штайн"...

"Уважаемый г-н Георг Штайн!

Мною получено Ваше письмо от 20 августа с. г., касающееся Ваших необоснованных претензий к руководству Московской Патриархии... Помощь, оказанная Вами нашей Церкви в деле возвращения Псково-Печорскому монастырю предметов его ризницы, вывезенных во время второй мировой войны немецкими оккупационными войсками, носила, по Вашему же собственному признанию, бескорыстный характер и исходила исключительно из благородных побуждений способствовать восстановлению справедливости, в целях улучшения отношений между ФРГ и СССР, что Вы, как немец, считали долгом своей чести исполнить... Ваши добровольные

услуги были соответствующим образом оценены Русской Православной Церковью, в частности, Вы были удостоены награждения орденом святого равноапостольного князя Владимира. Кроме того, в знак благодарности за проявленное Вами усердие Вам и Вашей семье неоднократно оказывалось внимание в нашей стране, причем на самом высоком уровне, как почетным и дорогим гостям. То, что Вы неожиданно для нас вдруг поставили вопрос о компенсации за Ваши труды, не скрою, весьма нас огорчило, поскольку Ваши требования не имеют под собой никаких оснований, а аргументы в их поддержку не соответствуют действительности. И все же, воздерживаясь от всяких деловых отношений с Вами, мы тогда выразили готовность принять Вас и Вашу супругу в качестве гостей Московской Патриархии. Сему обещанию нашему мы остаемся верны...”

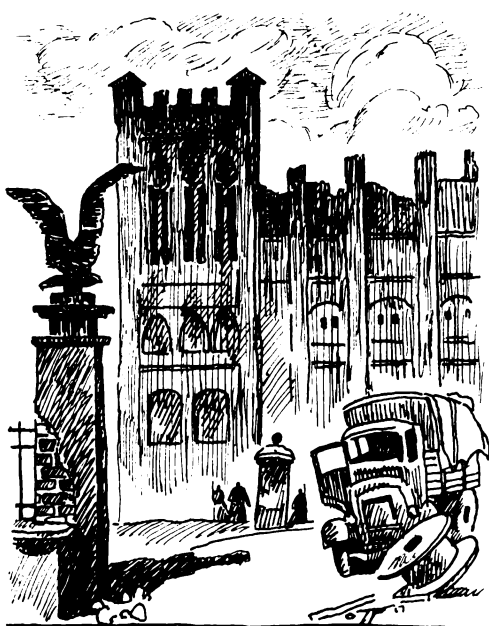
Поставим на этом точку, добавив ко всему сказанному лишь одно: кому теперь известно, сколько еще стеклянных, железных, простых деревянных ящиков и сундуков с российскими церковными сокровищами и по сей день хранится в неведомых тайниках Западной Европы? Среди тех, кто что-то знал об этих сокровищах, был Георг Штайн, человек, который теперь уже ничего не расскажет, если эти сведения не обнаружатся в ЗАВЕЩАНИИ, о котором писал его сын, Гебхардт, высланном им, но отчего-то пока не поступившем на мой адрес.

...Скрипит четвертая ступенька. Похрапывает за моей спиной Бандик, копошится в кресле Габка. В углу дивана сидит кукла Катя в красивом, из алого бархата, платье. Внучка оставила. Кукольное платье — все, что осталось от великолепной, правда, с дырой посредине, скатерти, подаренной собору цехом кенигсбергских оружейников. Из той скатерти моя мама сшила моей будущей жене платье на свадьбу. Она его надевала и тогда, когда мы шли в гости или на концерт, но всегда говорила: “Тяжелое, тесное, будто в кольчуге хожу”. И как-то однажды, разрезав его, сшила платьица вначале одной, а потом и второй нашим дочкам, теплые и красивые получились. Теперь “оружейную” скатерть донашивает кукла Катя. Однако спать пора... О-о, как горят ладони. Они у меня в бугристых мозолях. До того, как Эдуард начнет вырубать фигуру Иисуса Христа, нужно со ствола дуба срубить невероятное количество древесины. И я помогаю

ему, Мастеру, увлеченному Идеей... На буфете лежит пакет с подарками, на днях мы отметили мой день рождения. В пакете вполне современные дары: пачка чая, кусок мыла и рулон туалетной бумаги. На столе газета с сообщением о событиях в Баку. Может быть, именно сейчас, в этот самый момент, кто-то кого-то в каком-то другом городе преследует, сбрасывает с пятого этажа, давит гусеницами бронемашины, сжигает, связав и облив бензином... Господи, что творится, пронеси и помилуй.

Завещание Георга Штайна. Взрыв на шахте Виттекинд

”ПИВОВАРНИ ”ПОНАРТЕР”, ТАМ СПРЯТАНЫ СОКРОВИЩА! По свидетельству одного польского шофера, он и еще пятеро польских вспомогательных рабочих погрузили в начале февраля во дворе сгоревшего Кенигсбергского замка ящики с панно Янтарной комнаты и другие ценности на шесть грузовиков. Под сильной охраной грузовики выехали в ЭЛЬБИНГ, но до места назначения не дошли. В пути были обстреляны советскими самолетами-штурмовиками. Один грузовик был разбит. Забрав с него панно, вернулись в Кенигсберг, в район ПОНАРТ, где ящики были сгружены в подземелья пивоварни ”ПОНАРТЕР”. Эту версию подтверждает моя хорошая знакомая из Киля, которая до 1945 года работала шеф-секретарем прусских коллекций янтаря в Кенигсберге. Кроме того, она сообщила: входы в ледник пивоварни ”Понартер”, где упрятаны сокровища, были нацистами ЗАМУРОВАНЫ...
Рут Дрешер (Кетценд), ГДР”.

”БАЛЬГА”. Военно-политическая обстановка зимы-весны 1945 года свидетельствует о том, что замок ”Бальга” явился одним из последних очагов сопротивления фашистов. Он был взят советскими войсками 29 марта 1945 года. Оборонявшая замок группировка, насчитывающая до 40 тысяч человек, почти вся была уничтожена. Учитывая наличие средневековых подземных ходов и удаленность от населенных пунктов, замок был очень удачным местом для захоронения ценностей и архивов. Ряд источников указывает, что в замок были вывезены художественные ценности: а) профессор Вольфсон: ”перед самым штурмом Кенигсберга в замок ”Бальга” были

вывезены многие ценности из Кенигсбергского замка"; б) осужденный К-ов заявил, что он якобы знает БОЛЬШУЮ ЯНТАРНУЮ ТАЙНУ, связанную с замком "Бальга", и поставил ультиматум: "СВОБОДУ ЗА ЯНТАРНЫЕ СОКРОВИЩА "БАЛЬГИ"!"; в) немецкий полицейский видел, как в замок въезжали грузовики с ящиками. Обратно они не выезжали; г) доктор Штраус во время посещения им Калининграда сказал, что поиски Янтарной комнаты и других сокровищ надо вести в замке "БАЛЬГА"; д) различную информацию о подземных ходах в районе замка "Бальга" и сокрытых там ценностях высказали тринадцать человек, граждане СССР.

Поисковая группа Советского фонда культуры.

"СВЯТАЯ АННА". Версия. Гражданка Польши заявила, что она в 1946—1947 годах работала машинисткой в конторе у русских на восстановительных работах в ПАЛЬМНИКЕНЕ на янтарном комбинате. В то время там работало и много немцев. Однажды к русскому начальнику пришел немец и принес два великолепных янтарных изделия: крупный, с кулак, прозрачный янтарь, отделанный золотом и серебром, и янтарный же, тоже в серебре, кораблик. Он заявил, что в шахте "Святая Анна", которая была взорвана немцами перед приходом войск Красной Армии, он нашел клад. Просил рабочую силу, чтобы извлечь его. Было уже поздно, и начальник обещал все сделать завтра. Утром заявителя нашли повешенным... Просим рассмотреть нашу заявку и дать разрешение на проведение поисковых работ.

*Руководитель поискового отряда
газеты "Советская молодежь" В. В. Парамонов".*

"Теперь мною совершенно точно установлено, что мой отец Вальдемар Бонащик, польский офицер, попав в немецкий плен, был направлен в район Прейсиш-Эйлау, в "Шталаг 8 А", где и был расстрелян в марте или апреле 1945 года. Знаю, что поляков там хоронили отдельно. Прошу советские власти дать разрешение на изъятие останков моего отца для перезахоронения в моем родном городе Бранево.

Ядвига Бонащикова".

"ЗАВЕЩАНИЕ ГЕОРГА ШТАЙНА: надеюсь, что Вы уже получили эти документы, которые, не сомневаюсь, представляют значительный интерес в Вашей, господин Юрий Иванов, поисковой работе. Мы нашли также документы относительно ПОЛНОМОЧИЙ, полученных от

церкви, для возвращения ее сокровищ. На основании этих документов Вы можете составить представление по данному вопросу... Я В КАТЕГОРИЧЕСКОЙ ФОРМЕ ПОДЧЕРКИВАЮ, ЧТО К СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ У НАС НЕТ ПРЕТЕНЗИЙ. Наоборот, мы выражаем Вам благодарность за проявленную готовность и поддержку в прекращении судебного, в отношении нас, преследования, хотя боюсь, что все это уже слишком поздно...

Ваш Гебхардт Штайн".

...День был ярким, солнечным, небо синим, облака тяжелыми, белыми. Они медленно плыли над стенами замка, и по земле, огромным древним деревьям, рассыпям кирпича медленно скользили глубокие тени. Когда-то этот замок, стоящий на высоком берегу бывшего залива Фришес-Гафф, а ныне — Калининградского, был один из самых грозных боевых замков Тевтонского ордена в Прибалтике. Не счесть, сколько раз пруссы и литовцы пытались уничтожить его. Вот почему для рыцарей ордена так почетно было нести тут службу, и вот почему почти все комтуры замка "Бальга" впоследствии становились магистрами Тевтонского ордена. Если внимательно присмотреться, то на внутренней стене смотровой башни еще и сейчас можно обнаружить имена комтуров, ставших магистрами ордена: Бертольд фон Бахаум, Ханс фон дер Бабленц... Все надписи сделаны красной краской, лишь одна черной: "Ульрих фонд Юнгинген, пал в битве под Танненбергом в 1410 году". Отсюда, из "Бальги", он уехал в Мальборк, столицу рыцарского тевтонского государства, а потом повел свои войска в район деревень Грюнвальд и Танненберг, где и был убит в битве против объединенных польско-литовско-русских войск.

Мы приехали сюда с Овсяновым, чтобы определить места, где предстояло работать одной из групп рижской экспедиции. Бродили по старому, с корявыми деревьями, парку, разглядывали мощные стены замка, узкие бойницы, сложенные из огромных камней, глубокий ров, через который когда-то был перекинут подъемный мост.

Столетия пронесли над этими величественными, притягивающими взор стенами и недавно рухнувшей смотровой башней, называвшейся "Башней Сокола". Соколы там свили свое гнездо. "Мы из Гнезда Соколов", — говорили с гордостью те, кто служил тут, и не надо было добавлять: "В замке "Бальга"... Вот тут, под этим черным, с невероятным дуплом, дубом стояли и курили

когда-то и мы: улыбающийся, хищно и остро следящий за каждым движением Людки Федя Рыбин, строгий лейтенант Саша Лобов, Людка с букетиком подснежников в руке и я, могильщик-барабанщик, невероятно счастливый, что не надо мне ни землю копать, ни стучать на барабанах, что я нахожусь среди таких замечательных людей... Архив был найден и отвезен в Кенигсберг, но нужно было еще что-то искать, теперь уже какой-то другой древний Кенигсбергский архив, и мы вначале побывали в Хайлигенбайле, что переводится как "Святая секира", а теперь вот оказались тут, у стен этого могучего, с глубоким оборонительным рвом, замка. Было очень тепло. Дышать было невозможно. Весь внутренний двор замка, ров, парк да и сам замок были завалены трупами. Загнанные в Хайлигенбайльский котел, немцы, в основном эсэсовцы, чиновники гестапо, команды "фельджандармерии", и "слушатели" разведшколы абвера, в которой почти все были русскими, навербованными в армии генерала Власова, несколько десятков тысяч, бились тут до последнего патрона.

Страшное место этот мрачный, гулкий замок, в котором мы, к сожалению, не нашли того, что искали. Никакого в замке "Бальга" архива не было, но отец решил все же не торопиться, завтра с утра еще полазять, поискать; кто-то говорил ему про какие-то подземелья. Покулив под дубом, мы уже собрались направиться к костру, где наш усмешливый шофер жарил в котелках свиную тушенку, как вдруг Федя предостерегающе поднял руку: "Тише!" Прислушался, а потом быстро направился к небольшой кирхе, что виднелась в глубине парка. Из ее распахнутой двери вышли трое. Невысокий широкоплечий мужчина в черной монашеской одежде, молодая женщина в зеленой куртке с повязкой на рукаве и высокий молодой немец в военной, с серебряными погонами и галунами, куртке, узких бриджах и заляпанных глиной сапогах. Тот, что в сутане, был бородат, длинноволос, краснолиц, у девушки — желтые, что песок Куршской косы, волосы, у молодого немца было жесткое, заросшее золотистой щетиной лицо, на лбу багровела ссадина. "Вер ист да? — спросил Федя. — Шнель антвортен! Лейтенант, осмотрите пленных, нет ли оружия!" Лейтенант вспыхнул, буркнул: "Рыбин, кто тут старший по званию!", но подошел к немцам и ощупал их. Мужчины мрачно, настороженно молчали, а девушка, показав на свою повязку с красным крестом, пояснила, что они занимаются похоронами убитых. Живут тут, в этой кирхе, отпевают и хоронят мертвых.

Поманила рукой: идите сюда, вот сюда, тут рядом. Федя показал стволом автомата: вперед, мы следом, и мы все пошли через мелкий кустарник, по какой-то вязкой, истоптанной, в бурых потеках тропе. Идти далеко не пришлось. Через несколько минут мы стояли на краю обширной и глубокой ямы, которая наполовину была заполнена трупами. Тут же валялись какие-то веревки с петлями, и девушка, заметив, что мы смотрим на эти веревки, пояснила, что ими они и таскают убитых. "Что-то мне не нравится этот молодой, — тихо сказал Федя лейтенанту и крикнул: — Ду бист офицер?" Мужчины молчали, молодой угрюмо смотрел на Федю, а девушка торопливо проговорила: "Найн, герр капрал, ер ист... м-м-м, думкопф! — и она покрутила пальцем у своего виска. — Майне брудер, ферштеен зи? Ер ист кранкен... м-м — голова, больной голова!"

Федя размышлял. Немцы шумно, хрипло дышали. По лицу "дурака" катились крупные капли пота. "Черт с ними, — сказала Людка. — Пускай живут. Идемте к костру, ребята". И мы пошли назад. Немного помедлив, забрав веревки, немцы последовали за нами.

А над башней кружили два сокола. Была весна, и птицы готовились подновить гнездо. Что-то насчет соколов крикнул монах? Ах да, мол, раз они вьют гнездо, значит, все вернется, все со временем будет так, как и было. Ведь не раз и не два горел этот замок! "Кажется, в группе Сашки Лобова есть карабин со снайперским прицелом? — вечером у костра спросил Федя и крикнул: — Лобов, винтовка у вас снайперская есть?" Да, винтовка такая была, и, отодвинув котелок с кашей, Федя направился к "доджику", о чем-то он там поговорил с лейтенантом и ушел к замку. Вскоре послышались выстрелы. Минут через сорок Федя вернулся, сказал: "Всех укокошил. Чтоб тут больше не возникло это тевтонское гнездо". Кого "всех"? Птиц? Или и тех, троих? Я еще тогда хотел его спросить, но отчего-то не спросил, да и позже, но почему не спросил? Боялся, что он кивнет: "Да. Всех. И отстань". Как все это страшно. Даже дым от костра в тот вечер не мог отбить тяжкий, густой запах мертвечины, казалось, что этот отвратительный запах исходит и от каши, хлеба, чая...

Однако пора. В следующий раз я приеду сюда, когда тут начнутся поисковые работы. Действительно ли тут есть подземные ходы, галереи и помещения? Что там погребено в них? Сигналит "жигуленок". Иду, иду!

Едем. Молчим. Мелькают деревья. Час езды, и вот оно, обширное, заросшее мелкоколесьем поле, где во время войны был "Шталаг № 8 А", о котором в своем письме сообщала Ядвига Бонащикова.

— Даже бетонные столбики повалились, — говорит Авенир Петрович. Выходим из машины. Осматриваемся. Эти холмы — могилы...

— Осенью сорок пятого нас, школьников старших классов, привезли сюда, — вспоминаю я. — Сюда катили десятки грузовиков с солдатами, офицерами, гражданскими, в том числе и немцами. День был жарким, душным, слой земли над огромными могилами был тонкий, и земля шевелилась. Гнилостные газы бродили в трупах, и там вдруг рука сама собой высывалась из-под земли, там нога, там голова приподнималась, и мертвец глядел на живых людей воловьими, выпученными глазами из черепа. Нас всех специально привозили. Чтобы увидели, сколько убито наших. Было много красных знамен. Трибунка. Речи: "Мы о вас никогда не забудем! Мы поставим вам золотые памятники!.." Сколько всего погибло? 541 одиночное захоронение и 14 могильных рвов, каждый на 5 тысяч...

— Тут ведь были пленные и других национальностей, — говорит Овсянов. — Бельгийцы, поляки, французы. Их останки вывезли и похоронили с почестями, под барабанный бой, на родине. Их отыскивали в индивидуальных захоронениях по карте, которую составил священник кирхи в Кляйн Дексене, нынешнем Фурманове. Он отмечал умершего, ставил номер на могиле и в своей тайной карте, но французы, когда откапывали своих, измеряли скелеты, у них были данные по росту погибших... А наших ребят — всех скопом, в одну яму...

А потом мы с полковником побывали и на бывшем наблюдательном пункте штаба 3-го Белорусского фронта, на горе Фуксберг, откуда прекрасно просматривался Кенигсберг. Говорят, когда командующий фронтом Василевский сказал: "Где это вы придумали сооружать наблюдательный пункт? Гора ведь отлично видна из города! Каждый дурак там, в Кенигсберге, решит: вот ведь отличное место для наблюдательного пункта!" — то услышал в ответ от командующего 43-й армией А. П. Белобородова, это его военные строители сооружали НП: "Вот поэтому тут и построили. Ведь какой дурак решится на подобное!" Немецкая разведка очень быстро обнаружила подозрительно оживленное движение машин

и людей возле Лисьей горы, и в штаб Отто Ляшу доложили, что русские построили наблюдательный пункт на Фуксберг. Ляш отмахнулся: "Они что, круглые дураки? Обстрелять? Нет! Снарядов и так не хватает. Ну, хорошо. Бросьте туда несколько снарядов". Один снаряд попал в угол господского дома, на чердаке которого был наблюдательный пункт, и осколки штукатурки слегка поцарапали красивое кавказское лицо генерала И.Х. Баграмяна. Василевского же в этот момент на горе не было. Когда пленному Ляшу на его вопрос, где был НП Василевского, сообщили, что на Фуксберг, он был потрясен.

Мы заехали сюда с Авениром Петровичем, чтобы посмотреть на... Кенигсберг. Да-да, он тут, весь огромный город, со всеми улицами, кварталами, площадями, домами, соборами, кирхами и замком. Этот игрушечный город-макет, площадью 36 м², был построен незадолго до штурма Кенигсберга, по предложению и под руководством офицера инженерного управления 1-го Прибалтийского фронта, уже знакомого нам Арсения Владимировича Максимова. В течение 10 суток в небольшом домике на окраине уже взятого войсками Красной Армии города Велау шла лихорадочная, днем и ночью, работа. Сто человек рисовали, клеили маленькие домики, форты внешнего и внутреннего оборонительных обводов, улицы и улочки, переулки, парки, ручьи и озера. И — оборонительные сооружения, которые были обнаружены как с воздуха, так и с земли разведчиками, которые засылались в притаившийся, напряженно и страшно ждущий начала штурма Кенигсберг. Когда фанерно-картонный город был построен, то круглые сутки — поглядеть на него, изучить расположение его улиц и площадей — приходили сотни офицеров, командиры дивизий, полков, батальонов, командиры штурмовых групп; приходили летчики, артиллеристы и танкисты. Приходили, чтобы изучить "свой" участок, чтобы представить движение своей боевой группы, отряда, чтобы не запутаться во время боя в лабиринте улиц древнего города. Чаще всего давал пояснения охрипший, измученный, с красными от бессонницы глазами старший лейтенант Максимов. Он построил этот город для того, чтобы внимательно слушающие его люди взяли Кенигсберг штурмом, фактически чтобы разрушили, уничтожили его, ибо иначе вряд ли можно было овладеть этим мощнейшим оборонительным сооружением... Потом, уже на "гражданке", став архитектором города, пытаюсь что-то восстановить

в нем, он часто вспоминал те нервные, лихорадочные дни, предшествовавшие штурму Кенигсберга. Как все сложно, не правда ли? Созидать, чтобы уничтожить, уничтожить, чтобы созидать...

— Итак, начнем? Мы собрались сегодня, чтобы обсудить некоторые дела наши, связанные с поиском исторических ценностей, чтобы поразмышлять о некоторых моментах и направлениях деятельности нашего отделения Фонда культуры. — Стихают голоса, шелест бумаги, скрип стульев. Кажется, все, кто нам нужен, активисты Фонда, тут? "Весьма уважаемая Елена Стороженко", Ольга Феодосьевна Крупина; моложавый, красивый, офицерская выправка — наш уже не полковник, а запасник Авенир Петрович Овсянов; Василий Митрофанович Тарабрин дует в стекла очков, просматривает их на свет, рядом с ним сидит Инна Ивановна Мирончук... Овсянов, обычно сдержанный, строгий на вид, сегодня оживлен, улыбается, будто тоже хочет поведать нам нечто такое, что нас всех обрадует. Пожалуйста!

— Письмо пришло из ФРГ, от племянника Иоганна Шиффердеккера, основателя пивного завода "Понарт". Пишет, что в ледниках пивоварни может быть запрятана не только Янтарная комната, но и ценности самой пивоварни... Кстати, сегодня мы договорились побывать там, будем вести переговоры с дирекцией о поисковых работах. — Улыбается таинственно. — Есть у меня еще кое-что, но это потом, чуть позже, хорошо?

— Хорошо, потом так потом. Вот и у меня есть интересный документ, поступивший от гражданки ГДР Фриде Баумен в генеральное консульство СССР в Лейпциге. "1. Весной 1943 года большие волнения в церковной общине Лютеркирхе-Вимаркт"... вот, это место на карте я обвел кружочком... Так "...волнения, вызванные неожиданными для прихожан большими земляными работами. Отец сказал: "Туда русских военнопленных по ночам гоняют. Там какой-то тайный бункер строится..." 2. В 1944 году фирма "Петерайт", владелец которой — личный друг Эриха Коха, после бомбежки англичан перевозила все запасы вин из ресторана "Блютгерихт" на склады своего предприятия, а с вином — и какие-то ящики. Отец, который работал на "Петерайт", сказал: "Теперь Пауль Цемке завладел и янтarem!" Ящики с предприятия куда-то исчезли, как считает отец, — в тот бункер, что на кладбище Лютерфридхоф... 3. Поздней осенью 1944 года в наш дом был привезен крепкий, вместительный ящик

с надписью: "Эрнст Заагер, Вимаркт, 5а". Это фамилия моего отца, это наш адрес, а с ящиком прибыли политические чиновники и сказали, чтобы мы сложили сюда все самое ценное, что у нас есть. Мол, для победы Германии над врагом. Как мы ни сопротивлялись, нас заставили сложить все самое ценное, что у нас было: серебряные и золотые старинные вещи, фарфор, хрусталь и прочее. Отец сказал: "Сотни таких ящиков отправляют в тот бункер. В том бункере и Эрих Кох имеет свои два отсека". Далее отец сказал, что в бункер можно попасть из морга... на лифте! Работы там уже были прекращены, охрана снята, но остались груды щебня и песка. И вот однажды, как мне рассказывал отец, на предприятии появился Эрих Кох, он искал Пауля Цемке, требовал ключи, а Цемке исчез! Кох был взбешен! Потаенный вход через морг был замурован. Отец меня водил туда, по Шонфлиссер Аллее. "Запомни этот отдельный дом, этот забор, — говорил он мне. — Все находится там, запомни навсегда". И еще он мне сказал, что ценности туда привозили не в ящиках, а в ГРОБАХ! Чтобы не привлекать внимания. Пауля Цемке я неожиданно увидела в сентябре 1946 года в Дании, в лагере для беженцев. Я спросила: "Где те сотни гробов с ценностями, которые вы отобрали у кенигсбержцев?" Он растерялся, начал что-то бормотать, а я сама испугалась и тотчас ушла из лагеря. Позже я узнала, что он разыскивал меня вместе с лагерной полицией. В начале 50-х Пауль Цемке снова организовал свою фирму "Петерайт" в Гамбурге, и некоторые кенигсбержцы у него работали. В 1956 году фирма была объявлена банкротом, и Пауль Цемке исчез, куда-то уехал, но куда? И действительно ли он был банкротом? Или он уехал туда, куда были отправлены и кенигсбергские ценности, если он успел их вывезти из Кенигсберга? Итак, я все сообщила, теперь я жду, теперь вся тяжесть тайны снята с моей души, я наконец вздохнула спокойно... Елена Евгеньевна, через вас не проходило это дело?

— Как же не проходило? Фриде Баумен приезжала в Калининград в 1973 году! И мы с ней неоднократно ездили на бывшую Шонфлиссер Аллее, на Лютерфридхоф. Она вела себя странно. Знаете, как доктор Штраус — будто не то чтобы хотела показать место, а хотела лишь в чем-то убедиться. То говорила: "Вот тут был морг!", то про какой-то каретный сарай, из которого велись земляные работы...

— Между прочим, — говорит Авенир Петрович, — о сборе ценностей "в пользу германской победы" есть сведения и у Максимова! Вот: "После окончания войны,

еще в 1945 году я был назначен главным архитектором строительства военно-отчетной выставки 3-й воздушной и 11-й гвардейской армии. Командованием был подобран комплекс зданий, в которых сейчас размещается городская больница им. Калинина на пр. Невского. Для уборки территории были привлечены немецкие женщины. Вот здесь я и познакомился с немкой, которая была женою директора авиасборочного завода. Вот что она сообщила: "Когда наше командование увидело, что русские войска могут быстро взять Кенигсберг, то было объявлено в газетах и по радио, чтобы мы, жители города, во избежание потерь своих ценностей в результате войны, организовано, без паники принесли их во двор замка и сдали на ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХРАНЕНИЕ. Наутро у ворот собралось множество народа со своими реликвиями. Кто нес их на себе, кто вез на тележках. Когда дошла очередь до меня, то приняли лишь только ОРДЕНСКОЕ СЕРЕБРО, оставшееся моей семье в наследство, и ПЯТЬ КАРТИН известных старых мастеров". Здесь я у нее спросил, что они для гарантии дали, только расписку в получении и опись? "О нет, никаких бумаг. Они дали только Государственную ГАРАНТИЮ. Это превыше всего!" Куда же они упрятали все эти ценности? "О, это их секретное дело, — последовал ответ. — При мне мои вещи упаковали в фанер-тару, затем в цинк-тару, которую при мне тщательно запаляли и, выкачав воздух, испытали на воду. Все делалось аккуратно, быстро и надежно". Овсянов откладывает в сторону листки. — Фриде Баумен пишет, что ящики и вино на Лютерфридхов привозили из замка. Кенигсбергские патриоты несли свои ценности в замок, где они паковались в "фанер-тару" и "цинк-тару", а может, потом — в гробы, которые и опускались в бункер на Лютерфридхоф? Видите, тут улавливается определенная логическая связь с тем, давним сообщением из документов Максимова и вот этим, сегодняшних дней! Полагаю, что нам нужно будет как следует поискать драгоценности в гробах!

— Искать нужно! — говорю я, гляжу на часы: сегодня еще предстоит встреча с писателем Василием Захарченко. Обычно в начале лета он появляется в Калининграде, чтобы отправиться в Польшу на поиски "Янтарного обоза", о котором помалкивает, но о котором мне обещал сегодня рассказать в обмен на сведения по "шахтной" и "заморской" версиям Георга Штайна. — "ИСКАТЬ НУЖНО ВСЕ! ИСКАТЬ НУЖНО ВЕЗДЕ!" — эта фраза встречается в бумагах Штайна, так должны поступать и мы. Вот, смотрите: 50 страниц немецкого текста, пере-

чень картин, вывезенных из Риги. Все выдающиеся мастера, европейские, мировые имена. Где все это? Вот акт о картинах, вывезенных немцами из новгородского музея: Кандинский, "Беспредметная композиция"; Кустодиев, "Портрет Кутузова"; Лентулов, "Пейзаж"; Сомов, "Пейзаж", и многие другие картины. Список сокровищ нарвского рыцарского архива, ценностей гродненского музея...

Где все это? Кто все это будет искать? Конечно, что-то кто-то, вот вроде нас или рижан, ищет, но почему государство отказалось от поиска исторических ценностей? Министерство культуры почему отринуло от себя эту работу? Почему в нашей стране нет специального поисково-координационного государственного центра? Тот же Штайн писал: "Еще множество российских церковных ценностей хранится в Европе". Он умер, и никто уже поисками их не занимается? Как же так? Надо, очень надо создать такой поисковый центр!

— Авенир Петрович, что это вы сегодня все время как-то подозрительно улыбаетесь?

— Свободен, как птица, что же мне не улыбаться? Но вы еще ничего про "Завещание" Штайна не сообщили.

— Сейчас-сейчас. Гебхардт Штайн прислал очень интересные, важные документы, вот они, своеобразное "ЗАВЕЩАНИЕ" его отца, как бы обобщающие все места, ГДЕ НАДО ПРОДОЛЖАТЬ ПОИСКИ. Это ЗАВЕЩАНИЕ Гебхардт передает нам.

— Что же с ним все-таки случилось? — спрашивает Инна Ивановна. — Убит? Неужели лишь за то, что он нашел сокровища Русской православной церкви, его убили?..

— Этот вопрос я несколько раз задавал Гебхардту. Вместе с "Завещанием" пришел и его ответ о последних днях Георга Штайна. Вот что пишет Гебхардт, все я читать не буду, только суть: "Неудача с церковными сокровищами потрясла отца, нет, он не хотел никакой сверхприбыли, а лишь компенсации своих усилий, только лишь... Он замкнулся, стал пить, увлекся изучением ритуальных самоубийств, которые были у пруссов... Потом, как бы встрепёнувшись, брал себя в руки, пытался что-то поправить в хозяйстве, вновь возвращался к поискам янтарных сокровищ, ездил, звонил, ночами писал, отправлял запросы, говорил о каком-то своем "ЗАВЕЩАНИИ", которое, если он сам не найдет янтарь, поможет другим людям в поиске сокровищ. Его мучило то, что он не может точно вспомнить, у какой же именно деревни отрядом, в котором он служил, были обнаружены машины с янтарем? И без конца повторял: "ХАЙЛИГЕНКРОЙЦ, ХАЙЛИГЕНКРОЙЦ!" После смер-

ти отца мы в его бумагах нашли одну ритуальную формулу, написанную на старом латинском языке на самодельной бумаге проколами иглы. Пастор евангелической церкви перевел ее на немецкий; звучит фраза странно, но очень совпадает с понятием "ХАЙЛИГЕНКРОЙЦ" — "Святой крест".

А дела наши шли все хуже. Отец вдобавок что-то не так подписал. Наша мать болела уже многие годы, все больше теряла надежду, что мы выпутаемся из сложившейся ситуации... Проведение новых ревизий порождало все больший страх, отец все больше отдалялся от семьи, ушел в свои исследования. Ухудшились семейные дела, дня не проходило без ссор, скандалов и налоговых предписаний. 3 августа 1983 года наша мама покончила с собой. Весной этого года возникло налоговое требование в сумме около 200 000 марок... В связи с тем, что в ближайшее время предстояла продажа с молотка дома, отец выехал к своим друзьям в Швейцарию и Баварию... В конце августа ему предписывалось лечение в психиатрической клинике, однако за несколько дней до этого, в лесу, близ Нюрнберга, он покончил с собой..." Вот такой печальный финал.

Тягостное молчание. Шум ветра за окном.

— Итак, вот труд Георга Штайна "О ВЕРОЯТНЫХ МЕСТАХ ЗАХОРОНЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ, ПОХИЩЕННЫХ ФАШИСТАМИ", — спустя некоторое время продолжал я. — Это тщательно проработанный научный труд, думаю, почти все, что содержится в тысячах документов архива, представлено здесь, на этих 20 страницах текста и карт. Эти документы, судя из приложенной копии письма, были предназначены для некоего исторического музея, видимо, для московского. Отправлено ли все это туда? И вместе с тем этот труд его был, видимо, подготовлен не в последние годы жизни... Однако: "В основу этой работы мной были положены сведения из сохранившихся планов ЭВАКУАЦИИ КОЛЛЕКЦИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА В СЛУЧАЕ УГРОЗЫ ОККУПАЦИИ ПРОТИВНИКОМ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ. Эти планы были разработаны после первой мировой войны с учетом опыта, полученного при оккупации русскими войсками части территории Пруссии в 1914 году, и переработаны в 1938 году. В этих планах предусматривалась ЭВАКУАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ В ПОМЕЩИЧЬИ УСАДЬБЫ, РОДОВЫЕ ПОМЕСТЬЯ, ДОМА ПАСТОРОВ,

СВОДЧАТЫЕ ПОДЗЕМНЫЕ И НАЗЕМНЫЕ СКЛЕПЫ, ЧАСОВНИ, ЦЕРКВИ И ЗАМКИ. В качестве этих **МЕСТ ЗАХОРОНЕНИЯ** предусматривалось около 90 населенных пунктов и объектов на всей западной территории Восточной Пруссии”.

— Имения Эриха Коха просматриваются в этом документе? — спрашивает Овсянов, взглянув на часы. Стучит по стеклу пальцем. Я понимаю, о чем он: через полчаса мы должны быть в подвалах бывших пивных заводов “Понартер”. — Что там есть у Георга Штайна?

— Именно с имений Коха и начинается перечень главных, обязательных, как у него тут помечено, “несомненно перспективных” мест поиска ценностей. Вот: “**СООБЩЕНИЕ ПО ВАЖНЕЙШИМ ВОПРОСАМ**”. Карта 1288 Кенигсберга. И текст: “Имение гауляйтера Коха. Краткая справка. Имение было приобретено и перестроено в 1937—1938 годах, в 1940 году было дополнительно приобретено имение “**ВАЛЬДГАРТЕН**”, а в 1944 году — “**ШАРЛОТТЕНБУРГ**”, на карте показано штриховкой желтого цвета”.

— А что означают эти круги коричневого цвета?

— Места, где искать...

— А точки внутри кругов?

— Точки красного цвета внутри коричневого круга — места, которые необходимо особенно тщательно проверить, — сказано у Штайна. К примеру, “Круг 1, пункты 1 и 2 расположены непосредственно на берегу озера “Ф”. Это сооружения, похожие по форме на бункеры, засыпанные слоем земли и поросшие травой и кустарником. Они, возможно, имеются и под водой. Круг 2, пункты 3, 4, 5 и 6: небольшие болотистые заводы, которые могли служить тайниками, особенно для железных емкостей. Тут следует использовать металлические щупы... Круг 4, пункт 10. Штаб СС, располагавшийся в замке “М”, мог здесь захоронить сокровища, награбленные в Литве. Иногда здесь проводил свой отпуск генерал СС **ЕККЕЛЬН**. Замок “М” в 1940 году дворянин **ВЕЛЛЕР** сдал в аренду штабу СС... С 1940 года Веллер жил вместе с матерью в Метгетене по ул. Кенигсвег, 11. Этот дом принадлежал моему отцу — д-ру Роберту Штайну. **ВЕЛЛЕР** еще в 1944 году путем тайных наблюдений собрал все сведения о деяниях Коха...”

— Минутку, мы работали в том доме, — говорит Елена Евгеньевна. — Мы получили сведения от Георга Штайна, что его отец за несколько дней до ареста спрятал в дымовой трубе, в которой было четыре дымохода,

сверток с подробнейшими сведениями о местах захоронения нацистами ценностей. Мы отыскиали дом. Он цел. Выяснилось, что сейчас в нем живет не одна, а четыре семьи. И что одна из печей дымила, дымоход был забит, его прочистили и... тяга стала хорошей! Не исключено, что именно этот, один из четырех дымоходов, которым при Штайне не пользовались, и хранил сверток с документами...

— Время! — говорит Овсянов. — Иначе мы опоздаем.

— Заканчиваю. Только одно сообщение из "Завещания": "Кроме того, следует иметь в виду, что в этом районе может быть спрятана не только Янтарная комната, а и многие другие ценности, ведь Кох был рейхскомиссаром Украины и очень дружил с рейхскомиссарами Белоруссии — КУБЕ и Прибалтики — ЛОЗЕ. В 1944 году Лозе очень долго лежал в госпитале "Элизабеткранкенхауз" в Кенигсберге и затем долго отдыхал в имении Коха..." Авенир Петрович, что все же означает ваша таинственная улыбка?

— Потом, потом, — говорит Овсянов, опять стучит пальцем по стеклу часов: — Надо ехать, нас уже ждут.

"Как только Вы переедете старинный металлический мост через железную дорогу, то сразу увидите очень высокую трубу. Это и есть пивной завод "Понартер"... — сделал в своем письме приписку племянник основателя пивоварни Ю. Х. Шиффердеккер. — Сколько раз мальчиком я с гордостью глядел на эту трубу!" Мы едем с бывшим полковником по брусчатке вначале под железнодорожным виадуком, на каменных стенах которого еще и сейчас видна надпись, напоминающая о штурме Кенигсберга: "Здесь первыми прошли гвардейцы полковника Толстикова!", потом — по мосту, о котором пишет Шиффердеккер, и видим трубу, будто воткнувшуюся в небо.

Нас ждут. В маленьком, душном кабинетике главного инженера Валерия Леонтьевича Евдокимова расстелена на столе карта территории Калининградского пивокомбината, так теперь именуется бывшая пивоварня "Понартер". Главный инженер знает, что нас интересует. Он показывает: вот старые помещения, вот новые. Вот озеро Хубертустейх, с которого зимой по каналу отправляли в ледники пивоварни огромные напиленные глыбы льда. В ледник, о котором идет речь, их спускали по специальному наклонному подземному ходу. Здорово придумано, да? Там, в холоде, пиво выдерживалось, это было отличное, изготовленное на особой воде, которую брали тут же, на территории пивоварни, пиво. Нет, сейчас такое

пиво не делается, и вообще пиво не производится: борьба, как известно, с алкоголизмом, вот попробуйте, это наши напитки: "Цитрусовый", "Байкал", "Лимонад"... Что это? Это огромные колодцы, которые были нужны "Понартеру", но почему-то засыпаны лет десять назад, а вот это, пунктиром на карте, предполагаемое место нахождения ледника, а вдруг там действительно что-то есть, а? Вот тут, над ним, построен новый цех. Когда забивали сваи, то на глубине 10 метров сваи будто упирались во что-то и дальше не шли, да, возможно именно в своды ледника... Что известно? Знаете, много тут всякого рассказывается. Мол, сразу после войны группа рабочих исчезла! Опустились в колодец, нашли там какой-то ход, ушли и не вернулись? Жуть, да? Позже — подросток так же исчез, но правда ли это? Может, просто болтают? Но что под комбинатом имеются обширные подземелья, не может быть сомнений. Как-то недавно загорелся мусор, сваленный в один из колодцев. И знаете, дым стал выходить в разных местах, метров за 500 — 600 от этого колодца. Вот, собственно говоря, и все. Пойдемте, покажу вам комбинат.

Пойдемте. Покажите. Камень, огромные цехи, черепица. В стену одного из зданий вмурованы кольца. Тут был склад готового бутылочного пива, и к этим кольцам привязывали лошадей, это еще тогда, когда его развозили по городу не в автомобилях, а на лошадях. Что это за знак? "Знаете, и внимания не обращал". На стене большой барельеф. Шесть колосьев, меч посредине и полукружье зубчатого колеса. Слева две готические буквы "I. S. — Иоганн Шиффердеккер", справа цифра "1939". А, ведь в том году пивоварня отмечала свое столетие! А это полуколесо — "ячменный символ", в таких колесах вращаются огромные стальные барабаны, в которых сушится ячмень, сейчас мы их увидим, вот сюда, осторожно, десять ступенек вниз, двадцать вверх. И мы оказываемся во вместительном, темноватом цехе, где на громадных зубчатых колесах медленно вращается гигантский стальной цилиндр, наполненный ячменем. Грохот, кричать приходится. Пивной запах. А говорят, что делают лимонад?

— Обратите внимание! — кричит Евдокимов. — Фирма-изготовитель: "Фреунд-патент, Берлин, Шарлоттенбург, 1897 год". Уже сто лет крутятся. Без ремонта! И еще сто лет прокрутятся, вот делали, да?.. Пиво? Мы проращиваем на комбинате ячмень, сушим его и отправляем на другие заводы. А вот фирменный знак "Понартера", на стене видите? "Дас костлихе Понартер Мерцби-

ер специал" — "мартовское пиво"! Теперь вот сюда, внимательнее; в этих подвалах тоже пиво охлаждалось.

Спускаемся в сырое каменное подземелье. Гул наших шагов. Стальные, с фигурными основаниями, столбы подпирают сводчатый потолок. Когда-то здесь стояли сотни бочек с пивом, господи, куда все подевалось? Евдокимов говорит, что в разных местах подземелий разный звук: вот тут глухой, а вот, послушайте, через десять шагов: звонкий, как будто под нами есть еще какие-то помещения, да наверняка так оно и есть, здорово, да? Возвращаемся. Топчем, да, тут удары глухие, а вот там — звонкие, раскатистые.

Выходим из подвалов на свет, на солнце. Евдокимов сообщает с полной уверенностью, что со времен войны ледник не вскрывался. И никто там, внизу не был, входы взорваны, а потом и засыпаны. И что он готов, если будет "добро" горсовета на поиски, оказать всяческое содействие. Что? Такое разрешение уже есть? Будет работать группа "Поиск" Фонда культуры? Что ж, до встречи, а вот это сувенир на память: фирменная бутылка из-под пива "Понартер". Сорок лет в земле! Правда, как на вкус, сказать трудно... Всего доброго, до встречи у ящиков с сокровищами в подземельях пивоварни!

Всего доброго. До встречи! Мчим с Овсяновым в центр города. Он все еще улыбается, я посматриваю на него, жду, в чем все же дело?

— Вы сейчас куда? — спрашивает он. — А, я и забыл, к Захарченко. Нет, я не могу. Василия Захарченко интересуют "шахтная" и "заморская" версии?

Киваю. Вот, везу свои документы. В обмен на его информацию, баш на баш.

— Георг Штайн писал о четырех основных, главнейших версиях, так? Но есть еще одна версия. И тоже очень важная, тоже главная... — говорит Авенир Петрович. — Где Ольга отыскиала книги Валленрода? В какой-то забытой богом и людьми церквушке. Там завалы книг! Так вот, не может ли так случиться, что и иные сокровища, как "ценности стеклянных ящиков", как "Кенигсбергский янтарь", случайно обнаруженный в подвалах Геттингенского университета, где-то лежат забытыми? Те, кто о них знал, — умерли, а ящики стоят? Сотни ящиков. Улавливаете?..

— Кстати, первый хранитель Янтарной комнаты Анатолий Михайлович Кучумов мне рассказывал, что, когда он в Кенигсберге работал в поисковой комиссии, всплыл такой факт. Некий капитан по фамилии Цирулин вывез

из-под Даркемена огромное количество картин и античной скульптуры, из замка "Кляйн-Байнунен", принадлежащего некоему Фарейхайдту, владельцу мельницы и домов в Даркемене. Все это было привезено в Кенигсберг, а потом... исчезло. И капитан, и его ящики! Искать надо, искать! И не только здесь, вы правы, Авенир Петрович, не только в бывшей Восточной Пруссии, нет, но и в России.

— Да, искать надо. — Авенир Петрович роется в папке и достает конверт из плотной бумаги с большой сургучной печатью. — Помните, Елена Евгеньевна Стороженко говорила о некоем очень важном документе, который она надеется отыскать? Он нашелся, этот документ.

Я притормаживаю, рассматриваю конверт. Взрослые, как дети, любят играть в тайны. На сургуче четкий оттиск. Орел и надпись по окружности по-немецки: "Восточная Пруссия. Тильзит. Таможня".

— Откуда это?

— Печать моя. Тоже находка. Вскроете вечером, тут документ, удивительная тайна, подтверждающий мысль о ПЯТОЙ ВЕРСИИ, о том, что нужен ВСЕОБЩИЙ, в масштабах всей нашей страны, поиск, да-да, не только в бывшей Восточной Пруссии, но и в Москве, Подмоскowie, Ленинграде, Минске, Киеве, Могилеве!.. До встречи, созвонимся, да?

...Лишь только начинается лето, в Калининграде появляется быстрый, резкий, торопливый, длинноногий поэт, бывший многие годы главным редактором журнала "Техника — молодежи", Василий Дмитриевич Захарченко. Лет тридцать пять тому назад на севере Камчатки в дымном, темном чуме оленевода Паши Кoenкова, склонясь к огню, я читал в затрепанном, засаленном журнале "Техника — молодежи" его острую, язвительную статью о новой выдумке зарубежных умников, о науке "кибернетике". Слово-то какое! Была глухая, морозная зима. Пурга заносила стойбище глубоким снегом. Я, в ту пору председатель Камчатского обкома физкультуры, уже третий месяц путешествовал на своих собаках по Камчатке: создавал в стойбищах коллективы физкультуры. Это было ужасно трудно. Люди, охотники и оленеводы, не понимали: какая физкультура? Зачем? Вот он, Паша Кoenков, он целый день бегают за олешками по тундре, зачем еще бегать? Соревноваться? Зачем соревноваться с Федькой Мухиным? Кто быстрее? А зачем? Бежать надо не быстро, а медленно и долго, очень долго... Дым ел

глаза. Паша Кoenков, выдув полбутылки спирта, спал на шкурах. Жена его, Маша, искала насекомых в черных, блестящих волосиках дочки, Анюшки, перебирала пальцами и острием ножа в ее головке, а я читал статью Захарченко и, конечно, соглашался с ним: да-да, разве машина заменит человеческий мозг? Разве робот заменит человека? Ну какой робот сможет пасти оленей или управлять, как я, восемью злыми, лохматыми собаками моей упряжки?..

А вот и он! Уже стоит у входа в гостиницу, тычет пальцем в циферблат часов. Что? Опоздал на три минуты? Иду-иду, машину только загоню на стоянку. Добрый день, когда едете, завтра? Как, уже сегодня, во второй половине? Поднимаемся в его номер. Комнатка завалена рюкзаками, зелеными ящиками, в которых, как я догадываюсь, лежат акваланги, маски, ласты. На столе папки, кипы бумаг, документов, стакан с остывшим чаем, фотоаппараты, коробки с киноплёнкой. От всего этого добра веет поездками, походами, какой-то интереснейшей, авантюрной экспедицией. Собственно говоря, именно в такую и отправляется Василий Дмитриевич Захарченко, как и мы, ищущий уже несколько лет Янтарную комнату, но только по своим маршрутам, по своим версиям.

— Итак, времени мало. Принесли? Что тут? Кратко, да?

— Вы просили документы о третьей, "шахтной" версии Георга Штайна. Я тут кое-что подготовил... Что? Да, да, и о четвертой, "заокеанской", кстати, обе эти версии как бы объединяются. В большой степени четвертая как бы продолжает третью, "шахтную". Итак, вот документы из архива Георга Штайна, кстати, не собираетесь ли вы туда, в Саксонию, податься, Василий Дмитриевич? Конечно, ничего не исключено, всякое может быть. Однако вот: "ЭВАКУАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ, лично проведенная генеральным директором д-ром ЗИГФРИДОМ РЮЛЕ, под кодовым наименованием "МУЗЕЙ ИМПЕРАТОРА ФРИДРИХА". Им были отправлены два транспорта из КЕНИГСБЕРГА... Содержание первого транспорта: коллекции монет, почтовых марок главной почтовой дирекции Кенигсберга и коллекция серебряных изделий гильдий и университета "Альбертина", отправленные в апреле 1944 года в Познань. Содержание второго транспорта: ЯНТАРНАЯ КОМНАТА, сначала доставлена в ОХОТНИЧИЙ ДОМ, близ г. ГАЛЛОВ, восточнее г. Штеттина... по железной дороге доставил упакованные грузы до г. БУХ севернее БЕРЛИНА (окраина). Там находился подземный железнодорожный вокзал, где наготове стояли специальные поезда

Гитлера, Геринга, Гимлера и других властелинов гибнущей империи. Оттуда транспорт вначале пошел в Веймар, где груз был складирован в "Тюрингском земельном музее"...

— И что дальше? Куда подевались все эти транспорты?

— Чувствую, что вам очень хочется добраться до саксонских калийных и прочих шахт, да? Вот что было дальше: "Между президентом Международного Красного Креста д-ром Карлом Якобом Бурхардтом и руководством СС, представленным Гимлером и Кальтенбруннером, было согласовано, что Международному Красному Кресту разрешается поставлять для заключенных концлагерей Тюрингии различное продовольствие. Около полутора миллионов посылок грузовиками было доставлено в Веймар. 10 апреля 1945 года группенфюрер СС д-р КАММЛЕР отобрал у Красного Креста два грузовика в Веймаре — Бухенвальде, и 10—11 и 11—12 апреля 1945 года на них были погружены сокровища искусств, ранее доставленные в "Тюрингский земельный музей". Ночью все это было вывезено в неизвестном направлении".

— Не удалось узнать, куда именно?

— Минутку. "Этот транспорт должен был быть направлен в Зальцкаммергут — Бад Аусзее, но этого сделать не удалось в связи с быстрым продвижением американских войск в направлении на Нюрнберг, и транспорт двинулся в северном направлении, к соляной шахте ГРА-СЛЕБЕН, принадлежавшей в ту пору Зальцдетфуртскому концерну, и груз транспорта под шифром "МУЗЕЙ ИМПЕРАТОРА ФРИДРИХА" был помещен, как указано в акте на захоронение, на глубине 430 метров в ОЧИСТНОМ ЗАБОЕ"... В документе указаны ценности из Кенигсберга и другие, доставленные 60 отдельными транспортами из разных частей Империи! Когда Граслебен был занят американцами, сокровища были обнаружены, изъяты из шахты и размещены в СКЛАДЕ ДЛЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВ ЗАМКА "ГЕРЦОГ-ШЛОССА" в ЦЕЛЛЕ, севернее Ганновера. Офицеры штаба 9-й армии США под командованием генерала Симпсона набрали себе в большом количестве произведения искусства и в спешном порядке вывезли по маршруту Бремерхафен — Англия — США, захватив вместе с другими ценностями и те, которые проходили под кодовым наименованием "Музей императора Фридриха". Вот так одна версия, "шахтная", переливается в другую — "заокеанскую"...

— М-да, слишком все это далеко уплыло! А что другие шахты? У меня есть уже целая папка документов

с шифром "Шахты", например, шахта "Дора", но, может, у Георга Штайна есть что-то новое, малоизвестное? Он очень интересовался соляными копиями "Виттекинд", что расположены недалеко от городка Фолльприхаузен. Ведь, кажется, именно с этой шахтой связан и текст радиограммы таинственного "Рингеля": "Объект размещен в Б. Ш."?

— У нас имеется рукопись материала, написанного Штайном для газеты "Ди Цайт", которую издает Марион Дёнхофф. В своем очерке Штайн пишет, что летом 1945 года британцы, оккупировавшие эту часть Германии, стали извлекать на поверхность сокровища, упрятанные в шахте "Виттекинд". Массу книг, архивы, документы. Два ящика янтаря из Кенигсберга, предметы из фарфорового сервиза, принадлежавшего Екатерине II, кстати, часть предметов оказалась и на руках местных жителей (этот сервиз хранился в Екатерининском дворце и был вывезен из города Пушкина вместе с Янтарной комнатой). В общем, много чего там добыли, в том числе и полтора десятка огромных ящиков, содержание которых неизвестно, одно можно сказать: там были ценнейшие произведения искусства! И, судя по рассказам тех, кто побывал внизу, на глубине 660 метров, эти ящики — лишь малая часть того, что там под землей осталось.

— А потом раздался страшный взрыв, так?

— В архиве, в папке "ДЕЛО № 20", вот как об этом говорится: "В ночь с 28 на 29 сентября 1945 года примерно в 1 ч 40 мин в шахте "ВИТТЕКИНД" в течение нескольких минут раздалось три взрыва, после чего из ствола шахты вырвалось остроконечное пламя высотой 35—60 метров... Надстройки шахты, а также находившиеся поблизости сооружения тотчас вспыхнули. 30 сентября... в 6 ч 15 мин произошли новые, весьма сильные взрывы с последующим извержением мощного столба земли, огня и обломков оборудования..."

— Диверсия?

— Несомненно. Вот что еще сообщается в этом документе: "По данным немецкого военного начальника, в лабиринтах шахты "Виттекинд" было размещено около 20—25 тысяч тонн боеприпасов различного назначения: снаряды, патроны, порох и т. д. Главный склад находился в горизонте шахты на глубине 540 метров. НА ЭТОМ ЖЕ ГОРИЗОНТЕ было размещено ОКОЛО 24 ВАГОНОВ ЦЕННЕЙШИХ ГРУЗОВ: библиотека университета г. Геттингена, старинные драгоценные предметы, архивы и различные документы, единственные в своем роде, а также собрания янтаря из Кенигсберга и другие ценности".

Какие? Как считает Штайн, кроме Янтарной комнаты или ее части — три ценнейших коллекции серебра из Кенигсберга. Это — столовое серебро кенигсбергского цеха ремесленников, книги "Серебряной библиотеки" герцога Альбрехта и серебряный сервиз, подаренный кенигсбергскому университету.

— Но откуда в шахтах оказались боеприпасы?

— Боеприпасы стали поступать в шахты с января 1936 года. Готовилась большая война, и вермахт заготавливал снаряды и патроны впрок. В августе 1938 года шахты были полностью забиты боеприпасами.

— Итак, то, что сохранилось, уплыло за океан?— Уплыло многое. Но не только из шахт. Совсем недавно нам из Мюнхена сообщили. В редакцию баварского телевидения после передачи "Поиски Янтарной комнаты" позвонил человек и, не называя себя, сообщил о следующем, Янтарная комната, упакованная в 26 ящиков, каждый из которых длиной 4 метра, 22—23 марта 1945 года была погружена на судно "ПРИНЦ ЕВГЕНИЙ". 20 апреля 1945 года это судно пришло в Копенгаген. 26 мая того же года англичане перегрузили с этого судна все ящики на английское судно "КУТТЕР", а 5 января 1946 года все ящики в порту Бремерхафен, на пирсе "Колумбус", были переданы американцам. Между 5 и 10 января 1946 года они были погружены на американское военное судно и отправлены в США. Эта акция под названием "ОРИГИНАЛОРДЕР" проводилась под руководством американского офицера по фамилии "Гуендер" или "Груендер"...

— Отвратительные версии. И "шахтная", и "заокеанская"! — озабоченно говорит Василий Дмитриевич. Встает, быстро ходит по комнате, что-то берет со стола, садится на койку, обхватывает длинными руками острые колени.— Янтарь под огромным слоем земли! Немцы после войны не пытались там копать?

— Были такие намерения. В одном из документов Штайн пишет, что "все эти работы отложены в связи с оккупацией советскими войсками Афганистана". Да, противные версии, но это всего лишь версии!

— Все заграбастали, увезли, потом — взорвали!.. Ведь вполне возможно, что из шахт вывезено абсолютно все!

— Да нет, не все. Вот некий д-р Ганс Шнайдер пишет Георгу Штайну: "Мой поиск захоронений в ШАХТЕ "МАРИЯГЛЮК" дал положительные результаты: захороненные в шахте ценности были нами изъяты!" И вот что пишет Штайн графине Дёнхофф: "...Окупационные

власти США в 1945 году создали т. н. СБОРНЫЕ СКЛАДЫ... В МЮНХЕНЕ — главный сборный склад, в НЮРНБЕРГЕ — филиал. Британцы собирали бесхозные сокровища искусства на сборный склад в ГОСЛАРЕ. 2. Многие ценности были возвращены их владельцам на Западе и Востоке, но многое осталось как бесхозное имущество на складах Мюнхена, Нюрнберга и Гослара. 3. В середине 50-х годов был заключен т. н. Долговой договор в Лондоне, возместивший ущерб в результате утери ценностей культуры союзникам на Западе. По этому договору, например, Нидерланды получили 450 миллионов западных марок. Франция — около 600 миллионов. В дополнительном секретном протоколе к этому соглашению было установлено, что претензии восточных государств на исчезнувшие ценности не могут быть пока удовлетворены, впредь до заключения соответствующих договоров... После ратификации лондонского соглашения находившиеся на сборных складах сокровища были выставлены в Висбадене, однако на выставке было очень мало специалистов, а представители Восточного блока... **ВООБЩЕ НЕ БЫЛИ ИЗВЕЩЕНЫ** об этой выставке". Выходит, что, во-первых, СССР не принимал официального участия в розыске своих сокровищ, так как не участвовал в работе Долгового договора в Лондоне? Наша страна не подписала каких-то "соответствующих" договоров по розыску и возвращению сокровищ, но почему? Может быть, потому, что и мы увезли в свою страну не так уж мало сокровищ, в том числе и немецких, и, возвратив картины Дрезденской галереи, что-то не возвратили? Как вам это нравится?

— Мне это все не нравится. Столько тайн. В том числе и дипломатических... И не нравятся обе эти версии: "шахтная" и "заокеанская", — повторяет Василий Дмитриевич и вновь вскакивает, ходит, взъерошивает свою седеющую шевелюру. — Что? Ах, да. Мне эти версии активно не нравятся потому, что я, вернее, мы, вся наша экспедиция, уверены, что Янтарная комната никуда не уплыла и не попала в те или иные шахты, что она находится совсем недалеко... на дне залива Фришес-Гафф! Ее утопил младший лейтенант, командир взвода "тридцать четверок", ныне майор в отставке, Дмитрий Ефимович Груба... — Садится, опять сцепляет руки на коленях. — Да, такая вот история, а вы — "шахты", "моря-океаны"! Янтарная комната из Кенигсберга уезжала в Германию в обозе, в санях. Это произошло, как отлично помнит бывший танкист, в 8 километрах от

местечка Толкимед, сейчас это называется Тольмицко. Танки Димы Грубы выкатились на берег залива Фришес-Гафф, и танкисты увидели, как по льду, в направлении косы Фрише-Нерунг, движется обоз, пять-шесть саней, в каждой упряжке по два коня. И охрана. В Данциг удирают. "Ишь, как драпают! — сказал наш юный танковый командир и приказал: — А ну, ребята, огонь по гадам!" И из трех танков врезали прямой наводкой по пятнадцать снарядов. Обоз и лошади ушли на дно, но почти все, кто сопровождал обоз, человек 40, уцелели. И среди них — один гражданский тип. Когда его привели в чувство, то он на ломаном русском языке сказал Дмитрию Грубе: "Знаете ли вы, что утопили?! Бернштайнциммер! Янтарную комнату из вашего Екатерининского дворца!" Конечно, молодой лейтенант ничего не знал про эту комнату, но тот немец ему все разъяснил и потом, чтобы подтвердить свои слова, предложил отправиться совсем недалеко, в местечко Кадыны, бывшее, как он сказал, имение прусского принца Людвига Фердинанда, внука кайзера Вильгельма II. И вот там, в поместье, немец провел танкистов в подвал, в небольшую комнату и сказал: "Тут ломайте". Ребята сломали стенку и... обнаружили тайник, где стояли два огромных ящика...

— Янтарь? Часть Янтарной комнаты?

— Танкисты взломали ящики, в них оказались великолепные хрустальные, с бронзовыми орлами, люстры, а также зеркала и разная бронзовая и хрустальная утварь. "Это вот все, что осталось от Янтарной комнаты, — сказал немец. — Она хранилась тут же. Панели и прочие янтарные украшения погрузили на сани. Почему на сани? Лед тонкий, машины бы провалились. Теперь все это — на дне залива". Вот, собственно говоря, и все. Отставной майор писал об этом во все инстанции. Кстати, и начальнику вашей калининградской археологической экспедиции Елене Евгеньевне Стороженко. Вы сейчас куда? Мне — в облизполком, подкиньте, хорошо?

Да-да, хорошо. Захарченко идет в соседнюю комнату, громко там разговаривает о машинах, о каких-то грузах, которые еще не прибыли. Значит, не сегодня, а лишь завтра утром они все уезжают в Польшу, послезавтра они уже должны начать первые погружения в мутные воды залива. Работать там трудно. Дно сильно заилено. Кстати, там еще и "золотой самолет" где-то лежит, эта их вторая, запасная версия. Транспортный "дорнье". Он вывозил из Кенигсберга сокровища государственного банка, но был сбит нашими истребителями над заливом

Фришес-Гафф. Поехали? Время не ждет...

...Да, время не ждет! Сколько сейчас? Через 40 минут мне предстоит встретиться с Федей Рыбиным на кладбище, но прежде я отправлюсь к форту "Луиза", к которому в апреле сорок пятого года со стороны местечка Шарлоттенбург выкатились батальоны и полки дивизии, в которой служил мой отец.

Фактически бой за город уже был закончен, лишь где-то в его глубине порой раздавалась беспорядочная стрельба и тяжкие, раскатистые взрывы. Я не знаю, куда двигалась наша войсковая часть, да и какое это имеет значение? Я — с отцом. С автоматом, а не с лопатой. В "виллисе"! С весельчаком и отчаянным парнем Федей Рыбиным и этой милой девушкой, Людой. Ее плотное, горячее бедро будто жжет мой бок. Весна, яркий солнечный день. В той стороне, где Кенигсберг, вздымается в небо огромное буро-красное облако и время от времени то утихающий, то разрастающийся рокот доносится, "может, повезет,— думаю я,— мы и в бою поучаствуем"... Но что там за остановка? Какой там форт? Будем брать? Что, он еще вчера взят нашими? Черт, такая досада, дело тут уже сделано! А бой тут уже давно окончился. Гарнизон сдался. Над красными приземистыми постройками форта медленно поднимались клубы черного, отвратительно пахнущего жженной резиной и мясом дыма. Возле одной из стен форта лежали убитые его защитники. Санитары из "фольксштурма", двое пожилых, темнолицых мужчин в длинных шинелях, и парнишка лет четырнадцати в ладно сидящем комбинезоне и кепи, белоголовый и светлоглазый, выносили из внутреннего дворика форта убитых и складывали их рядами. Высокий капрал в каске и черном, застегнутом до самого верха блестящем плаще медленно бродил вдоль мертвецов. Останавливался, приседал, шурша прорезиненным плащом, и что-то делал с ними, вначале я и не понял, что же именно и что это за тяжелый мешок у него в руке? Зачем в другой руке нож, вернее, характерный кинжал, на широком лезвии которого, как известно, выгравировано "Аллес фюр Дойчланд"?

Было тепло и солнечно. Кажется, это был самый первый по-настоящему апрельский день. Мой отец разговаривал с командиром батальона, который, видимо, командовал штурмом форта, и записывал что-то, положив планшет на капот "виллиса", наверное, фамилии отличившихся в бою. Федя о чем-то шептался с Людкой,

приникал к ее плечу, шофер, ухмыляясь, пинал покрышки "виллиса", капрал, за которым я следил с интересом, двигался вдоль мертвых в похрустывающем плаще.

Уточка, свистя крыльями, вдруг пролетела надо рвом, который окружал форт, и спустилась на воду. Капрал поднял свою железную голову, поглядел на нее, а потом присел над убитым. Я подошел ближе и увидел, что капрал раскрывает кинжалом убитому рот. Вот нажал посильнее, и рот, как-то механически скрипнув нижней челюстью, распахнулся, синий язык вывалился. Капрал воткнул кинжал в землю и, расстегнув у убитого куртку, стал шарить рукой на теле. Глянул в мою сторону и, хмуро усмехнувшись, вытянул бечевку, на которой болталась округлая, прорезанная посередине узкой щелью бирка, "собачий жетон". На этом жетоне, который имелся у каждого немецкого солдата, выбито его имя, фамилия и воинская часть, где он служит. Взяв кинжал, капрал перерезал бечевку и разломил бирку пополам. Одну половинку он сунул в свой тяжелый брезентовый мешок, вторую — в разинутый рот мертвеца. Слегка ударил рукой по подбородку, и убитый гренадер "закусил" жетон. С этим жетоном он и отправится в могилу...

Четверо немецких саперов и один наш, все с миноискателями, прошли по мостику через ров в глубину форта. Фольксштурмовцы приволокли еще одного убитого, один нес под мышкой его оторванную ногу, положил рядом, они о чем-то поговорили с капралом. Тот выслушал, кивнул тяжелой головой и махнул рукой, мол, идите куда хотите. Усатый старшина, попыхивая сигаркой, направился к капралу. Лицо у него было красное, шапка сдвинута на затылок, к перекосившемуся ремню подвешены четыре немецкие фляги, видимо со шнапсом. Фольксштурмовцы прошли мимо меня, следом и парнишка в комбинезоне. Я поглядел в его лицо. Это был не парнишка, а девушка. Мне запомнился пестрый платочек, повязанный на шее, и серое от грязи, с белыми, промытыми слезами дорожками лицо. Мы встретились глазами. Ее взгляд был туманным, холодным, мертвым. Взгляд куда-то сквозь меня, войну, весну, смерть и жизнь.

Кaprал и старшина о чем-то спорили, потом замолкли, постояли, капрал протянул старшине мешок с бирками, а тот пожал плечами: "На кой он мне?" Капрал осмотрелся, глянул на убитых и, размахнувшись, швырнул мешок в воду. Наверно, он и сейчас лежит там. Груда

бирок с чьими-то именами и фамилиями. Старшина протянул капралу флягу. Шофер засигналил: пора ехать. Я подошел к капралу, он сразу понял, что я хочу, помедлив немного, отдал мне кинжал, сунув его в ножны.

А потом мы поехали по Рингхаусс, старой окружной дороге, и снова остановились возле сложенной из массивных камней кирпичи, про которую Федя, нагнувшись над плечом отца, сказал: "Это Юдиттен, товарищ полковник. Отсюда до въезда в город с полкилометра".

Часы на башне кирпичи показывали полдень. Возле ее стен громоздились гробы. Из кирпичи тяжело и раскатисто доносились звуки органа. Людка, подтянувшись к отцу, что-то зашептала ему. "Давай к кирхе", — сказал отец шоферу, и тот, усмехнувшись, лихо крутнул руль. Отец сказал: "Разминка. Пять минут". И вылез из машины. Вся колонна продолжала движение, лишь один "доджик" с автоматчиками остался с нами, бойцы закуривали, выпрыгивали на землю, осматривались. Людка порылась в своей санитарной сумке и, выскочив из "виллиса", побежала в глубину обширного кладбища, примыкавшего к кирхе. "Наша девочка захотела писать, — сказал мне Федя и, громко, отцу: — Я в охранение, товарищ полковник", но отец показал ему кулак, и Федя засмеялся, закинул автомат на плечо, сказал: "А ну как пропадет?"

Сняв фуражку, отец вошел в кирху, я последовал за ним. И будто окунулся в тяжкие звуки музыки, сладковатые запахи. Столбы солнечного света врывались в узкие окна, они были синими от дыма свечей, горящих повсюду...

...Ставлю "жигуленок" возле бывшей кирпичи, ныне православной церкви, осматриваюсь. Сияют стекла в узких, стрельчатых окнах. Мощная, из огромных камней, кладка стен. Крутая медная, еще не позеленевшая крыша, высокая башня с золотым крестом, вымощенный брусчаткой двор. Трудно поверить, что совсем недавно тут были лишь голые, полуобрушившиеся стены, обломок башни да груды мусора... Люди строят, украшают... Люди разрушают. И снова строят... Люди-созидатели и люди-разрушители! Зачем? Почему? Из раскрытых дверей доносится пение. Сняв берет, вхожу внутрь. Свечи горят, иконы, пожилые и совсем юные лица, сладковатый и приторный запах, шепоты, вздохи... Отец Аркадий, член правления нашего Фонда культуры, сменивший отца Анатолия, который когда-то начинал тут строительство,

кивает мне. Я ему: да-да, я подожду, да вот и хорошо, что служба уже заканчивается. Поговорив с верующими, отец Аркадий направляется ко мне, и яжимаю его мягкую руку: "Владыка Кирилл готов поговорить с вами", — слышу я его голос и иду следом по крутой лестнице в башне в уютную, с узкими окнами комнатку, где стоят стол, диван и два кресла. В одном из них сидит чернородый владыка Кирилл, архиепископ Смоленский и Калининградский, крупный церковный дипломат.

— Мы готовы поддержать идею Фонда культуры о восстановлении захоронений великих кенигсбержцев, некогда похороненных возле кирхи Юдиттен, — говорит он. — В частности, скульптора Станислава Кауера. И мы готовы обдумать сооружение памятника всем русским воинам, павшим в сражении на землях Восточной Пруссии под Грос-Егерсдорфом, Фридландом и Прейсиш-Эйлау в 1914 году... — Взгляд у владыки прямой, твердый, голос уверенный. Говорят, что его ждет большое будущее. Вглядываясь в это умное, доброжелательное лицо, я вспоминаю несчастного Штайна, все то, что произошло с ним. Как же могло такое случиться? Но... но, может, и церкви нужна перестройка?.. — В области сейчас создается 11 новых приходов, а это значит — и восстановление 11 старых церковных зданий. Приходы возьмут под свою опеку и духовную заботу захоронения как русских, так и немецких воинов, а также и советских павших в минувшую войну. И усилиями Русской православной церкви и евангелических церквей ФРГ и ГДР изыскиваются возможности восстановления Кафедрального собора... После того как храм этот будет возведен, он должен стать местом встречи двух народов — символом примирения русских и немцев, Советского Союза и Германии. Собор станет местом паломничества, совместных миротворческих акций, встреч, размышлений... Фонд поддержит эту идею? Спасибо. Так бы хотелось, чтобы древние стены собора вновь ожили, наполнились новой духовной жизнью.

В окно виден шпиль бывшей кирхи Луизы с Золотой птицей вместо креста, а там — Золотая лира на шпилье бывшей кирхи Святого семейства, а чуть дальше — позеленевший от времени крест на одной из башен Крестовой кирхи, которая теперь именуется православной Крестовоздвиженской церковью. Птица, лира и крест. Прошрое и настоящее. Духовное и светское...

...Они были синими от дыма свечей, горящих повсюду. И тут были гробы! Множество, плотно пододвинутые один к другому. Одни раскрытые, другие уже заколоченные. Я споткнулся об один, присмотрелся: армейский офицер, кажется, майор, в парадном мундире, со скрещенными руками в черных кожаных перчатках, лежал, уставясь острым восковым носом в темные своды кирпичи... Шорохи, всхлипывания, звуки органа. Огромная картина на стене. Два рыцаря, а между ними женщина в белом. Многие годы спустя я узнал, что эти рыцари — два фельдмаршала, сменившие один другого коменданты Кенигсберга, причем один из них — Ганс фон Левальд, командовавший прусскими войсками под Грос-Егерсдорфом, а женщина в белом — Агнесса Буддерброк, дочь тоже фельдмаршала, жена и того, и другого, пережившая обоих и после их смерти заказавшая эту картину.

Федя тронул меня за плечо, и мы вышли из кирпичи. Солдаты давили каблуками окурки и забирались в кузов "доджика", шофер что было силы дергал двумя руками бампер "виллиса", будто хотел оторвать его, отец курил с недовольным лицом, нервничал, но вот и Людка бежит, улыбается, смущенно что-то стряхивает рукой со своей короткой черной юбки...

Однако пора. Я уже опаздываю, а Федя этого не любит. По проспекту Победы, бывшей Юдиттер Аллее, подъезжаю к "Старому городскому кладбищу", бывшему "Второму Луизенхоф", ставлю машину и быстро иду по аллейке. Федор, Людмила Петровна и Вадим, сын Людмилы, уже тут. Федор сгребает мусор, Людмила моет гранитный надмогильный камень, Вадим складывает гнилые листья в пластмассовое ведро. Федор кивает: привет, гвардия! Людмила целует меня в щеку, внимательно глядит в мое лицо, проводит рукой по моим седым волосам, что-то больно и сладостно сжимает мне горло... Вадим пожимает мне руку, усмехается, уходит с ведром. Работаем молча, хотя какая тут особенная работа? Вот и все. Плотно садимся на скамью. Молча глядим на камень, под которым лежат мой и Вадима отец, моя мама. Людка родила мальчика зимой сорок пятого и ушла от моего отца к Феде, а весной с Урала приехала моя мать, которую я настойчиво разыскивал, рассылая открытки-запросы в разные города страны.

— Помянем рабов божьих Николая и Татьяну, — говорит Федор, разливая в стаканы.

— Нет-нет, мне не надо, я за рулем. Хотя, ладно, тут до дома 500 метров, не волнуйтесь, как-нибудь догребу...

Федя погрузнел, постарел, уже на пенсии. И Людмилу годы не пощадили, но сохранили фигуру, лицо ее еще и сейчас притягивает к себе взгляд. Не снимая черных перчаток, Федя вытаскивает из пузатого портфеля свертки с закуской.

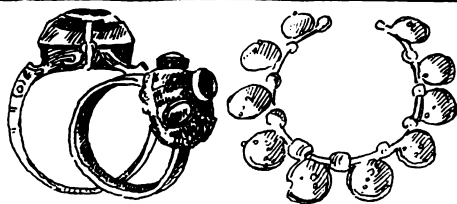
— Помянем, гвардия, нашего Николая Александровича и Татьяну Ильиничну. Пусть земля им будет прахом.

— Не прахом, Федя, а пухом, — поправляет его Людмила. Вздыхает, поворачивается: — Как твои? — Она вновь долго глядит в мое лицо. — Господи, неужели все это было? Тот весенний, помнишь, у форта, день, да и другие дни нашей молодости?

Черный дрозд, изящно покачивая длинным хвостом, звонко перекликается с другим, таящимся где-то в глубине кладбища. Федя, слегка отворачясь, стаскивает перчатки с рук. Они у него белые, морщинистые, влажные, как руки утопленника. Те, майорские перчатки протравили кожу его рук трупным ядом, кожа теперь, как он говорит, не может "укрепиться", чуть тронешь, сползает клочьями. Прячет от людей свои руки. Всю жизнь в перчатках.

Что, гвардеец? Еще? Нет, мне хватит. Да, земля примет всех... Этот красноватый гранит мы покупали в складчину тут же, на кладбище, в небольшой каменотесной мастерской. "Новый? — спросил я мрачного каменщика, отсчитывая деньги. — Не ворованный?" — "Естественно, — ответил каменотес и добавил: — В смысле — новый. Не видите, что ли?" И провел черной рукой по тщательно отполированному камню. Ранней зимой, когда погода стоит влажная и морозная, камень покрывается легким мохнатым инеем. Его нет лишь в том месте, где когда-то была другая надпись. Буквы, угловатые, готического шрифта, проступают: "СПИ СПОКОЙНО, НАШ ДОРОГОЙ ОТЕЦ"...

В Страстную пятницу. Пятая версия

Что нынче за зима! Февраль, время морозных метелей, а в моем небольшом саду под окнами дома подснежники уже зацвели, набухли почки яблони "Старая Анна", две сороки, покачивая длинными хвостами, суетятся в ветках груши, подправляют прошлогоднее гнездо. Что-то неладное творится в природе, может быть, не только над Антарктикой, но и над Европой прохудился озоновый слой, невидимые космические лучи потоком льются на нас, и на планете становится теплее? Что происходит с людьми, со всеми нами? Погромы, убийства, тысячи беженцев... Что же нас всех ждет завтра? К какой черте мы идем? На кого из нас Ангел Смерти вот-вот направит свой перст, произнеся: "Этот — мой"?

..."Этот — мой", — сказал Ангел Смерти, направив свой перст на Альфреда Роде, и тот умер в разрушенном, заснеженном и загаженном Кенигсберге. Умер, унеся с собой в иной мир все, что знал о Янтарной комнате, сокровищах Украины, Белоруссии и Прибалтики. И Ханс Поссе ушел из жизни, не разжав рта, не прошептав, когда ощутил ледяной холод Смерти на своем лице: "Скорее, ко мне, я сообщу вам, где находится..." О, Поссе, великий знаток искусства! "Когда однажды Гитлер с гордостью показывал Поссе свою, собранную им лично коллекцию картин любимой им Мюнхенской школы, Поссе сказал, что все это вовсе не имеет ценности, нет-нет, не тот уровень, это совершенно никуда не годится!" Так в своих мемуарах пишет личный архитектор Гитлера. Жадный и далеко не такой уж и великий знаток искусства, каким себя мнил, фюрер "греб" к себе все, что, по мнению Поссе, было далеко не лучшим из того, что можно было иметь, обладая такими возможностями, осуществляя такую колоссальную идею, как создание "Музея

народов" в Линце! Из 270 картин коллекции фюрера Поссе отобрал для музея в Линце лишь 122, а 57, решил Поссе, можно отправить в венские музеи. Гитлер заупрямился и включил в число картин для своей галереи еще двадцать, мотивируя это тем, что в Вене и так вполне достаточно картин. Ах, Адольф, что эти двадцать картин, когда Ханс Поссе, активнейший деятель "Операции Линц", всего за два с половиной года своей кипучей деятельности собрал для "Музея народов", фактически — музея фюрера, более 5 тысяч редчайших и ценнейших, а порой и просто бесценных произведений искусства.

Он умер, а работа "Операция Линц" ширилась, разрасталась. "Айнзатцштаб" Розенберга не давал спать своим подчиненным, и они напряженно работали, изыскивали, отыскивали, добывали. Как и другие малые и большие штабы различных германских государственных, партийных и военных ведомств.

"...Рейх обезопасил сокровища, имеющие мировую ценность...— докладывает в высшие правительственные инстанции некто Роберт Шольц, "составитель отчетов", руководитель зондерштаба живописного и изобразительного искусства, в отчете за период с октября 1940 по июль 1944 года.— За время свершения этой акции по изобразительному искусству Айнзатцштабом были найдены и учтены в западных областях 203 места складирования с 21 903 различными предметами искусств... За период с марта 1941 года до июля 1944 года зондерштаб доставил в рейх 29 больших транспортов общим числом 4174 ящика". Транспорты с Запада! А с Востока? И с Востока шли и шли в рейх транспорты со "спасенными сокровищами". "В ходе освобождения областей от русских были собраны сотни дорогостоящих русских икон, несколько сотен полотен русской живописи XVIII и XIX веков... предметы мебели, быта из поместий... бесчисленные коллекции, помогающие составить представление о советской системе отношения к искусству... Все это было собрано и увезено в горные местности рейха для сбережения. 25 папок с особо ценной живописью, собранной на Западе, были переданы фюреру 20 апреля 1943 года (подарочек к дню рождения! Наворованное — в дар любимому вождю. — Ю. И.)... Полный отчет о работе составит ДЕСЯТЬ ТОМОВ..."

Неизвестно, что стало с "Составителем отчетов" "Особого штаба" Робертом Шольцем, успел ли он завершить свой титанический труд, этакое фантастическое "собрание сочинений" из десяти томов, как неизвестна и судьба многих больших и маленьких германских расхитителей исторических

и культурных сокровищ, но известно, что Ангел Смерти взмахнул над Хансом Поссе своими черными крыльями 7 декабря 1942 года, в самый разгар "Операции Линц", и великий добытчик сокровищ, оставивший после себя разоренные музеи, архивы и галереи на Западе и Востоке, закрывает навсегда свой узкогубый рот, из которого столько тысяч раз как пароль, как приказ вылетало лишь одно слово: "Линц, Линц, Линц!" "Все эти сокровища были свезены в 6 горных местностей рейха, там осторожно распакованы и помещены с соблюдением всех нужных правил длительного хранения..." — пишет в своем отчете Роберт Шольц. "Шесть горных местностей рейха"! Где конкретно? Среди тех немногих, кто знал, был и Ханс Поссе, но, умирая, он не произнес: "Скорее, карту, бумагу — я скажу: г д е". Но тем не менее и не унес тайну с собой, а оставил в этом, живом мире. Незадолго до смерти он передал в рейхсканцелярию обергруппенфюреру СС доктору Гансу Леммерсу ценнейший документ: списки секретных тайников и бункеров, расположенных в отдаленных, глухих местах Германии и Австрийских Альп. И еще один документ остался от Поссе — записная книжка с важнейшими сведениями о расхищенных и сокрытых сокровищах: с к о л ь - к о , к о г д а и, самое важное — г д е теперь все это. Не так давно стало известно, что пухлая, исписанная мельчайшим почерком книжечка Поссе хранится в одном из архивов Западной Германии, но, по завещанию умершего, срок прочтения ее еще не настал. Настанет ли? Будут ли обнародованы списки сокровищ и места, где они запрятаны? Окажутся ли в тех списках и наши сокровища, картины, скульптуры, мебель, церковная утварь, вывезенная из России, Белоруссии, Прибалтики, с Украины? И что же, мы получим свое? Помните, ведь мы не подписали Долговой договор в Лондоне, и представителей нашей страны не пригласили на выставку бесхозных, "невостребованных" сокровищ культуры в Висбадене...

Полночь. "Бам-м-м... бам-м-м-м", — доносится издали. Колокола церкви Николы Угодника, бывшей кирхи Юдиттен, сзывают православных на службу. Православная церковь, немецкие колокола... Значит, дует юго-западный ветер, по-морскому зюйд-вест, именно он доносит звон колоколов не только до моего, но и до дома на улице Шиллера, где до глубокой ночи ходит из угла в угол бывший председатель горсовета Виктор Васильевич Денисов, человек дела, творец, сохранивший городу многие исторические здания и главное, вернее — наиболее ценное: Кафедральный собор. Как было обещано героем "Малой земли", по его возвращении в Москву собор оказался вычеркнутым

из списков особо ценных, охраняемых государством памятников архитектуры. "Ломай собор! — требовал "главный хозяин". — "Сам" приказал тебе, что, головы своей не жалко?" "Сломали собор? — спрашивал Денисова зампред Совмина СССР и, листая настольный календарь, тыкал в одну из страничек: — Вот я тут записал, когда мне это указание дал Леонид Ильич. Кирпич? Цемент? Когда сломаешь, тогда и получишь, что просишь. Кант? Подумаешь: Кант! Леонид Ильич дал указание, а ты — Кант?!" Не сломал. И не только не сломал, но и провел огромные работы по консервации стен, и уже начаты были работы по восстановлению башни, но... но Денисов был "преждевременным человеком", он был личностью, он возвышался над всеми, кто руководил областью, и, хотя тот "главный хозяин" ушел, сменивший его новый первый секретарь обкома выпроводил строптивного мэра на пенсию. Денисов успел все же восстановить здание бывшей кирхи Святого семейства, невероятными усилиями умудрился добиться строительства органа и услышать Иоганна Себастьяна Баха в исполнении Гарри Гротберга. И успел подвести под крышу бывшее здание "Штадтхалле", но огромную, с десятком залов картинную галерею открывали без него. Новый мэр города, воздев над головой руки с символическим ключом, говорил о том, что "мы построили это замечательное здание, мы открываем его сегодня...". Я все ждал, когда же он скажет, кто именно осуществлял эту фантастическую акцию, кто боролся в верхах и низах, изыскивал деньги, воевал с банком, отбивался от многочисленных инспекций, хитрил и водил за нос ревизоров, скрывая, что тут будет картинная галерея, а не склады и магазины (таким было "прикрытие"), но новый мэр так и не вспомнил о Денисове, преподнеся этот замечательный дар городу как бы от своего имени. Печально, не правда ли?

Однако что же таится в конверте с печатью тильзитской таможни? Хотя, минутку. Есть еще несколько документов из архива Георга Штайна и пятэк писем. Жаль, ничего нет от Вальтера Мюллера. Последнее его письмо было нервным, раздраженным. Я послал ему приглашение, и он получил его, но где-то какие-то службы не давали хода документам, он никак не мог оформить визу для поездки в Калининград. "Я в отчаянии, не сплю ночами. В моей голове одна и та же мысль: как побывать в моем родном городе, в доме, где я родился и жил? Знаете: решил — не дадут визу, буду пробираться в Кенигсберг тайком. Миную все границы, преодолею контрольно-следовую полосу и позвоню в дверь..."

Так, что тут? Господи, опять Рингель. "Дорогой господин Семенов! Хочу поделиться с Вами следующими соображениями... 3. Ходят слухи, что человек, носивший имя "Отто Рингель", из Кенигсберга передислоцировался в Гера, что в Тюрингии, оттуда до Услара и Геттингена не так уж и далеко! 4. Поскольку "Виттекинд" была взорвана примерно в то же время, когда погиб доктор Роде, то нельзя ли допустить, что и в первом, и во втором случае определенную роль сыграл "Отто Рингель"? *С дружеским приветом — Ваш Георг Штайн*". А вот листок, весь исписанный ужасным, повалившимся в одну сторону частоколом строчек, рукой Штайна: "Искать! Искать! Искать!" И: "Рингель! Рингель!!" и еще раз — "Отто Рингель"... Но почему "Отто"? Ведь в той же книге "Янтарная комната", где несколько страниц посвящено Рингелю, указывается, что его имя не "Отто", а "Георг", вот его телеграмма: "В Главное управление имперской безопасности. Приказ выполнен. Акция Янтарной комнаты окончена. Входы, согласно предписанию, замаскированы. Взрыв дал нужные результаты. *Георг Рингель*". Штайн не имел книги Ерашова и Дмитриева? Так и не разобрался, что "Рингель" — придуманная фамилия? И в той телеграмме, которую Елена Евгеньевна Стороженко переслала ему, он неправильно расшифровал "Б.Ш.", переводя это либо как "Биер-Шенбуш" — один из пивных заводов в пригороде Кенигсберга Понарте, то как "Бернштайнциммер-Шахты"? Ведь в телеграмме-то, текст которой приводился в книге, не русская буква "Ш", а цифра "III", похожая на букву "Ш", и этот шифр, возможно, означал совсем другое, а именно "БУНКЕР III"? Номер бункера либо те стеллажи, номер "III", о которых упоминается в документах Роде; может, тот бункер, который Роде показывал Брюсову?

Запутался Георг Штайн или его запутали? В 1959 году в редакцию журнала "Фрайе вельт", который опубликовал несколько очерков о поиске Янтарной комнаты, обратился некий Рудольф Вист, сообщивший, что Рингель, о котором идет речь в очерках и книгах, это его отец Густав Георг Вист, оберштурмбанфюрер СС, друг Эриха Коха, выполнявший его ответственные задания по сокрытию похищенных в СССР сокровищ, в том числе и Янтарной комнаты. Он отыскал его записную книжку с текстом некоторых радиogramм, в том числе и приведенных выше. Рудольф Вист побывал в Калининграде и, как и Герхард Штраус, пытался отыскать таинственный бункер, а когда уезжал, просил не называть его настоящей фамилии. Так и появился на свет "Рингель" вместо Виста, но... но Георг Штайн отыскал все же подлинного Рингеля! Вот его, Штайна,

сообщение, отправленное одному из друзей: "Георг Рингель найден! На днях я получил его ЛИЧНОЕ ДЕЛО из одного мюнхенского архива. Все очень кратко. Родился в 1905 году в Кенигсберге. Занимал различные должности. В 1933 году вступил в нацистскую партию и в 1937 году возглавил районную партийную организацию НСДАП. Далее — служба в СА и СД, выполнял ответственные задания Главного имперского управления безопасности. Последнее звание — оберштурмбанфюрер СС. В январе-феврале 1945 года после выполнения ответственного задания пробился через фронт на Запад. Умер в 1947 году. *Ваш Георг Штайн*".

Замечательно то, что Штайн сам нашел этого "Отто-Георга Рингеля", у которого такая же фамилия, как и вымышленная фамилия в книге, и абсолютно такая же биография, в том числе год рождения и год смерти, как и у подлинного оберштурмбанфюрера Густава Георга Виста! Что это? Удивительное, просто невероятное совпадение вымысла и подлинности? Или... или мистификация самого Георга Штайна, его собственная фантазия? Да, это все замечательно... А когда Елена Евгеньевна Стороженко почувствовала, что Георг Штайн путается, принимает вымышленного героя за подлинного, и обратилась в соответствующие инстанции с просьбой дать разъяснения (вся переписка шла через те инстанции. — Ю. И.), то ей в верхах сказали: "Путается? Запрещаем давать какие-либо разъяснения". Но почему? Это еще одна "великая" и крайне неприятная тайна.

"Искать! Надо искать, нельзя отчаиваться, опускать руки!" Листаю объемистый труд Георга Штайна "Материалы о вероятных местах захоронения ценностей, похищенных фашистами", это его своеобразное "Завещание", и будто слышу его взволнованный, несколько невнятный, хриплый (болезнь горла) голос: "Круг 5, пункт 9. Здесь надо искать возможные захоронения ценностей штабов СС... Искать в бункерах-складах системы оборонительных позиций, примыкающих к берегу залива восточнее Кранца, тут могут быть захоронены произведения искусств и различные ценности"... "Искать в имении и замке "Кармиттен", возможны отдельные захоронения СС"... "Форт Кведнау был назван несколькими свидетелями как МЕСТО ЗАХОРОНЕНИЯ ЯНТАРНОЙ КОМНАТЫ! Тщательно искать!"... "Искать в сводчатых помещениях "Мюленганге" ("Мельничный постав"), "Нахтигальштиг" ("Соловьиный подъем"), "Катценштиг" ("Кошачий подъем")"... "Карта № 1187. Особое внимание обратить на Куменен с замечательной церковью ордена, здесь возможны захоронения,

произведенные штабом Розенберга. Как сказано в радиограмме, большой нацист Даргель, друг Коха, конфисковал склады Розенберга с ценностями из орденового замка "Ин-стербург", собранные здесь". "Карта №1186. Искать в имении "Берзникен", где по приказу полковника проф. д-ра Штенгера были захоронены ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУС-СТВА, вывезенные из Белоруссии".

Искать, надо искать! Надо обследовать сотни пунктов, но как, какими силами, что можно сделать при помощи наших слабых, лишенных государственных дотаций и штатных поисковиков экспедиций? Но почему, почему все же государство наше не считает нужным серьезно и крупно организовать поисковую работу?..

Мелодичный бой судовых часов. Ступенька скрипит. Бандик, внук и одновременно муж своей бабки и одновременно жены Габби, спит рядом с ней на диване. Между ними упругими, горячими комочками спят шестеро крепеньких, очень красивых щенков.

Однако что еще тут? Информация из облисполкома: правительство РСФСР приняло постановление о сооружении в Калининграде памятника Иммануилу Канту, видимо, это будет воссоздание того памятника, который когда-то стоял в Кенигсберге, изваянный Христианом Раухом.

Информация Авенира Петровича Овсянова о раскопках на месте руин замка "Лохштедт" экспедицией журнала "Шпигель", которая проводится в эти дни. Странная какая-то, таинственная экспедиция, как-то неожиданно нагрянувшая; шестеро молчаливых мужчин, получивших такие полномочия из самих высоких инстанций Москвы, что для раскопок были немедленно выделены саперы и самая лучшая техника одной из воинских частей. Эти люди из "Шпигеля" никому ничего не объясняют, не дают никаких интервью, запрещают фотографировать и делать киносъемку, когда же корреспондент Центрального телевидения Стас Чекалин все же исхитрился снять огромные, отрытые экскаватором ямы, фундаменты замка и "шпигельских" искателей сокровищ, а потом срочно отправил в Москву, его материал был... арестован прямо на аэродроме! Лишь с Овсяновым разговаривают парни из "Шпигеля". Показали ему план замка "Лохштедт", но... "фальшплан", перевернутый зеркально, видимо, чтобы сбить с толку нашего запасника-полковника. "Это лишь разведка, — уверенно говорит Авенир Петрович. — И, кажется, это люди барона Эдуарда Александровича Фальц-Фейна. Помните, когда он тут был осенью, тоже интересовался замком "Лохштедт"?"

Ну вот, дело идет к концу... Мой старый друг Василий Котов прислал радиogramму из знойных экваториальных широт океана: "Завтра будем островах, предстоят обширные работы возле коралловых рифов". Василий уже второй год "морячит" на научном судне, бороздит бывший зампред облизполкома сияющие просторы морей и океанов... Хорошо, что я ему не отдал ту прекрасную раковину, которую мы с ним нашли на рифе у кубинского побережья!.. А вот вырезка из газеты с сообщением, что наконец-то почти всем воинам Красной Армии, погибшим в конце войны на территории Восточной Пруссии, поставлены памятники. Правда, не золотые, не мраморные и гранитные, а бетонные, но все же... И в бывшем лагере под Прейсиш-Эйлау, где умирали русские, поляки и бельгийцы, недавно воздвигнут вполне приличный монумент. Спасибо за это отставному военному моряку, возглавляющему наше Общество охраны памятников истории и культуры, много сил он положил на это, столько, сколько вряд ли смог бы отдать этому делу другой, сугубо гражданский человек. А симпатичный милицейский полковник уволился с поста директора музея, почувствовав, что все же не туда, куда надо, направила его партия...

Домик лесничего Вобзера ремонтируется, думаю, скоро там вновь будет открыт музей Иммануила Канта. Рассматриваются проекты восстановления собора, так хочется надеяться, что настанет день, и в его гулких стенах вновь зазвучат голоса и тяжкие, торжественные вздохи органа...

Эсэсовским кинжалом, полученным от мрачного, громадного, в длинном плаще капрала возле форта "Луиза", я вскрываю письма. Они приходят как-то странно, волнообразно, то нет неделями ни одного, то вдруг сразу несколько. "Простите, что беспокою Вас, но случайно в Вашем поиске не натолкнулись ли Вы на какие-либо сообщения о чучеле лошади "Квагга"? Такие лошади еще в прошлом веке обитали в Африке, но были все уничтожены, и единственное в мире чучело хранилось на биологическом факультете Кенигсбергского университета. *Франц Шнайдер, мой адрес...*" "Мне было десять лет, когда наш папа умер в Кенигсберге страшной голодной осенью сорок пятого года, и мы закопали его в маленьком скверике на Цитхенштрассе. Утром мы увидели, что могила разрыта и труп нашего отца нет. Я вкладываю в конверт пять марок. Пожалуйста, поставьте в кирхе Юдиттен свечу в память нашего дорогого отца... *Луиза Доммелькайн. Кельн*". "После длительных и серьезных размышлений считаю необходимым сообщить Вам следу-

ющее. Я СО ВСЕЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬЮ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ ЗАЯВЛЯЮ, ЧТО ЗНАЮ, ГДЕ НАХОДИТСЯ ЯНТАРНАЯ КОМНАТА (или значительная часть ее) И ИНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ РОССИЙСКИЕ СОКРОВИЩА. Это — ШВЕЙЦАРИЯ, г. ТИССЕН, частное владение. Точный адрес я смогу сообщить после нашей встречи и переговоров. Встреча может произойти в Западном или Восточном Берлине. *С уважением — ЖАК ШНАЙДЕР. г. Кельн*".

"Сообщаю Вам, что у меня ИМЕЕТСЯ ИНФОРМАЦИЯ О МЕСТЕ НАХОЖДЕНИЯ Янтарной комнаты. Информация получена от сына последнего коменданта Кенигсберга, который был ОТВЕТСТВЕННЫМ ЗА ОТПРАВКУ ЯНТАРНОЙ КОМНАТЫ. Если Янтарная комната не найдена, то прошу сообщить мне. *Эстонская ССР, г. Тарту. А. А. Э.*"...

Кажется, что этой истории, этой замечательной ТАЙНЕ ВЕКА не будет конца! Черный Рыцарь бродит... Габка, уютно покряхтывая, лижет своих симпатичных щенков, муж-внук Бандик, Эль Бандито Длуги по паспорту, сонно поглядывает на них и вроде бы улыбается. Итак?

Итак, какой же будет концовка этой несколько затянувшейся истории, тринадцатой главы, ее тринадцатой (на машинке) страницы текста? Что в этих двух письмах, одно из ФРГ, другое — от Овсянова? "Рабочая группа "Церкви Востока" всемирной комиссии Немецкой епископальной конференции... Гроотештрассе, 52, Кельн. К сему прилагается письмо господина Георга Штайна, который, к сожалению, вскоре после этого его письма и моего визита к нему в больницу г. Штарнберга был найден в лесу мертвым. Я не знаю, самоубийство это или убийство. Вечная память ему. *С дружеским приветом магистр д-р Альбрехт Раух, Рагенсбург. 10.06. 1989 г.*"

И письмо Штайна, вот оно.

"Штарнберг, у озера. 7.07.1987 г. Глубокоуважаемый господин доктор Раух! Один из лечащих врачей звонил вам уже. Я сознательно несколько дольше переживал, прежде чем дал о себе знать, так как до начала этой недели находился в шоковом состоянии, и лишь теперь могу снова ясно мыслить, размышлять и планировать. Что же случилось? С декабря 1986 года мне удалось совместно с экспертами ГДР изучить государственные архивы в Потсдаме и Мерзебурге по вопросу Янтарной комнаты.

До 10 апреля 1945 года "ЯК" находилась в охотничьем замке "РАЙНГАРДСБРОНН" под Готой, принадлежавшем герцогу Кобург-Готскому. В ночь с 10 на 11 апреля 1945 года обергруппенфюрер СС доктор КАММЛЕР прика-

зал перевести данный объект в Граслебен-1, в соляную шахту, которая принадлежала Сольвейконцерну, где он был помещен под инвент. номером 16 + 17 в забое на глубине 430 метров, в разработке 3 + 4. При этой транспортировке были незаконно использованы грузовики Швейцарского Красного Креста (Женева), которые находились в распоряжении д-ра МУЗИ. 15.04.45 года Граслебен был занят 9-й армией США, которой командовал генерал Симпсон. Уже 10 мая 1945 года части 9-й армии США вывезли экспонаты Янтарной комнаты через Висбаден — Антверпен в Штаты. 6 апреля 1987 года гессенское министерство культуры в Висбадене сообщило, что все акты, касающиеся этого дела, НЕДОСТУПНЫ ДЛЯ ОЗНАКОМЛЕНИЯ, по поручению Дуайта Эйзенхауэра и по категорическому указанию Пентагона они хранятся в архивах военного департамента.

В дальнейшем было установлено, что с 1957 года существует соглашение между администрацией США и ФРГ, подписанное со стороны немцев д-ром ХАБИЛЕМ А. ГЛОБКЕ и графом СПУКТИ (убитым в 1962 году в Гватемала-Сити), о том, что депоненты 16 + 17 наряду с другими культурными ценностями должны быть задержаны и сохранены как залог мирных переговоров по окончании второй мировой войны.

12.04.87 года я информировал об этой ситуации агентство Дойче Пресс-Агентур (ДПА). 14—15 апреля 1987 года Карин Тобен (ДПА, Люнебург) написала статью. 15.04.87 года в 17.55 об этом кратко сообщила телеграмма АРД — Гамбург: "Сенсационное развитие истории с Янтарной комнатой! Не в США ли она?" В тот же вечер у меня состоялся долгий разговор с главным редактором "Радио-Гамбург". На следующее утро, в Страстную пятницу, я договорился о пресс-конференции с гамбургской газетой "Абендбладет", с "Вельт", "Моргенпост" и "Бильд-цайтунг". Во второй половине дня я поехал со своими сыновьями на обед в кругу их друзей в Гамбург и... пришел в себя утром в пасхальную субботу в отделении интенсивной терапии клиники университета Гамбург-Эппендорф с длинной продольной резаной раной на животе... Мне недвусмысленно заявили, что я сам нанес себе эту рану... Я же сам попал из отделения интенсивной терапии в психиатрическую клинику. Там я был до 16 июня 87 года, затем поехал к барону Фальц-Фейну в Вадуц. Там я объяснил ситуацию, точно описал все происшедшее, сдал один вариант своего письма на сохранение в банк, другой был отправлен в Москву, а третий хранится у "Ф. Ф.". 27

июня я отправился в Линдау, а оттуда в Мюнхен. Вечером 28 июня я хотел встретиться в лесу у Шарнбергского озера с двумя бывшими фюрерами СС из штаба Каммлера. Я поехал туда, но они не появились. Утром 29 июня я пришел в себя в чаще леса с дырой в животе, в течение 6 часов пробирался сквозь кусты, вышел на дорогу и добрался сюда. Но теперь никто не верит ни одному моему слову! На следующей неделе меня выпустят, и я охотно побеседовал бы с вами в Регенсбурге. Мне сейчас нужны утешение и помощь. Позвоните мне, пожалуйста, сюда.

Ваш Георг Штайн".

Выходит, это последнее, предсмертное письмо?

Что же с ним произошло? Его пытались убить? Те, может быть, "фюреры" из штаба Каммлера, тяжело ранили его, а потом, вновь вызвав из клиники, посулив что-то, завлекли в развалины замка и добились?..

Господи, сколько тут скрывается страшных тайн... Что в конверте, полученном от Овсянова? Еще одна Тайна? Ломаю печать, вынимаю небольшой, крупно и четко написанный листок.

"АКТ.

Гор. Кенигсберг, 12 июня 1945 г.

Составлен настоящий акт представителем политуправления фронта гвардии капитаном **ЧЕРНЫШЕВЫМ** и членом бригады Комитета по делам политпросветучреждений подполковником **БРЮСОВЫМ** в том, что: 1. Ими осмотрено помещение на ул. **ЛАНГЕ РАЙЕ**, 4, где находилась **КОЛЛЕКЦИЯ ОБРАЗЦОВ ЯНТАРЯ** и Геологический музей. 2. **ОБА СОБРАНИЯ СОХРАНИЛИСЬ В ДОСТАТОЧНО ХОРОШЕМ СОСТОЯНИИ**. По-видимому, немцами была начата упаковка этих вещей, но прервана в самом начале. В подавляющем большинстве все образцы снабжены этикетками об их происхождении. 3. Надо считать желательными упаковку всех этих ценностей и перевозку их в безопасное место и охраняемое помещение. Собрание образцов янтаря **ВСЕГО МИРА**, как одно из лучших собраний такого рода, подлежит, несомненно, отправке в Москву. 4. Геологическая коллекция, прекрасно систематизированная и довольно обширная, несомненно, представляет большой интерес, но вопрос о ее эвакуации следует решать после запроса Москвы, так как без специалиста нельзя сказать, не является ли эта коллекция дублетной к имеющимся. 5. Упаковка обеих коллекций может быть произведена за 8—10 дней при десяти рабочих.

Подполковник БРЮСОВ".

Вот это да! Эта крупнейшая в мире коллекция янтаря, оказывается, не была вывезена из Кенигсберга, подполковник Брюсов видел ее, осматривал! И, может, действительно держал в своих руках тот кусок окаменелой, прозрачной смолы, из которого на него смотрела древняя ящерка... Образцы янтаря ВСЕГО мира, но где она, эта коллекция, 400—500 ящичков янтаря и минералов, ведь именно столько, надо полагать, могли бы собрать и упаковать за 8—10 дней десять рабочих? Все было здесь, в нашем городе, в июне сорок пятого. Как и шестьдесят ящичков "хорошего фарфора — китайского, берлинского, майсенского, деревянная скульптура XIII—XIV веков, мраморная скульптура Вильде, медали, картины и ценная бронза" — 60 ящичков сокровищ, собранных Брюсовым и его командой в Королевском замке. А мраморные фигуры из-под Даркемена, исчезнувшие в какой-то неведомой черной дыре, вместе с сопровождавшим их капитаном Цирулиным? Куда все подевалось? Расхищено, разграблено? Или, как и книги из библиотеки графа Валленрода, до сих пор лежит в нераспакованных ящиках на каком-то из складов?

Что же получается? Георг Штайн писал о четырех главнейших версиях, выходит, что есть еще одна, очень важная, — ПЯТАЯ ВЕРСИЯ? Хорошо. Пускай будет и еще одна, главная, пятая версия. Будем искать. Сокровища должны принадлежать людям, а не паукам и крысам, они должны быть в светлых залах музеев и картинных галерей, а не в мрачных, сырых и зловонных подземельях...

Кстати: недавно стало известно, что некий гражданин одной из европейских стран, пожелавший пока не открывать своего имени, назначил приз в миллион долларов тому, кто найдет Янтарную комнату. Уж не барон ли это Эдуард Александрович Фальц-Фейн, продолжающий дело, начатое погибшим его другом Георгом Штайном?

М-м-м, как горят ладони, но, кажется, меня от дальнейшей работы отстранили. "Уже слышно, как бьется сердце Иисуса, — сказал на днях Эдуард, прижавшись ухом к дубовому стволу. — Дальше все буду делать сам. Один. А ты можешь стружки собирать"...

Но что это? Я вздрагиваю, смотрю в черное ночное окно: звонок в дверь. Но почему его слышу только я, а мои чуткие собаки, которые обычно с диким лаем несутся в прихожую, почему они спят как ни в чем не бывало? Еще звонок.

Кто это? Беженец из Армении или Азербайджана? Из Прибалтики? Вот еще раз... Или это Вальтер Мюллер, пробившись через все преграды и границы, пробравшись через контрольно-следовую полосу, стоит у двери?..

Содержание

Янтарная волна. Убийство в Мюнхене. Пропавший архив	3
"Золото Балтики". Четвертая ступенька снизу	35
Ночной налет "Возмездие"	73
Графиня скакала на белом коне	101
Пустая могила. Дневник профессора Брюсова	127
Анке из Тарау. Рыцарь, стрела и крест	155
Второй главный свидетель. Черный портфель	183
Кони замка Георгенбург	207
Последнее плавание "Вильгельма Густлова"	235
Очень старая комната. Казна второй армии	269
Сокровища стеклянных ящиков. Замок "Лохштедт"	301
Завещание Георга Штайна. Взрыв на шахте Виттекинд	341
В Страстную пятницу. Пятая версия	371

Юрий Николаевич Иванов

Пятая версия

Заведующий редакцией *В. Е. Вучетич*

Редакторы *В. В. Устенко, Н. М. Жилина*

Художник *Н. В. Усачев*

Художественный редактор *П. В. Меркулов*

Технический редактор *Т. А. Новикова*

ИБ № 8285

Сдано в набор 12.07.90. Подписано в печать 28.12.90. Формат 84 x 108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная.

Усл. печ. л. 20,16. Уч.- изд. л. 22,03. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1186.

Цена 3 руб.

Электронный оригинал-макет подготовлен в издательстве.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография "Красный пролетарий".

103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.